АЗБУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава первая. Пространство, занятое дикарями, обществами застоя и формальной религіи и государствами восточной и западной цивилизаціи.—Разница въ густотѣ населенія.—Сравненіе между густотой населенія въ странахъ восточной и западной цивилизаціи.—Значеніе густоты населенія.—Въ какихъ размѣрахъ западная цивилизація расплодила жизнь. — Ничтожность этихъ размѣровъ. — Варварское ученіе о слишкомъ густомъ населеніи. — Какія средства имѣетъ Англія плодить жизнь, и какъ она ими пользуется. - Можно ли назвать европейскую гражданственность въ строго-научномъ смыслѣ цивилизаціей.—Существовала ли когда-либо цивилизація, сознававшая назначеніе человѣка на землѣ.—До сихъ поръ были только инстинктивныя цивилизаціи, сознательная еще впереди 1

Глава вторая. Результаты столкновенія восточной и западной цивилизаціи, незначительная сила сопротивленія въ восточной цивилизаціи. — Вліяніе французовъ въ Алжирѣ — оно почти такое же, какъ турецкое.—Вліяніе голландцевъ на Явѣ—голландцы оказываются мало лучше магометанъ, они дѣлаются препятствіемъ для труда, а не оплодотворяющимъ его источникомъ. — Европейцы на Явѣ; ихъ интеллектуальныя способности, предпріимчивость и низкій уровень нравственнаго развитія, который разрушаетъ условія ихъ собственнаго счастья. — Прежнее положеніе индостанскаго полуострова, англійское владычество—оно въ окончательномъ результатѣ не было лучше магометанскаго.—Какимъ образомъ это обнаружилось во время возстанія 1857 года.—Почему западная цивилизація, при столкновеніи съ восточной, дала такіе неудовлетворительные результаты. 11

Глава третья. — Какой интересъ представляетъ восточная цивилизація. — Полный застой нравственныхъ понятій въ странахъ восточной и западной цивилизаціи.—Причина этого явленія.—Цивилизація двигалась только въ узкихъ рамкахъ этого застоя.—Исторія Китая въ то время, когда на западѣ процвѣтала семитическая цивилизація.—Изъ среды мелкихъ владѣтелей и родоначальниковъ начинаетъ выдѣляться глава государства.—Почему ложное воззрѣніе на величіе не давало перевѣса ни централизующимъ, ни децентрализующимъ эле-

Стр.

ментамъ?—На что Китай употребилъ тысячи лѣтъ?—Отчаяніе народа, набѣги.—Умственная дѣятельность.—Лао-тсе и Конгъ-фу-тсе.—Умѣренные либералы и крайнее направленіе.—Почему и какимъ образомъ умственное движеніе привело въ Китаѣ къ объединенію государства, къ уничтоженію частнаго землевладѣнія и къ замѣнѣ его государственнымъ.—Сравненіе съ современной ему греческой цивилизаціей 32

Глава четвертая. Государства восточной цивилизаціи.—Уничтоженіе феодальной системы въ Китаѣ.—Интеллигенція не позаботилась измѣнить воззрѣніе народа на величіе, и народъ едва не обращается снова къ варварству; возрожденіе наукъ, демократическое движеніе, уничтоженіе крупнаго землевладѣнія, борьба между учеными и духовенствомъ, несносное положеніе императора.—Окончательный результатъ борьбы—ослабленіе чиновниковъ и духовенства—Періодъ борьбы съ номадами, величіе китайцевъ въ этой борьбѣ.—Китай всасываетъ въ себя и цивилизуетъ лучшіе элементы между дикарями.—Монголы разрушители китайской цивилизаціи, ихъ изгнаніе, династія Мингъ—Манджуры и самая ужасная изъ соціально-демократическихъ революцій, извѣстная въ исторіи, демагоги и тайныя общества.—Революція продолжается почти цѣлое столѣтіе, все высшее общество стараго закала погибаетъ.—Послѣ этого, небывалое въ исторіи умноженіе населенія, населеніе Китая равняется населенію Европы, Америки и Австраліи вмѣстѣ.—Почему этотъ результатъ мотъ быть достигнутъ только постояннымъ терроризмомъ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ.—Китайскія политическія движенія, заговоры и революціи 49

Глава пятая. Государства восточной цивилизаціи.—Элементы китайской жизни, чиновники, чѣмъ ограждается народъ, незначительность государственныхъ расходовъ, бѣдность духовенства, роль религіи въ Китаѣ, второстепенное положеніе военныхъ мандариновъ, преимущества, которыя отсюда вытекали.—Можно доказать, что Китай гуще населенъ, чѣмъ западная Европа, но нельзя доказать, что населеніе это несчастнѣе.—Полезно ли было въ Китаѣ ограниченіе силы силой.—Положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ не располагаетъ къ пріобрѣтенію земель; вліяніе многоженства на ихъ раздробленіе. . . . 75

Глава шестая. Восточная цивилизація.—Результаты мелкаго землевладѣнія, условія жизни работниковъ, наслѣдственныя ремесла, вооруженныя стачки.—Почему китайцы такъ усердно заботятся о своихъ дѣтяхъ, и какое явленіе путешественники принимали за признакъ частыхъ дѣтоубійствъ.—Китайцевъ называютъ—народъ труда.—Характеръ китайской цивилизаціи чисто-восточный—отсутствіе стремленія проникать въ глубину вещей.—По китайцамъ можно судить о результатахъ безсознательной цивилизаціи—она все дѣлаетъ кое-какъ.—Китаецъ не могъ сказать: «не надо бонзъ и храмовъ», и вышло, что онъ ни раціоналистъ, ни человѣкъ формальной религіи.—Ненормальное развитіе мандариновъ и массы населенія 89

Глава седьмая. Западная цивилизація.—Изслѣдованіе и стремленіе къ сознанію есть ея отличительная черта.—Ее нужно обсуждать съ точки зрѣнія степени сознательности, но для этого нужно сначала установить понятіе объ идеальномъ счастьѣ людей.—Работникъ долженъ стремиться не только къ труду, который даетъ вознагражденіе, но и къ полезному труду.—Для этогоему не-

Стр.

обходимо быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ; можетъ ли онъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ? — Для огражденія жизни дѣтей производительный женскій трудъ долженъ уменьшиться. — При нормальномъ направленіи человѣческой дѣятельности будутъ удовлетворяться только необходимыя, но за то всѣ необходимыя потребности. — Понятіе о трудѣ, о необходимомъ и о наслажденіи 99

Глава восьмая. Что такое наслажденіе?—Это есть порожденіе слабости.—Господство нѣги и лѣни есть признакъ самаго низкаго уровня человѣческаго развитія, затѣмъ слѣдуетъ апатическое наслажденіе — зрѣлище, дѣятельное наслажденіе или развлеченіе составляетъ вторую болѣе высокую ступень развитія.—Трудъ это третья еще болѣе высокая ступень, характеристика переходныхъ моментовъ отъ одной къ другой. — Развлеченіе дѣлается болѣе серьезнымъ, обрядная религія, проповѣдь, митингъ. — Работа — развлеченіе, работа серьезная, стремленіе сдѣлать трудъ свой полезнымъ. — Половыя наслажденія—слабость, даже на самомъ низкомъ уровнѣ развитія потребность не заключается въ одномъ животномъ удовлетвореніи.—Развратъ менѣе всего удовлетворяетъ потребности. — Потребность влюбляться приводитъ также къ недостаточному удовлетворенію и быстро низводится на низшую ступень. — Потребность многочисленнаго потомства. — Проявленіе этой потребности у насъ. — Истинная любовь—самая сильная изъ человѣческихъ потребностей и приводитъ къ единоженству. 113

Глава девятая. Два противуположныхъ направленія въ человѣчествѣ — терпимость и насиліе надъ собою и другими. — Ни то, ни другое не приводитъ къ цѣли—къ цѣли приводитъ раціональность.—Борьба этихъ началъ въ области семейной, ея печальный результатъ въ римскомъ обществѣ. — Точно такой же результатъ борьбы въ германскомъ обществѣ.—Какимъ образомъ исторія человѣчества убѣждаетъ, что семейныя чувства созданы для размноженія дѣтей и составляютъ часть инстинктовъ міровой жизни. — Рожденіе дѣтей было всегда радостнымъ происшествіемъ, но потребность сохранять и воспитывать этихъ дѣтей была слаба и постоянно усиливалась, точно такъ же усиливалась потребность въ общественномъ вмѣшательствѣ. — Но опять-таки всякое насиліе неблагопріятно отзывается на развитіи семейнаго чувства и размноженіи дѣтей. — Для этого необходимо размноженіе любви, а любовь убивается насиліемъ и развивается только раціональными воззрѣніями и нравами общества. — Но нормальныя воззрѣнія и нравы невозможны при неравенствѣ состояній. — Сравнительное значеніе человѣческихъ ощущеній для увеличенія человѣческаго счастья. — Инстинкты міровой жизни даютъ болѣе счастья, чѣмъ всѣ другія силы, раціонально направленные инстинкты даютъ максимумъ счастья 128

Глава десятая. Почему любовь въ семействѣ порождается инстинктами міровой жизни.—Родительская любовь не есть порожденіе особаго инстинкта, а сложнаго вліянія физіологической потребности, привычки и общественнаго мнѣнія. — Она существенно отличается отъ семейныхъ наклонностей животнаго, которыя составляютъ результатъ его физіологическихъ отправленій. — Нѣтъ особаго чувства любви къ своимъ дѣтямъ, а существуетъ любовь къ дѣтямъ вообще. — Почему общественное мнѣніе установляетъ ее сначала въ семействѣ; какъ она затѣмъ распространяется на болѣе обширный кругъ? — Ре-

Стр.

зультаты, достигнутые современной цивилизаціей, и ихъ значеніе. — Весь успѣхъ, сдѣланный человѣчествомъ, есть только воробьиный шагъ. — Въ первоначальномъ человѣчествѣ широкое дѣйствіе міровыхъ инстинктовъ, но съ безсмысленно ложнымъ направленіемъ: цивилизація замѣчаетъ это, но вмѣсто того, чтобы его направить на истинный путь, уничтожаетъ его и дѣлаетъ его узкимъ. — Родовая жизнь 142

Глава одинадцатая. Въ родовомъ бытѣ всѣ одинаково участвуютъ въ воспитаніи дѣтей; какъ разрушается родовая связь; начало уединенія—воспитаніе молодого поколѣнія переходитъ отъ рода къ семейству, отъ семейства къ одной матери; возрастающая гуманность не можетъ парализировать вредныхъ послѣдствій уединенія; какъ распредѣляются тягости воспитанія: всѣ они сосредоточиваются на одной шестой части взрослаго населенія, которая въ двѣнадцать разъ болѣе обременена, чѣмъ все остальное. — Почему удовлетворительное воспитаніе дѣтей возможно только при общей жизни.—Почему общая жизнь будетъ возможна только тогда, когда въ ней будутъ участвовать и высшіе слои общества.—Чувства и воззрѣнія кланной жизни; почему тутъ невозможно было нормальное развитіе, образованіе сословій.—Переходъ отъ сословной къ семейной узкости.—Почему высшая каста въ европейскомъ обществѣ строже отдѣлена отъ народа, чѣмъ она была отдѣлена въ индійскомъ, и почему европейцы этого не замѣчаютъ.—Почему чрезъ это въ народѣ невозможенъ нормальный взглядъ на воспитаніе молодого поколѣнія 156

Глава двѣнадцатая. Узкость современныхъ высшихъ классовъ. — Почему общая жизнь неизбѣжна.—Какіе результаты можетъ дать воздержаніе. — Каково то тягостное положеніе многосемейныхъ, которое не можетъ быть устранено никакимъ воздержаніемъ. — Какъ велика должна быть издержка на народное образованіе, и какъ велика вѣроятность до нея достигнуть.—Каковъ будетъ вѣроятный путь прогресса.—Завѣщанія. — Прогрессъ начнется съ измѣненій въ наслѣдственномъ правѣ 169

Глава тринадцатая. Какимъ образомъ человѣкъ вредитъ себѣ узкостью.—Этруски, сабиняне и римляне. — Какимъ образомъ онъ будетъ вредить себѣ узкостью и при болѣе совершенныхъ формахъ жизни; когда онъ избѣгнетъ этого 188

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пространство, занятое дикарями, обществами застоя и формальной религіи и государствами восточной и западной цивилизаціи. — Разница въ густотѣ населенія. — Сравненіе между густотой населенія въ странахъ восточной и западной цивилизаціи. — Значеніе густоты населенія. — Въ какихъ размѣрахъ западная цивилизація расплодила жизнь. — Ничтожность этихъ размѣровъ. — Варварское ученіе о слишкомъ густомъ населеніи. — Какія средства имѣетъ Англія плодить жизнь и какъ она ими пользуется. — Можно-ли назвать европейскую гражданственность въ строго-научномъ смыслѣ цивилизаціей. — Существовала ли когда либо цивилизація, сознававшая назначеніе человѣка на землѣ. — До сихъ поръ были только инстинктивныя цивилизаціи, сознательная еще впереди.

Мы видѣли, что 1.860,000 кв. миль на земной поверхности занято дикарями, населеніемъ застоя и населеніемъ, котораго развитіе задерживается формальною религіею; мы видѣли, что это пространство составляетъ приблизительно шесть седьмыхъ всей суши. На этомъ огромномъ пространствѣ можно считать около 260 милл. населенія, т. е. приблизительно 140 человѣка на каждую квадратную милю. Затѣмъ мы находимъ около 275,000 кв. миль заселенными населеніемъ западной и восточной цивилизаціи. Число жителей тутъ можно полагать приблизительно въ 850 милл., т. е. на квадратную милю приходится около 3,091 человѣка. Оказывается что на каждой квадратной милѣ тутъ живетъ приблизительно въ двадцать два раза болѣе. Изъ этого однаго мы уже можемъ видѣть, каково могло быть населеніе земного шара, если бы его развитіе не задерживалось невѣжествомъ и нравственными причинами. Пространство, занятое населеніемъ восточной цивилизаціи (Китай, Японія, Индія, нѣкоторые малоазійскіе острова, преимущественно Ява), обнимаетъ около 145,000 квадратныхъ миль и имѣетъ населеніе приблизительно 645 милльоновъ. Пространство, занятое населеніемъ западной цивилизаціи, составляетъ около 130,000 кв. миль и имѣетъ населеніе въ 205 милльоновъ. Въ странахъ восточной цивилизаціи на квадратной

милѣ живетъ около 4,450 человѣкъ, а въ странахъ западной цивилизаціи около 1,575 человѣкъ. Мы видимъ, что восточная цивилизація точно такъ же подвергалась уничтоженію, какъ и западная. Китай при этомъ пострадалъ гораздо позже и гораздо сильнѣе, чѣмъ западная Европа. Китайское населеніе въ короткое время было два раза почти совершенно истреблено. Германцы, истреблявшіе европейскую цивилизацію, конечно, были варвары, но все-таки они никогда не были такими бичами человѣчества, какъ монголы и манжуры. Затѣмъ они истребили европейскую цивилизацію разъ и при томъ болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ, а монголы и манжуры сдѣлали тоже нѣсколько разъ и послѣ этого не прошло и нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Въ началѣ XVIII столѣтія населеніе западной Европы было болѣе чѣмъ вдвое значительнѣе населенія Китая. Для обширныхъ пространствъ густота населенія опредѣляется не временемъ, которое люди жили вмѣстѣ, не подвергаясь внѣшнему уничтоженію, и не степенью плодородія почвы и т. д. Первое условіе можетъ имѣть первостепенное значеніе только при очень короткихъ періодахъ, а не тогда когда люди считаютъ время своего сожительства тысячелѣтіями. Второе условіе имѣетъ первостепенное значеніе только при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ пустыняхъ, въ арктическомъ поясѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ густота населенія болѣе всего опредѣляется гуманныхъ отношеніемъ людей между собою. Бездушные и жестокіе люди могутъ жить тысячи лѣтъ другъ возлѣ друга—и населеніе не увеличится. Мы уже указали выше, что причина рѣдкаго населенія въ государствахъ застоя зависѣла исключительно отъ нравственнаго состоянія людей; нетолько природныя условія, но даже степень умственнаго развитія стояла тутъ вполнѣ на второмъ планѣ. Какъ скоро существуетъ разногласіе между гуманностью воззрѣній извѣстнаго народа и густотою его населенія, то равновѣсіе это установляется необыкновенно быстро. Исторія и свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о современномъ состояніи человѣчества, представляютъ такую массу фактовъ для доказательства этой истины, что затрудненіе для яснаго изображенія этого явленія читателю происходитъ не отъ недостатка, а отъ чрезмѣрной массы данныхъ. Кто желаетъ въ этомъ убѣдиться, тому стоитъ, напримѣръ, раздѣлить Африку, Азію и острова Тихаго Океана на нѣсколько обширныхъ территорій и исключить крайній сѣверъ и необитаемые пески и пустыни. Наименѣе густое населеніе онъ найдетъ на обширной территоріи, обнимающей новую Голландію, новую Гвинею, новую Зеландію и острова Тихаго Океана; затѣмъ на еще большемъ пространствѣ, которое будетъ обнимать Африку къ югу отъ Сахары, онъ найдетъ уже гораздо болѣе густое населеніе. Третью территорію, съ еще болѣе густымъ населеніемъ, составятъ острова, расположенные между Индѣйскимъ и Тихимъ Океаномъ (Зондскіе, Молукскіе, Филиппинскіе). Четвертую еще болѣе густонаселенную территорію составятъ мѣстности Азіи и Африки, гдѣ когда-то процвѣтала арабская цивилизація. Приблизительно одинакой съ ними густотой населенія отличается восточный индійскій полуостровъ. Но значительно превосходитъ его густотою западный индійскій полуостровъ, а

выше всѣхъ стоятъ Японія и Китай. Если всѣ эти мѣстности сравнивать по богатству естественныхъ источниковъ, то выйдетъ совершенно другая послѣдовательность—на первомъ мѣстѣ, напримѣръ, будутъ стоять острова, прилегающіе къ юго-восточнымъ берегамъ Азіи. Но если ихъ располагать по степени проявляющейся въ нихъ гуманности, по болѣе или менѣе суровому отношенію сильныхъ къ слабымъ, родителей къ своимъ дѣтямъ, высшихъ къ низшимъ, по большей или меньшей наклонности къ миролюбію и готовности работать для обезпеченія своего семейства, по большей или меньшей симпатіи, которая внушается подобными чувствами,—то градація выйдетъ именно такая. Турокъ—суровый варваръ, однакоже, онъ по чувствамъ своимъ стоитъ гораздо выше начальниковъ надъ африканскими неграми, онъ не способенъ сидѣть на своихъ рабахъ или унизывать границу своихъ владѣній черепами; черные, торгующіе рабами, учили турокъ варварству, которое имъ было совершенно неизвѣстно. Бедуинъ или кабилъ—дикарь, однакоже, онъ имѣетъ уже совершенно другія чувства, чѣмъ ново-зеландецъ и житель острововъ Фиджи. Гуманность японцевъ, по отношенію къ плѣнному Головину, поразила его и заставила оставить объ этомъ слѣдъ въ своемъ сочиненіи. Бо́льшая терпимость, большее уваженіе къ миролюбію и къ труду ставятъ японцевъ, и въ особенности китайцевъ, выше индійцевъ. Трудолюбіе, убѣжденіе въ необходимости отстаивать извѣстныя благопріятныя условія для труда ставитъ индійцевъ неизмѣримо выше населенія, живущаго въ мѣстностяхъ, гдѣ когда-то процвѣтала арабская цивилизація. Въ исторіи связь между густотой населенія и гуманностью еще яснѣе. Стоитъ, напримѣръ, прослѣдить исторію Египта или Сиріи и посмотрѣть, какъ тамъ увеличивалось и уменьшалось населеніе, посмотрѣть, какъ гуманность грековъ способствовала у нихъ густотѣ населенія. Въ странахъ, гдѣ быстро развился сильный порывъ гуманности, мы видимъ иногда, что населеніе увеличивается и тогда, когда гуманность уменьшается, но это можетъ быть только тогда, когда населеніе было рѣдко, а гуманность все еще будетъ достаточно велика, чтобы при ней могло существовать болѣе густое населеніе; въ подобныхъ случаяхъ увеличеніе населенія скоро находило свой предѣлъ.

Если это справедливо, если между густотою населенія и гуманностью существуетъ такая связь, то насъ не можетъ не поражать тотъ фактъ, что восточная цивилизація расплодила гораздо болѣе густое населеніе, чѣмъ западная. Причины этого факта заслуживаютъ самаго серіознаго разсмотрѣнія. Самолюбіе западной цивилизаціи можетъ возмущаться этимъ сравненіемъ и для своего оправданія толковать явленія вкривь и вкось, но это до насъ не касается. Фактъ этотъ все таки насъ поражаетъ и мы постараемся подойти къ нему ближе; прежде всего мы постараемся точнѣе опредѣлить, сравнительно съ государствами застоя, заслугу, которую оказала западная цивилизація, распложая жизнь на землѣ. Марокская имперія считается одной изъ самыхъ отсталыхъ мѣстностей застоя, пустыни Сахары дѣлаютъ безплодными части ея территоріи, и конечно мы не поступимъ несправедливо, если мы густоту

населеніи Марокской имперіи примемъ за тотъ уровень, выше котораго западная цивилизація должна была расплодить населеніе, чтобы считать это для себя заслугою. Въ Марокской имперіи считается около 800 человѣкъ на квадратной милѣ (пространство 10,700 кв. миль, населеніе до 9 мил.), посмотримъ, какъ велико то пространство, на которомъ въ странахъ западной цивилизаціи живетъ болѣе 800 человѣкъ на квадратной милѣ. Во всѣхъ частяхъ свѣта пространство, гдѣ живетъ болѣе 800 человѣкъ западно-европейскаго происхожденія на каждой квадратной милѣ, составляетъ 58,955 кв. миль съ населеніемъ въ 189,048,443 человѣка, по 3,207 человѣкъ на кв. миль. Во первыхъ мы видимъ, что пространство, на которомъ восточная цивилизація расплодила густое населеніе, почти втрое значительнѣе, и на этомъ втрое болѣе значительномъ пространствѣ населеніе все таки гуще. Часть земной поверхности, на которой западно-европейская цивилизація расплодила столь густое населеніе, что она можетъ считать это уже прогрессомъ надъ государствами застоя, составляетъ приблизительно одну сороковую суши. Нельзя сказать, чтобы это была такая заслуга по отношенію къ человѣчеству, которая давала бы западнымъ европейцамъ право особенно этимъ хвалиться, но все таки это заслуга несомнѣнная. Если-бы западная европейская цивилизація сознавала назначеніе человѣка плодить жизнь на землѣ, если бы она ставила это для себя серіозною цѣлью, понимала, что̀ она сдѣлала и какъ много ей еще остается сдѣлать, то къ ней и къ этому ея стремленію можно было бы относиться не иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ и съ глубокой симпатіей. При такомъ условіи я бы никогда не рѣшился говорить объ ней такимъ языкомъ, какимъ я буду говорить теперь. Но мы видимъ совсѣмъ другое: западно-европѣйская цивилизація, по видимому, не сознаетъ ни задачи, которая на ней лежитъ, ни трудностей, съ которыми сопряжено выполненіе этой задачи; напротивъ, ей кажется, что она сдѣлала уже слишкомъ много, что пора ей уже начать разрушать часть того, что ею произведено. Знаменитый Мальтусъ, а за нимъ большинство ея ученыхъ единогласно кричатъ о слишкомъ густомъ населеніи, которое гдѣ то, будто бы, въ Европѣ существуетъ, что нужно принимать мѣры, чтобы жизнь не слишкомъ размножалась на землѣ. Подумаешь, что читаешь сочиненія ученаго сословія, вышедшаго изъ среды какихъ нибудь..... Какихъ нибудь ..... я отказываюсь сдѣлать сравненіе!..... Ждешь съ каждымъ днемъ, что явится какой нибудь великій европейскій философъ, который будетъ предлагать европейцамъ изъ подражанія ацтекамъ ѣсть маленькихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что одинъ великій философъ уже доказалъ европейцамъ, что животныхъ можно ѣсть потому, что это доставляетъ кушающему животное болѣе удовольствія, чѣмъ смерть доставляетъ животному страданія. Жизнь ребенка бѣдныхъ родителей доставляетъ ему одни страданія, скушать его двойная выгода—его избавимъ отъ страданій, а приготовивъ его къ роскошному столу, доставимъ большое удовольствіе джентельменамъ съ утонченнымъ вкусомъ, которые будутъ каждый кусокъ заливать шампанскимъ и назидательными и учеными бѣсѣдами о пользѣ уменьшенія

населенія. Я бы никогда не рѣшился высказать такое опасеніе, если бы къ крайнему моему прискорбію, я не могъ указать на извѣстнаго ученаго Риля, который поощрялъ плодоизгнаніе,—отъ плодоизгнанія до людоѣдства одинъ шагъ. Я не буду скрывать отъ читателя глубокой грусти и стыда, съ которыми я произношу эти слова. Я понимаю, что я причиняю ему точно такую же жгучую боль, но что же дѣлать, нельзя же скрывать истину. Они говорятъ, что при современныхъ условіяхъ конкуренціи, быстрое увеличеніе населенія до того понизитъ заработную плату, что все рабочее населеніе будетъ въ крайне тягостномъ положеніи. Но развѣ въ этомъ случаѣ нужно нападать на увеличеніе населенія? Нужно нападать на условія конкуренціи, которыя слѣдовательно мѣшаютъ людямъ исполнять свое назначеніе. Производство безконечно,—чѣмъ больше будетъ число людей, занимающихся въ извѣстной мѣстности промышленнымъ производствомъ по сравненію съ земледѣльцами, тѣмъ большимъ благосостояніемъ должно пользоваться все населеніе при правильномъ распредѣленіи богатствъ. Причина не требуетъ объясненія: если изъ десяти работниковъ восемь производятъ пищу и только двое удовлетворяютъ другимъ потребностямъ, то потребности эти будутъ гораздо хуже удовлетворены, чѣмъ если двоихъ будетъ достаточно для производства пищи, а восемь человѣкъ получатъ возможность заниматься удовлетвореніемъ другихъ потребностей. Но конечно, если изъ этихъ 10 человѣкъ 7 будутъ удовлетворять потребностямъ одного, а только трое потребностямъ остальныхъ девяти, какъ это дѣлается теперь въ западной Европѣ, то дѣло приметъ совсѣмъ другой видъ. При господствѣ рабства или такой крупной собственности и такихъ консервативныхъ элементовъ, какіе господствуютъ въ Испаніи и южной Португаліи, невозможно и такое густое населеніе, какое существуетъ въ средней Европѣ. Но развѣ въ этомъ случаѣ нужно нападать на густоту населенія, а не на рабство и гнетъ консервативныхъ элементовъ? Въ юго-западной Америкѣ приходилось 53 человѣка на квадратную милю, но гаучо по Урогваю нашли, что это для нихъ несносно густое населеніе. По чувствамъ своимъ, они были такіе грабители, что жить имъ въ такой близости другъ отъ друга было совершенно невыносимо? Хотя они старались строить свои мазанки на высокихъ мѣстахъ, чтобы издали можно было замѣчать являющихся угонять скотъ и грабить жилища, но это мало помогало, они жили въ постоянномъ безпокойствѣ и наконецъ, лишившись терпѣнія, ополчились другъ на друга истребительной войной, чтобы уменьшить невыносимо густое для нихъ населеніе; они дѣйствительно избили и окончательно уничтожили рядъ населеній на Урагваѣ, населеніе сдѣлалось рѣже и жизнь болѣе сносною. Гаучо разсуждали совершенно точно такъ же, какъ европейскіе ученые и были именно настолько же правы. Но развѣ человѣкъ съ нравственнымъ чувствомъ можетъ симпатизировать такимъ разсужденіямъ, развѣ ему не естественно будетъ сказать, что тутъ нужно было проповѣдывать противъ грабительскихъ наклонностей гаучо, а не противъ чрезмѣрной густоты населенія? Неужели дѣйствительно тутъ нужно уменьшать населеніе, а не обуздывать гаучо? логическій выводъ

изъ ученій западно-европейскихъ ученыхъ долженъ быть въ пользу уменьшенія населенія. Конечно можетъ случиться, что при скудности почвы и недостаточномъ развитіи сельскаго хозяйства, страна не будетъ въ состояніи производить достаточно пищи, чтобы удовлетворить потребностямъ населенія извѣстной густоты, но очень нетрудно сказать, какъ люди должны поступать въ такомъ случаѣ, исполняя свое назначеніе плодить жизнь на землѣ. Подобное условіе можетъ явиться только при очень густомъ населеніи, а при такомъ населеніи общество можетъ располагать большимъ числомъ рукъ и ему будетъ очень легко создать такія перевозныя средства, при которыхъ обрѣменительный излишекъ населенія можетъ постоянно перевозиться въ многоземельныя страны, гдѣ онъ будетъ плодить жизнь и воздѣлывать почву, остающуюся безъ обработки, его можно перевозить въ мѣстности съ рѣдкимъ и въ промышленномъ отношеніи неразвитымъ населеніемъ, — они будутъ тамъ плодить благосостояніе и промышленное развитіе. Въ Англіи и Вельсѣ 7,785,000 работниковъ получаютъ 1783 мил. руб. сер., т. е. 229 рублей каждый. Затѣмъ 2,053,000 человѣкъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, получаютъ 2,850 мил. руб. Если мы опредѣлимъ необходимое для удовлетворенія ихъ потребностей, нетолько сообразно тому, что получаетъ средній работникъ, по среднему уровню заработанной платы, и даже не сообразно съ среднимъ уровнемъ высшаго разряда англійскихъ рабочихъ, но назначимъ для этого заработокъ высшаго класса въ этомъ высшемъ разрядѣ, то окажется, что высшій классъ въ высшемъ разрядѣ такъ называемыхъ искусныхъ (skilled) работниковъ, зарабатываетъ въ среднемъ уровнѣ около 500 руб. въ годъ. Эти работники нетолько могутъ удовлетворять необходимымъ своимъ потребностямъ, могутъ заводить библіотеки и проч., но они могутъ дѣлать порядочную экономію. При такомъ условіи для удовлетворенія потребностей 2,053,000 англичанъ высшаго сословія, окажется необходимымъ 1,026,500,000 руб. Затѣмъ они могутъ располагать еще болѣе чѣмъ 1823 милльонами для того, чтобы плодить жизнь на землѣ. Если бы англичане захотѣли, чтобы населеніе у нихъ вовсе не увеличивалось, то для этого имъ необходимо было бы переселять въ годъ 52,000 семействъ, число переселенцевъ имъ нужно было бы увеличить на 38,000 семействъ. Если переселеніе и водвореніе каждаго семейства будетъ стоить тысячу рублей, то это составитъ 38,000,000 рублей въ годъ. Это будетъ одна сорокъ восьмая часть тѣхъ средствъ, которыми Англія ежегодно располагаетъ для распложенія жизни на землѣ. Но высшее англійское сословіе, имѣя эти средства въ безотчетномъ своемъ распоряженіи, употребляетъ ихъ не для міровыхъ цѣлей, не для распложеніе жизни на землѣ, а на то, чтобы пропивать ихъ на шампанскомъ, чтобы нѣсколько разъ въ годъ мѣнять мебель въ своей квартирѣ, чтобы заводить себѣ роскошные экипажи и проч.; однимъ словомъ, ввѣренные имъ въ безотчетное распоряженіе природою и общественнымъ устройствомъ силы, они употребляютъ такъ, какъ бы могъ ихъ употребить и самый неразвитый человѣкъ. Чтобы употреблять вещи для міровыхъ цѣлей, нужно нѣкоторое

развитіе и совершенство, но чтобы употреблять ихъ для удовлетворенія искусственнымъ потребностямъ, не нужно никакого, такое употребленіе изъ нихъ можетъ сдѣлать и послѣдній негодяй. Всѣ инстинкты міровой жизни имѣютъ у нихъ такое ложное направленіе, какъ въ тѣхъ обществахъ, которыя мы разсматривали выше, они точно такъ же возвышаются въ общественномъ мнѣніи вредной дѣятельностью и почти только одной вредной дѣятельностью. Вотъ почему оказывается, что англійское общество не можетъ нормально развиваться и плодить жизнь въ достаточныхъ размѣрахъ, хотя очень нетрудно видѣть, что она имѣетъ для этого громадныя средства и средствамъ этимъ она даетъ не серьезное, но самое странное употребленіе. Самое жалкое впечатлѣніе при этомъ, конечно, производитъ то, что учители англійской интеллигенціи, ея великіе ученые, постоянно своими ученіями поддерживаютъ ее въ этомъ образѣ дѣйствія. Европейскіе ученые не говорили, что нравственный уровень высшаго, цивилизованнаго общества западно-европейской цивилизаціи такъ низокъ, что быстрое развитіе населенія чрезъ это дѣлается невозможнымъ, они даже не подозрѣвали, что подобное общество неспособно исполнять сознательно самую первую свою обязанность; но, считая узкость этого общества фактомъ совершенно нормальнымъ, они провозглашали, что европейская цивилизація сдѣлала уже слишкомъ много для увеличенія населенія. Забывъ, что пять шестыхъ земли еще не заселены, что они ждутъ того времени, когда явится народъ, воспитанный въ началахъ истинной сознательной цивилизаціи и заселитъ ихъ, они порождали нравственныхъ уродовъ, которые способны были ради устройства въ своемъ домѣ роскошнаго камина забыть великую свою задачу — плодить жизнь на землѣ. Они находили нужнымъ убѣждать людей воспитывать возможно меньшее число дѣтей, чтобы не расплодить бѣдное и больное населеніе. Нетолько человѣкъ самый неученый, но даже безграмотная женщина можетъ очень легко убѣдиться, что жизнь новорожденнаго ребенка вещь такая хрупкая, что онъ самъ собою умираетъ при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ; и даже тогда, когда человѣкъ будетъ удовлетворять своимъ половымъ потребностямъ тотчасъ, когда онѣ у него явятся, безъ всякаго стѣсненія, населеніе будетъ увеличиваться именно только на столько, на сколько это допускается степенью нравственнаго развитія въ людяхъ. Мы видимъ, что въ русскихъ промышленныхъ губерніяхъ при рѣдкомъ населеніи, оно увеличивается медленнѣе, чѣмъ въ англійскихъ промышленныхъ округахъ, не смотря на то, что у насъ въ промышленныхъ губерніяхъ женятся тотчасъ по достиженіи возмужалости, а въ Англіи сильно воздерживаются; въ Англіи болѣе родится дѣтей тамъ, гдѣ болѣе холостяковъ. Наконецъ, мы видимъ, что у насъ въ купеческомъ сословіи дѣтей умираетъ болѣе, и населеніе увеличивается медленнѣе, чѣмъ между англійскими рабочими. Это убѣждаетъ насъ, что увеличеніе населенія зависитъ даже не отъ размѣровъ средствъ, а прямо отъ степени нравственнаго развитія людей, отъ того, насколько они умѣютъ и желаютъ сохранять жизнь и развивать силы ребенка. Воспитать ребенка—и въ особенности трехъ, четырехъ, или пять человѣкъ дѣ-

тей — дѣло трудное, громадное большинство отцовъ и матерей тяготятся этимъ, и наоборотъ—удовлетворять своему сладострастію и не имѣть дѣтей или, породивъ ихъ, отправлять небрежнымъ обращеніемъ на тотъ свѣтъ, нисколько не отягощая своей совѣсти,—дѣло самое легкое. На свѣтѣ живутъ милльоны брачныхъ паръ, которыя вполнѣ и постоянно удовлетворяютъ своему сладострастію и все-таки распоряжаются такъ, что не имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, не вскармливаютъ дѣтей. Холостяковъ, которые дѣйствуютъ такимъ же образомъ, неменѣе женатыхъ; статистическія данныя показываютъ намъ, что они въ цѣлыхъ странахъ составляютъ третью часть взрослаго населенія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что есть страны, гдѣ двѣ трети взрослаго населенія распоряжаются такъ, что сладострастіе ихъ вполнѣ удовлетворено, а между тѣмъ они избавляютъ себя отъ обязанности имѣть чрезъ это и воспитывать дѣтей. Имѣть и воспитывать дѣтей, это великое удовольствіе, но удовольствіе такого же рода, какъ наслажденія интеллектуальной дѣятельности и проч.; для того, чтобы его ощущать, нужно пройдти болѣе или менѣе тягостный путь развитія, чтобы человѣкъ рѣшался его пройдти, общественное мнѣніе должно поощрять его къ этому всѣми своими силами и презирать малодушнаго, не рѣшающагося пройдти первое время тягостнаго развитія. Дѣйствовать иначе, это достойно только готентота. Какъ скоро ребенокъ умретъ, то въ большей части случаевъ никто въ мірѣ не будетъ въ состояніи сказать, умеръ онъ отъ небрежнаго обращенія или отъ слабости своего организма; если брачная пара не имѣетъ дѣтей или имѣетъ только одного ребенка, никто въ мірѣ не будетъ въ состояніи рѣшить, порожденъ этотъ фактъ искусственно или естественно. Говорить съ научной точки зрѣнія противъ увеличенія населенія, это точно такъ же вредно, какъ проповѣдовать людямъ, что они не должны заботиться о благахъ земныхъ,—первое поощряетъ дѣтоубійство и разрушаетъ существо семейнаго начала настолько же, на сколько второе поощряетъ лѣнь,—трудиться для человѣка неразвившагося также трудно, какъ и воспитывать дѣтей. Мы видѣли, какіе результаты породила проповѣдь учителей формальныхъ религій, если великіе западно-европейскіе ученые, проповѣдовавшіе о вредѣ увеличенія населенія, не обратили Европы къ тому же варварству, до котораго дошла Испанія въ XVII вѣкѣ, то это произошло только отъ того, что они, по счастью для человѣчества, имѣли несравненно менѣе вліянія, чѣмъ испанское духовенство. Желаніе имѣть дѣтей, любить и воспитывать ихъ, это болѣе сильный стимулъ для трудолюбія, и въ особенности для порядочности, чѣмъ любовь къ земнымъ благамъ, и при равномъ вліяніи великіе западно-европейскіе ученые сдѣлали бы болѣе вреда, чѣмъ испанское духовенство. Любовь къ дѣтямъ, это великій стимулъ, но который зато же развивается позднѣе другихъ; отсутствіе этого стимула составляетъ, какъ уже сказано выше, главную причину, почему у дикарей и номадовъ населеніе не развивается и почему они не работаютъ; чтобы онъ развился прямо, необходима цивилизація. Оцѣните же послѣ этого поступокъ западно-европейскихъ ученыхъ! Въ исторіи существуетъ только одно явленіе, ко-

торое можетъ быть съ этимъ сопоставлено, это проповѣдь великихъ греческихъ ученыхъ, которые защищали идею рабства, но зато же эти жалкіе защитники плантаторовъ по справедливости заслужили себѣ въ этомъ случаѣ проклятіе потомства, чрезъ ихъ грубую безнравственность рабство удержалось, по крайней мѣрѣ, тысячу лѣтъ лишнихъ! Можетъ быть мнѣ скажутъ, что несправедливо осыпать такими черствыми упреками людей, которые искренно желали говорить истину и впадали въ ошибки только чрезъ предразсудки своего вѣка. Я понимаю, что вслѣдствіе предразсудковъ и низкаго уровня нравственнаго развитія, которые господствуютъ въ извѣстномъ вѣкѣ, ученый можетъ не находить средствъ къ исправленію извѣстнаго общественнаго зла, но тогда онъ долженъ молчать объ этомъ, а не защищать зло. Если же онъ имѣетъ такъ мало нравственнаго чутья, что онъ не понимаетъ, что это зло, тогда онъ долженъ вовсе не писать, опасаясь уронить нравственное достоинство и уваженіе къ наукѣ, онъ никогда не долженъ забывать, что бездушныя и раболѣпныя ученія, распространяемыя свѣтилами науки, не разъ уже внушали народу ненависть и отвращеніе и къ наукѣ, и къ ученымъ, заставляли его кидаться въ объятія какихъ-нибудь варваровъ-завоевателей или фанатическаго духовенства и погубили нѣсколько цивилизацій. Всякій, кто понимаетъ, что популярность науки—это единственный путь, которымъ народы могутъ цивилизоваться, обязанъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать всѣми средствами, не жалѣя мелкаго самолюбія научныхъ свѣтилъ и заѣдающихъ умственную жизнь педантовъ. Конечно, подобную рѣзкость очень легко употреблять некстати, по ничтожному поводу, тогда научная полемика сдѣлается грубой и приметъ характеръ ругатни, но это будетъ не моя вина, а вина тѣхъ, которые допустятъ подобное злоупотребленіе. Если правительство употребитъ войско для защиты цивилизаціи противъ набѣга монголовъ, и при этомъ перебито будетъ много людей, то, не смотря на эти убійства, оно все-таки поступило правильно; но, распоряжаясь тѣмъ же войскомъ, оно можетъ начать войну ради ничтожнаго повода. Еслибы я сказалъ что-нибудь столь же вредное и способное сдѣлать науку непопулярною въ народныхъ массахъ, и еслибы, въ интересахъ популярности науки, мнѣ бы пришлось выслушать такіе же упреки, то я счелъ бы это достойнымъ наказаніемъ за мое нравственное неразвитіе, тутъ нечего болѣе дѣлать, ученые должны показывать народу какое сильное негодованіе возбуждаютъ въ нихъ крайне бездушныя ученія, иначе они рискуютъ популярностью науки и цивилизаціей своего вѣка.

Послѣ этого слѣдуетъ еще задать себѣ вопросъ, можно ли западноевропейскую гражданственность въ строго научномъ смыслѣ назвать цивилизаціей? Можно ли назвать въ строго научномъ смыслѣ цивилизованнымъ человѣка, который не имѣетъ даже перваго понятія о назначеніи человѣческомъ на землѣ и который поэтому никогда не могъ думать о томъ, какими путями ему слѣдуетъ выполнять это назначеніе? Всякій читатель, я полагаю, чувствуетъ, какой отвѣтъ долженъ невольно послѣдовать на подобный вопросъ; всякій, кто не имѣлъ бы въ виду защитить

въ этомъ случаѣ самолюбіе западно-европейской гражданственности, отвѣтилъ бы прямо, что человѣкъ, до того неразвитый, что онъ не понимаетъ даже назначенія человѣка на землѣ, не можетъ быть названъ цивилизованнымъ, потому что онъ можетъ дѣйствовать только инстинктивно, какъ животное, но не можетъ дѣйствовать сознательно. Западно-европейское ученіе о слишкомъ густомъ населеніи ясно доказываетъ, что люди этой гражданственности вовсе не понимаютъ, чѣмъ человѣкъ отличается отъ животнаго и какое у него, по сравненію съ другими животными, особое назначеніе; болѣе ясное доказательство не могло бы и существовать. Понимать, что человѣкъ долженъ плодить людей, а не мѣшать ихъ размноженію—это самое первое проявленіе сознательности въ этомъ случаѣ. Инстинкты человѣка таковы, что это для него самое близкое и доступное. Лишь только онъ сознаетъ свое назначеніе, онъ рѣзко отличитъ себя отъ своихъ предшественниковъ, жившихъ одной инстинктивной жизнью, тѣмъ, что онъ будетъ уже совершенно неспособенъ сказать, что уменьшать населеніе или мѣшать его развитію хорошее дѣло. На этомъ пути это точно такъ же первый шагъ, какъ неодолимое отвращеніе къ человѣческимъ жертвамъ есть первый шагъ къ уничтоженію суевѣрія, отъ этого шага до полнаго паденія суевѣрія еще очень далеко. Послѣ того, какъ человѣкъ пойметъ, что онъ долженъ не мѣшать развитію населенія, а плодить людей, ему придется еще много дѣлать усилій прежде, чѣмъ онъ пойметъ искусство плодить счастливыхъ людей и, наконецъ, наибольшіе размѣры жизни на землѣ. Конечно, если мы будемъ разсматривать всѣ предшествующія цивилизаціи, сравнивать западную цивилизацію съ восточной, то во всѣхъ этихъ случаяхъ мы найдемъ точно такое же отсутствіе сознанія, мы увидимъ, что каждый разъ человѣкъ тутъ шелъ къ усовершенствованію ощупью; своими успѣхами онъ былъ обязанъ или природной мягкости своего характера, или наклонности къ миролюбію и интеллектуальному развитію. Ни разу мы не видимъ, чтобы человѣкъ сознательно поставилъ себѣ цѣль плодить жизнь на землѣ и систематически шелъ къ осуществленію этой цѣли, каждый разъ онъ какъ бы невольно достигалъ цивилизаціи, гоняясь за совершенно другимъ. Это другое, лишнее и вредное стояло всегда на первомъ планѣ, а цивилизація только на второмъ. Во многихъ обществахъ духовенство защищаетъ мягкіе нравы, чтобы привлечь на свою сторону народъ, подчинить себѣ военное сословіе и жить въ роскоши и развратѣ; роскошь и развратъ его истинная цѣль, цивилизація является только паразитомъ этого стремленія и поглощается имъ; въ Египтѣ и Вавилонѣ цѣль государей—завоеванія, блескъ и роскошь двора; у афинянъ, римлянъ, карфагенянъ цѣль, чтобы изъ своего города сдѣлать могущественное государство и высасывать отовсюду богатства,—цивилизація при этомъ порождается невольною борьбою партій. Македоняне, арабы хотятъ завоеваній, хотятъ величія—и плодятъ цивилизацію, какъ средство унизить сосѣдей и возвыситься надъ ними. Въ западной Европѣ и Америкѣ государи думали только о своемъ могуществѣ и о блескѣ двора, высшіе классы только о томъ, какъ бы возвыситься другъ надъ другомъ роскошью и комфортомъ,—

цивилизація явилась паразитомъ борьбы ради этихъ цѣлей, она такъ же мало имѣетъ корней въ сердцахъ людей и такъ же не прочна, какъ всѣ ей предшествовавшія. Цивилизація въ строго научномъ смыслѣ, цивилизація сознательная, дѣло еще не бывалое, она впереди.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Результаты столкновенія восточной и западной цивилизацій, незначительная сила сопротивленія въ восточной цивилизации. — Вліяніе французовъ въ Алжирѣ—оно почти такое же, какъ турецкое.—Вліяніе голландцевъ на Явѣ—голландцы оказываются мало лучше магометанъ, они дѣлаются препятствіемъ для труда, а не оплодотворяющимъ его источникомъ. — Европейцы на Явѣ, ихъ интеллектуальныя способности, предпріимчивость и низкій уровень нравственнаго развитія, который разрушаетъ условія ихъ собственнаго счастья. — Прежнее положеніе индостанскаго полуострова, англійское владычество — оно въ окончательномъ результатѣ не было лучше магометанскаго.—Какимъ образомъ это обнаружилось во время возстанія 1857 года.—Почему западная цивилизація при столкновеніи съ восточной, дала такіе неудовлетворительные результаты.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Послѣ того сравненія, которое мы сдѣлали между густотою населенія, въ предѣлахъ восточной и западной цивилизацій, интересно взглянуть на то вліяніе, которое имѣли другъ на друга народы этихъ двухъ цивилизацій тамъ, гдѣ они сталкивались. Прежде всего во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ насъ поражаетъ незначительная сила сопротивленія, которую обнаруживали народы восточной цивилизаціи и поразительная легкость, съ которой они подчинялись европейцамъ. Это обличаетъ самыя характеристическія черты восточной цивилизаціи. Цивилизація эта прежде всего порождалась только тамъ, гдѣ какимъ-бы то ни было способомъ, посредствомъ обычаевъ и различныхъ вліяній во всѣхъ классахъ народа, распространены были миролюбіе и наклонность къ труду; уваженіе къ воинамъ и военнымъ доблестямъ отступало на второй и наконецъ на послѣдній планъ. Наклонности эти до того укоренялись, что управлять этими народами было весьма легко, войска было мало и оно было поставлено, по большей части, ниже гражданской власти. Обходиться безъ помощи военной силы считалось верхомъ политическаго искусства, но для этого нужно было, чтобы населеніе было довольно и не чувствовало себя отягощеннымъ. Подати были сравнительно незначительны и взимались вяло. То, что взималось, едва было достаточно для издержекъ двора

и для содержанія чиновниковъ, которыхъ число уменьшалось по возможности. Такимъ образомъ дисциплинированный и привыкшій къ повиновенію народъ тратилъ на свое управленіе и на военную силу замѣчательно мало, но за тоже это управленіе было такъ слабо, что оно нетолько не могло защищать государство противъ нападенія гораздо болѣе малочисленнаго народа, оно не могло подавлять возстаній, имѣвшихъ въ началѣ даже ничтожные размѣры; мало этого, оно никогда не могло доставлять обществу достаточную защиту противъ шаекъ воровъ и разбойниковъ и безпрерывно должно было входить съ ними въ сдѣлки. Если сравнить государства восточной цивилизаціи съ восточными государствами застоя, то очень легко понять, какимъ образомъ они дошли до такой политики — это былъ единственный путь, которымъ могло развиваться въ нихъ цивилизованное, промышленное и многочисленное населеніе. Всякое усиленіе государства привело-бы къ тому, къ чему оно приводило вездѣ въ государствахъ застоя — могущественное военное сословіе высосало бы изъ народа всѣ силы, расплодило-бы бѣдность и варварство. Если мы эти государства сравнимъ съ государствами западно-европейской цивилизаціи, то мы найдемъ, что послѣднія не могутъ имѣть такого же густого населенія именно потому, что они высасываютъ силы населенія многочисленными и дорого стоющими арміями и войнами. Кромѣ того эти арміи даютъ высшимъ классамъ общества большую силу и чрезъ это возможность сосать народъ соціальнымъ путемъ. Мы уже видѣли, какъ дѣйствовали испанцы и португальцы въ столкновеніи съ народами, не пранадлежавшими къ кругу западно-европейской цивилизаціи; но мы не включали ихъ самихъ въ составъ цивилизованной семьи. Рядомъ съ ними живутъ французы — это уже безъ всякаго сомнѣнія и члены и двигатели западно-европейской цивилизаціи. Самая замѣчательная и многолюдная ихъ колонія Алжиръ. Каково-же было ихъ вліяніе на эту страну? Первое, что намъ кидается въ глаза, это та страсть къ пріобрѣтенію и къ притѣсненію, которую они разжигали въ сердцахъ арабской аристократіи. Мы вовсе не видимъ, чтобы они прививали имъ серьезныя и нравственныя чувства, серьезное сознаніе человѣческаго назначенія и стремленіе ему слѣдовать. Молодыхъ аристократовъ они привозили въ Парижъ, знакомили ихъ съ европейской роскошью, разжигали въ нихъ страсть къ этой роскоши, и, возвратившись домой, тѣ употребляли всю хитрость своего ума, чтобы придумать новыя средства притѣснять и выжимать сокъ изъ своего народа. Такое настроеніе привело къ тому, что поля въ Алжирѣ запускаются, и сельское населеніе въ ужасномъ состояніи. Земледѣльцы (каме) такъ бѣдны, что они не имѣютъ никакихъ средствъ воздѣлывать свои участки безъ посторонней помощи,—феллахъ или арендаторъ даетъ имъ для этого сѣмена, но и затѣмъ земледѣлецъ не въ состояніи себя содержать, поэтому тотъ же феллахъ даетъ ему деньги, необходимыя для его существованія до жатвы. При такой бѣдности, земледѣлецъ конечно не можетъ сдѣлать свою землю плодоносною, поэтому въ странѣ, которая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ славилась баснословнымъ плодородіемъ, кото-

рая даже при самой неблагопріятной обстановкѣ, въ горахъ, могла содержать населеніе болѣе густое, чѣмъ Франція теперь, не смотря на южную силу почвы, урожаи втрое незначительнѣе европейскихъ, съ урожаями государствъ восточной цивилизаціи нѣтъ и сравненія. Этимъ скуднымъ урожаемъ тотчасъ же завладѣваетъ феллахъ, онъ сначала беретъ обратно свои сѣмена, затѣмъ вознаграждаетъ себя за то, что онъ давалъ земледѣльцу впередъ на пропитаніе, наконецъ, изъ остального онъ четыре пятыхъ беретъ себѣ и только одну пятую оставляетъ земледѣльцу. Не надо забывать, что вся отвѣтственность и весь рискъ при обработкѣ полей лежитъ на земледѣльцѣ, если онъ боленъ, онъ нанимаетъ другого, который бы его замѣнилъ въ работѣ. Немудрено себѣ представить, какую скудную и жалкую жизнь долженъ вести этотъ несчастный труженикъ— онъ ѣстъ такъ мало, что разсказы о томъ, чѣмъ онъ можетъ поддерживать свою жизнь, кажутся не вѣроятными, онъ даетъ случай наблюдать замѣчательный фактъ, что угнетенный человѣкъ можетъ питаться такой дурной пищей, которая неспособна поддерживать жизнь даже у животнаго. Пища, которая обыкновенно дается только самымъ невзыскательнымъ животнымъ, составляетъ для алжирскаго земледѣльца даже лакомство, напр. жолуди, варварійскія фиги (glands doux, figues de barbarie). Положеніе земледѣльца здѣсь хуже, чѣмъ въ Персіи. Смертность въ странѣ между мѣстнымъ населеніемъ такая ужасная, что подобное явленіе составляетъ величайшую рѣдкость, даже въ государствахъ застоя. Славившееся своимъ трудолюбіемъ маврское населеніе въ городахъ постоянно вымираетъ: въ 1850 и 1851 годахъ между этимъ населеніемъ считалось 3567 рожденій и 9930 смертныхъ случаевъ, съ 1849 по 1851 годъ, населеніе негровъ уменьшилось на $16^1/_2\%$. Мы вовсе не видимъ, чтобы управленіе французское было лучше турецкаго, оно скорѣе хуже, но сила правительства уже совсѣмъ другая, отъ турецкаго гнета освободиться возможно, а подъ французскимъ остается только вздыхать и гибнуть. Вотъ въ этой мѣстности окончательный результатъ, къ которому насъ приводитъ сравненіе вліянія западно-европейской цивилизаціи съ варварствомъ государствъ застоя. Въ другихъ колоніяхъ подвиги французовъ нисколько нелучше. Замѣчательна, напр., ихъ колонизація на островѣ Таити, тутъ возникаетъ даже вопросъ, какое управленіе превосходнѣе—французовъ или дикарей. Доходы Таити не покрываютъ издержекъ на управленіе, и французское правительство ежегодно должно къ нимъ прибавлять 700,000 франковъ. Кукъ въ 1774 г. встрѣтилъ таитскій флотъ въ 210 военныхъ судовъ, если на каждомъ суднѣ было по десяти человѣкъ, то этотъ флотъ одинъ указывалъ на населеніе въ 9000 человѣкъ. Кукъ вычислилъ населеніе Таити въ 240,000 человѣкъ, а въ 1863 г. населеніе это составляло 7642 человѣка [1]). Если вычисленіе Кука признавать и крайне преувеличеннымъ, то уменьшеніе населенія все-таки было громадно. Но можетъ быть на его мѣсто стало несравненно болѣе многочисленное населеніе высшей расы. Въ самомъ

(1) Въ 1849 г. перечисленіе дало еще 8082 человѣка.

населенномъ мѣстѣ въ столицѣ королевы Помаре 3000 мѣстныхъ уроженцевъ и всего 500 французовъ, да и тѣ, по большей части, солдаты и матросы; зато же высшее начальство блаженствуетъ — населеніе небольше волости, а тамъ королева получаетъ 25,000 фр., губернаторъ 30,000 фр.., его помощникъ 12,000 франковъ. Нетолько французскому, но даже правительству какого-нибудь Дарфура непростительно было-бы такъ дурачиться.

Пойдемъ далѣе. Рядомъ съ Франціей живетъ народъ уже не романскаго, а германскаго племени, у котораго цивилизація древнѣе французской, и который до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше французовъ—это голландцы. Народъ этотъ давно уже славился своей колоніальной политикой; про него европейцы говорили, что онъ обширныя свои колоніи пріобрѣлъ именно гуманностью своихъ воззрѣній, и это особенно важно для насъ потому, что характезируетъ взглядъ европейцевъ на гуманность. Мы видѣли выше, какую ненависть возбудили противъ себя всюду португальцы своей религіозной нетерпимостью. Эта ненависть облегчила голландцамъ пріобрѣтеніе главныхъ ихъ колоній на островахъ, расположенныхъ между Азіей и новой Голландіей. Поразительна ничтожность средствъ, съ которыми голландцы завоевали многолюдныя и богатыя свои колоніи. Завоеванія свои они начали, имѣя для этого 13 судовъ и на нихъ 1200 человѣкъ людей. Въ началѣ XVII столѣтія постоянная сила, которою они держали въ рукахъ свои завоеванія, составляла всего 30 небольшихъ судовъ и на нихъ 1300 человѣкъ. Да и эта сила употреблялась по большей части противъ европейцевъ, а не противъ туземцевъ. Утверждаютъ, что и въ настояще время для огражденія отъ внѣшнихъ враговъ и для удержанія въ повиновеніи 22 милльоннаго населенія колоній, голландцамъ достаточно 28,000 солдатъ, (въ томъ числѣ 10,000 европейцевъ). Какъ же распорядились голландцы съ завоеваннымъ ими трудолюбивымъ и смирнымъ народомъ? Богатство, густота населенія и промышленность жителей многихъ острововъ были уже давно извѣстны, португальцы сдѣлали имъ много зла, но не могли уничтожить всего. Голландцы всюду водворили царство монополіи, они опредѣлили, что мускатный орѣхъ можно разводить только на островѣ Банда, гвоздику на Амбоинѣ и т. д. Монополизированныя произведенія они заставляли продавать себѣ за совершенный безцѣнокъ и потомъ перепродавали вдвое и втрое дороже. На островѣ Целебесѣ до монополіи всѣ берега были покрыты пряными деревьями, монополисты ихъ уничтожили; сначала оттуда велась обширная торговля мушкатами и гвоздикой, а съ учрежденіемъ монополіи въ торговлѣ остались только кофе и золото. Расходы на занятіе Целебеса въ это время постоянно превышали доходы. Островъ Буру отличался большимъ богатствомъ птицъ, монополисты запрещали приставать туда иностраннымъ судамъ, прекратили торгъ птицами, вынудили отдавать имъ яйца почти даромъ. Туземцамъ запрещали воздѣлывать выгодныя растенія, гвоздичныя и мускатныя деревья остались только въ мрачной гущѣ лѣсовъ. На Амбоинѣ для пріобрѣтенія гвоздичной монополіи проливалась кровь, и, не смотря на

богатство растительности, пожертвованія не вознаграждались. По всѣмъ окружнымъ островамъ были разосланы агенты съ приказаніемъ истреблять всѣ гвоздичные и мускатные разводки и жестоко наказывать за нарушеніе малайцевъ и гарфуровъ. За обработку и перенесеніи культуры назначена была смертная казнь. Вооружили войско, долго и тяжко воевали, посылали цѣлыя флотиліи противъ растеній. Огнемъ и мечемъ опустошали цѣлыя страны. Въ Амстердамѣ учреждали большія аутода-фе для корицы, мускатныхъ орѣховъ и гвоздики. Послѣ всего этого компанія все-таки могла сбыть въ Европѣ неболѣе чѣмъ на 2 милльона флориновъ гвоздики, мускатнаго орѣха и масиса, а содержаніе пряныхъ острововъ стоило около 3 милльоновъ. Островъ Розингенъ, въ группѣ Банда, обезлюдѣлъ отъ вырыванья на немъ мускатныхъ деревьевъ. Мускатная привиллегія на Бандѣ столпила тамъ рабочихъ въ нездоровыхъ мѣстахъ и среди такихъ волкановъ, что зажиточные люди разселялись отъ нихъ въ Амбоинъ, Тернати и Макасаръ. Земли обрабатывались невольниками, и владѣльцы были такъ избалованы, что они употребляли для этого только самыхъ плохихъ, а лучшихъ обращали въ прислугу. Благодаря монополіи и притѣсненіямъ, компанія въ 1663 году, напр., продала въ Амстердамѣ за 2 милльона товаръ, который стоилъ ей 600,000 гульденовъ, въ 1697 году она продала за 20 милльоновъ товаръ, который купленъ былъ за 5 милльоновъ. Не смотря на все это, землевладѣльцы раззорялися, они заложили всѣ свои земли и истрачивали въ полгода на глупости доходъ, который получали въ пять лѣтъ. Въ концѣ XVIII вѣка компанія сдѣлала банкротство на 135 милльоновъ, разбогатели одни контрабандисты. Если мы сравнимъ цивилизацію Явы съ Индіей, Японіей или Китаемъ, то разница будетъ такъ велика, что Яву скорѣе всего вовсе нельзя причислять къ странамъ восточной цивилизаціи, ее гораздо правильнѣе отнести въ разрядъ обществъ застоя вродѣ кабиловъ Джурджура, гдѣ успѣли установиться нѣкоторая промышленная предпріимчивость и привычки, трудолюбія, или лучше сказать-это таджики и сартои, которые были окружены нѣсколько болѣе благопріятными условіями. Среди такого населенія низшая степень восточной цивилизаціи расплодила многолюдство, трудолюбіе и благосостояніе, а одна изъ высшихъ степеней западной все это уничтожила; она опустошила страну, сдѣлала безплоднымъ трудъ людей и размножила нищенство. Европейцы дѣйстовали тутъ точно такъ же, какъ всякіе варвары завоеватели. Населеніе перестало размножаться и даже уменьшалось, не смотря на множество плодоноснѣйшихъ земель, которыя оставались необработанными. Голландцы, которые распоряжались тутъ, какъ истые плантаторы, отупѣли, лишились своихъ способностей и своей предпріимчивости, они впали въ самую жалкую апатію, вели самую нелѣпую и безпутную жизнь. Наконецъ, голландское правительство само увидѣло, что вести такимъ образомъ далѣе свои дѣла—это значитъ окончательно погубить свои колоніи. По европейскому обыкновенію они производили однакоже свои реформы вяло и нерѣшительно. Во время наполеоновскихъ войнъ они утратили свои колоніи, и когда они имъ были воз-

вращены, тогда мѣстное населеніе не хотѣло уже болѣе подчиняться прежней тираніи: въ 1825 году явайцы произвели страшное возстаніе, которое длилось пять лѣтъ и при которомъ погибло до 250,000 явайцевъ и 30,000 европейцевъ. Управлять по прежнему было уже совершенно невозможно и ничтожнаго облегченія, которое отвоевали себѣ такимъ образомъ явайцы у своихъ бездушныхъ тирановъ, было уже достаточно, чтобы среди этого трудолюбиваго и промышленнаго народа произвести такое же увеличеніе населенія, какое мы встрѣчаемъ въ Европѣ. Европейцы сильно гордятся этимъ увеличеніемъ населенія и указываютъ на него, какъ на признакъ благодѣтельности ихъ управленія; но чтобы дать понятіе объ истинномъ значеніи этого факта, достаточно указать на явленія вродѣ слѣдующаго. Въ юго-восточномъ углу Явы лежитъ Бонъюванги; когда то это было цвѣтущее и многолюдное мѣсто, еще въ началѣ прошлаго столѣтія тамъ считалось триста тысячъ жителей, теперь же считается двадцать восемь тысячъ; намъ придется долго ждать пока западная цивилизація тутъ расплодитъ столько же людей, сколько восточная, а можетъ быть она никогда не достигнетъ такого результата. Уступки, которыя голландцы вынуждены были сдѣлать, вовсе не обратили ихъ на путь истины, а заставили ихъ только нѣсколько отстать отъ прежнихъ нелѣпостей. Для разъясненія этого предмета отличнымъ образцомъ можетъ послужить самый городъ Батавіа. Въ XVIII столѣтіи голландцы заставляли тутъ мѣстное населеніе жить въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, что въ одномъ 1730 году тамъ умерло 48,000 человѣкъ изъ населенія въ 101,185 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ санитарныя условія были нѣсколько улучшены, но мѣстность все таки крайне нездорова; европейцы однакоже принуждаютъ тутъ жить до полумилльона людей, а сами поселились въ великолѣпной и весьма здоровой обстановкѣ. До сихъ поръ притѣсненія голландцевъ такъ велики, что во многихъ мѣстностяхъ, не смотря на плодородіе почвы, населеніе остается неподвижнымъ. Они принуждаютъ женщинъ къ совершенно непосильной работѣ въ полѣ, выгоняютъ ихъ на такую работу съ девяти и десяти лѣтъ и до крайней старости; отъ этихъ притѣсненій между дѣтьми свирѣпствуетъ мѣстами ужасная смертность. Даже тѣ, которые защищаютъ голландскую систему управленія, принуждены сознаться, что голландцы чиновники и собственники въ Батавіи и въ колоніяхъ самый лѣнивый, никуда не годный и отупѣвшій народъ; спать, курить сигары и пить по цѣлымъ часамъ чай, вотъ единственное ихъ занятіе, ихъ апатическая и лѣнивая жизнь гораздо болѣе разстраиваетъ ихъ здоровье, чѣмъ климатъ. Они во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ въ Европѣ. Одѣваться для голландца на Явѣ уже великій трудъ, его одѣваетъ прислуга, а онъ даже не пошевелитъ пальцемъ. Съ утра онъ купается со всѣми пріемами восточнаго паши, втеченіе цѣлыхъ часовъ ему растираютъ члены, давятъ, гладятъ, щекотятъ, вытягиваютъ, однимъ словомъ предпринимаютъ съ нимъ такія операціи, что невозможно читать безъ отвращенія; только послѣ этого и послѣ завтрака онъ принимается за дѣло, а въ двѣнадцать часовъ онъ уже дома и спитъ. Умственнаго движенія голландцы

боятся, какъ огня, и поддерживаютъ на Явѣ самую строгую цензуру. Они умѣютъ только притѣснять и бросать палки въ колеса трудолюбію и промышленной предпріимчивости. Все, что дѣлается въ Батавіи, дѣлается геніемъ китайцемъ. По счастью для человѣчества, въ колоніяхъ голландцевъ очень мало. Въ Батавіи напр. 458,000 ж. и европейцевъ въ томъ числѣ только 4,500, а китайцевъ 44,300. Китайское предмѣстье поражаетъ своей дѣятельностью. Китаецъ тамъ купецъ и факторъ, у него въ рукахъ внутренняя торговля, онъ снабжаетъ европейскія суда нетолько мѣстными, но и европейскими произведеніями, у китайцевъ въ рукахъ ремесленная работа, они играютъ важную роль при постройкѣ судовъ, чинятъ суда, пострадавшія во время переѣзда изъ Европы и даже славятся изяществомъ своей отдѣлки. Почти каждый китаецъ умѣетъ читать и писать. Они проникаютъ на островахъ въ самыя отдаленныя мѣста, вездѣ тотчасъ же овладѣваютъ торговой и ремесленной дѣятельностью. Китайцы до такой степени тамъ интеллектуальный элементъ, что самыя точныя и подробныя лѣтописи пишутся въ этихъ мѣстахъ китайцами, но европейцамъ не нравится, что въ этихъ лѣтописяхъ китайцы, а не европейцы изображаются играющими первую роль въ жизни острововъ. Они негодятся только для войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайцы представляютъ собою единственный элементъ, который сильнѣе другихъ противодѣйствовалъ притѣсненіямъ европейцевъ. Голландцы видѣли очень хорошо, что если китайцы получатъ полную свободу дѣйствія, то они ихъ вытѣснятъ изъ всякой прибыльной дѣятельности и наконецъ могутъ овладѣть островами, и поэтому они подвергали ихъ нетолько постоянному надзору, но постояннымъ и часто безпощаднымъ притѣсненіямъ. Прижимки были постоянно такъ велики, что жить въ колоніяхъ было для китайцевъ невыносимо и изъ трехъ китайцевъ двое возвращались на родину. Несмотря на это, число китайцевъ постоянно увеличивается; еслибы не притѣсненія, то ихъ наплывъ былъ-бы громадный. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ожесточеніе голландцевъ противъ китайцевъ было такъ велико, что они однажды даже рѣшились на поголовное избіеніе. Избіеніе это началось въ Батавіи въ ночь съ 27 на 28 сентября 1740 г. Тогда было разомъ перебито десять тысячъ китайцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Но китайцы съумѣли сдѣлаться до такой степени необходимыми, что европейцы вынуждены были, хотя и неохотно, дозволять ихъ населеніе и даже допускать, чтобы число ихъ постоянно увеличивалось. Замѣчательно, какъ отозвалось вліяніе европейцевъ вообще на всемъ малайскомъ племени — они развили въ этомъ племени разбойничьи наклонности. Притѣсненія, которыми, начиная съ XVI столѣтія, португальцы, испанцы, голландцы и англичане постоянно раззоряли малайцевъ, заставляли ихъ бѣжать съ родины и группироваться около разбойничьихъ предводителей, такъ что разбои принимали все большіе размѣры. Голландцы до сихъ поръ такъ уродуютъ въ своихъ владѣніяхъ производство, что, напр., гвоздичное дерево на моллукскихъ островахъ можетъ давать огромные урожаи безъ всякаго ухода и издержекъ, а между тѣмъ голландцы такъ ограничиваютъ производство этого продукта, что въ Син-

гапурѣ и Пинатѣ можетъ съ ними конкурировать искусственное и дорогое производство, этимъ безсмысліемъ они дѣлаютъ столько же вреда себѣ, сколько и другимъ, потому что искусственная культура должна будетъ пасть и падетъ съ тяжкими страданіями для производителей.

Въ исторіи голландскаго владычества на Явѣ проявляются всѣ характеристическія черты европейцевъ. Прежде всего значительныя и весьма развитыя интеллектуальныя способности и столь же значительная предпріимчивость. Эти способности постоянно давали имъ возможность достигать вполнѣ той цѣли, къ которой они стремились. Имъ нужно было господство, и самое могущественное орудіе въ этомъ отношеніи была конечно военная сила, и тутъ они постоянно до такой степени превосходили все азіятское населеніе, что ни одно азіятское племя не могло вытѣснять голландцевъ и это могло быть сдѣлано только европейцами же. Превосходство интеллектуальнаго развитія дало имъ возможность понять вредную сторону безполезныхъ жестокостей и въ этомъ отношеніи они отличались нетолько отъ населенія застоя, но и отъ людей восточной цивилизаціи; въ европейскомъ отвращеніи отъ жестокостей мы видимъ несравненно болѣе логической послѣдовательности. Такой образъ дѣйствія принесъ промышленному развитію колоній несомнѣнную пользу. Въ то время, когда испанцы съ свойственными имъ жестокостью и тупоуміемъ изгнали китайское населеніе съ Филиппинскихъ острововъ, китайцы были приняты въ голландскихъ городахъ, гдѣ они хотя и притѣснялись, но все-таки терпѣлись и принесли тамъ большую пользу. Случалось, что даже мѣстные владѣтели поступали съ китайцами съ большею жестокостью, чѣмъ голландцы, и китайцы бѣжали изъ страны въ голландскія поселенія. Вредную сторону водворенія формальной религіи голландцы понимали такъ же хорошо, какъ въ странахъ восточной цивилизаціи китайцы или японцы. Умѣнье понять вредъ такого злоупотребленія инстинктами міровой жизни давало голландцамъ большое преимущество нетолько надъ португальцами и испанцами, но и надъ мѣстными мусульманскими владѣтелями. Голландцы понимали, что наводящая страхъ безсмысленная жестокость и формальная религія, которая могла бы сдѣлать ихъ предметомъ обожанія, хотя, можетъ быть, и способны были бы возвеличить ихъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, но что они, уменьшая жизнь на островахъ, нисколько не увеличили бы, а напротивъ уменьшили ихъ счастье. Понявъ солидарность человѣческихъ интересовъ въ этихъ областяхъ, они сдѣлали и себѣ, и мѣстному населенію много пользы. Но все-таки нравственное чувство и интеллигенція были у нихъ слишкомъ мало развиты, чтобы провести понятіе о солидарности человѣческихъ интересовъ далѣе и развить его во всей своей послѣдовательности. Имъ, напротивъ, казалось, что чѣмъ болѣе они накопятъ богатствъ, тѣмъ они будутъ счастливѣе и тѣмъ болѣе возвысятся во мнѣніи человѣчества. Имъ никогда не приходила мысль, что слишкомъ легкое пріобрѣтеніе и удовлетвореніе искусственныхъ потребностей, вмѣсто однихъ необходимыхъ, неизбѣжно должна отозваться неблагопріятно на развитіи даже ихъ интеллектуальныхъ способностей, не говоря уже объ инстинктахъ міро-

вой жизни, и этимъ должно постоянно и въ сильной степени уменьшаться ихъ счастье. Такъ и случилось, по образу жизни своему они скоро приблизились къ высшимъ сословіямъ государствъ застоя. Не смотря на то, что интеллектуальное движеніе Европы не могло не отражаться на нихъ и мѣшало слишкомъ быстрому ихъ паденію, но постоянное отупѣніе и слабость все болѣе приближали ихъ къ варварству. Это довело ихъ, напр., до избіенія китайцевъ, до такого поступка, который въ это время былъ уже совершенно невозможенъ въ какой бы то ни было другой части западной цивилизаціи.

Интересны и иногда чрезвычайно забавны разсужденія европейцевъ о ихъ дѣятельности въ колоніяхъ. Вслѣдствіе постоянныхъ нападокъ на эту дѣятельность, притѣсненія дѣйствительно постепенно уменьшались и чрезъ это населеніе трудолюбивыхъ явайцевъ и производительность острова быстро стали увеличиваться. Голландцы, конечно, тотчасъ приписали все это себѣ и утверждали, что они все это сдѣлали; на это они имѣли столько же права, сколько имѣло права римское духовенсто утверждать, что оно открыло законъ обращенія земли потому только, что оно не было въ состояніи помѣшать распространенію этого открытія по свѣту. Даже странно слушать такое жалкое хвастовство, которымъ голландцы угощаютъ незнающихъ читателей. Явайцы были уже трудолюбивымъ и выдающимся племенемъ въ то время, когда о голландцахъ не было и помину. Изслѣдованія показали, что еще до того времени, когда на Яву занесена была индійская цивилизація, явайцы сдѣлали уже такіе успѣхи, что они стояли выше древнихъ мехиканцевъ. Они нетолько сдѣлали успѣхи въ земледѣліи, приручили и употребляли въ работу вола и буйвола, имѣли домашнихъ свиней, куръ и утокъ, но сдѣлали значительные успѣхи въ мореплаваніи, умѣли писать, имѣли календарь и т. д. Индійская цивилизація имѣла несомнѣнно благодѣтельное на нихъ вліяніе, и въ это время Ява до такой степени славилась богатствомъ своей земледѣльческой производительности, что отсюда произошло даже ея имя. Но все-таки явайцы и по отношенію къ индійцамъ далеко не оказались безусловно подчинившимися чужой, высшей цивилизаціи; напротивъ, въ историческомъ развитіи этого острова одинаково замѣтно было вліяніе индійскаго и явайскаго элемента. Явайскіе голландцы забыли, что они только лѣнились и что даже притѣсненія прекращались независимо отъ ихъ желанія и не смотря на ихъ оппозицію. Въ то время, когда голландецъ на Явѣ ведетъ самую лѣнивую и безпутную жизнь, яваецъ встаетъ до солнца и съ восходомъ солнца находится уже на работѣ. Въ противоположность съ ученіями западныхъ европейцевъ о вредѣ слишкомъ густаго населенія, яваецъ считаетъ первою своею обязанностью воспитать какъ можно болѣе дѣтей и гордится этимъ. Даже тѣ, которые смотрятъ на явайцевъ съ голландской точки зрѣнія и стараются подобно всѣмъ плантаторамъ и эксплуататорамъ прировнять ихъ къ скотамъ, должны отдавать до извѣстной степени справедливость ихъ семейнымъ добродѣтелямъ. Не смотря на крайне вредное вліяніе, которое произвела въ этомъ отношеніи магометанская религія, даже враги явайцевъ сознаются,

что они относятся къ своимъ женамъ внимательно и съ уваженіемъ, и браки рабочихъ, довольствующихся одной женой, почти безъ исключенія счастливы. Они измѣнили магометанское законодательство въ томъ смыслѣ, что они стѣснили произволъ мужа, въ особенности въ отношеніи развода. Тяжелыя работы принимаетъ на себя мужчина, и онъ часто работаетъ въ полѣ въ то время, когда его жена болтаетъ на базарѣ. За больными ухаживаютъ въ семействахъ всегда очень тщательно. Матери всегда сами кормятъ своихъ дѣтей и очень къ нимъ внимательны. При первой возможности дѣти обучаются. Любовь къ дѣтямъ у явайцевъ такъ велика, что лишь только гдѣ-либо гнетущая рука голландца давила на нихъ нѣсколько слабѣе, смертность между дѣтьми самаго ранняго возраста дѣлалась несравненно незначительнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Населеніе на Явѣ дѣйствительно увеличивалось, и правительство голландцевъ безъ всякаго сомнѣнія лучше правительствъ застоя и формальной религіи, но оно могло бы увеличиваться несравненно быстрѣе. До сихъ поръ три четверти Явы покрыто лѣсомъ и находится въ дикомъ и необработанномъ состояніи; населеніе тамъ можетъ быть, безъ всякаго сомнѣнія, втрое гуще. Сто лѣтъ тому назадъ населеніе на Явѣ было такъ значительно, что еслибы оно увеличивалось такъ же быстро, какъ оно увеличивалось въ Китаѣ втеченіе прошлаго столѣтія, то оно теперь было бы втрое гуще и имѣло бы такую же густоту, какую оно имѣетъ въ благопріятныхъ мѣстностяхъ Индіи и Китая. Втеченіе XVIII вѣка была минута, когда китайцы готовы были протянуть свою руку, чтобы присоединить себѣ Яву; еслибы это дѣйствительно имъ удалось, то, можетъ быть, теперь на Явѣ приходилось бы не пять, а восемнадцать тысячъ человѣкъ на квадратную милю. По крайней мѣрѣ невозможно привести никакого убѣдительнаго доказательства противнаго, а напротивъ есть полное основаніе думать, что это было бы именно такъ. По отношенію къ воздѣлыванію земли явайцы стоятъ выше всѣхъ прочихъ азіятскихъ народовъ, кромѣ китайцевъ, ихъ поля отличаются замѣчательной чистотой, скотъ они содержатъ въ хорошемъ состояніи и отличаются замѣчательнымъ искусствомъ орошенія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы Ява была китайская провинція, то явайцы скоро сравнялись бы съ китайцами и тогда, при тѣхъ замѣчательно благопріятныхъ условіяхъ, которыя существуютъ на этомъ островѣ, населеніе легко могло бы достигнуть густоты въ 18,000 челов. на квадр. милю. Всякій безпристрастный человѣкъ прямо убѣждается, что для Явы было истиннымъ несчастьемъ, что она подпала голландскому, а не китайскому владычеству. Въ то время, когда въ Китаѣ почти вся земля принадлежитъ трудолюбивому населенію земледѣльцевъ, на Явѣ въ голландскихъ владѣніяхъ явайцамъ принадлежитъ едва 25,000 десятинъ, а сборовъ яваецъ платитъ въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ китаецъ. Еслибы голландцы обременяли населеніе меньшими притѣсненіями, то этотъ результатъ, безъ всякаго сомнѣнія, могъ быть достигнутъ и во время ихъ господства. Но тутъ имъ мѣшала чисто европейская жадность; ихъ идеалъ величія былъ точно такой же, какъ въ государствахъ застоя, а между тѣмъ ихъ превосходныя способ-

ности давали имъ возможность учредить несравненно болѣе дѣйствительную силу выжиманія соковъ. Вслѣдствіе своихъ способностей они по отношенію къ спокойствію и порядку достигали такихъ результатовъ, какихъ никогда не умѣли достигать государи застоя; но, что они даютъ одной рукой, они берутъ другой. На каждомъ шагу вы видите, что они дѣлаются препятствіемъ къ распространенію полезной культуры. Отчего рисовыя поля распространяются такъ медленно, хотя явайцы знакомы съ этимъ производствомъ съ незапамятныхъ временъ? — препятствіе правительство. Отчего сахарныя плантаціи еще такъ малочисленны? опять-таки препятствіе правительство и его монополія, оно поставило дѣло въ такое положеніе, что лучшій сахаръ привозится туда изъ Европы. Размноженіе винодѣлія положительно воспрещено для того, чтобы оно не сдѣлало подрыва голландскимъ торговцамъ европейскими винами. Къ произведенію кофе Ява еще болѣе способна, чѣмъ къ произведенію сахара, но зато же и давленіе со стороны правительства сильнѣе; отрасль, которая могла бы получить быстрое развитіе, почти не двигается; 1860 годъ былъ замѣчательно благопріятный годъ для кофе, а между тѣмъ въ 1855 г. произведено было на 15% болѣе кофе; въ сороковыхъ годахъ бывали годы, когда кофе производилось вдвое болѣе, чѣмъ въ 1859 году. Зато же голландское правительство беретъ со своихъ монополій огромные барыши. Въ 1860 году продажа сахару дала ему 60% барыша, кофе былъ пріобрѣтенъ имъ за $11^1/_2$ мильоновъ, а проданъ за 26 мильоновъ гульденовъ. Голландцы захотѣли насъ увѣрить, что покупая у явайцевъ по $8^3/_4$ флориновъ пикуль кофе, который стоилъ болѣе 37 флориновъ, они способствовали развитію культуры и трудолюбія; но я, съ своей стороны, могу увѣрить ихъ, что если имъ удалось убѣдить въ этомъ нѣкоторыхъ ученыхъ нѣмцевъ или англичанъ, которыхъ ослѣпляла недальновидность или плѣняло большое жалованье, то не всѣ люди такъ корыстны и недальновидны. Всякій здравый человѣкъ видитъ и понимаетъ, что еслибы они явайцамъ платили 37 флориновъ, вмѣсто 8, то кофейныя плантаціи распространились бы гораздо быстрѣе и не стали бы приходить въ упадокъ [1]). Тоже самое было бы съ корицей, съ кошенилью, съ перцомъ и со множествомъ другихъ производствъ, которыя они давятъ. Они сами, напримѣръ, могутъ видѣть, что табачныя плантаціи у частныхъ производителей идутъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ правительство налагаетъ свою руку. Они уродуютъ производство такъ, какъ только можно уродовать, въ то время, когда они давятъ все, что могло бы имѣть успѣхъ, они искусственно поощряютъ то, что не можетъ имѣть никакого. Такъ за дрянной чай они платили 94 доллара и продавали Голландіи за $51^1/_2$ долларъ. Такимъ образомъ они расплодили 15.388,500 негодныхъ и невыгодныхъ чайныхъ деревьевъ. Но зато же для лѣнивыхъ чиновниковъ это благодать — ничего не дѣлая, они получаютъ однихъ про-

---

[1]) Благодаря этой системѣ, кофейное дерево даетъ на Явѣ въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ Бразиліи и на Кубѣ.

центовъ съ плантацій по 9,000 рублей и болѣе. Очевидно, что такой образъ дѣйствія ничѣмъ не отличается отъ пріемовъ управленія Мехмета-Али, онъ показываетъ, какъ мала разница между государствами западно-европейской цивилизаціи и между государствами застоя. Чѣмъ отличается голландское торговое общество (Nederlondsche Handels-Maatschoppij) отъ самыхъ варварскихъ монополій, которыя встрѣчаются въ государствахъ застоя? Послѣ этого мы можемъ оцѣнить хвастовство голландцевъ, которые тщеславятся тѣмъ, что они ввели на Явѣ нѣкоторыя новыя растенія и культурные пріемы. Могутъ ли они выдерживать въ этомъ отношеніи какое-нибудь сравненіе съ индійцами, которые распространили на Явѣ рисъ, этотъ благодѣтельнѣйшій источникъ жизни на островѣ, рисъ, котораго обработка встрѣтила въ голландцахъ однихъ только притѣснителей. Индійцы же распространили хлопчатую бумагу и хлопчато-бумажныя ткани, они ввели тамъ полезныя ремесла и искусства. Для европейской цивилизаціи будетъ вѣчнымъ позоромъ, что она нетолько не способна была сдѣлать для Явы столько же, сколько сдѣлала индійская тысячи лѣтъ тому назадъ, но попирала ногами благодѣтельные плоды того, что когда-то было посѣяно. Тутъ же мы видимъ, какой ничтожный нравственный прогрессъ достаточенъ, чтобы дать возможность людямъ быстро распложаться, какая высокая степень глупости и варварства необходима въ правителяхъ, чтобы размноженіе населенія сдѣлать невозможнымъ. Нетрудно понять, какимъ образомъ арабская цивилизація могла расплодить густое населеніе, несмотря на господствовавшую тогда неурядицу. Но тотъ фактъ, что арабская цивилизація во многихъ мѣстностяхъ расплодила болѣе густое населеніе, чѣмъ голландцы на Явѣ и сдѣлала это, несмотря на отсутствіе міра и даже несмотря на варварство турецкихъ наемниковъ, даетъ намъ мѣрило нравственнаго развитія, порожденнаго западно-европейской цивилизаціей.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мы видимъ, что на Явѣ магометанское вліяніе уничтожало занесенную туда восточную цивилизацію, что воспоминаніе объ этомъ затушенномъ свѣтильникѣ до сихъ поръ дорого для сердца явайца — онъ такой же плохой мусульманинъ, какъ кабилъ, и по такимъ же причинамъ — что западно-европейская цивилизація стала поправлять дѣло, но ея нравственный уровень оказался столь низкимъ, что относительно густоты населенія она, можетъ быть, далеко не могла достигнуть тѣхъ результатовъ какихъ достигала цивилизація восточная. Почти рядомъ мы видимъ другую страну, гдѣ магометанство явилось точно такимъ же бичемъ восточной цивилизаціи—это индостанскій полуостровъ. И тутъ послѣ магометанъ явились люди западно-европейской цивилизаціи поправлять дѣло; посмотримъ каковы оказываются результаты. Уже въ сѣдой древности

мы видимъ въ Индіи цвѣтущую и цивилизованную страну. Древніе Персы завоевали страны, наиболѣе славившіяся своей цивилизаціей и своимъ богатствомъ, но когда они присовокупили къ своимъ завоеваніямъ сѣверо-западную Индію, тогда оказалось, что это самая богатая изъ всѣхъ находившихся подъ ихъ владычествомъ провинцій. Семитическая цивилизація плодила населеніе и благосостояніе втеченіе пятнадцати столѣтій, а между тѣмъ сатрапіи, которыя образовались изъ государствъ этой цивилизаціи, давали, по распредѣленію Дарія, отъ 250,000 до полутора милльона рублей дохода, а индійская сатрапія давала до семи милльоновъ, хотя она обнимала только Пенджабъ и часть Инда. Александръ В. также замѣтилъ большую разницу между Индомъ и персидскими владѣніями. Въ самыя цвѣтущія времена арабской цивилизаціи благосостояніе странъ этой цивилизаціи повидимому никогда не могло сравняться съ Индіей. Завоеватели того времени, которые попадали въ Индію, всегда поражались ея богатствомъ, и не надо забывать, что нападенія изъ западной Азіи долго направлялись преимущественно на болѣе бѣдную сѣверо-западную часть Индіи. Вотъ почему мы видимъ, что завоеванія и опустошительные набѣги, которые въ конецъ уничтожили цивилизацію западной Азіи и сѣверной Африки, не могли породить того же результата въ Индіи. Прежняя цивилизація расплодила тамъ слишкомъ густое, слишкомъ энергическое, слишкомъ привыкшее къ трудолюбію и къ хорошей организаціи труда населеніе для того, чтобы страна могла быть низведена на такую же низкую ступень, какъ западная Азія и Африка. Населеніе осталось болѣе густымъ и трудолюбивымъ, чѣмъ въ западной Азіи и это несмотря на то, что періодъ завоеваній совпадалъ съ періодомъ естественнаго паденія индійской цивилизаціи. Нигдѣ высшее сословіе завоеванныхъ не имѣло на магометанъ такого большаго нравственнаго вліянія, какъ въ Индіи, оно внушало имъ даже мысль о перемѣнѣ религіи. Несмотря на это, естественное вліяніе болѣе сильныхъ завоевателей имѣло все таки огромное значеніе, ихъ тягостный гнетъ деморализировалъ высшее сословіе и уменьшилъ населеніе. Результатъ этотъ порожденъ былъ преимущественно тягостными сборами съ сельскаго населенія; сборы эти часто въ шесть и болѣе разъ превышали поборы цвѣтущихъ временъ. Когда магометанское владычество замѣнилось англійскимъ, тогда англичане кричали, что это будетъ величайшимъ благодѣяніемъ для Индіи, они гордились своей цивилизаціей и смотрѣли на магометанъ съ заносчивымъ презрѣніемъ. Однакоже постороннему наблюдателю дѣло представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Англичане, безъ всякаго сомнѣнія, обнаружили въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе ума и несравненно болѣе положительныхъ знаній; однимъ словомъ тѣ качества, которыя такъ сильно развила западная цивилизація, проявляются тутъ тотчасъ же и бросаются въ глаза. Но вовсе нельзя сказать того же о нравственномъ развитіи. Англичане проявляютъ тутъ точно такой же узкій взглядъ на жизнь и на человѣческое счастье, какъ и голландцы. Для нихъ счастье и величіе человѣка состоитъ не въ той прекрасной міровой дѣятельности, которая плодитъ жизнь на землѣ, не въ томъ нравственномъ настроеніи, когда человѣкъ,

постигнувъ солидарность свою съ природой, живетъ жизнью всего міра, когда въ его сознаніи міръ и онъ—это одно и тоже, когда, удовлетворяя своимъ потребностямъ только на столько, на сколько это необходимо для развитія и поддержанія его силъ, онъ все остальное употребляетъ для міровыхъ цѣлей. Эти жалкіе, полуразвитые люди, воображавшіе себя цивилизованными, ставили себѣ идеалъ величія и счастья не выше того, которымъ полно воображеніе короля Дагоме, все для нихъ состояло въ накопленіи массы богатствъ и въ крайнемъ развитіи искусственныхъ потребностей, всѣ свои знанія, все свое интеллектуальное развитіе, которое стояло у нихъ дѣйствительно на высокой степени, они употребляли для достиженія такихъ жалкихъ цѣлей. Въ своей дѣятельности они обнаружили болѣе ума, болѣе гибкости и проницательности, чѣмъ голландцы, однакоже они безпрерывно дѣлали точно такое же варварство, они уничтожали посѣвы на поляхъ и повторяли всѣ ихъ глупости, они дали американцамъ чудесный случай доказывать весь вредъ сосредоточенія капиталовъ и показать, что интересы крупнаго капиталиста нетолько не солидарны съ интересами промышленности и производства, но прямо противоположны имъ, что крупный капиталистъ точно такъ же гнететъ и убиваетъ промышленность, какъ крупный земледѣлецъ убиваетъ развитіе земледѣлія. Поборы, которые они брали съ населенія, были нетолько такъ же тягостны, какъ во время магометанскаго ига, но чаще всего взыскивались съ бо̀льшею строгостью. Магометане начали съ несравненно меньшаго. Было время, когда поборы магометанъ были безъ всякаго сравненія легче англійскихъ. Причина понятна: и англичане, и магометане стояли на одинаковой степени нравственнаго развитія, но умственно англичане были гораздо развитѣе, а поэтому они съ самаго начала съумѣли забрать индійцевъ въ гораздо болѣе крѣпкія руки и не боялись притѣснять, какъ боялись магометане. Западные европейцы понимаютъ нравственное развитіе самымъ жалкимъ и близорукимъ образомъ. Они видятъ его не въ способности къ сознательной міровой жизни, но въ различныхъ сравнительно ничтожныхъ мелочахъ, напр., въ отвращеніи отъ эфектной жестокости. Имъ кажется, что англичане стоятъ нравственно гораздо выше магометанъ, потому что они преслѣдуютъ сожженіе женъ и т. д. Но такая деликатность чувствъ, идущая рядомъ съ варварскимъ высасываніемъ рабочаго народа, представляетъ собою тотъ же типъ, какой мы видимъ въ рабовладѣльцахъ, которые, заѣдая жизнь милльоновъ рабовъ, обнаруживаютъ гораздо болѣе утонченныя и деликатныя чувства, чѣмъ населеніе какой нибудь демократической общины. Это не есть нравственное развитіе, это ложная вывѣска нравственнаго развитія, которая постоянно обольщаетъ близорукихъ людей. Великій европейскій ученый, въ большей части случаевъ, поставитъ американскаго рабовладѣльца, знакомаго съ европейской философіей и восхищающагося твореніями сего ученаго, нравственно выше полудикаго кабила, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ. Деликатный рабовладѣлецъ хладнокровно велитъ отсчитать двѣсти палокъ рабу, который не исполнилъ совершенно несправедливое его требованіе, и, въ то же время, некстати пришедшему гостю покажетъ

утонченное радушіе, чтобы не возбудить въ немъ и тѣни непріятнаго чувства. Западно-европейская цивилизація развиваетъ именно такія же противорѣчивыя чувства. Она очень высоко цѣнитъ мелочныя свои совершенства и совершенно неспособна понимать громадные свои недостатки. Англичане много хвалились своими улучшеніями въ Индіи, но если-бы они даже и не хвалились ими, то европейцы все таки были бы вполнѣ увѣрены, что ихъ владычество для индійцевъ великое счастье и неоцѣнимое благодѣяніе, точно такъ же, какъ Филиппъ II испанскій былъ увѣренъ, что онъ благодѣтель управляемыхъ имъ народовъ; въ безмѣрной заносчивости и самоувѣренности люди западно-европейской цивилизаціи нисколько не уступаютъ этому безпримѣрному въ исторіи государю. Конечно не можетъ быть, чтобы позднѣйшая цивилизація, выработанная обществомъ котораго большія умственныя способности не подлежатъ никакому сомнѣнію, не внесла чего-нибудь новаго и хорошаго въ страну, которою управляетъ; но, во-первыхъ, на сколько можно судить, карѳагеняне въ Африкѣ, арабы въ Испаніи и западной Азіи сдѣлали болѣе новаго и хорошаго, чѣмъ англичане въ Индіи; затѣмъ многія улучшенія, въ которыхъ европейцы видятъ несомнѣнно вліяніе своей цивилизаціи, были только возвращеніемъ къ старому, давно прошедшему, — такъ часто восхваляемая отмѣна сожженія женъ была не болѣе, какъ возстановленіе порядка, существовавшаго прежде и искаженнаго теократико-аристократическимъ вліяніемъ. Буддизмъ, который возставалъ противъ этихъ искаженій, возставалъ и противъ сожженія женъ и успѣшно уничтожалъ его не путемъ административныхъ распоряженій, а путемъ гуманныхъ убѣжденій, распространяемыхъ въ народѣ. По отдѣльнымъ фактамъ тутъ вовсе судить невозможно, рѣшительное вліяніе на наше сужденіе можетъ имѣть только общій результатъ. А общій результатъ этотъ таковъ, что индійцы подъ англійскимъ управленіемъ нетолько не чувствовали себя болѣе счастливыми, чѣмъ подъ презираемымъ магометанскимъ, но часто были гораздо несчастнѣе; притѣсняя народъ тяжкими поборами и непомѣрно строгимъ взысканіемъ, англичане должны были прибѣгать къ самымъ варварскимъ пыткамъ и къ такимъ возмутительнымъ жестокостямъ, которыя прямо сравняли ихъ съ правителями государствъ застоя. Отвращеніе отъ бросающейся въ глаза жестокости составляетъ нравственное чувство, надъ развитіемъ котораго европейцы работали съ наибольшимъ успѣхомъ, однако-же дѣйствія англичанъ въ Индіи ясно показали, какъ мало и это чувство въ нихъ было развито и какъ легко имъ было отказаться отъ этого украшенія европейской цивилизаціи, когда нужно было поддержать этимъ нелѣпую и варварскую политику. Они плодили нищихъ такъ-же, какъ Мехметъ-Али въ Египтѣ, и умирающій отъ голоду народъ толпами шатался по большимъ дорогамъ. Слишкомъ извѣстное въ Европѣ страшное возстаніе въ Индіи яснѣе всего доказываетъ, что индійцы подъ англійскимъ владычествомъ вовсе не чувствовали себя болѣе счастливыми, чѣмъ подъ магометанскимъ. Чтобы свалить съ себя позоръ и вину, англичане прибѣгали къ различнымъ искусственнымъ объясненіямъ, которыми создавались причины возстанія, независимыя отъ англійскихъ притѣсненій;

но очень нетрудно указать на факты, уничтожающіе эти хитросплетенія. Самый крупный фактъ представляетъ собою конечно отношеніе къ землѣ, которое установлено было англичанами въ Индіи. Древняя индійская цивилизація водворила тамъ общинное владѣніе, съ правомъ государей на поборы, которое установлялось разъ навсегда религіознымъ предписаніемъ. Когда индійская цивилизація стала вырождаться, тогда общинное владѣніе составило достояніе привиллегированной касты земледѣльцевъ, которые или передѣливали земли, или обработывали ихъ сообща. Съ увеличеніемъ населенія, рядомъ съ ними явились непривиллегированные земледѣльцы, которые владѣли оброчными участками, но владѣніе ихъ было также твердое, и поборы съ земли опредѣлялись обычаемъ, а не конкурренціею. Конкурренціею опредѣлялась только цѣна на земли, которыя отдавались въ наемъ, какъ и при нашемъ общинномъ владѣніи. Магометанское владычество стремилось установить тутъ опредѣленные поборы на основаніи общинныхъ кадастровыхъ книгъ, хотя эти стремленія у него плохо осуществлялись. Когда водворились англичане, тогда они прежде всего вообразили, что если они болѣе искусны въ военномъ дѣлѣ, то значитъ они и болѣе цивилизованы, а если они болѣе цивилизованы, то имъ слѣдуетъ все ломать и вертѣть по своему.

Въ XVIII вѣкѣ въ Англіи господствовали крупные землевладѣльцы и, какъ слѣдуетъ подобнымъ господамъ, воображали, что крупное землевладѣніе — это корень счастья человѣческаго и что стоитъ ввести крупное землевладѣніе и страна будетъ благоденствовать. Конечно и ново-зеландскіе людоѣды воображали, что распространять людоѣдство это значитъ распространять благополучіе. Орудіемъ они избрали лорда Корнвельса, который сначала неудачно пытался подавить свободу Соединенныхъ-Штатовъ, а затѣмъ порабощалъ Ирландію. Этотъ герой въ концѣ XVIII вѣка на огромныхъ пространствахъ ввелъ крупное землевладѣніе. У магометанъ были сборщики податей, земиндары и яжирдары, лица, получавшія въ награду права на государственные сборы съ извѣстныхъ общинъ. Этихъ-то господъ Корнвельсъ обратилъ въ крупныхъ землевладѣльцевъ, а англичане провозгласили такой образъ дѣйствія вѣчнымъ памятникомъ человѣческой мудрости. Подобной глупости даже голландцы никогда не дѣлали. Англичане тутъ стали ниже магометанскихъ правительствъ и только одни монголы въ Китаѣ дѣлали точно такія же вещи. Все земледѣльческое населеніе этихъ мѣстностей Индіи, подобно ирландскому и англійскому, было обращено въ бездомныхъ людей. Но индійцы получили отъ своихъ прежнихъ цивилизаторовъ слишкомъ хорошіе уроки, чтобы покориться безъ сопротивленія. Они упорно отказывались покориться земиндарамъ и яжирдарамъ и начали съ ними нескончаемые процессы. Земиндары были доведены до того, что они не могли даже платить государственныхъ податей, и наконецъ ихъ земли были распроданы за недоимки. Новымъ покупателямъ грозила таже участь, но правительство помогло имъ тѣмъ, что увеличило ихъ власть надъ земледѣльческимъ населеніемъ, тогда земледѣльцы раззорились въ свою очередь, голодъ и разбои распространились всюду. Невсегда вводилась крупная собствен-

ность, англичане вводили и мелкую; однимъ словомъ, каждый правитель мудрилъ надъ землею по своему, чтобы приводить къ одному общему результату—голоду и разбоямъ. Наконецъ, англичане таки вынуждены были остановиться на общинномъ владѣніи, хотя въ ухудшенномъ видѣ.

Англичане въ Индіи нетолько, подобно разбойничьимъ племенамъ, видѣли величіе въ блескѣ и выставкѣ награбленныхъ сокровищъ, но полагали, что человѣкъ можетъ чувствовать уваженіе только къ подобному грабителю и что народы будутъ повиноваться имъ только тогда, когда они будутъ видѣть у нихъ пріемы разбойниковъ. Поэтому они назначали чиновникамъ и правителямъ Индіи огромныя содержанія, и тѣ въ свою очередь жили съ самой безсмысленной роскошью. Результатъ былъ прямо противоположенъ тому, что ожидали. Тягости, которыя они должны были для этого взваливать на народъ, заставляли ихъ для удержанія народа въ повиновеніи содержать для востока огромныя военныя силы, финансы запутывались и управленіе усложнялось. Но неблагопріятная сторона этого сплетенія была совершенно недоступна англійскому уму. Образованное общество Англіи сосало свою собственную страну, сосало Европу, ему и въ голову не могло придти, что можно было не сосать Индію, которой оно управляло. Общественное мнѣніе въ обществѣ англійскихъ чиновниковъ Индіи нетолько возвеличивало своихъ членовъ за грабительтельство и роскошь, но настоятельно требовало отъ нихъ этого и жестоко порицало ихъ въ противномъ случаѣ; за хорошія чувства они относились къ чиновнику съ величайшею ненавистью и презрѣніемъ, — условіе было одно, чиновникъ долженъ былъ стремиться нетолько къ взяточничеству, онъ долженъ былъ грабить открытой силой, на законномъ основаніи. Источникомъ этой системы былъ опять-таки великій герой, лордъ Корнвельсъ. Сначала англійскіе чиновники получали сравнительно менѣе значительныя содержанія и могли сосать страну только взятками; но зато же они взяточничали на славу, кромѣ лихоимства, они занимались еще торговлей и различными промышленными оборотами; чтобы получать болѣе барышей, они насильственнымъ образомъ подавляли конкурренцію и останавливали производительность страны. Лордъ Корнвельсъ нашелъ, что англійскимъ чиновникамъ неприлично сосать страну незаконнымъ образомъ, что это сосаніе надо узаконить и назначить чиновникамъ такія содержанія, при которыхъ они могли бы накопить себѣ состояніе, не прибѣгая къ взяткамъ. Мало этого, до него въ Индію обыкновенно ѣхали служить изъ Англіи бѣдные люди, онъ нашелъ, что и это зло. Такая богатая страна какъ Индія должна была быть средствомъ для обогащенія младшихъ сыновей англійской аристократіи. На этомъ основаніи устроена была безпримѣрная по своей безцеремонности система высасыванія злополучнаго населенія. Деморализація англійскихъ чиновниковъ достигла крайняго предѣла. Человѣкъ, который силой и законнымъ путемъ вымогалъ для себя огромныя деньги, возбуждалъ восторги и окружался величайшимъ уваженіемъ. Направленіе было такое же, какъ и у магометанъ, но разница состояла только въ томъ, что между максимумомъ и минимумомъ было гораздо меньшее разстоя-

ніе. Высшій чиновникъ получалъ можетъ быть меньше какого-нибудь ауренгзеба, но зато же низшіе получали гораздо болѣе прежнихъ. Положеніе было такое, что правитель съ нормально развитыми чувствами былъ въ этой средѣ точно такъ же невозможенъ, какъ въ средѣ сподвижниковъ какого-нибудь Чингисъ-Хана, Атиллы или Пизарро; тотъ, кто захотѣлъ бы въ этой обстановкѣ жить міровою жизнью и удовлетворять однимъ необходимымъ своимъ потребностямъ, не могъ бы получить въ администраціи самаго ничтожнаго мѣстечка, нетолько мѣста правителя. Оказался однакоже человѣкъ, который отличался отъ прочихъ хотя нѣсколько меньшею жадностью, чѣмъ-то похожимъ на наклонность къ простотѣ, про него можно было только сказать, что разбойничьи инстинкты у него были нѣсколько слабѣе—это былъ правитель Пенджаба Лорансъ. Онъ не соблюдалъ англійскаго этикета, онъ рѣшалъ дѣла въ рубашкѣ, отказывался отъ покупки, когда вещь казалась ему слишкомъ дорогою, воскресенье ходилъ въ церковь безъ человѣка съ зонтикомъ, за обѣдами у него подавали дурныя вина; онъ позволялъ себѣ разговаривать съ неизвѣстными, но интересными личностями. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя въ чиновникахъ самую грубую и жестокую ненависть; объ его пріемахъ умѣренности говорили съ ужасомъ, кричали, что мѣстные жители не могутъ уважать такого человѣка, что онъ роняетъ достоинство англичанъ въ глазахъ страны, ссылаясь на прежнихъ правителей, которые также утверждали, что нельзя управлять индійцами, не окружая себя блескомъ; они забывали, что они сами называли этихъ правителей варварами и грабителями и что у этихъ правителей по индійскому обычаю было гораздо болѣе внѣшней, чѣмъ внутренней роскоши, между тѣмъ какъ у англичанъ было наоборотъ. Изъ этого выходило, что англичане могли содержать только очень немногихъ чиновниковъ. На этихъ чиновникахъ лежала такая масса обязанностей, что они никогда не могли сдѣлать десятой, даже сотой доли. Юмористы изображали въ самыхъ забавныхъ краскахъ день англійскаго чиновника въ Индіи среди нужнѣйшихъ и наинужнѣйшихъ дѣлъ, которымъ онъ никакъ не можетъ посвѣтить болѣе двухъ, трехъ минутъ. По большей части эти чиновники назначались путемъ патроната и очень нерѣдко были молодые люди, не имѣвшіе никакого понятія объ Индіи. Въ такомъ положеніи громадное большинство дѣлъ было въ рукахъ мелкихъ мѣстныхъ піявокъ, которыя вертѣли народомъ, какъ хотѣли и сосали его гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прежнія времена, а для того, чтобы подобная система могла держаться, и высшіе и низшіе всѣми имѣвшимися въ ихъ рукахъ средствами постоянно терроризировали народъ. Вотъ почему самыхъ англичанъ поражало, что во всѣхъ частяхъ Индіи, которыя находились подъ ихъ управленіемъ, народъ быстро деморализировался, онъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ раболѣпія въ то время, когда въ независимыхъ владѣніяхъ онъ обнаруживалъ гораздо болѣе чувства своего достоинства и стремленія къ улучшенію своего положенія. Такое небрежное и террористическое управленіе гибельно отзывалось на всемъ и въ особенности на самомъ существенномъ для страны

съ такимъ густымъ населеніемъ—на сельскомъ хозяйствѣ. При жаркомъ климатѣ Индіи, воздѣлываніе земли безъ искуственныхъ орошеній было невозможно, между тѣмъ сооруженія, сдѣланныя съ этою цѣлью магометанскими правительствами, были запущены. Стали появляться голодные годы, которые сопровождались ужасными послѣдствіями: голодъ 1833 года въ одномъ гунтурскомъ округѣ похитилъ 256,806 человѣкъ, 558,994 штукъ скота. Втеченіе долгаго времени мѣстному правительству безуспѣшно предлагали возобновить хотя прежнія сооруженія. Наконецъ въ 1810 г. назначена была коммиссія для изслѣдованія, которая однакоже только затушила это дѣло. Послѣ этого втеченіе десятковъ лѣтъ инженеры въ своихъ работахъ встрѣчали самую энергическую оппозицію и никакъ не могли добиться денегъ. Работы, которыя удавались въ этомъ отношеніи, давали самые благодѣтельные результаты, система орошенія, устроенная послѣ 1844 г. въ родшамундскомъ округѣ и которая увеличила объемъ обработываемыхъ земель на 350,000 десятинъ, увеличила правительственный доходъ на 320,000 руб. сер. въ годъ, между тѣмъ, какъ самая постройка стоила всего 1 м. 200 т. руб. Это составитъ болѣе 26% на капиталъ. Это даетъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ велика была у народа потребность въ подобномъ сооруженіи и показываетъ наглядно до какой степени неизвинительна была небрежность правительства. Англійскіе инженеры оставались вовсе не безъ дѣла въ Индіи, они дѣлали громадныя постройки на народныя деньги, но всѣ эти постройки имѣли военную или коммерческую цѣль. Какъ скоро дѣло выходило изъ предѣловъ интереса англійскаго властолюбія и англійской торговли, то денегъ никогда не оказывалось. Они, напр., построили знаменитый каналъ Ганга, о которомъ шумѣли на весь свѣтъ и увѣряли, что въ Индіи ничего подобнаго не было видно, но когда потребовались деньги на то, чтобы сдѣлать его годнымъ для искусственныхъ орошеній, тогда послѣдовало рѣшеніе, что онъ долженъ быть преимущественно назначенъ для судоходства и сдѣлалось главною причиною жестокаго голода 1860 года. Втеченіе тысячи лѣтъ индійцы уже привыкли покоряться разнородному иностранному владычеству и по этому они къ подобнымъ завоевателямъ относятся довольно безпристрастно. Въ особенности это можно сказать про европейцевъ. Европейцы, которые обращались съ ними хорошо, пріобрѣтали такую съ ихъ стороны симпатію, что послѣ смерти подобныхъ правителей индійцы начинали ихъ признавать святыми и ходили къ ихъ могиламъ на богомолье. Наглядным доказательствомъ безпристрастія населенія къ англичанамъ послужилъ во время самого возстанія Лорансъ, о которомъ мы говорили выше.

Между сейхами онъ пріобрѣлъ большую любовь, потому что ввелъ полезныя соціальныя реформы, установилъ опредѣленные и умѣренные поборы съ земли. Въ Пенджабѣ его дѣятельность была еще полезнѣе. При Ренджитъ-Сингѣ поземельная подать равнялась половинѣ цѣны произведеній, онъ уменьшилъ ее до одной четверти. Когда вспыхнуло индійское возстаніе, вызванное грабительскимъ управленіемъ англичанъ, ненависть противъ нихъ была такъ велика, что они рѣшительно ни на кого

не могли надѣяться, даже тамъ, гдѣ англійскіе офицеры всего болѣе были убѣждены въ покорности сипаевъ, сипаи возставали и избивали ихъ. Въ Пенджабѣ управленіе не было образцовымъ, но черезъ усилія Лоранса оно сдѣлалось по крайней мѣрѣ менѣе притѣснительнымъ, чѣмъ оно было до англійскаго владычества. Страна эта была покорена гораздо позже, вліяніе англичанъ не успѣло еще утвердиться такъ, какъ въ другихъ частяхъ Индіи, всѣ условія были менѣе благопріятны, но управленіе было менѣе притѣснительно и спокойствіе въ странѣ оказалось такимъ прочнымъ, что Лорансъ могъ мало-по-малу выслать изъ страны для подавленія возстанія въ Дели войска до 50,000 человѣкъ. Пенджабъ остался почти совершенно безъ всякой военной силы. Броженіе и тутъ существовало, были и попытки мятежа, но онѣ носили характеръ, рѣзко противоположный прочимъ частямъ Индіи. Въ Индіи были недовольны и возставали противъ притѣсненій массы народа, въ Пенджабѣ, напротивъ, недовольными оказались притѣснители народныхъ массъ, и Лорансъ могъ подавлять мятежъ, возстановляя противъ нихъ народъ. По Инду относительно всего болѣе магометанъ, а именно тамъ-то возстанія и не было; это даетъ намъ понятіе о правильности увѣренія англичанъ, будто бы возстаніе слѣдуетъ приписать неудовольствію магометанской аристократіи. Отсюда же мы видимъ, насколько заслуживаютъ довѣрія ихъ увѣренія, что возстаніе вызвано было именно ихъ благодѣтельными мѣрами. Возстаніе произошло оттого, что они управляли страною съ непростительною небрежностью, заморили ее голодомъ, изнурили поборами и эксплуатаціей капиталистовъ. Относительно поборовъ достаточно одного примѣра. Поземельный сборъ съ конца прошлаго столѣтія (1792 года) увеличился вчетверо (съ 4 милльоновъ до 16 милльоновъ фунтовъ стерлинговъ), передъ самымъ возстаніемъ онъ простирался до 120 милльоновъ рублей серебромъ. Неслыханное единодушіе этого возстанія и безграничная ненависть къ англичанамъ, которая при этомъ проявилась, показываютъ, какъ велики должны были быть страданія страны. Единодушіе, съ которымъ индійцы пожелали возвратиться къ прежнему магометанскому управленію, показываетъ намъ, которое изъ двухъ управленій, одинаково для него чуждыхъ, было для него благодѣтельнѣе—магометанское или англійское.

Нужно имѣть весьма убѣдительныя причины, чтобы отвергнуть такой судъ народа; подобныхъ причинъ не существуетъ. Напротивъ, мы видимъ поразительныя явленія, которыя вполнѣ подтверждаютъ справедливость суда мѣстнаго населенія. Мы видимъ, напримѣръ, что англичане разрушали промышленность Индіи и втеченіе долгаго времени уменьшали производительность хлопчатой бумаги, разстраивая древне-индійскую организацію труда. Если они по отношенію къ промышленности, и въ особенности къ хлопчато-бумажной промышленности, дѣйствовали такимъ образомъ, то что же можно было ожидать въ другихъ сферахъ. Весьма интересно читать біографіи англійскихъ государственныхъ людей въ Индіи и хвалебные гимны, которыми они наполнены. Вы видите, что образъ дѣйствія этихъ людей былъ, можетъ быть, дѣйствительно раціональный

и практичный, но именно эта практичность и показываетъ нравственный уровень англичанъ. Сулла, для того, чтобы привязать къ себѣ войска, точно такъ-же, какъ Валленштейнъ и Чингисъ-Ханъ, дозволялъ ему грабить и безчинствовать — это было раціонально и практично, но именно эта-то практичность и указываетъ на нравственный уровень войска.

Управленіе англичанъ въ Индіи обнаруживаетъ и болѣе свѣтлый взглядъ на вещи и болѣе развитое нравственное чувство, чѣмъ управленіе голландцевъ на Явѣ, а между тѣмъ англичане все-таки не были до сихъ поръ въ состояніи расплодить тамъ такое густое населеніе, какое въ свои цвѣтущія времена расплодила восточная индійская цивилизація. На Явѣ та же восточно-индійская цивилизація расплодила населеніе весьма густое въ цвѣтущія свои времена, нѣсколько столѣтій тому назадъ; насколько оно было гуще современнаго, рѣшить теперь едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти факты весьма знаменательны, они показываютъ, что въ столкновеніи съ восточной цивилизаціей западная вовсе не оказывается болѣе благодѣтельною для человѣчества, въ Алжирѣ она показала даже, что она можетъ стоять на одной ногѣ съ вліяніемъ обществъ застоя, въ Таити — ниже дикарей, въ Индіи и на Явѣ она также не имѣла рѣшительнаго преимущества надъ магометанскимъ управленіемъ. Все это, несмотря на то, что по интеллектуальному своему развитію европейцы несомнѣнно и значительно превосходятъ образованное сословіе восточной цивилизаціи, не говоря уже объ обществахъ застоя. По отношенію къ государствамъ формальной религіи можно указать на такіе же факты. Въ Мехикѣ европейское вліяніе явилось задерживающимъ, а не прогрессивнымъ началомъ. Хуаресъ отмѣнилъ кабалу, а императоръ Максимильянъ ввелъ ее снова. Вотъ къ чему привела европейцевъ узкость взгляда на жизнь и счастье, которая заставляла ихъ возвеличивать человѣка за накопленіе вещей, за то, что онъ окружалъ себя блескомъ и роскошью и плодилъ искусственныя потребности. Вотъ къ чему привела проповѣдь европейскихъ ученыхъ, которые видѣли въ роскоши лучшій стимулъ для возбужденія къ дѣятельности; проповѣдуя подобныя правила, они затмили умъ европейцевъ до того, что, несмотря на всю силу своихъ умственныхъ способностей, они не были въ состояніи видѣть условія жизни въ истинномъ ихъ свѣтѣ и на ложномъ пути дѣлались лѣнтяями и негодяями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какой интересъ представляетъ восточная цивилизація. — Полный застой нравственныхъ понятій въ странахъ восточной и западной цивилизаціи — причина этого явленія. — Цивилизація двигалась только въ узкихъ рамкахъ этого застоя. — Исторія Китая въ то время, когда на западѣ процвѣтала семитическая цивилизація — изъ среды мелкихъ владѣтелей и родоначальниковъ начинаетъ выдѣляться глава государства. — Почему ложное воззрѣніе на величіе не давало перевѣса ни централизующимъ, ни децентрализующимъ элементамъ? — На что Китай употребилъ тысячу лѣтъ? — Отчаяніе народа, набѣги. — Умственная дѣятельность. — Лоонцзы и Конгъ-фу-тзе. — Умѣренные либералы и крайнее направленіе. — Почему и какимъ образомъ умственное движеніе привело въ Китаѣ къ объединенію государства, къ уничтоженію частнаго землевладѣнія и къ замѣнѣ его государственнымъ. — Сравненіе съ современной ему греческой цивилизаціей.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Застой въ органической жизни, не мыслимъ, еще менѣе его можно себѣ представить въ жизни человѣческой. Человѣкъ неизбѣжно или учится, или забываетъ. Этотъ процессъ развитія и разложенія неизбѣженъ даже у дикарей. Американскіе ученые, вникая въ бытъ бродячихъ краснокожихъ, невольно обращали вниманіе на то, что бытъ этотъ для того, чтобы образоваться, долженъ былъ имѣть продолжительную исторію развитія. Послѣ этого какъ-то даже странно читать отзывы ученыхъ, которые утверждаютъ, что Китай и Японія втеченіе тысячъ лѣтъ оставались въ неизмѣнномъ положеніи—чего мы не знаемъ, того не существуетъ! Возможно ли имѣть густоту населенія, которая на огромныхъ пространствахъ превышаетъ 18,000 человѣкъ на квадратной милѣ и оставаться въ неподвижномъ состояніи? въ такомъ обществѣ человѣкъ для того, чтобы обезпечить себѣ жизнь, долженъ такъ напрягать свои умственныя силы, такъ развивать свою изобрѣтательность, что общество неизбѣжно будетъ идти впередъ или назадъ. Мы видимъ, что наростъ населенія производитъ постоянное давленіе на китайцевъ, заставляетъ ихъ разсыпаться по окрестнымъ землямъ и островамъ и загоняетъ ихъ даже въ Америку. Это давленіе неизбѣжно должно побуждать ихъ къ движенію въ ту или другую сторону. Если мы говорили выше о государствахъ застоя, то вовсе не въ томъ смыслѣ, что они оставались неподвижными, какъ видно и изъ самого изложенія. До сихъ поръ во всякій періодъ своего существованія человѣчество, жившее на земной поверхности, имѣло въ своей средѣ общества, бывшія для него источникомъ развитія, общества, которыя жили въ мѣстностяхъ, когда-то цивилизованныхъ и плодившихъ цивилизацію, но опустошившихся, и дикарей, гдѣ не было замѣтно, что-

бы ихъ мѣстность когда-либо была источникомъ цивилизаціи. Наше изложеніе даетъ возможность наглядно опредѣлить современное отношеніе между этими мѣстностями. Мы видѣли, что восточная цивилизація отличается отъ западной тѣмъ, что она способна была расплодить несравненно болѣе густое населеніе. Нетолько трудно, но даже не возможно сказать, составляютъ ли массы людей, принадлежащихъ къ западной цивилизаціи, болѣе счастливое населеніе, чѣмъ люди восточной, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они гораздо менѣе многочисленны. Мы видимъ, что, лишь только вслѣдствіе грубости чувствъ и несчастной обстановки жизнь людей начинаетъ наполняться большимъ числомъ тягостныхъ впечатлѣній, густота населенія относительно пространства дѣлается менѣе значительной, поэтому самая уже густота населенія есть до извѣстной степени ручательство за счастье. Мы видимъ, что въ Африкѣ, въ западной Азіи, даже въ Испаніи, гдѣ развившаяся гуманность распложала большое населеніе, населеніе это очень быстро уменьшалось, когда несчастное столкновеніе обстоятельствъ плодило въ немъ бездушіе и грубость и ихъ неибѣжнаго спутника—лѣнивыхъ людей, которые равнодушно смотрятъ на гибель своего потомства. Мы видимъ, что въ Индіи, на Явѣ, въ Китаѣ точно такія же разрушительныя завоеванія не могли однакоже породить тѣхъ-же результатовъ. Въ Индіи населеніе оставалось густымъ, не смотря на то, что ея цивилизація, разрушавшаяся періодически повторявшимися завоеваніями, не была ни окончательно возстановлена, ни замѣнена новою; Китай поправлялся отъ жестокихъ наносимыхъ ему ударовъ быстрѣе, чѣмъ западная Европа. Это показываетъ, что восточная цивилизація порождала въ своемъ населеніи привычки гуманности съ ихъ послѣдствіемъ—миролюбіемъ и трудолюбіемъ, которыя заключали въ себѣ замѣчательную силу противодѣйствія. Эти привычки должны были неизбѣжно служить обильнымъ источникомъ счастья среди людей, у которыхъ они укоренились. Ничто не можетъ быть интереснѣе, какъ подойти къ нимъ ближе и посмотрѣть, какъ они образовались и въ чемъ они заключаются. Между странами восточной цивилизаціи, конечно, самымъ интереснымъ предметомъ изученія долженъ быть Китай. Японія—страна сравнительно юная; она шла тѣмъ-же путемъ, но дошла только до полдороги. Индія и ея ученикъ, Ява, подвергались непосредственному наблюденію европейцевъ только во времена своего паденія, когда инстинкты дѣйствовали у нихъ гораздо болѣе вяло и тупо.

Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ, изслѣдовавшій нравственныя и религіозныя воззрѣнія китайцевъ, говоритъ, что три тысячи лѣтъ тому назадъ китайцы уже были знакомы съ цѣлой системой нравственныхъ истинъ и съ того времени не подвинулись ни на одинъ шагъ впередъ. Это, конечно, могло-бы указывать на застой, если бы того же самаго и именно въ томъ же самомъ смыслѣ нельзя было бы сказать и о западно-европейской цивилизаціи. Уже въ древности, напр., стоики и циники высказывали всѣ тѣ нравственныя истины, которыми гордится современная христіанская цивилизація; мало этого, когда католическое духовенство стало проповѣдывать христіанское ученіе въ Китаѣ, китайцы

смѣялись надъ нимъ и доказывали, что всѣ эти ученія у нихъ давно уже существуютъ и что только по своему невѣжеству оно воображаетъ, что оно говоритъ имъ что-нибудь новое. Даже во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ буддизмъ оказался вполнѣ схожимъ съ католичествомъ. Это тѣмъ унизительнѣе было для католиковъ, что китайцы, съ свойственной имъ заносчивостью, смотрѣли на нихъ, какъ на прочихъ иностранцевъ, и считали ихъ, въ сравненіи съ китайцами, невѣждами и варварами, и такимъ образомъ они стали имъ казаться варварами, которые вздумали ихъ обмануть, но по своему невѣжеству попались въ самую жалкую ловушку. Католики были этимъ до такой степени поражены, что они приписали все это дьяволу, который будто бы внушилъ китайцамъ это для того, чтобы сыграть съ проповѣдниками христіанства мерзкую штуку и помѣшать распространенію ихъ ученія. Если христіанство стало распространяться въ Китаѣ, то оно въ этомъ случаѣ все менѣе было обязано своимъ проповѣдникамъ и всего болѣе поражавшимъ воображеніе китайцевъ проявленіямъ европейской интеллигенціи и европейской науки. Имъ казалось, что религія племени, которому извѣстно столько тайнъ природы, должна имѣть особенную, просвѣтляющую умъ силу. Поразительный застой нравственныхъ ученій произвелъ то, что европейская интеллигенція, привыкшая къ постоянному прогрессу и къ постояннымъ перемѣнамъ въ своихъ воззрѣніяхъ, наконецъ охладѣла къ нимъ и стала относиться съ полнымъ пренебреженіемъ. Ньютонъ и Пристлей, которые свои открытія ставили несравненно ниже этой области умственной дѣятельности, теперь бы и не подумали объ ней. Причина застоя тутъ совершенно понятная. Учители нравственности рядъ правилъ, которыя почему-то казались имъ хорошими, провозглашали добродѣтелями и объявляли, что люди должны имъ слѣдовать, хотя такой образъ дѣйствія нетолько не увеличиваетъ ихъ счастье, но напротивъ уменьшаетъ его и увеличиваетъ ихъ страданія. Они даже прямо отказывались входить въ разсмотрѣніе основаній, по которымъ они тотъ или другой образъ дѣйствія признавали добродѣтельнымъ, а утверждали, что истину человѣкъ тутъ чувствуетъ инстинктивно. Такіе пріемы до такой степени были противны всѣмъ привычкамъ интеллигенціи, занимавшейся наукой, что, не зная какъ поправить дѣло, она вовсе оставляла безъ вниманія эту отрасль явленій природы. Одни философы постоянно чувствовали, что подобное пренебреженіе порождаетъ пробѣлъ, не дозволяющій составить себѣ полное систематическое міровоззрѣніе. Недостатокъ этотъ они старались пополнить, по крайней мѣрѣ, придумывая болѣе раціональное основаніе для взятаго изъ воздуха ученія о добродѣтеляхъ; они старались, напр., создать такое основаніе изъ ученія о пользѣ. Они старались даже доказывать солидарность человѣческихъ интересовъ. Но всѣ подобныя ученія были выстроены на облакахъ и потому вовсе не были способны заинтересовать людей науки. Въ сущности они повторяли опять-таки то же самое, что говорилось тысячи лѣтъ тому назадъ. Главная причина тутъ заключалась въ совершенно неудовлетворительномъ психологическомъ анализѣ. Такія явленія, какъ гордость, тщеславіе, стремленіе къ величію,

къ богатству, къ славѣ, были въ ихъ глазахъ порожденіями эгоизма и ставились въ одинъ рядъ съ стремленіемъ къ удовлетворенію инстинктовъ голода, вкуса и т. д. Для нихъ они вовсе не были порожденіемъ инстинктовъ міровой жизни, созданныхъ въ человѣкѣ для того, чтобы онъ исполнялъ свое особое назначеніе—плодить жизнь, и указывающихъ на это назначеніе точно такъ же, какъ организація птицы указываетъ на ея назначеніе летать, а рыбы плавать въ водѣ. Они не понимали ни однородности этихъ проявленій съ проявленіями религіозными, ни отличія ихъ отъ проявленій эгоистическихъ, ни путь, которымъ они создавали и плодили искусственныя потребности. Они вовсе не обращали вниманія на органическую связь, которая существуетъ между этими стремленіями и общественнымъ мнѣніемъ, и на значеніе, которое эта связь имѣетъ для установленія солидарности человѣческихъ интересовъ. Неумѣніе понимать всѣ эти явленія породило безплодное и сбивающее съ толку ученіе о томъ, что эгоизмъ служитъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Философы чувствовали всѣ противорѣчія, въ которыхъ они запутывались посредствомъ подобныхъ воззрѣній, и инстинктивно чувствовали, что выйти изъ затрудненія возможно только, установивъ солидарность между добродѣтелью и человѣческимъ счастьемъ; поэтому уже въ древности они объявляли, что пороки—это исключительно плодъ недостаточнаго пониманія; въ новѣйшія времена они заявляли, что человѣкъ, совершенно правильно понимающій пользу, будетъ и наиболѣе счастливымъ, и наиболѣе добродѣтельнымъ человѣкомъ. Однакоже едва ли существовалъ человѣкъ, философъ или не философъ, у котораго чувства были такъ тупы, что онъ не понималъ, что тутъ что-то не такъ. Всякому доступно, что если человѣкъ будетъ возвеличиваться общественнымъ мнѣніемъ за дурную дѣятельность и унижаться и презираться за хорошую, то какъ бы онъ правильно ни понималъ пользу, но, слѣдуя своимъ воззрѣніямъ, онъ не будетъ вполнѣ счастливъ. Если одни изъ его инстинктовъ міровой жизни будутъ удовлетворяться тѣмъ, что онъ будетъ слѣдовать своимъ понятіямъ о пользѣ, то другіе неизбѣжно будутъ страдать отъ презрѣнія, которымъ его будутъ окружать люди и ихъ общественное мнѣніе. Для того, чтобы человѣкъ въ этомъ случаѣ не сбивался съ истиннаго пути общественнымъ мнѣніемъ, его понятіе о пользѣ должно быть нетолько чрезвычайно глубоко обдумано, но и чрезвычайно глубоко прочувствовано; однакоже, даже и въ этомъ случаѣ, онъ будетъ слѣдовать ему, но не будетъ вполнѣ счастливъ. Пока общественное мнѣніе будетъ неправильно, до тѣхъ поръ вполнѣ счастливые люди не возможны. Человѣкъ, который будетъ слѣдовать общественному мнѣнію, будетъ страдать отъ инстинктовъ, побуждающихъ его искать истинную пользу, а тотъ, кто будетъ слѣдовать своимъ воззрѣніямъ на пользу, будетъ страдать отъ общественной оцѣнки своихъ поступковъ тѣмъ болѣе, что никто не можетъ быть увѣренъ въ безусловной правильности своего пониманія и ложности воззрѣній общества. При такомъ положеніи самый благоразумный путь для человѣка, если онъ хочетъ какъ можно болѣе доставить себѣ пріятныхъ ощущеній, заключается въ томъ, чтобы

какъ можно вѣрнѣе понять истину и, слѣдуя ей, располагать въ ея пользу общество и вырабатывать правильное общественное мнѣніе. Если человѣкъ, по слабости своего воображенія, будетъ себѣ представлять, что, не вырабатывая себѣ истинныхъ воззрѣній и не слѣдуя имъ, онъ найдетъ свое счастье, когда онъ будетъ плыть по водѣ и, замазывая кое-какъ дыры и прорухи, будетъ стараться возвеличиться во мнѣніи общества,— онъ неизбѣжно ошибется. Такимъ образомъ мы видимъ множество людей, которые, легкомысленно воображая, что достаточно достигнуть почестей и богатства, чтобы быть счастливымъ, въ концѣ видятъ, какъ жестоко они ошиблись, начинаютъ ненавидѣть и общество, и всякое развитіе и въ своихъ роскошныхъ палатахъ умираютъ истинными мучениками своей близорукости,—всѣ ихъ человѣческіе инстинкты грызутъ и заѣдаютъ ихъ жизнь; человѣкъ не можетъ не чувствовать истины хотя до извѣстной степени, если она употребляется противъ него оружіемъ. Такое воззрѣніе показываетъ съ одной стороны все значеніе правильнаго общественнаго мнѣнія для прочнаго счастья людей, а съ другой, что правильное общественное мнѣніе можетъ быть выработано только научнымъ анализомъ. Общественное мнѣніе дѣлается такимъ образомъ средоточіемъ и корнемъ всего. При поверхностномъ взглядѣ на вещи можетъ показаться, что тутъ снимается съ человѣка вся та личная отвѣтственность, на которой философы и теологи до сихъ поръ сосредоточивали все дѣло, и что поэтому подобное воззрѣніе можетъ оказаться весьма опаснымъ, но стоитъ только вникнуть въ дѣло, чтобы понять, что въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось, потому что къ отвѣтственности привлекаютъ человѣка только тѣ же инстинкты міровой жизни и то же общественное мнѣніе. Наука не можетъ, какъ нянька, ходить за каждой отдѣльной личностью и заставлять ее волею и неволею исправлять свои недостатки, она можетъ дѣйствовать только на все общество и очень хорошо чувствуетъ это. Ненормальныя и близорукія натуры будутъ существовать всегда, но даже и они будутъ другими, какъ скоро все общество будетъ правильнѣе понимать свою задачу. Неумѣнье понять истинное значеніе общественнаго мнѣнія привело къ тому, что въ этомъ отношеніи чувства и воззрѣнія людей остались неизмѣнными втеченіе тысячелѣтій, прожитыхъ человѣчествомъ. Люди науки въ западной цивилизаціи, вовсе не обращая вниманія на это условіе жизни, сосредоточились на анализѣ и разработкѣ общественныхъ формъ: они создали политическую экономію, государственное право, горячо спорили о соціальныхъ формахъ и совершенно не замѣчали, что они строили зданія безъ фундамента, безъ твердаго подъ ними грунта. Если политическая экономія вполнѣ разъяснитъ людямъ законъ цѣны и распредѣленія богатствъ, но если въ то же время общественное мнѣніе будетъ возвеличивать человѣка за роскошь и внѣшній блескъ, то эта политическая экономія дастъ сильнымъ и умнымъ только новое орудіе, чтобы угнетать слабыхъ и неразвитыхъ. Анализируя общественное мнѣніе и чувства обществъ съ этой точки зрѣнія, нельзя не удивляться тому, до какой степени они остались неизмѣнными въ главныхъ своихъ основа-

ніяхъ, и до какой степени вредная ихъ сторона осталась совершенно нетронутою. Люди западной цивилизаціи, не смотря на все свое интеллектуальное развитіе, точно такъ же, какъ самые неразвитые дикари, благоговѣютъ передъ побѣдоноснымъ воиномъ, передъ человѣкомъ, живущимъ въ роскошномъ дворцѣ, рисующимся въ роскошномъ экипажѣ, передъ человѣкомъ, который пріобрѣлъ большую власть, имѣютъ къ подобнымъ людямъ совершенно другія чувства и обращаются съ ними совершенно иначе, чѣмъ съ человѣкомъ, который ничѣмъ внѣшнимъ не выдѣляется изъ толпы. Такое общественное настроеніе считается прямо вытекающимъ изъ природы человѣка и на его счетъ не возбуждается даже сколько-нибудь серьезно вліяющихъ на общество сомнѣній. Между тѣмъ, довольно ясно, что еслибы наука поняла, до какой степени важно установлять тутъ правильныя воззрѣнія и чувства, и сосредоточила бы на этомъ столько силъ, сколько требуется дѣломъ, то люди, къ крайнему своему удивленію, скоро увидали бы, что то, что они считали прямо вытекающимъ изъ природы вещей и противъ чего человѣкъ казался безсильнымъ, можетъ вполнѣ и радикально измѣниться. Такъ какъ подобнаго умственнаго движенія до сихъ поръ не существовало, то прогрессъ и исторія цивилизацій должны были двигаться только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это было возможно при неизмѣнно ложномъ общественномъ мнѣніи и при неизмѣнно ложныхъ общественныхъ чувствахъ. Посмотримъ, какъ развивался строй общества въ Китаѣ при неподвижности стискивающихъ его, наравнѣ со всѣмъ прочимъ человѣчествомъ, столбовъ.

Въ то время, когда процвѣтала симетическая цивилизація, когда Вавилонъ, Финикія, Египетъ стояли во главѣ человѣчества на западной половинѣ восточнаго материка, на восточной половинѣ современная китайская территорія была заселена множествомъ племенъ, которыя говорили различнымъ языкомъ и группировались около мелкихъ начальниковъ. Исторія Китая для этого времени не существуетъ; даже о преданіяхъ мы имѣемъ самыя недостаточныя понятія, тѣмъ болѣе сбивчивыя, что китайскіе ученые сочиняли для этого времени историческіе романы съ цѣлью поучать человѣчество и въ особенности государей. Въ то время, когда у китайцевъ составились первыя письмена, имъ еще не извѣстны были металлы. Они употребляли топоры, ножи, заступы, даже мечи изъ камня. Поселяясь на китайской территоріи, они вытѣснили древнее племя міяотсе, которое стояло, повидимому, на болѣе высокой степени цивилизаціи и было знакомо съ желѣзомъ. Китайцы, въ это время, были такъ дики, что они брали съ нихъ дань желѣзомъ и все-таки не научились его обрабатывать. Утвердившись въ Китаѣ, китайцы познакомились со всѣми металлами, но не умѣли обрабатывать ни желѣза, ни олова, а были знакомы только съ мѣдью. Все, что мы можемъ заключить объ этомъ древнемъ времени, состоитъ въ томъ, что въ началѣ тутъ шла жестокая борьба между земледѣльцами и кочующими племенами: земледѣльцы старались оттѣснить номадовъ и завладѣть безопасной для себя территоріей. Сами земледѣльцы раздѣлялись на множество мелкихъ ро-

довъ, между которыми вовсе не существовало согласія. Сначала начальники родовъ избирали государя, но государи стремятся сдѣлать свой престолъ наслѣдственнымъ. Для достиженія этой цѣли они употребляютъ пріемы, уже давно знакомые нашимъ историкамъ, такъ, напримѣръ, государь, съ цѣлью утвердить свою власть, перемѣняетъ столицу, какъ это дѣлали у насъ князья. Государи стараются быть популярными, чтобы имѣть болѣе силы въ борьбѣ съ аристократіей, они установляютъ опредѣленные поборы, школу, гдѣ всѣ получаютъ одинаковое образованіе и куда самъ государь посылаетъ своего ребенка, они возвышаютъ людей изъ народа. Усиливать одного сильнаго до такой степени, чтобы онъ одинъ могъ обуздывать всѣхъ прочихъ — вотъ единственный путь, которымъ можетъ идти въ своемъ первоначальномъ развитіи общество, возвеличивающее въ своемъ мнѣніи людей за геройство и богатство — это обузданіе силы силою. Но при такомъ настроеніи и государь будетъ неизбѣжно стремиться истощать силы народа изъ желанія возвеличиться во мнѣніи людей блескомъ, побѣдами и искусственными потребностями — это неизбѣжно должно уравновѣшивать шансы борьбы между сильными борцами. Рядомъ съ демагогическими пріемами со стороны государей, мы видимъ крайнее злоупотребленіе ими властью, которое ожесточаетъ народъ и возвращаетъ силу аристократамъ; мы видимъ борьбу внутри и стремленіе расшириться, увеличить число своихъ данниковъ, борьбу съ дикарями, которые совершаютъ безпрерывные набѣги съ сѣвера, съ юга и со всѣхъ сторонъ. Внутренняя борьба приводитъ къ колонизаціи, побѣжденные аристократы оставляютъ съ своими приверженцами страну и поселяются въ Кореѣ, въ Японіи и въ другихъ мѣстахъ. Невыносимая анархія грозитъ обществу оттого, что всѣ тѣснятся къ величію, которое дается за вредную дѣятельность, и конкурренція изъ-за приза, громаднаго вознагражденія приводитъ къ учрежденію династіи, т. е. къ господству, достающемуся случайно, а не по причинѣ способностей. Но самый этотъ порядокъ, при избалованной аристократіи и при неспособности случайно получившихъ власть правителей держать бразды правленія желѣзною рукою, приводитъ къ положенію, въ которомъ находятся государства застоя и которое не даетъ имъ возможности сдѣлать ни одного шага впередъ. Государи свергаются съ престола, посылаются въ ссылки, и передъ вашими глазами проходитъ картина, которая заставляетъ васъ подозрѣвать столѣтія жалкихъ и безъисходныхъ страданій населенія. Нравы высшихъ сословій этого времени отличаются еще дикою простотою, государи носятъ грубый холстъ и одѣваются въ звѣриныя шкуры, они живутъ въ землянкахъ, покрытыхъ соломою. Эти зданія были такой плохой постройкой, что сквозь нихъ просачивался дождь и отъ скопленія сырости внутри выростала трава. Мѣсто пріемной залы заступалъ большой дворъ. Втеченіе этихъ вѣковъ, однакоже, незамѣтно зрѣли идеи, которыя скрывали въ себѣ зародышъ цивилизаціи и гуманности. Въ обществѣ проявляется мысль, что нетолько аристократію слѣдуетъ удерживать въ предѣлахъ посредствомъ независимаго государя, но и что самого государя слѣдуетъ обуздывать. Непослушавшійся предостереженія

государь низвергается аристократами съ престола, и тутъ мы видимъ, что во главѣ аристократіи стоитъ, во время движенія, не самый знатный и могущественный, а самый способный. Тшинъ-Тангъ [1]) владѣлъ незначительной землей и ядро возставшихъ съ нимъ воиновъ состоитъ изъ свободныхъ земледѣльцевъ. Въ своей рѣчи къ войску Тшинъ-Тангъ говоритъ: «Вы сказали мнѣ: мы оставляемъ труды своей жатвы, чтобы наказать государя, который не любитъ своего народа». Тшинъ-Тангъ избирается государемъ. При баснословности всѣхъ этихъ преданій, конечно, невозможно опредѣлить, какую долю въ этомъ избраніи имѣло аристократическое и какую демократическое вліяніе, но слова Тшинъ-Танга указываютъ на такое первобытное состояніе, что возможно предполагать, что они, дѣйствительно, сохранились либо въ какомъ-нибудь преданіи либо въ какой-нибудь лѣтописи. Въ это время преданіе указываетъ уже на значительный успѣхъ, сдѣланный въ централизаціи. Пятьсотъ лѣтъ ранѣе Китай былъ раздѣленъ между десятью тысячами мелкихъ владѣльцевъ, теперь ихъ насчитывалось уже только три тысячи. Вопросъ о преимуществѣ деспотическаго или аристократическаго правленія остается, однакоже, неразрѣшеннымъ въ глазахъ народа — тысячу лѣтъ страданій для этого оказались недостаточными. Безпутное поведеніе государей, до котораго ихъ доводили искусственныя потребности каждый разъ, когда они начинали укрѣпляться на престолѣ, роняло ихъ тотчасъ же въ глазахъ народа, и вы снова видите раздачу леновъ, возрастаніе аристократическихъ фамилій и аристократическаго вліянія. Но еще быстрѣе возрастаетъ ненависть народная къ аристократамъ, вы встрѣчаетесь съ явленіемъ вродѣ избіенія трехъ сотъ князей народомъ. Народъ, повидимому, лишился всякой надежды встрѣтить благопріятныя условія для своей жизни и для своего развитія, онъ, повидимому, окончательно убѣдился, что въ высшихъ слояхъ общества нѣтъ элементовъ, способныхъ обезпечить за нимъ это развитіе, да и не можетъ быть,—тамъ, гдѣ общественное мнѣніе возвеличиваетъ за вредную дѣятельность, очень трудно явиться условіямъ, при которыхъ высшее сословіе способствовало бы народному развитію. Централизація общества и демократическое направленіе, хотя весьма медленно, но все-таки пробиваютъ себѣ путь. Болѣе пятисотъ лѣтъ послѣ Тшинъ-Танга, когда утвердился домъ Чжоу, число владѣтельныхъ князей уменьшилось еще на половину, князей насчитывалось уже только 1,773. Тутъ являются и первыя идеи, внушенныя демократическими стремленіями. Правительство пришло къ мысли, что гдѣ численность, тамъ и сила, и что увеличеніе населенія производитъ самое благодѣтельное вліяніе на государство. Съ того времени аристократическое и демократическое направленіе, которыя принимались общественною жизнью, постоянно характеризовались воззрѣніемъ на населеніе. Аристократическое всегда толковало о вредѣ чрезмѣрно густого населенія, а демократическое проповѣдывало, что слѣдуетъ распложать людей. Въ это время Китай, да и то только меньшая его часть, былъ

[1]) Китайскія имена такъ перевираются, что я не могу знать, настоящія-ли я здѣсь употреблялъ имена.

населенъ точно такъ же, какъ теперь Сибирь или нашъ сѣверъ. Населеніе скоплялось около рѣкъ, да и то только небольшими деревнями, которыя разбросаны были на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. На огромныхъ пространствахъ, гдѣ не было жилья, паслись стада, а весь югъ былъ занятъ независимыми дикарями.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Такъ очерчивается передъ нами полубаснословная исторія Китая. Достовѣрная исторія начинается позже греческой; китайскіе писатели, считаютъ ее только съ 722 г. до Р. Х., между тѣмъ какъ греческая считается съ 776 г. Нѣтъ никакой причины считать Китай въ это время болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ Грецію. Я не знаю, на чемъ основано мнѣніе о древности китайской цивилизаціи. Конечно она древняя, но вѣдь и цивилизація бродячихъ краснокожихъ индѣйцевъ, которые до сихъ поръ еще не перешли къ земледѣлію, также древняя. Конечно китайцы уже давно пережили этотъ періодъ, но нельзя сказать, что они пережили и тотъ фазисъ развитія, въ которомъ испанцы застали краснокожихъ въ Мехикѣ, въ Китаѣ это было время бронзы и ввознаго желѣза. Греки къ началу своей достовѣрной исторіи по своему развитію стояли, можетъ быть, выше другихъ азіатскихъ народовъ и по всей вѣроятности они стояли также выше китайцевъ. Если въ началѣ этого періода они точно такъ же, какъ китайцы были знакомы только съ чужимъ желѣзомъ, то они ранѣе китайцевъ научились его обрабатывать. Китай, по политическому своему положенію, стоялъ на той же ступени, на которой была Европа въ самыя жалкія времена средневѣковой анархіи, власть была уже наслѣдственная, но не имѣла никакой силы, аристократы распоряжались деспотически и грызлись между собою, дикари дѣлали набѣги со всѣхъ сторонъ, и въ этомъ отношеніи Китай стоялъ нѣсколько выше странъ, гдѣ кочующее и бродячее населеніе имѣетъ постоянный перевѣсъ надъ земледѣльцами, и гораздо ниже государствъ временъ Меровинговъ въ Европѣ. Земледѣльцы единодушно чувствовали себя врагами номадовъ, они понимали, что отъ ихъ набѣговъ они могутъ ждать себѣ только ухудшенія, а не улучшенія своего положенія, они чувствовали къ нимъ ту единодушную и инстинктивную ненависть, которая развивается въ земледѣльцахъ, когда они достигаютъ нѣкоторой гражданственности и понимаютъ, какими жадными глазами номады смотрятъ на ихъ благосостояніе; но они сами дѣлали другъ друга до того несчастными, что часто были совершенно неспособны къ борьбѣ съ разбойничьими племенами. Очень жаль, что исторія интеллектуальнаго развитія, промышленнаго и земледѣльческаго труда въ Китаѣ до такой степени баснословна, что, въ этомъ отношеніи, нельзя составить себѣ никакой ясной картины ихъ жизни въ седьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова, чтобы сравнить ихъ съ греками. Въ по-

литическомъ отношеніи, греки стояли безъ всякаго сомнѣнія выше китайцевъ, они въ это время переходили отъ единодержавія къ свободѣ.— Китайская исторія періода до Конфуція—это исторія феодальной неурядицы, это время, когда всѣ умственныя силы страны сосредоточивались на военномъ искуствѣ, время господства панцыря и меча. Китай тогда сосредоточивался на берегахъ Желтой рѣки, къ югу отъ Янгцекіанга была дичь. Въ половинѣ VII вѣка встрѣчается избраніе государя феодалами, затѣмъ упоминается о государѣ, который до такой степени усилился, что могъ быть уже судьею между своими вассалами. Это было время заговоровъ, тайныхъ убійствъ, гдѣ ко всѣмъ ужасамъ средневѣковой анархіи присоединялись набѣги дикарей съ юга и съ сѣвера. Населеніе должно было находиться въ самомъ ужасномъ и жалкомъ положеніи. Впрочемъ видно уже стремленіе перейти къ лучшимъ порядкамъ и ненависть къ феодальнымъ обычаямъ. Развивается научная дѣятельность и наконецъ являются два великихъ человѣка Лао-тзе и Конг-фу-тзе (Конфуцій). Это раздѣленіе школъ напоминаетъ современное раздѣленіе на философовъ раціоналистовъ, симпатизирующихъ народу, и на интеллегенцію умѣренно либеральнаго направленія. Школа Лао-тзе смотрѣла свысока на Конфуція и его послѣдователей, она считала ихъ ученіе мелкимъ и грязноватымъ, она имѣла сильное тяготѣніе къ народнымъ массамъ, но по отвлеченности своихъ воззрѣній была все-таки недоступна для народа. Симпатіи были въ ней сильнѣе раціональныхъ стремленій; нисходя съ своей высоты для удовлетворенія народнымъ потребностямъ, она одушевила таинственной жизнью невидимокъ облака, лѣса и озера, она сдѣлалась религіей суевѣрныхъ. Самая характеристическая черта въ Лао-тзе— это была его ненависть къ князьямъ и къ высшимъ сословіямъ. Рѣзко отличаясь этимъ отъ Конфуція, онъ считалъ всякое сближеніе съ ними порчею и требовалъ отъ ученаго, чтобы онъ удалялся и уединялся. Проповѣдуя смиреніе, онъ въ своихъ ученіяхъ поразительно близко подходитъ къ христіанскимъ воззрѣніямъ, но онъ рѣзко отличается отъ нихъ тѣмъ, что это смиреніе онъ требуетъ преимущественно только отъ высшихъ и сильныхъ. Къ войнѣ и воинственнымъ затѣямъ онъ выражаетъ самое глубокое отвращеніе. Тамъ, гдѣ побываетъ войско, говоритъ онъ, страна заростаетъ плевелами и колючими растеніями. (Гао те-Кингъ, гл. 30). За войнами слѣдуетъ голодъ. Лучшее оружіе—это источникъ несчастья (гл. 31). Онъ оправдываетъ, впрочемъ, войну для смиренія сильныхъ, но, по его выраженію, надо нанести ударъ и остановиться. Но и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ радоваться побѣдамъ, это значило бы любить убійства. Побѣдитель долженъ одѣвать траурную одежду и оплакивать необходимость воевать. Низкое происхожденіе—истинный источникъ для князей и власти, ихъ нужно смирять для того, чтобы они не возгордились. Тамъ, гдѣ водворяются блестящіе дворцы, тамъ поля остаются безъ обработки и овины пусты; государь, который одѣвается въ дорогія ткани и ѣстъ изысканную пищу, величается воровствомъ (гл. 53). Чтобы государь могъ роскошничать, онъ долженъ обременять народъ налогами; если онъ имѣетъ излишнее, то у народа не будетъ необходимаго,

прибавили его ученики, государь долженъ управлять, какъ можно меньше и имѣть, какъ можно меньше войска. Народъ дѣлаетъ государя и нужно давать власть только тому, кто ее опасается, а не тому, кто къ ней стремится. Лао-тзе очень хорошо понималъ, что создавая школу, которая бы брала на себя защиту интересовъ массъ, противъ покушеній сильныхъ, онъ дѣлаетъ изъ своихъ учениковъ вѣчный предметъ преслѣдованія и онъ даетъ имъ совѣтъ говорить, но въ благопріятное время, а въ неблагопріятное молчать. Они не должны брать мѣстъ, а тотъ, кому удается сдѣлать великое, долженъ удалиться, чтобы объ немъ позабыли. Школа Лаотзе все болѣе тяготѣла къ объединенію страны и была врагомъ всякой наслѣдственности, она признавала не рожденіе, а экзаменъ главнымъ религіознымъ основаніемъ политическаго возвышенія и проповѣдовала, что даже боги и духи повышаются по экзамену. Она отличалась самымъ малочисленнымъ и бѣднымъ духовенствомъ, и до сихъ поръ поражаетъ малочисленностью своихъ храмовъ. Образованная часть общества относилась къ этой школѣ съ такой же антипатіей и ненавистью, съ какой современный образованный классъ западной цивилизаціи относится къ раціоналистамъ, ставящимъ выше всего интересы народныхъ массъ. Поэтому школа Лао-тзе насчитывала такъ же мало открытыхъ поклонниковъ, какъ современное, крайнее соціально-демократическое направленіе; ея вліяніе было такъ же неуловимо и такъ же несомнѣнно и сильно. Масса образованныхъ поклонниковъ была на сторонѣ Конфуція. Ученіе это въ вещахъ, недоступныхъ человѣческому пониманію, отличается большей правдивостью, чѣмъ современный умѣренный либерализмъ. Въ воззрѣніяхъ же на общественные отношенія оно не проводитъ никакого глубокаго взгляда на условія общественной жизни, оно оставляетъ чувства и взгляды людей такими, какими они прежде были и старается разрѣшать вопросы общественной жизни безобидно для всѣхъ сторонъ. Оно не замѣчаетъ, что чувства и взгляды до такой степени противорѣчатъ условіямъ общаго счастья, что, не измѣнивъ ихъ, невозможно создать ни примиреніе, ни солидарности, и что если они останутся неприкосновенными, то всякая попытка примиренія отдастъ массы народа на жертву только нѣсколько разширенному кружку сильныхъ—въ этомъ отношеніи, она опять-таки вполнѣ сходится съ умѣренными либералами. Самъ Конфуцій вовсе не поощряетъ властолюбивыхъ стремленій государей, онъ ссорится съ ними и ему приходится переѣзжать отъ одного къ другому. Хотя онъ сочувствуетъ высшимъ сословіямъ, но онъ не поощряетъ заносчивыя наклонности мелкихъ владѣльцевъ и помѣщиковъ. Китай былъ тогда въ томъ періодѣ развитія, въ которомъ была Феодальная Европа, когда стала чувствоваться необходимость возвышенія единой власти. Тогда господствовало убѣжденіе, что если отдѣльный владѣлецъ будетъ въ состояніи представлять центральной власти слишкомъ сильное сопротивленіе, то отъ этого произойдетъ неисчерпаемое бѣдствіе для страны, а потому принимались первыя, весьма мало радикальныя мѣры, чтобы сломить это сопротивленіе. Предписана была высота укрѣпленій, возводимыхъ частными владѣльцами. Конфуцій не-

только сочувствуетъ такому взгляду, но употребляетъ ввѣренную ему власть, чтобы срывать слишкомъ высокія укрѣпленія. Даже гораздо ранѣе встрѣчаются попытки ограничить силу феодальныхъ владѣльцевъ, установляя для нихъ максимумъ владѣній, предписывалось, что владѣніе князя не могло составлять болѣе десятой части владѣній государя и т. д. Въ отношеніяхъ между народомъ, владѣльцами и государями, Конфуцій дѣйствовалъ какъ истинный умѣренный либералъ—онъ служилъ въ одно и тоже время и Богу и дьяволу, и, какъ всегда бываетъ съ умѣренными либералами, дьяволъ гораздо болѣе воспользовался его услугами, чѣмъ Богъ. Проповѣдуя высшимъ умѣренность, онъ такъ мало оставался послѣдователенъ своему ученію, что онъ посовѣтывалъ увеличить налоги съ землевладѣльцевъ въ шестнадцать разъ и въ тоже время проповѣдывалъ ученіе о безусловномъ повиновеніи. Онъ поощрялъ самую нелѣпую гордость и отдѣленіе сословій, онъ совѣтывалъ не дружиться съ низшими. Онъ находитъ, что люди хотя схожи по природѣ, но воспитаніе ихъ отдѣляетъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Лао-тзе стоитъ неизмѣримо выше его. Онъ и всѣ его послѣдователи были самыми ревностными проповѣдниками мира. Для того, чтобы его водворить, они доказывали, что государи и князья должны стараться какъ можно болѣе должностей замѣщать гражданскими и какъ можно менѣе военными мандаринами. Ничто не способствовало въ Китаѣ въ такой степени распространенію мирныхъ наклонностей, какъ эти усилія Конфуція и его ученія, ничто не возбуждало противъ нихъ столько ненависти и столько насмѣшекъ. Ихъ обзывали жадными искателями мѣстъ, которые хотятъ высосать государство гнойной язвой бюрократизма. Теперь, когда передъ нами всѣ послѣдствія этой политики, мы не можемъ не по нимать всей ея пользы, но въ то же время передъ нами ясно выступаетъ весь вредъ, который при этомъ принесло общественное мнѣніе, возвеличивавшее людей за роскошь и богатство,—оно обратило чиновниковъ въ піявокъ, дѣлало ненавистными народу и долго мѣшало успѣху умно-придуманной политики. Но почему же эта политика все-таки удалась? она создала въ обществѣ множество вліятельныхъ личностей, которыя по природѣ своей имѣли сильное отвращеніе отъ военныхъ доблестей и менѣе всего были способны возвеличивать людей за военное геройство, они создали согласное съ ихъ настроеніемъ общественное мнѣніе—и дѣло сдѣлалось. Это наглядно показываетъ намъ, какъ можно въ людяхъ воспитывать чувства и нормальное общественное мнѣніе и какъ этимъ путемъ порождаются нормальныя условія общественной жизни. Конфуцій укрѣпилъ въ народѣ обожаніе предковъ и значеніе церемоній, и это придаетъ его ученію сильно аристократическій колоритъ, но ученіе объ обожаніи предковъ въ одно время питало аристократическіе предразсудки и сдѣлалось основаніемъ для организаціи народныхъ массъ, оно дало этимъ массамъ оружіе противъ всякихъ политическихъ и соціальныхъ притѣсненій. Скрѣпивъ родовыя связи, оно сдѣлало массы страшными для чиновниковъ-притѣснителей, потому что тутъ всѣ мстили за каждаго; оно породило въ китайцахъ наклонность къ наслѣдственнымъ занятіямъ,—цѣлый родъ, занимаясь однимъ дѣломъ, легко составлялъ стачки

противъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ и охранялъ этимъ до извѣстной степени экономическую независимость работника. Церемоніи точно также служили до извѣстной степени уздой для всѣхъ и смягчали отношенія. У слѣдовавшихъ за Конфуціемъ великихъ учителей его школы рѣзко проявляется стремленіе, характеризующее современныхъ умѣренныхъ — либераловъ ограничивать верховную власть въ пользу образованныхъ классовъ, и если они въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ менѣе умѣнья и организаторскихъ способностей, то они показываютъ можетъ быть даже болѣе смѣлости. Менгъ-тзе прямо проповѣдуетъ право бунта противъ дурнаго государя и доказываетъ, что народъ не долженъ и не смѣетъ ему повиноваться. Само небо внушаетъ народу ненависть противъ дурнаго правителя; свергать его, пользуясь этой ненавистью хорошее и правое дѣло. У него встрѣчаются воззрѣнія, которыя живо напоминаютъ современный умѣренный либерализмъ. Онъ находитъ, напр., что министръ только до тѣхъ поръ долженъ оставаться въ своей должности, пока страна управляется согласно съ его убѣжденіями, въ противномъ случаѣ выходить въ отставку. По смѣлости своей рѣчи онъ далеко оставляетъ за собою современныхъ либераловъ материка Европы, съ нимъ сравняться могутъ развѣ англичане; напр., онъ сказалъ королю Тси: «если государь смотритъ на своихъ министровъ, какъ на собакъ, то министры будутъ смотрѣть на него, какъ на разбойника и на врага». Если только историческая неясность не обманываетъ насъ, то Китай втеченіе четырехъ сотъ лѣтъ, о которыхъ здѣсь говорится, сдѣлалъ болѣе успѣховъ, чѣмъ Греція, не въ научномъ отношеніи, а по отношенію къ общему благосостоянію народа. Спеціалисты весь этотъ періодъ китайской исторіи считаютъ еще періодомъ бронзы. Если мы сравнимъ въ это время западную, греческую цивилизацію съ китайскою, то съ перваго взгляда политическая и интеллектуальная жизнь Греціи, представится намъ чѣмъ то безмѣрно превосходящимъ китайскую феодальную анархію съ грубымъ и безсильнымъ деспотизмомъ наверху и съ закрѣпощеннымъ рабочимъ населеніемъ внизу. Однакоже при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ цивилизацій представляетъ болѣе совершенствъ. Въ греческихъ городахъ мы видимъ, дѣйствительно, классъ привелигированныхъ гражданъ, который пользовался значительными преимуществами, это былъ классъ умныхъ и интеллектуально развитыхъ, но въ сущности совершенно негодныхъ для выполненія человѣческаго назначенія людей, жить на счетъ чужаго труда и эксплуатировать чужую жизнь они считали даже своимъ призваніемъ, люди съ подобнымъ направленіемъ должны были неизбѣжно сдѣлаться источникомъ гибели для цивилизаціи. Рядомъ съ ними были рабы и зависимые люди, на которыхъ лежали, главная и почти вся масса нетолько матерьяльной, но и интеллектуальной работы; положеніе этого населенія было гораздо тягостнѣе, чѣмъ положеніе китайскихъ крѣпостныхъ, гдѣ земледѣлецъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи надѣлъ и долженъ былъ за это обработать только участокъ, равняющійся восьмой части этого надѣла. Поэтому, хотя въ Греціи высшіе слои общества вели болѣе изящ-

ную жизнь, отличались большими интеллектуальными способностями и большими воинскими талантами, чѣмъ въ Китаѣ, но все населеніе было въ Китаѣ можетъ быть счастливѣе и даже независимѣе. Въ Китаѣ въ это время выработалось убѣжденіе, которое впослѣдствіи служило самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ распространенія аскетизма и богатыхъ монастырей: «Если какой нибудь человѣкъ не работаетъ, то въ странѣ будетъ непремѣнно другой человѣкъ, который будетъ отъ этого страдать, будетъ терпѣть голодъ и холодъ. Если въ странѣ много людей, которые питаются и одѣваются, а наипаче возводятъ великолѣпныя зданія потомъ другихъ, то это гибель для общества.» Если была какая нибудь разница въ пользу Греціи, то разница эта была не велика. Интеллектуальное движеніе постоянно способствуетъ развитію въ народѣ трудолюбія и увеличенію населенія по той причинѣ, что люди, которыхъ интеллектуальныя силы находятся въ усыпленіи, пріучаются дѣлать все кое какъ, они не замѣчаютъ грязи и недостатковъ своей жизни, они работаютъ дрянными орудіями, они равнодушно смотрятъ на свой скотъ рабочій и не рабочій, если онъ тощій и дрянной. Какъ скоро человѣкъ начинаетъ развиваться интеллектуально, то въ немъ невольно развивается привычка дѣлать всякое дѣло, на которомъ онъ сосредоточивается, какъ слѣдуетъ, это неизбѣжное послѣдствіе и возрастающей въ немъ интеллектуальной силы, и того обстоятельства, что сила эта не можетъ въ немъ развиться, если онъ не будетъ отучаться все болѣе и болѣе отъ лѣниваго кое какъ. Вотъ почему въ интеллектуально развивающемся народѣ фермеры и сельскіе хозяева отличаются большимъ порядкомъ и въ своихъ усадьбахъ, и на поляхъ, ихъ скотъ какъ рабочій, такъ и не рабочій болѣе сытый и имѣетъ лучшій видъ. Въ то же время, какъ сельскій хозяинъ такъ и всякій работодавецъ стремится имѣть болѣе интеллигентнымъ и ловкихъ рабочихъ и начинаетъ ихъ лучше содержать. Интеллигентный человѣкъ дѣлаетъ это потому же самому, почему онъ свою лавку или свой магазинъ убираетъ съ большимъ изяществомъ, не можетъ терпѣть въ своемъ домѣ оборванной и грязной прислуги и т. д. Наблюдая многія изъ подобныхъ явленій, ихъ часто приписываютъ то конкурренціи, то правильному пониманію своихъ выгодъ; но если мы ихъ возьмемъ всѣ вмѣстѣ, то мы скоро убѣдимся, что общимъ для нихъ источникомъ служитъ потребность интеллектуально развивающагося человѣка дѣлать не кое какъ, а какъ слѣдуетъ. Конкурренція побуждаетъ къ дешевизнѣ и если она заставляетъ лавочника содержать свою лавку акуратнѣе и чище, то это явно потому, что какъ у него, такъ и у его покупателей проснулась потребность видѣть, чтобы все было сдѣлано какъ слѣдуетъ. Вслѣдствіе этой потребности интеллектуально развитые люди во многихъ отрасляхъ не могутъ удачно спекулировать въ народѣ, умственно усыпленномъ, они не могутъ достигать той дешевизны, которая часто достигается, дѣлая кое какъ. Стремленіе имѣть въ хорошемъ видѣ и ферму, и скотъ, и работника приводитъ къ тому, что масса народа дѣлается трудолюбивѣе и потребности ея лучше удовлетворяются, а чрезъ это и населеніе увеличивается. Вотъ почему мы видимъ, что съ интеллектуальнымъ развитіемъ

населеніе и трудолюбіе увеличиваются при самыхъ разнообразныхъ формахъ, это явленіе часто поразительно и чрезвычайно сбиваетъ съ толку при изученіи вліянія формъ. Въ интеллектуально развивающемся обществѣ населеніе можетъ увеличиваться, не смотря на самыя уродливыя формы, на политическій деспотизмъ, на то, что двѣ трети населенія находятся въ рабствѣ и содержатся въ казармахъ, какъ скотъ. Напротивъ при отсутствіи интеллектуальнаго движенія, оно можетъ оставаться неподвижнымъ или уменьшаться, не смотря на то, что населеніе будетъ свободно и будетъ даже пользоваться значительной политической самостоятельностію. Но если въ то же время люди возвеличиваются за воинственность, роскошь и искусственныя потребности, то это порождаетъ стремленія, прямо противуположныя предидущимъ, образованные люди сосредоточиваются на томъ, чтобы обставлять себя, а не свое дѣло и такимъ образомъ въ образованномъ сословіи является умѣренный либерализмъ, котораго главное стремленіе заключается въ томъ, чтобы ограничивать высшихъ съ цѣлію получить болѣе свободы налегать на низшихъ. Большинство ученыхъ въ подобномъ обществѣ всегда на сторонѣ этого стремленія. При такихъ обстоятельствахъ противорѣчіе и борьба между этими двумя настроеніями въ средѣ интеллигенціи неизбѣжна. Противорѣчіе будетъ тѣмъ рѣзче, борьба тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ возбуждена умственная жизнь. Чѣмъ смѣлѣе умѣренные либералы, тѣмъ сильнѣе будетъ ожесточена власть, которую они хотятъ ограничить и тѣмъ усерднѣе она будетъ искать оружія для борьбы съ ними. Но народъ почерпаетъ свои воззрѣнія отъ интеллигенціи, онъ не можетъ составлять себѣ самостоятельныхъ понятій объ условіяхъ общечеловѣческой жизни, и чрезъ это власть всегда будетъ чувствовать себя парализованной въ своей дѣятельности. Только очень немногіе изъ среды интеллигенціи, горячо принимая къ сердцу интересы народа, будутъ проповѣдывать въ его пользу ученіе одинаково непріятное и для власти, и для образованнаго слоя общества—это будутъ, такъ сказать, радикалы и соціалисты. Малочисленные, ничѣмъ не связанные съ народомъ, ненавидимые всемъ сильнымъ, они, повидимому, совершенно безсильны, а на дѣлѣ выходитъ вовсе не такъ. Умѣренные либералы ненавидятъ ихъ, но такъ какъ въ ихъ собственной душѣ происходитъ борьба, такъ какъ стоящая на ихъ сторонѣ интеллигенція не можетъ не сознавать и не говорить, что окончательная цѣль общественной жизни, это есть общее благо, а не благо какого-нибудь класса, такъ какъ они въ смѣлыхъ мыслителяхъ, создающихъ ученія въ пользу народа, видятъ враговъ склонной къ притѣсненію власти, а въ ихъ ученіяхъ пріятную для народа проповѣдь, могущую привлечь къ нимъ массы,—то они ихъ терпятъ и даже готовы порою защищать ихъ противъ слишкомъ грубаго обращенія съ ними власти. Съ своей стороны власть, имѣющая органовъ не интеллигентныхъ, нуждается въ томъ, чтобы кто-нибудь вложилъ имъ въ голову полезную для нея идею, которая могла бы имѣть популярность въ массахъ; старается, оттирая радикаловъ отъ народа, и порою преслѣдуя ихъ, сдѣлать изъ нихъ учителей для своихъ креатуръ. Изъ этого выхо-

дитъ, что умѣренный либерализмъ, хотя онъ и имѣетъ въ высшихъ слояхъ общества наибольшее число поклонниковъ, однакоже, очень рѣдко можетъ восторжествовать. За нимъ только интеллектуальная сила, а торжество даетъ сила матерьяльная, которая въ народѣ. Умѣренный либерализмъ можетъ взять верхъ только тогда, когда власть такъ неосторожна, что она оскорбляетъ какія-либо глубокія чувства въ народѣ или вовсе отказывается помогать народу въ борьбѣ съ образованнымъ классомъ; такимъ образомъ власть проиграла свое дѣло въ Англіи въ XVII вѣкѣ и во Франціи во время первой, великой революціи. Въ Китаѣ было иначе. Поклонники Лаотзе, повидимому, были и малочисленны и безсильны, какъ современные соціалисты, но все-таки ихъ вліяніе точно такъ же, какъ и современныхъ друзей народа, было громадно. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени они видоизмѣняли идеи людей, стоитъ сравнить представителя умѣреннаго либерализма, Конфуція, съ его представителемъ Менгъ-Тзе, который жилъ двѣсти лѣтъ позже. Менгъ-Тзе часто гораздо болѣе напоминаетъ Лаотзе, чѣмъ Конфуція, напр.: «Если всѣ придворные потребуютъ казни министра, то государь не долженъ уступать, если всѣ сильные потребуютъ ее, онъ не долженъ уступать, но если народъ потребуетъ, то, разсмотрѣвъ его вину, онъ долженъ его казнить» или «народъ занимаетъ первое мѣсто, плоды земные второе, а государь послѣднее». Немудрено, послѣ этого, если умственное развитіе повлекло за собою и матерьяльный переворотъ. Сельское населеніе, которое было прикрѣплено къ землѣ, получило свободу движенія и стало надѣляться землею въ собственность. Это дѣлалось для развитія земледѣлія и для того, какъ говоритъ будто бы одинъ китайскій писатель, чтобы отъ свободнаго передвиженія населенія развивалась цивилизація и одинъ учился у другого. Освобожденіе населенія, совершившееся среди прогресса гуманныхъ идей, породило въ немъ сильное передвиженіе. Всякій изъ князей, всякій изъ китайскихъ сеньоровъ старался предлагать наиболѣе выгодныя условія на своихъ земляхъ и переманить къ себѣ какъ можно болѣе людей. Но это дѣлалось не во имя какого-нибудь глубокаго или истиннаго чувства, а прямо во имя ложнаго понятія о величіи, которое давалось могуществомъ и военными подвигами. Поэтому передвиженіе населенія и переманиваніе людей должно было породить безпрерывныя ссоры и постоянную междоусобную войну между владѣльцами. Эта анархія расплодила бѣдствія, уничтожавшія всю пользу, какую народъ могъ бы извлечь изъ своей свободы. Но прогрессивное умственное движеніе оказалось достаточно сильнымъ, чтобы постепенно вырывать страну изъ бездны злополучія. Оно привело къ тому, что ссоры владѣльцевъ приводили къ быстрому уничтоженію мелкихъ владѣній, и земли концентрировались. Но чѣмъ могущественнѣе дѣлались отъ этого сосредоточенныя княжества, тѣмъ кровопролитнѣе дѣлались войны. Могущественные феодалы старались уже не о томъ, чтобы переманивать людей, а о томъ, чтобы захватывать земли. Сначала они выводили другъ противъ друга десятитысячныя арміи, а потомъ въ сраженіяхъ стали падать сотни тысячъ. Дѣло стало доходить до того, что населеніе должно было

ополчаться на войну поголовно. Въ это время взаимнаго ожесточенія китайскіе историки насчитываютъ во всѣхъ царствахъ до пяти милльоновъ ратниковъ. Печальный и мрачный примѣръ, у котораго бы намъ не мѣшало поучиться. Послѣ долгой, упорной борьбы дѣло власти, наконецъ, созрѣло, все сильное и самостоятельное должно было преклонить передъ нею свою голову. Феодалы были смиренны, весь народъ былъ обезоруженъ, вся земля была объявлена собственностью государя, страна была раздѣлена на 36 провинцій и управленіе ввѣрено было губернаторамъ. Барщины были отмѣнены, земли розданы въ свободное владѣніе крестьянъ, тягости ихъ уменьшены и замѣнены десятиной. Господствовавшія до тѣхъ поръ родовыя понятія сосредоточивали наслѣдство въ одномъ лицѣ, они были замѣнены почти равнымъ раздѣломъ между мужчинами. Однимъ словомъ, тутъ произошелъ почти такой же переворотъ, какъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія. Военные начальники обязаны были жить въ столицѣ. Переворотъ этотъ, который точно такъ же, какъ и французскій, никогда бы не могъ совершиться, еслибы не было умственнаго движенія, опять-таки точно такъ, какъ и во Франціи, внушалъ ученымъ и массѣ интеллигенціи такое же глубокое отвращеніе, какъ и кровавый призракъ первой французской революціи. Сопротивленіе было, съ ихъ стороны, самое энергическое и совершенно безполезное — оно возбудило только энергическую ненависть въ народѣ и противъ ученыхъ, и противъ науки; намъ разсказываютъ, что 460 литераторовъ зарыты были въ землю, книги сжигались массами, такъ что могло явиться даже сказаніе, что всѣ книги были сожжены, гоненіе на науку было такое же сильное, какъ въ первыя времена господства христіанства и книги подвергались той же участи, которой подвергались христіанскія теологическія сочиненія во время завоеванія арабовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государства восточной цивилизаціи.—Уничтоженіе феодальной системы въ Китаѣ.—Интеллигенція не позаботилась измѣнить воззрѣніе народа на величіе, и народъ едва не обращается снова къ варварству; возрожденіе наукъ, демократическое движеніе, уничтоженіе крупнаго землевладѣнія, борьба между учеными и духовенствомъ, несносное положеніе императора.—Окончательный результатъ борьбы — ослабленіе чиновниковъ и духовенства.—Періодъ борьбы съ номадами, величіе китайцевъ въ этой борьбѣ.—Китай всасываетъ въ себя и цивилизуетъ лучшіе элементы между дикарями. — Монголы-разрушители китайской цивилизаціи, ихъ изгнаніе, династія Мингъ. — Манджуры и самая ужасная изъ соціально-демократическихъ революцій извѣстная въ исторіи, демагоги и тайныя общества, революція продолжается почти цѣлое столѣтіе, все высшее общество стараго закала погибаетъ. — Послѣ этого небывалое въ исторіи умноженіе населенія, населеніе Китая равняется населенію Европы, Америки и Австраліи вмѣстѣ.—Почему этотъ результатъ могъ быть достигнутъ только постояннымъ терроризмомъ втеченіе двухъ съ половиною вѣковъ. — Китайскіе политическіе движенія, заговоры и революціи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ГОАНГЪ-ТИ ДО ЗАВОЕВАНІЯ МАНДЖУРОВЪ.

Гоангъ-Ти (Хуанъ-Ди), который произвелъ весь этотъ переворотъ, является то демагогомъ, то въ полномъ смыслѣ восточнымъ деспотомъ, его царствованіе, какъ двѣ капли воды, похоже на царствованіе знаменитыхъ египетскихъ фараоновъ. Онъ употребляетъ солдатъ для того, чтобы воздвигать полезныя сооруженія и устраивать дороги, и съ тѣми же самыми солдатами онъ дѣлаетъ великія завоеванія. При дворѣ своемъ онъ вводитъ самую безсмысленную роскошь и наполняетъ его женщинами и евнухами, онъ дѣлаетъ громадныя, великолѣпныя и безполезныя постройки и, наконецъ, употребляетъ милльоны рукъ для того, чтобы воздвигнуть великую китайскую стѣну. Грубость нравовъ, которая наконецъ водворилась при его дворѣ, видна изъ того, что на его гробѣ умерщвлены были его наложницы и зарыты живыми его стрѣлки. Изъ всего этого народу конечно нетрудно было увидать, что онъ изъ одной бездны попалъ въ другую и въ окончательномъ результатѣ нисколько не улучшилъ своего положенія. Утверждаютъ, что потрясенія, которыми сопровождалось объединеніе Китая, послѣдовавшія затѣмъ завоеванія и тяжкія повинности, къ которымъ они привели, уменьшили населеніе на одну треть. Это естественно привело къ реакціи, къ всеобщему волненію. Князья снова пріобрѣтаютъ значеніе, вмѣстѣ съ ними появляется и круп-

ное землевладѣніе, а вмѣстѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ—окончательное раззореніе народа. По свидѣтельству китайскихъ писателей, народъ сдѣлался вдвое болѣе несчастнымъ, чѣмъ онъ былъ при Гоангъ-Ти, населеніе быстро уменьшалось, земледѣльцы сначала уступали свои земли крупнымъ владѣльцамъ, которые брали съ нихъ половину всѣхъ произведеній, а потомъ и сами пошли въ кабалу. Страна одичала, не могла защищаться и разграблялась варварами. Снова для нея осталось спасеніе въ централизаціи, и снова централизаторомъ явился грубый воинъ, презиравшій науку и всякое умственное движеніе. Умѣреннымъ либераламъ еще разъ пришлось раскаяться въ своемъ сочувствіи крупнымъ землевладѣльцамъ. «Бѣдный народъ, говорили они, получаетъ отъ нихъ кусокъ земли въ аренду: когда въ семействѣ бѣдняка явится недостатокъ или голодъ, онъ получаетъ отъ богатаго деньги и хлѣбъ; торговцы, ремесленники и всякаго рода промышленники также живутъ на счетъ богатаго, въ случаѣ нужды онъ даетъ государству чрезвычайное вспоможеніе, отъ него въ особенности выигрываютъ чиновники». Всѣ эти благонравныя разсужденія перехерились ненавистью народною. Построенное учеными либералами зданіе крупнаго землевладѣнія развалилось и похоронило ихъ подъ своими развалинами. Испытаніе оказалось плодоноснымъ: науки стали снова поощряться, но на этотъ разъ государственная политика стояла уже чаще на сторонѣ народа. Мы видимъ вѣковую борьбу между умѣренными либеральными учеными и раціоналистами. Раціоналисты господствовали иногда, во времена блестящихъ царствованій, и проводили свои мѣры къ уравненію состояній и къ обузданію сильныхъ. Орудіемъ для этого имъ служили цензоры, которые выводили знать и князей изъ терпѣнья, вмѣшиваясь безпрерывно въ ихъ управленіе и вступаясь за народъ. Они дѣйствовали также и законодательными мѣрами: до этого одною изъ величайшихъ язвъ народныхъ были повинности службы, при Гоангъ-Ти это были главнымъ народнымъ бѣдствіемъ, они были замѣнены поголовнымъ налогомъ. Черезъ нѣсколько времени эта подушная подать была уменьшена на двѣ трети, а поземельные сборы были до такой степени сбавлены, что тридцать человѣкъ платили теперь столько же, сколько прежде одинъ. Изданъ былъ законъ, воспрещавшій помѣщикамъ оставлять своему сыну болѣе половины и предписывавшій раздроблять остальное. Съ свойственной китайскимъ соціальнымъ движеніямъ стремительностью, экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ шла быстро впередъ и, наконецъ, около Р. Х. появляется законъ, который воспрещаетъ кому бы то ни было владѣть болѣе чѣмъ 8 рабами, болѣе чѣмъ 5 десятинами земли, и отчужденія земли воспрещается. Всякое болѣе крупное землевладѣніе отбиралось въ пользу государства и раздавалось селеніямъ. Мѣра эта оказалась преждевременною и неисполнимою на дѣлѣ, такъ что она черезъ три года была отмѣнена. Время такого бойкаго соціальнаго движенія считается китайскими историками такимъ счастливымъ для народа временемъ, какого до того не бывало. До того, нетолько втеченіе предшествовавшихъ столѣтій, но даже втеченіе тысячелѣтій, населеніе ни разу не доходило

даже до 15 мил.,—максимумъ населенія составлялъ 13.704,923 души. Около же Р. Х. счисленіе народа дало 12,223,062 семейства и 59.594,978 душъ. Счисленіе это замѣчательно еще тѣмъ, что оно поражаетъ своею вѣрностью. Въ китайскихъ переписяхъ обыкновенно итогъ семействъ не согласимъ съ итогомъ населенія, тутъ же мы видимъ 4,8 человѣка на семейство, т. е. столько же, сколько въ Пруссіи въ 1861 г. (тамъ было 4,84), въ Италіи 4,6, въ Швейцаріи 4,8. Но и здѣсь тотчасъ же отозвалось вліяніе воззрѣній на величіе Лишь только Китай объединился, началъ дѣлаться могущественнымъ и сильнымъ государствомъ, тотчасъ же явилась и страсть къ завоеваніямъ; китайскія войска проникли до Каспійскаго моря и, увы, вслѣдъ за тѣмъ, столь же скоро явилось государственное вліяніе гарема и господство евнуховъ. Мы видимъ время грубаго господства солдатчины, государей, которые относятся къ наукѣ, къ ученымъ, къ просвѣщенію съ величайшимъ презрѣніемъ, которые уважаютъ однихъ воиновъ и одну военную силу. При дворѣ господствуетъ самая грубая роскошь. Исторія всего этого періода китайскаго развитія весьма знаменательна и интересна. Она вполнѣ доказываетъ намъ, до какой степени легкомысленно поступаютъ люди науки и руководители интеллигенціи, когда они не заботятся о томъ, чтобы выработать общественное мнѣніе, которое бы возвеличивало людей исключительно за полезную дѣятельность, когда они нетолько оставляютъ воззрѣнія людей на величіе и чувства ихъ, въ этомъ отношеніи, въ прежнемъ видѣ, но сами дѣлаются защитниками стремленій средняго класса общества, которыя вытекаютъ изъ этихъ ложныхъ воззрѣній и чувствъ. Мы тутъ видимъ замѣчательное движеніе, которое заняло пол-тысячелѣтія китайской исторіи, развивалось само изъ себя и шло путемъ логической необходимости. Формы могутъ быть различны точно такъ же, какъ и внѣшнія проявленія, но постепенный ходъ и окончательный результатъ движенія неизбѣжно всегда долженъ быть одинъ и тотъ же. Самое интеллектуальное движеніе неизбѣжно заставитъ массу народа, развивая ее, тяготиться властолюбіемъ средняго класса, которое возбуждено стремленіемъ къ роскоши и къ тому, что онъ называетъ комфортомъ, т. е. къ искусственнымъ потребностямъ. Сочувствіе интеллигенціи къ этимъ стремленіямъ неизбѣжно заставитъ народъ искать имъ противудѣйствія въ организаціи, составившейся внѣ ея предѣловъ, и такъ какъ матерьяльная сила всегда заключается въ народѣ, то эта организація всегда возьметъ верхъ. Чтоже породила этимъ китайская интеллигенція? Она возбудила въ народѣ жгучую ненависть противъ науки и просвѣщенія, она едва не погубила въ странѣ всю интеллектуальную жизнь и не обратила ея къ варварству. Неизбѣжный результатъ все таки произошелъ, вліяніе средняго класса было сломлено, но такъ какъ просвѣщеніе не породило въ народѣ болѣе здравыхъ чувствъ и болѣе нормальнаго взгляда на величіе, то народъ отъ этого тяжкаго и кроваваго переворота ничего не выигралъ. Вновь установившаяся власть стала искать своего величія тамъ же, гдѣ и предшествовавшая ей и раззоряла народъ своимъ великолѣпіемъ и своими завоеваніями. Въ окончательномъ выводѣ оказался одинъ упадокъ просвѣще-

нія и цивилизаціи. Такой образъ дѣйствія составляетъ тѣмъ болѣе грубую ошибку со стороны интеллигенціи, что самое интеллектуальное развитіе весьма облегчаетъ возможность установить правильный взглядъ на истинныя условія человѣческаго счастья. Чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ интеллектуально, тѣмъ ему конечно труднѣе жить міровою жизнью,—нужно знать міръ для того, чтобы жить его жизнью. Если человѣкъ неразвитой увлекается общественнымъ мнѣніемъ и создаетъ для себя искусственныя потребности или допускаетъ ненормальное развитіе вкуса на счетъ другихъ высшихъ способностей, то въ этомъ можно еще видѣть фатальное и неизбѣжное послѣдствіе его неразвитія. По недостатку развитія онъ не въ состояніи измѣнять общественнаго мнѣнія и можетъ только слѣдовать ему,—тотъ же самый недостатокъ заставляетъ его стремиться къ лѣнивой жизни; онъ не понимаетъ, что лѣнивая жизнь, ослабляя его способности, неизбѣжно должна уменьшать его силы, а развивающаяся въ немъ лѣнь приведетъ къ ненормальному развитію вкуса, сладострастія, желудка и т. д. Для интеллектуально развивающагося человѣка этого фатальнаго сплетенія не существуетъ; самая наклонность къ развитію должна возбуждать въ немъ стремленіе не подчиняться слѣпо общественному мнѣнію, а видоизмѣнять его; онъ вполнѣ способенъ понимать, до какой степени міровая жизнь можетъ дать болѣе счастья, чѣмъ развитіе вкуса. Сдѣлать такую самоубійственную ошибку, поддерживать ложныя стремленія общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобы видоизмѣнять его, вмѣсто того, чтобы вывести высшее общество на дорогу, гдѣ бы его интересы сдѣлались солидарными съ интересами массъ—это непростительно для интеллигенціи. Какъ можно не понимать, что народныя массы никогда не удовольствуются положеніемъ, гдѣ будутъ господствовать такія противурѣчивыя стремленія! Сохраненіе такого положенія по природѣ вещей дѣло невозможное. Общество всегда будетъ стремиться выдти изъ него, и если не будетъ другаго исхода, то направится къ варварству, гдѣ варварская апатія и невѣжество установятъ ту солидарность, которая не могла быть установлена развитіемъ.

Китай переживалъ въ то время тотъ моментъ исторіи, когда государства различныхъ цивилизацій, сломивъ аристократическое вліяніе и объединившись, направлялись къ упадку, черезъ нѣсколько времени начинали разлагаться и впадали въ разъединеніе и варварство. Быстрыя и крутыя соціальныя мѣры появились одновременно съ крайней ихъ противуположностью — съ завоевательными наклонностями и вліяніемъ евнуховъ, такъ что правительство въ одно и тоже время настолько же роняло, насколько и возвышало себя въ мнѣніи массъ. Это должно было вызвать крайную реакцію. Вся страна пришла въ нескончаемое волненіе. Междоусобіе свирѣпствовало съ ужасную силою и сопровождалось величайшими бѣдствіями. Раціоналисты въ это время сильно пострадали, и ихъ вліяніе до того упало, что они стали отыскивать себѣ союзника. Дѣйствительно они нашли его, но этому союзнику суждено было впослѣдствіи ихъ поглотить и подавить. На юго-западъ отъ Китая развилось ученіе, которое проповѣдывало бѣдность и равенство, его учители пока-

зывали столько же ловкости, сколько энтузіазма и энергіи—это были буддисты. Буддисты точно такъ же, какъ раціоналисты, превозносили презрѣніе къ земнымъ радостямъ: они стригли себѣ волосы, не считали себя въ правѣ носить другого платья, кромѣ стараго и заплатаннаго, они не должны были имѣть другой посуды, кромѣ одной чашки и другой пищи, кромѣ той, которую они добыли втеченіе этого дня. Ученіе это возставало противъ всякихъ жертвъ, даже животныхъ, оно дозволяло жертвовать только цвѣты и плоды. Это ученіе, которое поражала своею гуманностью по сравненію съ индійскимъ, проникло въ Китай въ первомъ вѣкѣ христіанства. Въ то время, когда оно распространяется, мы видимъ снова сильное вліяніе демократическихъ симпатій, феодальная аристократія сломлена, власть находится въ рукахъ зависимыхъ отъ государя чиновниковъ, исторія говоритъ о распространеніи просвѣщенія во всѣхъ классахъ народа, императоръ Тшангъ-Ти предписываетъ чиновникамъ бѣдную жизнь. Подати прощаются неоднократно и въ значительныхъ размѣрахъ, населеніе снова значительно возрастаетъ. Какъ велико было во всѣхъ этихъ случаяхъ вліяніе распространяющагося буддизма, сказать очень трудно, по крайней мѣрѣ извѣстно, что внесеніе просвѣщенія въ народъ, распространеніе въ немъ тѣхъ знаній, которыя высшія сословія старались удержать исключительно для себя, было совершенно въ духѣ буддизма. Постоянно возрастающее соціально-демократическое движеніе, которое развивало въ Китаѣ просвѣщеніе и благосостояніе втеченіе почти ста лѣтъ, вызвало, наконецъ, страшную бурю и ужасную реакцію. Мятежъ запылалъ во всей странѣ; не чувствуя за собою достаточно силы, чтобы взять верхъ надъ правительствомъ, мятежники призываютъ на помощь кочевыя племена, втеченіе слишкомъ тридцати лѣтъ волненія продолжались безпрерывно, подати возросли до непомѣрной тяготы, народъ разбѣгался и голодъ свирѣпствовалъ въ странѣ. Государство разложилось, аристократія господствовала, а вмѣстѣ съ нею господствовали гибельныя междоусобія. Опять прошло около столѣтія, втеченіе котораго населеніе постоянно уменьшалось. Наконецъ, произошла реакція въ демократическомъ направленіи, государство начало одновременно и демократизироваться, и объединяться. На развитіе демократическихъ элементовъ, въ особенности въ сельскомъ населеніи, буддизмъ долженъ былъ имѣть весьма значительное вліяніе; онъ отличается строгими религіозными правилами, которыя предписываютъ его поклонникамъ, какъ священную обязанность, поощреніе земледѣлія, огородничества и садоводства. Доказано, напримѣръ, что на Цейлонѣ усовершенствованіе сельскаго хозяйства всего болѣе обязано было буддизму. Немудрено, если мы видимъ въ Китаѣ демократическое сельское движеніе. Это движеніе привело къ господству династіи Цинъ, которая соединила весь Китай въ одну державу. Соціально-демократическое движеніе имѣетъ теперь точно такую же стремительность, какъ триста лѣтъ тому назадъ, но гораздо болѣе сознательности и силы. Населеніе снова быстро увеличивается. Является законъ о поземельныхъ надѣлахъ, и максимумъ землевладѣнія скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе, радикальный, чѣмъ законъ начала христіанской эры и несомнѣнно

болѣе сознательный. Каждый взрослый мужчина получалъ надѣлъ въ четыре десятины, каждая взрослая женщина—въ двѣ, несовершеннолѣтніе и старики—половину. На семейство приходилось, слѣдовательно, по семи или восьми десятинъ. Землевладѣніе князей было ограничено семидесятью пятью десятинами, землевладѣніе чиновниковъ—двадцати пятью и даже пятью. Аристократическое сопротивленіе этимъ мѣрамъ было громадно и наполнило правленіе династіи Цинъ безчисленными бѣдствіями, однакоже, все-таки они получили на этотъ разъ начало исполненія. Снова мы видимъ столѣтнюю и тяжкую борьбу, втеченіе которой соціально-демократическая идея нетолько не истребляется, но растетъ и зрѣетъ. Аристократія, въ упорной борьбѣ съ централизующимъ правительствомъ, раздробила Китай на мелкія владѣнія и отдала его на жертву безчисленнымъ грабителямъ. Но этимъ она нетолько не выиграла своего дѣла, но окончательно и вполнѣ погубила себя. Она сдѣлалась жертвою одного монгольскаго племени, которое завоевало сѣверный Китай и истребило аристократію. Монгольское правительство опиралось на соціально-демократическіе элементы, которыхъ значеніе возрастало непрерывно втеченіе столѣтія. Наконецъ, въ послѣдней четверти пятаго вѣка, появляется новый соціальный законъ. Если сравнить этотъ законъ съ закономъ династіи Цинъ, то онъ будетъ указывать намъ на возрастаніе населенія, хотя китайскіе источники и говорятъ о бѣдствіяхъ народныхъ. Семейные надѣлы меньше уже на цѣлую четверть, что прямо показываетъ большую густоту населенія. При раздробленности страны переписи не давали о населеніи никакого понятія. Вся земля отбирается для того, чтобы изъ ней нарѣзывать надѣлы, и не можетъ быть въ частной собственности, въ постоянномъ владѣніи могутъ находиться только сады. Неудачные опыты прошлыхъ временъ заставляютъ дѣйствовать монгольское правительство съ несравненно большею осторожностью и осмотрительностью. Они не отбираютъ внезапно всѣхъ земель, какъ это пытались дѣлать въ прежнія времена. Они дозволяютъ землевладѣльцамъ продавать свои земли не имѣющимъ поземельной собственности, оставляя въ своемъ владѣніи только одинъ надѣлъ. Запрещено было только вновь пріобрѣтать болѣе надѣла, и земледѣлецъ не могъ отчуждать столько земли, чтобы въ его владѣніи оставалось менѣе законной пропорціи. Только послѣ смерти лица семейство его наслѣдовало одинъ надѣлъ, а все остальное распредѣлялось. При надѣленіи сначала дополнялись надѣлы бѣдныхъ родственниковъ умершихъ, а затѣмъ изъ другихъ не надѣленныхъ бѣдные предпочитались богатымъ. Надѣлы чиновниковъ были увеличены, они получали отъ 30 до 75 десятинъ. Подготовленный упорной борьбой предшествовавшихъ столѣтій законъ этотъ имѣлъ, по сравненію съ прежними мѣрами, самое обширное примѣненіе. Пока продолжалось господство монголовъ, т. е. почти втеченіе двухъ сотъ лѣтъ, мелкое землевладѣніе все болѣе укоренялось въ нравахъ сѣвернаго Китая. Можно сказать, что этотъ законъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ китайской соціально-демократической политики. Сильное соціально демократическое движеніе на сѣверѣ принудило во второй половинѣ пятого вѣка и югъ

выйти на ту же дорогу. И тутъ мы видимъ отобраніе земель у крупныхъ землевладѣльцевъ, и господство буддійскаго духовенства, но уже чрезъ пятьдесятъ лѣтъ является рѣшительная реакція.

Подобное движеніе безпримѣрно въ исторіи, и нигдѣ еще масса не достигала такой значительной самостоятельности. Этого одного было бы достаточно, чтобы объяснить все преимущество восточной цивилизаціи. Обдумывая глубже это замѣчательное явленіе, мы видимъ, однакоже, до какой степени безсильна всякая форма, если она не опирается на чувства и на міровоззрѣнія, которыя дѣлали бы ее прочною и давали бы ей возможность достигать своей цѣли. Народъ сдѣлался поземельнымъ собственникомъ въ такихъ рамѣрахъ, въ какихъ онъ имъ никогда не бывалъ; но что же изъ этого? оставляя за нимъ собственность, развѣ нельзя было раззорить его податями, развѣ могущественные и воинственные государи не могли довести его до нищенства, отыскивая свое величіе въ побѣдахъ, грабежахъ, раззорительныхъ войнахъ и не менѣе раззорительномъ великолѣпіи? Народъ достигъ такого результата тяжкой борьбой, продолжавшейся около трехъ тысячь лѣтъ, но что ручалось ему за то, что результатъ этотъ будетъ прочный,—чувства и міровоззрѣнія общества ручались скорѣе за противное. Просвѣщеніе для народа было столь же необходимо, какъ самостоятельность рабочей массы, а между тѣмъ это просвѣщеніе исходило отъ ученаго сословія, которое прямо сочувствовало угнетенію и аристократическимъ началамъ. Ненормальное и ложное направленіе интеллигенціи еще разъ и въ другомъ видѣ повторило ту борьбу, которая приготовила интеллектуальному развитію столько опасности въ періодъ отъ Конфуція до Гоангъ-Ти и едва не погубила его. На этотъ разъ борьба шла уже не между интеллигенціею и властью опиравшеюся на грубую военную силу, а между учеными и буддійскимъ духовенствомъ, т. е. между наукою и формальною религіею. Борьба эта безъ всякаго сомнѣнія была гораздо опаснѣе предыдущей, она грозила затушить свѣтильникъ науки гораздо основательнѣе, чѣмъ это могли сдѣлать грубыя войны. Когда ученые брали верхъ, они строили школы, но зато же вводили аристократическія учрежденія. Снова намъ говорятъ о высшемъ сословіи, которое завладѣло землями, которое переманивало на свои земли народъ и раззоряло его. Налоги удваивались, на народъ налагались безмѣрныя службы и повинности, бродяжества и разбои распространялись по всему государству. Мы видимъ мѣры, которыя уже вполнѣ напоминали восточныхъ деспотовъ, обращавшихъ страны застоя въ пустыню. Подати и повинности съ разбѣжавшихся жителей раскладывались на тѣхъ, которые еще оставались на земляхъ. Это приводило къ тому, что и остальные разбѣгались. Крупное землевладѣніе такъ разросталось, что на владѣльческихъ земляхъ жило нетолько до ста, но до тысячи семействъ. Для какого-нибудь ~~восточнаго~~ западнаго государства, для Испаніи, Италіи или Англіи это было бы не удивительно, но въ Китаѣ въ то время это было уже очень поразительно. Борьба съ буддистами привела къ тому, что въ Китаѣ стали распространяться индійскія идеи, и мы встрѣчаемъ поразительную попытку установить касты. Буддисты пользовались своей

властью, чтобы поощрять демократическіе элементы и строить монастыри. Среди этихъ двухъ могущественныхъ партій положеніе императора было совершенно невыносимо. Увѣряютъ, что императоръ Ганъ-Тонгъ, умирая, просилъ Будду объ одной милости, чтобы ему никогда не суждено было возродиться императоромъ. Втеченіе четырехъ сотъ лѣтъ смѣнилось девять династій, на каждую династію приходилось неболѣе 45 лѣтъ. Только послѣ всѣхъ этихъ тяжкихъ испытаній соціально-демократическое движеніе получаетъ рѣшительный перевѣсъ и создаетъ прочную династію Танъ, которая царствовала триста лѣтъ. Идеи, подготовленныя философскимъ движеніемъ, начавшимся болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ, которыя вызвали такую продожительную и упорную борьбу, получили наконецъ начало осуществленія шестьсотъ лѣтъ тому назадъ. Отсюда до слѣдующей болѣе удачной попытки прошло два столѣтія. Еще два съ половиною столѣтія нужно было, чтобы они окончательно утвердились и осуществились въ сѣверномъ Китаѣ. Наконецъ, двѣсти лѣтъ спустя послѣ этого они распространились по всему Китаю. При династіи Танъ землевладѣніе во всемъ Китаѣ установлено было на слѣдующихъ основаніяхъ. Земли раздѣлены были на земли вѣчнаго и временнаго владѣнія, первыя предназначались для земледѣлія, послѣднія для разведенія садовъ и плантацій. Населеніе раздѣлено было на землевладѣльцовъ, промышленниковъ, воиновъ, чиновниковъ и князей. Земледѣлецъ получалъ около 5 десятинъ земли, которою онъ владѣлъ отъ 18 до 60 лѣтъ. Промышленники (купцы и ремесленники) получали нѣсколько болѣе десятины для разведенія садовъ и плантацій, воины отъ двухъ до четырехъ десятинъ, чиновники отъ десятины до четырнадцати, максимумъ землевладѣнія князей составлялъ пятьсотъ десятинъ. Кромѣ чиновниковъ всякій могъ продавать землю, полученную въ вѣчное владѣніе, но никто не могъ увеличивать своихъ владѣній болѣе установленнаго максимума. Такимъ образомъ совершилось то великое дѣло, которое навсегда сдѣлало изъ Китая страну мелкаго землевладѣнія и наконецъ самое густо-населенное государство на земномъ шарѣ. Не было народа, котораго исторія представляла бы что-нибудь подобное этому явленію, западно-европейское землевладѣніе стоитъ неизмѣримо ниже его. Только русское общинное землевладѣніе съ передѣлами представляетъ болѣе совершенный типъ, но находится еще въ зачаточномъ состояніи, оно еще не объявляло войну крупной поземельной собственности и постоянно подчинялась ей. По отношенію къ фазису развитія своихъ поземельныхъ отношеній, Россія находится теперь въ томъ же положеніи, въ которомъ Китай находился въ четвертомъ вѣкѣ до Рожд. Христова; чтобы довершить свой фазисъ развитія, ему послѣ этого нужно было еще равно тысячу лѣтъ. Рядомъ съ этимъ раздробленіемъ поземельной собственности мы видимъ другой переворотъ,—всѣ классы народа облагаются сборами сообразно размѣрамъ своего имущества. Учрежденія демократизировались, но чувства и воззрѣнія на величіе остались тѣ же. Двѣ великія партіи, буддисты и ученые, по прежнему вырываютъ другъ у друга господство надъ народомъ. Борьба ожесточается все болѣе. Одинъ императоръ закрываетъ мона-

стыри и женитъ бонзъ, другой дѣлаетъ должности наслѣдственными, но распоряженіе отмѣняется; затѣмъ снова губернаторы стараются сдѣлаться наслѣдственными и пытаются отстоять это право оружіемъ, но ихъ партія побѣждена и обезсилена, мандарины нетолько не достигаютъ того, къ чему стремились, но ихъ число уменьшается, и жалованье ихъ ограничивается; черезъ нѣсколько времени имъ наносится страшный ударъ, и 1600 мандариновъ посылаются на казнь. Послѣ этого мы видимъ опять изгнаніе бонзъ и закрытіе монастырей. Но эта мѣра точно такъ же мало можетъ удержаться въ силѣ, какъ и наслѣдственность должностей, и бонзы скоро возвращаются. Втеченіе всего этого времени важную роль играютъ евнухи, они представляютъ собою придворно-деспотическое и военное начало; но наконецъ ихъ значеніе дѣлается ненавистнымъ для всѣхъ, они избиваются и лишаются своей власти надъ войскомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого мы видимъ введеніе экзамена для военныхъ мандариновъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Во время этой борьбы народъ остается постоянно организованнымъ и даетъ большое значеніе борющимся партіямъ, когда они имѣютъ въ немъ корни, но именно это же приводитъ къ тому, что черезъ борьбу постепенно ослабляются все болѣе и болѣе и мандарины и бонзы, постоянно уменьшаются и ихъ число, и ихъ богатство. Въ началѣ VII вѣка насчитывали 520,000 монаховъ и монахинь. Въ первой половинѣ девятаго вѣка, когда учрежденъ былъ штатъ и опредѣлено число храмовъ, идоловъ и духовенства, тогда закрыто было 4,600 монастырей и распущено 260,000 монаховъ. Втеченіе десятаго вѣка закрыто было еще 30,000 монастырей, и тогда осталось всего 2,684 монастыря и 60,000 духовенства (т. е. монаховъ и монахинь). Этими путями мало по-малу установлялись тѣ воззрѣнія и условія общественной жизни, которыя дали въ Китаѣ возможность развиваться густому населенію. Исторія этой борьбы показала во всемъ блескѣ, какъ несостоятельны учрежденія, когда съ ними не гармонируютъ чувства и воззрѣнія. Съ введеніемъ демократическаго землевладѣнія народъ не могъ уже раззоряться помѣщиками, но зато же онъ раззорялся правительствомъ и войнами. Изнуряемая поборами и повинностями страна наполнялась разбойниками и бездомнымъ пролеторіатомъ. Это, въ свою очередь, начало подтачивать начало мелкаго землевладѣнія. Еслибы въ Китаѣ землевладѣніе было не личное, а общинное, то эта форма имѣла бы большую силу сопротивленія. То, что мы видимъ во время упадка Танскаго дома и послѣ его паденія, среди анархіи десятаго вѣка не могло бы случиться. Бродяги и нищіе, которыми наполнялась страна, находили себѣ пріютъ у чиновниковъ и у духовенства, которые наперерывъ предлагали имъ свое покровительство.

Чиновники этимъ путемъ старались возстановить крупное землевладѣніе и на имя бродягъ пріобрѣтали поземельные участки. Монастыри принимали ихъ въ монахи и расширяли размѣры монастырскихъ земель. Такое движеніе въ извѣстномъ смыслѣ обуздало правительство. У государей появлялось сильное поползновеніе подражать восточнымъ деспотамъ и недоимки бѣглыхъ раскладывать на оставшееся населеніе; но какъ населеніе въ этихъ случаяхъ тотчасъ разбѣгалось подъ покровительство чиновниковъ и монаховъ, то правительству пришлось прибѣгать къ болѣе мягкимъ мѣрамъ и возвращать бродягамъ ихъ собственность и надѣлы. Такова была внутренняя борьба Китая, но этимъ дѣло далеко не ограничивалось. Прежде чѣмъ Китай могъ достигнуть цвѣтущаго положенія, ему пришлось одолѣть самое трудное изъ тѣхъ препятствій, которые ему встрѣчались на пути. Въ основаніи всей его цивилизаціи лежало миролюбіе и трудолюбіе. Ослабленіе военной власти въ пользу гражданской служило краеугольнымъ камнемъ зданію и обезпечивало миролюбіе; организація народа, самостоятельность земледѣльца, взаимно враждебная и зорко наблюдающая другъ за другомъ и взаимно ослабляющая одна другую гражданская и духовная власти давали просторъ трудолюбію. Но, именно вслѣдствіе такого направленія, Китай дѣлался все болѣе слабымъ въ борьбѣ съ своими полудикими и воинственными сосѣдями. Можно предполагать, что степи Средней Азіи были въ прежнее время гораздо гуще населены. Въ VII вѣкѣ считалось 65 милльоновъ жителей въ китайскихъ владѣніяхъ за предѣлами собственно Китая; въ XIX вѣкѣ всего 33 милльона. Китаю пришлось выносить тяжкую борьбу съ рядомъ племенъ почти втеченіе цѣлаго тысячелѣтія. Въ это время владѣнія китайскаго императора иногда суживались до самого незначительнаго пространства; около половины X вѣка въ нихъ насчитывалось всего 967,353 семейства— это двѣ русскихъ губерніи средней величины. Не смотря на жалкую роль, которую такъ часто приходилось играть Китаю, за этой борьбой невольно слѣдишь съ чувствомъ глубокаго интереса. Есть что-то великое въ этомъ китайцѣ, который вѣчно побѣжденъ и который въ концѣ концовъ вѣчно остается побѣдителемъ. Вотъ нахлынули дикари, вотъ они раздробили Китай на части и гордо господствуютъ въ немъ. И что же? Цивилизація китайцевъ тотчасъ начинаетъ казаться имъ идеаломъ, они всѣми силами стараются усвоить ее себѣ и покоряются ей. Дикари сновы отброшены и тревожатъ китайцевъ постоянными своими набѣгами; чтобы ихъ угомонить, китайцы начинаютъ ихъ цивилизовать, они поселяютъ ихъ, научаютъ ихъ хлѣбопашеству и цивилизованной жизни, они выдѣляютъ изъ нихъ все лучшее, привязываютъ къ себѣ, а остальныхъ ослабляютъ. Положеніе иногда усложняется чрезвычайно. Одно племя, завладѣвъ частями Китая, только начинаетъ цивилизоваться, какъ является другое, отбиваетъ у него части его владѣній и возобновляется процессъ одичанія. Втеченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ до самого XVIII столѣтія, когда Китай окончательно завоевываетъ окрестныя степи и Тибетъ, въ немъ совершается постоянный процессъ всасыванія лучшихъ элементовъ между дикарями, они забываютъ свою дикость, дѣлаются промышленными и

трудолюбивыми. Бывали такіе примѣры: дикари завоевываютъ часть Китая и составляютъ съ нимъ одно государство, находясь подъ господствомъ этихъ дикарей, китайцы колонизируютъ ихъ земли, потомъ свергаютъ иго и дѣлаются господствующимъ племенемъ. Начиная отъ седьмаго и до двѣнадцатаго вѣка, т. е. до времени монгольскаго завоеванія, населеніе Китая подвергается самымъ большимъ колебаніямъ, отъ двадцати милльоновъ семействъ до трехъ и двухъ милльоновъ. Не смотря на это, общественныя начала и міровоззрѣнія, на которыхъ построено китайское общество, оказываются настолько для него благодѣтельными, что въ окончательномъ результатѣ населеніе все-таки значительно увеличивается; въ седьмомъ вѣкѣ мы видимъ восемь милльоновъ семействъ, 46 или даже 50 милльоновъ жителей, а въ двѣнадцатомъ уже семьдесятъ шесть милльоновъ душъ. Но тутъ начинается для него время самого тяжкаго испытанія — это время монгольскаго завоеванія. Сунская династія точно такъ же, какъ и танская, утвердилась въ своемъ господствѣ чрезъ борьбу съ аристократическими началами. Столѣтіе съ лишнимъ она держалась демократической политики, и населеніе въ это время болѣе чѣмъ удвоилось. Но къ началу двѣнадцатаго вѣка все измѣнилось. Аристократія взяла перевѣсъ, крупное землевладѣніе до того распространилось, что большая часть земель попала въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, государство начало разлагаться, и сѣверный Китай подчинился господству Киданей. Съ этихъ поръ Китаю начало угрожать бѣдствіе совершенно новаго рода. Духовенство Будды, какъ и всякое духовенство, весьма способно принимать два радикально противоположныхъ направленія: какъ скоро ему нужно пробивать себѣ путь къ вліянію и власти,—побивая аристократію, оно проповѣдуетъ бѣдность и добродѣтель, и дѣлается самымъ горячимъ защитникомъ народныхъ массъ; но какъ скоро оно въ этой аристократіи встрѣчаетъ крайнее суевѣріе, оно точно съ такимъ же успѣхомъ способно уничтожить всякое движеніе и всякую жизнь и водворить теократическое господство. Такую роль оно стало играть при киданскихъ правителяхъ. Государи и знать дѣлали монастырямъ громадныя приношенія, монастыри въ одно и тоже время и плодились, и богатѣли, ко многимъ было приписано по нѣскольку десятковъ тысячъ душъ. Народу приходилось платить двойныя подати, и, чтобы избавиться отъ этого, люди поступали массами въ монахи. Въ то время, когда на югѣ утверждалось господство аристократіи, на сѣверѣ страна грозила принять тотъ же видъ, какой имѣла Испанія или церковная область — она состояла бы изъ нищихъ монаховъ, которые высасывали бы нищихъ земледѣльцевъ. Но и отъ этой великой опасности избавили китайцевъ ихъ здравые инстинкты. Избавителями явилось племя съ самыми живыми демократическими инстинктами, племя, которому китайцы впослѣдствіи обязаны были своимъ величіемъ — это тунгусы Манджуріи. Пользуясь теократическими и аристократическими антипатіями китайцевъ, они не только изгнали Киданей, но завладѣли значительною частью южнаго Китая, они обирали земли въ огромныхъ размѣрахъ отъ крупныхъ владѣльцевъ, уничтожали почти всѣ монастыри, разогнали монаховъ и запрещали посту-

пать въ монашеское званіе. Южный Китай, послѣ того какъ два государя попались въ плѣнъ тунгусамъ, волею и неволею долженъ былъ демократизироваться. Все-таки населеніе сѣвернаго возрастало гораздо быстрѣе, оно было почти вдвое значительнѣе, чѣмъ въ южномъ. Населеніе Китая въ концѣ XII вѣка дошло до такой цифры, до которой оно еще никогда не доходило, до 76⅓ мил. Въ это самое время, въ началѣ XIII вѣка, явился Чингисъ-Ханъ. Ужасы, которыми сопровождались самые набѣги монголовъ, составляютъ еще не самую печальную сторону дѣла, но вмѣстѣ съ этимъ стали утрачиваться всѣ начала, на которыхъ построено было китайское общество и которыя выработаны были имъ съ такимъ трудомъ втеченіе многихъ вѣковъ. Военная власть взяла рѣшительный перевѣсъ надъ гражданской; духовенство нетолько пріобрѣло огромное значеніе, но установилось господство іерархическаго духовенства, которое имѣло во главѣ тибетскаго папу. Масса высшаго сословія, которая висѣла на шеѣ у народа, была непомѣрна. Чиновники были въ значительной части магометане, которые ненавидѣли и презирали китайцевъ и притѣсняли ихъ всячески. Крупное землевладѣніе стало принимать огромные размѣры; одинъ членъ господствующаго рода захватилъ разомъ 300,000 десятинъ земли, населеніе отступалось отъ своихъ земель и передавало ихъ сильнымъ, какъ во время среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ распространилось въ огромныхъ размѣрахъ рабство: 52 вельможамъ было дано каждому отъ 10,000 до 100,000 семействъ. Монголы не обращали никакого вниманія на нужды народа, но такъ какъ они управлять совершенно не умѣли и боялись, чтобы высшія сословія не возбуждали народъ, то они предоставляли его ихъ жадности безъ всякаго ограженія; потомкамъ низвергнутыхъ династій и прежнимъ принцамъ крови они дѣлали большіе подарки и давали возможность обогащаться; даже низвергнутый императоръ жилъ съ большою пышностью въ Тибетѣ. Высшее сословіе татаръ и китайцевъ соперничало въ роскоши и многочисленности гаремовъ, такъ что китайцамъ пришлось содержать двойной комплектъ противъ прежняго. Подати были огромны и къ нимъ присовокуплялись еще новыя монополіи. Спасаясь отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, народъ массами поступалъ въ монастыри, въ концѣ XIII вѣка въ одной провинціи кіангъ-нанъ оказалось полмилльона монаховъ. Китай былъ въ такомъ же плачевномъ положеніи, какъ Турція въ худшія времена. Тысячу двѣсти лѣтъ китайцы работали надъ собою и выработали себѣ цивилизацію, и вотъ прошло еще пятьсотъ лѣтъ и все сдѣланное было уничтожено почти до своихъ зачатковъ. Гдѣ же причина? Они никогда не заботились о томъ, чтобы идеалы человѣческаго величія согласовать съ общественнымъ благомъ. Люди возвеличивались не полезной, а вредной дѣятельностью и потому большинство образованнаго общества, постоянно стремилось разрушать то, что создавалось меньшинствомъ съ помощью народа, и каждый разъ это ему удавалось; мало того, самое это меньшинство дѣйствовало въ пользу народа только потому, что оно не имѣло достаточно силы, чтобы дѣйствовать точно такъ же, какъ большинство, что очень ясно об-

наружилось при завоеваніи Киданей. Противоложныя стремленія, которыя боролись въ народѣ и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, были такъ невыносимы, что высшіе и низшіе классы поочередно желали и призывали владычество варваровъ и вотъ они его дождались! Испытаніе было тяжкое, гибель казалась безвозвратною, но все это китайцы переварили и передѣлали. Къ монголамъ стали мало по малу прививаться воззрѣнія китайцевъ, военная сила ихъ стала уменьшаться. До какой степени китайцы передѣлали по своему суевѣрныхъ и до крайности богомольныхъ монголовъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: Ту-Тимуръ (Вентъ-Зонгъ) захотѣлъ выстроить великолѣпный храмъ Будды; чтобы его размѣстить, оказалось необходимымъ сломать сосѣдніе дома. Одинъ цензоръ протестовалъ противъ этого и объявилъ, что брать земли у бѣдныхъ людей для построенія храма, вполнѣ несогласно съ восхваляемой добродѣтелью Будды. Тимуръ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія — это было уже совершенно по-китайски. Въ послѣднее время владычества монголовъ, даже населеніе стало увеличиваться. Въ это бѣдственное время, когда монголы водворили въ Китаѣ аристократическое и теократическое господство, мы видимъ замѣчательное явленіе, которое не мѣшало бы замѣтить всѣмъ поклонникамъ Мальтуса. Нищету народа, какъ теперь въ западной Европѣ, стали приписывать чрезмѣрной густотѣ населенія; китайцы говорили, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ плечо сходилось съ плечомъ, рукавъ терся объ рукавъ и что потребности жителей давно уже превышали силы и производительность страны. Послѣдующій опытъ до такой степени опровергнулъ китайскихъ мальтузіанцевъ, что китайская земля оказалась способною содержать въ девять разъ болѣе густое населеніе. Отъ суровой дикости монголы перешли къ жалкой слабости и въ XIV вѣкѣ, когда наступило время ихъ изгнанія, роли какъ будто бы перемѣнились—китайцы являются энергическими героями, а монголы жалкими трусами. Въ XV вѣкѣ національное правительство хочетъ, конечно, показать, что оно будетъ управлять въ истинно-народномъ духѣ и будетъ слѣдовать старинымъ правиламъ китайской политики, мы встрѣчаемся дѣйствительно съ возстановленіемъ старинныхъ правилъ вродѣ правила, воспрещающаго поступать въ священники или монахи, т. е. бонзы, моложе 40 лѣтъ, но къ началу XVII вѣка, мы по большей части имѣемъ дѣло съ правительствомъ слабымъ, которое находится въ рукахъ у евнуховъ и женщинъ. Въ это время, говоритъ исторія, гаремныя красавицы и ихъ привратники были истинными министрами. По наружности Китай истощилъ запасъ своихъ нравственныхъ силъ, жестокій ударъ нанесенный ему монголами, сокрушилъ его энергію, онъ вянулъ и казалось долженъ былъ погибнуть. Но такова была только одна поверхность. Въ сущности эти два вѣка, столь же замѣчательны внутренной работой мысли въ народѣ, какъ и то время, когда подготовлялись первые соціальные перевороты. Общества, распространявшія соціально-демократическія идеи, пріобрѣли такую силу, что ихъ значеніе сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, и внѣшніе враги китайцевъ на этихъ идеяхъ старались основать свои честолюбивые планы.

Движеніе расло и въ XVII вѣкѣ привело, наконецъ, къ такой соціально-демократической революціи, которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ исторіи. Провинція Шантонгъ, которая тянется отъ Печелійскаго залива вдоль Желтаго моря до устьевъ Желтой рѣки, одна изъ самыхъ старинныхъ по своей цивилизаціи провинцій Китая; тамъ чрезвычайно усилилось старинное тайное общество Пелинкіао, съ соціально-демократическимъ направленіемъ, которое набирало своихъ членовъ въ низшихъ слояхъ народа и поставило себѣ цѣлью обуздывать произволъ правительства. Въ началѣ XVII вѣка они возстали, захватили нѣсколько городовъ и разбили довольно значительное войско. Послѣ этого къ нимъ стекались массы угнетеннаго народа, правительство дрожало въ столицѣ; съ движеніемъ все-таки совладали, хотя для полнаго его подавленія должны были дать нѣкоторымъ изъ главныхъ предводителей не только прощеніе, но даже мѣста мандариновъ. Но вскорѣ явился болѣе грозный врагъ — манджуры. Манджурія давно уже обращала на себя вниманіе китайскихъ государственныхъ людей. Слѣдуя той безплодной аристократической политикѣ, которая скоро стала характеризовать минскую династію и была прямымъ послѣдствіемъ чудовищнаго развитія въ странѣ аристократическихъ началъ во время монгольскаго владычества, китайцы и въ Манджуріи поддерживали аристократическій характеръ родовой власти. На югѣ Манджуріи имъ дѣйствительно удалось пріобрѣсти большое вліяніе, но сѣверъ— это было гнѣздо манджурской демократіи. Тутъ жили тѣ тунгусы съ живыми демократическими инстинктами, которые, передъ нашествіемъ монголовъ, создали въ Китаѣ населеніе небывалой густоты и отвозили китайскихъ государей на Амуръ. Если обширныя степи и жизнь номада способствуютъ развитію аристократическихъ началъ, то горная мѣстность и охотничья жизнь дѣлаются естественными покровителями демократіи. Крайне смѣлые и отважные манджуры имѣли два свойства, которые дѣлали ихъ чрезвычайно способными играть ту роль, какую они играли впослѣдствіи. Среди опасностей, которыми они были окружены, они привыкли объединяться и даже селиться большими деревнями, въ трудное время безусловно повиноваться своимъ начальникамъ, а въ обыкновенное, втискивать ихъ власть въ такіе тѣсные предѣлы, что она изчезала до послѣднихъ своихъ признаковъ. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Манджуріи, среди непроходимыхъ горъ, лѣсовъ и болотъ, послѣ безчисленныхъ превратностей судьбы, Тай-тзу образовалъ могущественное княжество, которое напугало манджурскихъ аристократовъ. Хулуньская конфедерація выставила противъ него 30,000 воиновъ, чтобы его окончательно уничтожить, но была побѣждена княземъ демагогомъ. Тогда Тай-тзу велѣлъ сочинить алфавитъ и письмена для манджурскаго языка и провозгласилъ въ Манджуріи, что призываетъ къ себѣ всѣхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ судьбою и раздѣлитъ съ ними свое достояніе и свои доходы. По Манджуріи разнеслось, что многочисленные бѣдняки, съ помощью необыкновеннаго князя, получаютъ возможность обзаводиться домашнимъ очагомъ. И то и другое доставило князю громкую извѣстность и воодушевило восторгомъ манджуровъ, ненавидѣвшихъ свою аристократію со всею нена-

вистью человѣка, не стряхнувшаго еще съ себя гордость свободнаго дикаря. Рядомъ съ этимъ Тай-тзу обратилъ особенное вниманіе на организацію войска. Такимъ образомъ былъ данъ имъ весь закалъ будущей манжурской политики. Съ тѣхъ поръ началось объединеніи Манжуріи, а затѣмъ многолѣтняя борьба съ Китаемъ. Во время этой борьбы все, что сочувствовало аристократическимъ элементамъ, бѣжало изъ Манджуріи въ Китай, все, что сочувствовало демократическимъ—изъ Китая въ Манджурію. Громадное соціально-демократическое движеніе, которое происходило въ это время въ Китаѣ и должно было уничтожить плевелы посѣянныя монгольскимъ аристократизмомъ, давало этому передвиженію самую обильную пищу. Корея сдѣлалась важнымъ стратегическимъ пунктомъ борьбы, и китайское, и манджурское правительство, старались утвердить тутъ свое исключительное господство, потому что съ этого пункта можно было мѣшать передвиженію перебѣжчиковъ. Наконецъ борьба эта выродилась такимъ образомъ, что тутъ состязались уже не манджурское и китайское правительство, а демократическое и аристократическое, созданныя китайскою цивилизаціею. Манджуры питались китайскими демократическими идеями и воспитывались въ нихъ, они всячески заискивали въ народѣ, поддѣлывались къ нему, входили въ его идеи и объявляли себя неукротимыми врагами высшихъ сословій. На солдатъ они наводили страхъ, а народъ добровольно отворялъ имъ ворота. Губернаторъ провинціи, оставленный всѣми, лишилъ себѣ жизни. Манджуры объявили всѣмъ имущимъ людямъ, что они могутъ свободно выѣхать, но когда они собрались толпою для переселенія, тогда они окружили ихъ и всѣхъ перерѣзали. Отобранное у нихъ имущество они раздѣлили между народомъ, полуодѣтыя толпы вдругъ превратились въ разряженныхъ джентельменовъ, они брили себѣ головы, привѣшивали себѣ косы и провозглашали себѣ подданными побѣдителей. Толпы народа стекались къ нимъ изъ внутреннихъ провинцій. Едва правительство успѣло примириться съ манджурами, какъ рабочее и въ особенности крестьянское населеніе, всюду начало возставать массами, собирались толпы до ста тысячъ человѣкъ; предводители по направленію своему и по характеристическимъ чертамъ своей дѣятельности были Разины и Пугачевы, но только въ гигантскихъ размѣрахъ. Мѣстная администрація часто окончательно лишалась власти надъ провинціями. Ожесточеніе мандариновъ достигло крайнихъ предѣловъ, когда имъ удавалось захватить горсть мятежниковъ, они изрубали ихъ въ куски. Между всѣми предводителями шаекъ отличается Литсетшинъ, человѣкъ толпы, который собиралъ кругомъ себѣ голь и увлекалъ ее своимъ краснорѣчіемъ. Подобно Пугачеву, его сначала мандарины постоянно разбивали, но онъ постоянно возрождался. Онъ имѣлъ необыкновенный даръ ласкать народъ и въ то же время поступалъ съ мандаринами съ безжалостной жестокостью. Толпы его обожали и прозвали «другомъ народа». Наконецъ ему удалось подступить къ главному городу провинціи Шензи, жители требовали, чтобы городъ сдался, но мандарины сопротивлялись. Они были всѣ изрублены. Ли втеченіе трехъ дней дозволилъ грабить богатыхъ, но подъ страхомъ смертной казни

воспретилъ наносить малѣйшее оскорбленіе народнымъ массамъ. Видно, что тогда китайскіе мандарины имѣли огромныя имѣнія, одинъ изъ нихъ, котораго имѣнія расположены были въ провинціи Шензи, взялся на свой счетъ защищать ее, но Ли завладѣлъ его имуществомъ, и мандаринъ остался нищимъ. Мятежникъ пошелъ прямо на Пекинъ и осадилъ близъ лежащій городъ. Жители пристали къ губернатору и требовали, чтобы онъ сдался. Губернаторъ, увидавъ себя безсильнымъ, лишилъ себя жизни. Всюду повторяли, что мятежники не дѣлаютъ народу никакого зла, а одно только добро и не берутъ податей. Пекинъ защищало полтораста тысячъ войска, это была такая большая сила, что Ли не рѣшался на нее напасть, но лишь только онъ приблизился, они внезапно положили оружіе и перешли на его сторону. Императоръ повѣсился, почти вѣсь царскій родъ или былъ избитъ, или лишилъ себѣ жизни, дворецъ былъ срытъ до основанія. Когда столица подчинилась, Ли принималъ чиновниковъ. Онъ сѣлъ на престолъ въ день народнаго пріема. На немъ была войлочная остроконечная шапка, платье изъ простой холстины и кожанные сапоги. Этимъ онъ рѣзко опредѣлилъ характеръ своей политики. Вступившимся войскамъ воспрещены были убійство и грабежъ, подъ страхомъ смертной казни, разрубленія на куски. Затѣмъ послѣдовалъ ужасный террористическій судъ надъ чиновниками и всѣмъ богатымъ и знатнымъ населеніемъ столицы. Казненныхъ и самоубійцъ было такое множество, что всѣ каналы были наполнены тѣлами. Въ одну ночь 370 знатныхъ женщинъ сами лишили себя жизни. Когда эта вѣсть дошла до принца императорскаго дома Вузанкайя (У-санъ-гуя), тогда ему пришла мысль призвать на помощь манджуровъ. Манджуры дисциплинировали свое войско и пріучили его не трогать народныхъ массъ, кто осмѣливался убить или ограбить человѣка изъ народа или изнасиловать женщину, немедленно наказывался смертью. Манджуры были очень рады приглашенію и воспользовались китайцами Вузанкая, чтобы изгнать мятежниковъ, которые защищались очень упорно и съ большимъ мужествомъ. Но лишь только дикари заняли Пекинъ, какъ они начали дѣйствовать въ демократическомъ духѣ, поэтому мандарины избрали въ Нанкинѣ новаго императора и рѣшились съ нимъ защищаться. Когда манджуры двинулись на Нанкинъ, то сначала побѣды стоили имъ довольно дорого, но затѣмъ мандаринамъ пришлось прибѣгнуть къ демократическимъ элементамъ и въ особенности къ земледѣльцамъ для составленія своего войска; это войско вовсе не хотѣло ихъ защищать, при первомъ столкновеніи съ манджурами оно оставило ихъ однихъ и мандаринамъ пришлось обратиться въ постыдное бѣгство; начальникъ лишилъ себя жизни. Манджуры перешли черезъ Желтую рѣку. Князья и аристократія бѣжала изъ страны, манжуры овладѣвали Китаемъ, почти безъ боя. Тогда они возгордились и задумали было дѣлать не популярныя распоряженія. Народъ возсталъ въ свою очередь, во главѣ у него не было мандариновъ, имъ командовали крестьяне и люди низкаго происхожденія, но манджуры были жестоко разбиты и цѣлая армія уничтожена и потоплена въ рѣкѣ. Это былъ для нихъ урокъ разъ на всегда.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

МАНДЖУРЫ.

Въ то время, когда манджуры совершали свое завоеваніе на западѣ, соціально-демократическое движеніе приняло замѣчательные размѣры. Тамъ было множество предводителей шаекъ, около которыхъ группировался народъ, но надъ всѣми возвысился Тшангъ-гіентъ-шонгъ — это былъ такой рѣшительный демагогъ, которому подобнаго не встрѣчается въ исторіи. Онъ завладѣлъ провинціей Се-чуенъ и поселился въ Тшингъту. Здѣсь онъ объявилъ, что онъ намѣренъ раздать мѣста мандаринамъ, и приглашалъ ихъ къ себѣ для состязанія на экзаменѣ. Такъ какъ мятежники того времени, достигнувъ власти, иногда поступали такимъ образомъ и обращались къ старому, только съ нѣсколько болѣе умѣреннымъ направленіемъ, то мандарины повѣрили: ихъ собралось тридцать тысячъ въ ожиданіи мѣстъ; новый государь помѣстилъ ихъ всѣхъ въ одномъ зданіи, велѣлъ его окружить и избилъ до послѣдняго. Затѣмъ онъ разослалъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что онъ избавилъ страну отъ сосущей ее язвы. Послѣ этого онъ собралъ около себя евнуховъ, которые расплодились и имѣли такое большое значеніе при прежнемъ правительствѣ и внушали народу такую сильную ненависть. Ихъ оказалось до трехъ тысячъ — онъ велѣлъ ихъ казнить всѣхъ въ одинъ день. Затѣмъ онъ устроилъ большое торжество, созвалъ для этого монаховъ и духовенство: они явились въ праздничныхъ одеждахъ, въ то время, когда они публично отправляли молебствіе, онъ велѣлъ ихъ окружить и всѣхъ перебить. Онъ приказалъ всюду избивать бонзъ, которые сосутъ и соблазняютъ народъ. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль въ провинціи было избито тридцать тысячъ монаховъ. «Пусть народъ будетъ чистъ и свободенъ отъ суевѣрія», говорилъ Тшангъ. Массы красавицъ, которыя наполняли гаремы прежде богатыхъ людей, перешли теперь къ Тшангу и къ офицерамъ его войска. Однажды онъ собралъ войско и народъ. Онъ велѣлъ вывести женщинъ своего гарема. По описанію сладострастныхъ мандариновъ, это было самое прелестное, что можно было найти въ провинціи; всѣ взоры обратились къ нимъ. Тшангъ подалъ сигналъ и онѣ были изрублены. Тогда онъ обратился къ своимъ офицерамъ. «Я исполнилъ свою обязанность», сказалъ онъ, «я принесъ ту жертву, которая была необходима для великаго дѣла». Всѣ съ восторгомъ кинулись подражать его примѣру, и долго продолжалось избіеніе гаремныхъ женщинъ. Стенька Разинъ и Маратъ могутъ считаться героями милосердія сравнительно съ такимъ человѣкомъ. Онъ погибъ, потому что, увлеченный излишней смѣлостью, безъ панцыря выѣхалъ на рекогносцировку, и непріятельскій застрѣльщикъ прострѣлилъ его стрѣлою. Когда манджуры овладѣли всѣмъ Китаемъ, тогда они призвавшему ихъ Вузанкаю и двумъ

другимъ своимъ пособникамъ изъ знатныхъ китайцевъ ввѣрили управленіе тремя провинціями. Они вскорѣ сдѣлались надеждой китайской аристократіи, скрывавшейся въ Бирманской имперіи. Чрезъ нѣсколько времени аристократы набрали войско и съ избраннымъ ими императоромъ вступили въ провинцію Юнанъ, которою управлялъ Вузанкай; подобно французскимъ аристократамъ XVIII вѣка, они воображали, что народъ встрѣтитъ ихъ съ восторгомъ, но жестоко ошиблись: всюду они находили только мертвое молчаніе. Вузанкай, увидѣвъ такой холодный пріемъ со стороны народа, поспѣшилъ поправиться и велѣлъ удавить новаго императора и его сына; сопровождавшіе его аристократы сами лишили себя жизни. Завладѣвъ страной, манджуры старались управлять согласно съ проявившимися потребностями народа: число мандариновъ сдѣлалось незначительно, пристрастіе на экзаменахъ, которое было причиною многихъ жалобъ, было выведено для успокоенія народа, были примѣры, что наказывали за это смертью. Изъ 1,000 фунтовъ желѣза отлита была доска и на ней изображенъ основной законъ, что евнухи впредь не могутъ получать общественныхъ должностей. Удаленіе женщинъ и евнуховъ отъ вліянія на дѣла сдѣлалось основнымъ принципомъ манджурской политики. Весьма интересно сравнить дѣйствія манджуровъ и монголовъ. Читатель помнитъ, какими массами земли и людей монголы надѣляли своихъ сподвижниковъ; на огромныхъ пространствахъ они почти истребили земледѣліе и расположили одни пастбища, какъ крупные землевладѣльцы Испаніи и Италіи. Манджуры раздавали князьямъ надѣлы отъ 9 до 90 десятинъ, военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ отъ одной до десяти десятинъ. Даже въ настоящее время земли всей высшей манджурской аристократіи вмѣстѣ составляютъ менѣе 70,000 десятинъ, въ Россіи одинъ вельможа можетъ владѣть большимъ пространствомъ. Все удѣльное имущество составляетъ 180,000 десятинъ, въ Россіи одни надѣлы удѣльныхъ крестьянъ занимаютъ въ тридцать разъ большее пространство. При династіи Минъ войсковой надѣлъ составлялъ 4.540,000 десятинъ, при манджурахъ офицеры и солдаты получили въ надѣлъ 700,000 десятинъ. Но аристократы не угомонились, они выжидали случая, когда манджуры начнутъ дѣлать глупости и лишатся популярности. Случай представился, опекуны малолѣтняго Кангъ-ги сдѣлали распоряженіе переселить жителей съ морскаго берега внутрь земли, чтобы предупредить морскіе разбои. Распоряженіе это не было приведено въ исполненіе, однакоже произвело всеобщій взрывъ негодованія; правители были свергнуты, преданы суду и присуждены къ самымъ ужаснымъ наказаніямъ, которыя извѣстны въ Китаѣ: Кангъ-ги конфирмовалъ ихъ удавить и считалъ это великой милостью. Несмотря на это, аристократы полагали, что наступило время мести и что манджуры достаточно уронили себя въ глазахъ народа. Въ Пекинѣ жило множество ихъ приверженцевъ, которые захвачены были манджурами во время завоеванія и обращены въ рабство. Они составили обширный заговоръ и хотѣли захватить столицу. На югѣ Вузанкай и два губернатора, которые продолжали питать тайное сочувствіе къ аристократамъ, должны были поддержать возстаніе Въ Пекинѣ на-

значенъ былъ день, когда десять тысячъ рабовъ должны были кинуться на своихъ господъ и перебить ихъ, но именно въ этотъ день заговоръ былъ открытъ. Манджуры поступили въ этомъ случаѣ замѣчательнымъ образомъ: казненъ былъ только глава заговора, сынъ Вузанкая, съ немногими сообщниками, остальнымъ дали возможность спастись бѣгствомъ. Между тѣмъ, мандарины отовсюду толпами стекались къ Вузанкаю и провозгласили его императоромъ; кромѣ того, они пригласили монголовъ, которые заключили обширный союзъ съ степными племенами для нападенія на Китай. Манджуры съ необыкновенной быстротой кинулись въ степь, напали на монголовъ прежде, чѣмъ они успѣли собраться, и разстроили ихъ союзъ. Въ это время аристократы успѣли перессориться, произвели между собою кровопролитную рѣзню и такъ ослабили себя, что главные ихъ предводители вынуждены были добровольно покориться манджурамъ. Остался одинъ Вузанкай. Манджуры опять таки поступили съ нимъ чрезвычайно оригинально. Такъ какъ большая часть его войска набрана была изъ народа, не сочувствовавшаго мандаринамъ, то маджуры не вступали съ нимъ въ битву, а только слегка тѣснили его. Вузанкай долженъ былъ отступать, и его силы до того уменьшались, что онъ, наконецъ, умеръ отъ горя. Послѣ его смерти войско окончательно разбѣжалось. Аристократы остались одни и рѣшились защищаться до послѣдней крайности въ Юнанѣ. Манджуры сломили ихъ отчаянное сопротивленіе: сынъ Вузанкая, который ими предводительствовалъ, лишилъ себя жизни, а остальные мандарины были перерѣзаны. Затѣмъ дошла очередь и до тѣхъ аристократовъ, которые покорились добровольно въ то время, когда Вузанкай былъ еще въ силѣ; подъ разными предлогами они отправлялись на тотъ свѣтъ: одни были казнены, другіе удавлены, третьи изрублены въ куски. Всѣ эти драматическія происшествія заняли почти все XVII столѣтіе и заключились ужасными землетрясеніями, которыми истреблено до полумилліона людей. Все совершилось: Китай былъ демократизированъ, но населеніе было истреблено въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что истребленіе это, можетъ быть, превзошло даже времена монгольскаго нашествія. Аристократическихъ началъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ихъ въ Европѣ, самостоятельныхъ, недосягаемыхъ для руки государя и которые могутъ давить народъ безъ всякаго противовѣса, не было въ Китаѣ уже при династіи Мингъ; сила іерархическаго духовенства, вродѣ католичества, сила ламайскаго толка также была сломлена этой династіей, духовенство имѣло менѣе силы въ народѣ, чѣмъ оно имѣетъ, напримѣръ, у насъ. Но въ Китаѣ все-таки существовало высшее сословіе, которое чувствовало себя независимымъ отъ народа и имѣло корпоративный духъ, прямо противоположный народнымъ интересамъ. Всѣ эти элементы были вырваны съ корнемъ: проникнутые этимъ духомъ князья, гаремы, евнухи, мандарины, бонзы были или всѣ изрублены и перебиты, или лишены всякаго имущества и унижены до рабства; это ужасное истребленіе совершалось въ нѣсколько пріемовъ втеченіе жизни цѣлаго поколѣнія. Такъ какъ нельзя было разомъ составить все высшее сословіе изъ людей новыхъ взглядовъ и въ ихъ ряды втира-

рались люди стараго закала, то истребленіе возобновлялось снова и снова съ неслыханной въ исторіи революціонной неутомимостью. Китай обновился, какъ природа послѣ бури, земля была въ мелкомъ владѣніи земледѣльцевъ, мандарины стали избѣгать пріобрѣтать имѣнія или осѣдло водворяться надъ народомъ. Послѣ всего того, что они видѣли, они считали себя только временными гостями въ странѣ, каждую минуту они ждали, что за свои грѣхи они будутъ перерѣзаны и изгнаны массами народомъ, которому трудно угодить. Ихъ положеніе имѣло нѣкоторое сходство съ положеніемъ высшаго французскаго сословія въ XIX вѣкѣ, но причина страха была несравненно грознѣе, а потому и страхъ былъ несравненно сильнѣе. Французскія высшія сословія никогда не затруднялись покупать имѣнія, увеличивать государственный бюджетъ даже съ поразительной быстротой; китайскія нетолько не смѣли увеличивать податей, но не смѣли ихъ сохранять въ томъ размѣрѣ, въ которомъ они находились; подати постоянно уменьшались съ возрастаніемъ населенія, и эти постоянно уменьшающіяся подати они не смѣли взыскивать съ сколько-нибудь упорной энергіей, недоимки были постоянны и прощались въ огромныхъ размѣрахъ, цѣлыя области иногда находили, что ихъ постигло несчастье, что имъ трудно платить, и съ нихъ не смѣли брать. Въ началѣ XVIII вѣка изданъ былъ даже законъ, который разъ навсегда опредѣлилъ число податныхъ душъ и лицъ, подлежащихъ казеннымъ повинностямъ; всѣ остальные, сколько бы ихъ ни было, навсегда признаны свободными. Съ тѣхъ поръ населеніе увеличилось въ пятнадцать разъ, такъ что пятнадцать стали платить то, что прежде долженъ былъ платить одинъ. Повторилось опять то, что было во время великаго соціальнаго движенія въ II и I вѣкѣ до Р. Хр. Народъ нетолько отказывался платить, но требовалъ вспомоществованія и получалъ его. Не рѣшаясь пріобрѣтать земли и недвижимость, мандарины усвоили себѣ привычку копить для своего обезпеченія драгоцѣнные металлы; привычкой этой, наконецъ, заразился даже императоръ, и мы видимъ съ разныхъ границъ значительный ввозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Китаѣ. При этой ужасной ломкѣ, истребленіе народныхъ массъ было также чрезвычайно значительно, въ началѣ XVIII вѣка въ Китаѣ насчитывалось только $24^1/_2$ мил. населенія, но послѣ этого населеніе начало возрастать съ необыкновенной быстротой. Въ прежнія историческія эпохи, въ періоды либеральнаго управленія мандариновъ, населеніе также увеличивалось, но чрезвычайно медленно; втеченіе тысячи шестисотъ лѣтъ послѣ Р. Х. населеніе то увеличивалось, то уменьшалось, но въ окончательномъ результатѣ все-таки оказалось, что во второй годъ послѣ Р. Х. оно составляло 59.594,978, а въ 1578 г. 60.692,856, т. е. въ сущности оставалось неподвижнымъ. Кажется, максимумъ населенія былъ передъ изгнаніемъ тунгуской династіи и нашествіемъ монголовъ: въ концѣ XII вѣка оно составляло $76^1/_3$ мил. Независимо отъ неправильностей счисленія, отъ съуживанія и расширенія китайскихъ границъ, быстрыя перемѣны въ населеніи зависѣли отъ шансовъ безпрерывной борьбы съ полудикими номадами и отъ чрезвычайно рѣзкихъ переходовъ отъ демократическихъ

къ аристократическимъ и деспотическимъ началамъ и обратно. Землевладѣніе чрезвычайно быстро дѣлалось изъ мелкаго крупнымъ, а изъ крупнаго мелкимъ. Народъ, весьма мало отягощенный податями и повинностями, внезапно отягощался и тѣмъ и другимъ безъ всякой мѣры. Эти крайне безцеремонные переходы и безмѣрно ожесточенная и истребительная борьба, которою они сопровождались, не могли иначе отзываться на населеніи. Замѣчательны тутъ не эти переходы, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся въ Азіи, а гигантская борьба, которую съ ними велъ народъ и которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Въ 1711 г. было 24 мил. въ Китаѣ, въ 1757 уже 190 мил. (Что китайское искусство народосчисленія было въ это время довольно сносно, видно изъ перечисленія старухъ, сдѣланнаго въ одной провинціи въ 1723 году—тамъ оказалось 138,800 старухъ отъ 70 до 90 лѣтъ и 3453 старухи старше 90 лѣтъ; въ Англіи въ 1851 г. было 325,692 старухи отъ 70 до 90 лѣтъ и 6302 старухи старше 90 лѣтъ. Возможность сосчитать старухъ по возрастамъ и получить результатъ, не имѣющій въ себѣ ничего невѣроятнаго, показываетъ статистику, которая имѣетъ уже извѣстную степень совершенства. Китайцы имѣли по временамъ страсть къ статистикѣ, даже женщины тамъ занимались статистикой). Самымъ вѣрнымъ перечисленіемъ народа считается перечисленіе 1812 года—оно дало 362 мил. нас.; слѣдовательно, втеченіе столѣтія населеніе увеличилось въ шестнадцать съ половиною разъ. Съ 1710 по 1810 г. въ Англіи населеніе только удвоилось (отъ 5 мил. возросло до $10^1/_2$), отъ 1700 до 1800 г., оно во Франціи даже не удвоилось (отъ $19^1/_2$ мил. оно возросло до $27^1/_2$ мил.). Въ 1711 г., населеніе Китая было также велико, какъ населеніе Франціи и Испаніи; въ 1812 г. оно было уже на 25% значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ въ 1860 г.; въ 1843 г. оно составляло уже 414 мил.; утверждаютъ, что народная перепись 1852 года дала 536,909,300 человѣкъ нас. Многія статистическія соображенія показываютъ намъ, что если цифры китайскаго населенія и нельзя считать вѣрными, то густоту этого населенія никакъ нельзя считать преувеличенною. Въ одной изъ самыхъ густо-населенныхъ областей—Чжи-ли—въ 1842 году показано 36,879,839 жит. и 39,831 поселеній; въ Англіи при населеніи 20,959,477 (въ 1851 г.) показывалось 17,159 поселеній. Въ Китаѣ при болѣе густомъ населеніи приходится на каждое поселеніе 926 челов., а въ Англіи 1222. Оказывается, что въ Китаѣ населеніе болѣе разбросано, но результатъ все-таки очень вѣроятный. Въ Пекинѣ смертность въ 1845 г., составляло 39,438 челов. Если бы въ немъ была такая смертность, какъ въ Парижѣ, то его населеніе составляло бы 1,340,000, а если такая смертность, какъ въ Лондонѣ, то 1,650,000; по переписямъ китайскимъ показано 1,648,814 жит.—результатъ, который не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Есть и болѣе общій фактъ, подтверждающій исчисленіе китайскаго населенія въ 400 мил. Во Франціи пшеницы, ржи и проч. въ 1848 г. производилось 12 пуд. на челов., въ Пруссіи пшеницы, ржи и ячменю производилось въ шестидесятыхъ годахъ также около 12 пудовъ на человѣка. Для сороковыхъ годовъ про-

изводство хлѣба въ Китаѣ высчитывалось около 4800 мил. пуд [1]), слѣдовательно количество достаточное для содержанія четырехъ сотъ мильоннаго населенія. Не надо забывать, что въ Пруссіи изъ помянутаго количества было 7 ржи, а въ Китаѣ главная пища рисъ, только на сѣверѣ пшеница, такъ что тоже количество пудовъ можетъ прокормить гораздо большее населеніе. Какъ въ китайской исторіи мы видимъ поразительно быстрые переходы отъ крупнаго землевладѣнія къ мелкому, такъ и въ китайской статистикѣ мы видими поразительные переходы отъ лжи къ истинѣ, за статистическими данными весьма сносной вѣрности слѣдуетъ самая явная ложь, и только крайняя осторожность можетъ спасать отъ самыхъ грубыхъ ошибокъ. Добросовѣстные путешественники въ городѣ Вутшангъ съ его громадными предмѣстьями Ганванъ и Ганканъ насчитывали 8 мил. жит.. Тѣ, которые въ новѣйшее время возставали противъ этого преувеличеннаго исчисленія, все-таки говорятъ, что послѣ раззоренія города и огромнаго уменьшенія его населенія въ немъ оставалось до 2-хъ мильоновъ. Если бы въ Китаѣ было только 500 мил. населенія, то населеніе это превосходило бы все населеніе Европы, Америки, Африки, Австраліи, Сибири и западной Азіи, т. е. въ Китаѣ на пространствѣ въ 70,000 квад. миль жило бы болѣе народу, чѣмъ во всѣхъ помянутыхъ частяхъ свѣта на пространствѣ въ мильонъ семьсотъ тысячъ квадратныхъ миль; считая населеніе Китая даже только въ 400 мил. или даже только въ 360 мил., оно будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ, въ Америкѣ и въ Австраліи, т. е. на пространствѣ въ мил. квадратныхъ миль. Результатъ конечно блистательный. Оказалось однакоже, что несмотря на ужасный урокъ, который данъ былъ высшимъ сословіямъ Китая втеченіе XVII вѣка, они постоянно покушались снова налечь тяжелымъ пластомъ на народъ, и нужна была постоянная дѣятельность тайныхъ соціально-демократическихъ обществъ для того, чтобы ихъ отъ этого удерживать. Манджуры оказали еще одну великую услугу китайцамъ—они мало по малу покорили все сосѣднее населеніе и сдѣлали его безопаснымъ для Китая, и къ чести ихъ надо сказать, что они обнаружили при этомъ большую политическую ловкость, но они не были въ состояніи сдерживать внутри государства народныхъ эксплуататоровъ такъ, какъ этого требовалъ народъ — и это была постоянная опасность для ихъ династіи. Едва кончилась горячка, которая потрясала весь Китай, и не истекъ еще XVII вѣкъ, какъ мы уже встрѣчаемся съ мѣстнымъ избіеніемъ народомъ манджурскихъ мандариновъ. Несмотря на всѣ мѣры, которыя принимались для поощренія земледѣлія, несмотря на то, что огромныя пространства земли, которыя лежали впустѣ, подверг-

---

[1]) Расчетъ сдѣланъ такъ—въ Китаѣ пахатныхъ земель 792 мил. му; му даетъ два мѣшка риса, писатели, опровергающіе густоту населенія Китая, соглашаются однакоже принимать плодородность му для всякихъ хлѣбовъ въ полтора мѣшка, а мѣшокъ въ четыре пуда съ небольшимъ; окажется, что 792 мил. му производятъ 1188 мѣшковъ, если положить по четыре пуда съ десятой въ мѣшокъ, то всего выйдетъ 4870 мил. пудовъ. Данныя нашего синолога рекомендуютъ себя своею вѣрностью, хотя конечно его нельзя обвинять за неправильность заключенія по непривычкѣ обращаться съ цифрами статистики.

лись обработкѣ, несмотря на помощь, которая оказывалась народу, и на устройство каналовъ и новыхъ путей сообщенія, — когда императоръ Кіенлонгъ увлекся страстью къ полезнымъ, впрочемъ, завоеваніямъ и сталъ увеличивать поборы, народъ во второй половинѣ XVIII вѣка снова принялъ грозное положеніе, знаменитыя соціально-демократическія тайныя общества снова пріобрѣли силу, они плодились какъ грибы, и въ многихъ провинціяхъ стали возникать безпорядки, избивались мандарины, самъ императоръ только счастливымъ случаемъ спасся отъ погибели, явилось даже что-то вродѣ пугачевщины, и далеко распространившійся заговоръ подвергалъ государство опасности. Но народное негодованіе не имѣло еще силы, онъ смотрѣлъ на движеніе нерѣшительно и отчасти равнодушно, только мѣстами, напр. въ Шензи, дрались съ ожесточеніемъ даже женщины. Замѣчателенъ и оригиналенъ образъ дѣйствія Кіенлонга послѣ этихъ возстаній. Произведено было изслѣдованіе, почему народъ постигается несчастьями; оказалось, что народъ добродѣтеленъ и не виноватъ, затѣмъ изслѣдовано было поведеніе императора, оказалось, что и онъ не виноватъ, но когда стали разсматривать поведеніе мандариновъ, то тутъ то и оказались настоящіе виновники. Многіе губернаторы были приговорены къ смерти, затѣмъ массы чиновниковъ подверглись пенямъ, штрафамъ, конфискаціямъ, у нихъ отобрано было столько денегъ, что императоръ могъ покрыть свои военныя издержки, облегчить подати народа и успокоить его этимъ. На Формозѣ, гдѣ мандарины вздумали примѣнять европейскія понятія о собственности и мѣшать жителямъ разработывать новыя земли подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ государственныя, — произведено было страшное возстаніе, пролиты рѣки крови, и наконецъ правительство вынуждено было заплатить населенію огромныя суммы для его успокоенія, глава возстанія продолжалъ жить на островѣ богатымъ и вліятельнымъ человѣкомъ и грозой дла мандариновъ. Такъ долженъ былъ поступать императоръ герой, централизаторъ и отъявленный врагъ всякаго нетолько свободомыслія, но даже просто разномыслія. Въ Европѣ считаютъ самымъ худшимъ солдатомъ солдата, который разсуждаетъ, а Китай обязанъ былъ своимъ благоденствіемъ разсуждающему войску, которое отказывалось драться за несправедливое, по его мнѣнію, дѣло. Въ 1791 году, въ то время, когда французская революція разгоралась, и въ Китаѣ было огромное движеніе: массы заговорщиковъ собрались около Пекина, весь народъ былъ вполнѣ увѣренъ, что восьмидесятилѣтнему императору остается погибнуть среди пламени, подъ развалинами своего дворца. Чернь принимала самое живое участіе въ дѣлѣ заговорщиковъ, но Кіенлонгъ былъ необыкновенный человѣкъ — чрезъ своихъ шпіоновъ онъ узналъ всѣ претензіи народа, удовлетворилъ имъ и успокоилъ народъ; затѣмъ онъ захватилъ нѣкоторыхъ главныхъ заговорщиковъ. Съ этими онъ поступилъ съ самой эффектной жестокостью, онъ казнилъ ихъ самихъ, истреблялъ ихъ семейства и ихъ имущества. Второстепенныхъ коноводовъ заговора онъ велѣлъ немедленно отпустить, а массы даже вовсе не касаться, складъ оружія онъ обратилъ въ свою собственность. Тотчасъ послѣ вступленія на престолъ

его наслѣдника вспыхнуло десять мятежей, и правительство должно было заплатить народу огромныя суммы для ихъ успокоенія. Въ 1796 году знаменитое соціально-демократическое общество Пелинкіао задумало новую революцію. Изъ Шензи мандарины бѣжали безъ оглядки, войска были разбиты, провинція Сетшеу примкнула къ возстанію. Императоръ послалъ цѣлую армію, но она была истреблена почти совершенно; въ 1798 г. другая армія подверглась той же участи. Народъ примыкалъ къ мятежникамъ огромными массами, между ними господствовало такое равенство, что нельзя было даже отличать предводителей, они наводили ужасъ и на мандариновъ и на имущіе классы, которые соединялись противъ нихъ въ тѣсный союзъ. Наконецъ эти террористы и защитники народа выродились въ грабителей, и ожесточенные земледѣльцы сами истребили ихъ. Въ началѣ XIX вѣка составленъ былъ новый обширный заговоръ, сдѣлано было покушеніе на жизнь императора. Императоръ перепугался и въ прокламаціи заявилъ народу, что онъ раскаявается въ своемъ поведеніи и исправится. «Не кинжалъ злодѣевъ пугаетъ меня», писалъ онъ, «равнодушіе народа, вотъ что для меня ужасно.» Положеніе императора начинало дѣлаться забавнымъ: народные бунты побуждали уменьшать издержки, и сокращенія эти конечно всего больше касались военнаго бюджета, а сокращенія военныхъ издержекъ порождали бунты въ войскѣ, правительство хотѣло было налечь на таможенные сборы, но опять вышло плохо, недовольныя торговыя джонки составили цѣлый флотъ пиратовъ и подняли страшный мятежъ на водѣ. Въ 1813 году былъ неурожай, народъ находилъ, что правительство не достаточно оказывало помощи бѣднымъ. Знаменитое общество Пелинкіао соединилось съ другимъ, которое называлось Тіенли; заговорщики были такъ многочисленны, что они могли противостоять самому сильному войску. Запылала партизанская война. Однажды партизаны осадили дворецъ и окружили императора въ гаремѣ, его дѣти и принцы крови должны были драться, какъ простые солдаты. Императоръ издалъ такую прокламацію, какую ни одинъ европейскій государь не согласился бы подписать—«я исправлюсь», умолялъ онъ, «пусть меня помилуетъ гнѣвъ народный.» Изъ казначейства отпускались большія суммы на вспомоществованіе бѣднымъ, цензоры гремѣли противъ злоупотребленій. Императоръ безпрерывно объявлялъ народу, что онъ проситъ его совѣта, и совѣтниковъ, дѣйствительно, являлось такое множество, что у него голова шла кругомъ. Министръ Зонгъ, необыкновенно ловкій демагогъ, пріобрѣлъ огромную силу; императоръ ненавидѣлъ его всей душой. Ожесточившись, онъ преслѣдовалъ политическихъ преступниковъ и засадилъ до десяти тысячъ въ тюрьму, самаго Зонга онъ удалилъ въ Татарію. [1]) Но вскорѣ ему пришлось торжественно раскаяться въ этомъ

[1]) Этотъ Зонгъ подалъ императору записку, въ которой изложилъ всѣ его злоупотребленія, обличалъ всѣ его слабости и доказывалъ, что онъ отъ народа заслуживаетъ только презрѣнія. Взбѣшенный императоръ потребовалъ, чтобы Зонгъ назначилъ себѣ наказаніе, онъ вмбралъ «четвертованіе»; императоръ повторилъ свой вопросъ, Зонгъ отвѣтилъ «казнь», затѣмъ «удавленіе». Однакоже императоръ не осмѣлился прибѣгнуть ни къ одному изъ этихъ средствъ и назначилъ губернаторомъ Тіенли.

и въ спискѣ достойныхъ людей поставить Зонга на первомъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени государь кончилъ свою отравленную горемъ жизнь. Наслѣдникъ его, Таокуангъ, постигъ новый духъ китайцевъ, онъ распустилъ гаремъ, уничтожилъ при дворѣ комедіантовъ, музыкантовъ и всю возмущавшую народъ роскошь, жилъ съ одной женой, былъ экономенъ и вѣротерпимъ. Жалки варварскіе пріемы, которые онъ употреблялъ, чтобы избѣгнуть возвышенія податей, но отъ возстаній, борьбы между народомъ и мандаринами, онъ все таки не избавился. Случалось, что взволнованный народъ жарилъ свое начальство на медленномъ огнѣ, тяжко доставалось порой и политическимъ предводителямъ. Возстанія принимали обширные размѣры, и правительству приходилось много денегъ раздавать народу. Таокуангъ неоднократно покушался быть демагогомъ и возмущалъ своихъ мандариновъ, въ 1832 г. онъ кормилъ въ одномъ Пекинѣ 100,000 бѣдныхъ, а богатымъ, которые жертвовали рисъ, онъ не только давалъ высшіе ордена, но даже, къ ужасу ученыхъ, званіе докторовъ правъ (по китайски). Онъ былъ однакоже человѣкъ неискренній и двуличный. Между тѣмъ финансы запутывались, цензоры требовали сокращенія издержекъ двора, и Таокуангъ не показывалъ при этомъ неудовольствія, потому что для успокоенія народа нужно было постоянно уменьшать подати. Въ 1831 году онъ долженъ былъ сложить 20 мил. неуплаченныхъ податей. Провинція Кіангсу только два раза заплатила поземельный налогъ—въ 1823 г. около 4 м р. сер., а въ 1822 г. около 3 м. р. сер., затѣмъ она вовсе отказывалась платить, и на понужденіе императора мѣстный начальникъ сдѣлалъ представленіе объ ея освобожденіи; за это онъ нетолько не былъ наказанъ, но былъ повышенъ. Китайскіе соціалисты не рѣдко очень открыто высказывались, такъ однажды была подана петиція императору о причинахъ голода, въ которой говорилось, что для того, чтобы возвратиться къ счастливымъ временамъ древности, необходимо, чтобы при обработкѣ земли государство присовокупило свои средства къ усиліямъ земледѣльцевъ — и тогда не будетъ голода. Императоръ приговорилъ сочинителя къ ссылкѣ, но даже этого не могъ добиться: онъ остался на свободѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно содержать свою мать. Наконецъ, войны съ англичанами до того разстроили финансы, что правительство вынуждено было прибѣгнуть къ увеличенію податей. Но тогда только оказалось, какія привычки составились втеченіе послѣднихъ столѣтій въ народѣ. Народъ показалъ самое рѣшительное сопротивленіе. Солдаты, которые были посланы на помощь сборщикамъ податей, были разбиты, и правительство должно было уступить. Мало этого, примѣръ сопротивленія, сдѣланный въ одной части государства, нашелъ подражаніе въ другихъ, и сборъ податей нетолько не увеличился, но уменьшился. Демократическія сборища дѣлались по всему государству и начали говорить о правахъ народа. Народъ требовалъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается его блага, сначала спрашивали его совѣта. Если дѣлались распоряженія, которыя не соотвѣтствовали ихъ желаніямъ, то клубы дѣлали свои представленія, а если на эти представленія не обращали вниманія, то

они массами являлись къ зданіямъ присутственныхъ мѣстъ и часто достигали силою того, чего не могли достигнуть просьбами. Въ Кантонѣ демагоги исторгли для народа дозволеніе носить оружіе и составили многочисленную милицію. Составлялись собранія, чудовищныя по своей многочисленности, и на нихъ разсматривались всѣ важные политическіе вопросы. Множество чиновниковъ, которые видѣли невозможность сопротивляться народу, стали дѣйствовать въ его духѣ, нѣкоторые становились даже во главѣ движенія. Волею и неволею приходилось управлять въ духѣ массъ. Одинъ мандаринъ ударилъ разъ человѣка на улицѣ, тотчасъ собралась огромная толпа тысячъ въ десять, кинулись на его домъ, сожгли его и сравняли съ землей. Затѣмъ явилась прокламація, что всѣхъ тѣхъ, кто поступитъ, какъ этотъ мандаринъ, ожидаетъ та же участь. Призвали войско, но войско отказалось дѣйствовать противъ народа и правительство должно было покориться. Одинъ генералъ ударилъ женщину, которая просила милостыню, женщина обратилась къ народу, собралась толпа, перебила все въ домѣ генерала, схватила его самаго и высѣкла. Во всемъ Китаѣ господство народныхъ массъ возрастало со дня на день. Ораторы руководили толпами, и мандарины, чтобы ихъ успокоить, должны были постоянно дѣйствовать въ ихъ духѣ. Вооруженный народъ ходилъ большими массами по странѣ и наводилъ страхъ на начальство. Повсюду явилось убѣжденіе, что Таокуангъ не удержится въ императорскомъ званіи, но этотъ государь слишкомъ хорошо владѣлъ искусствомъ уступать желаніямъ народныхъ массъ — и удержался. Съ необыкновенной смѣлостью онъ принялъ на себя роль демагога, публично оправдывалъ народъ, жестоко обвинялъ мандариновъ, смѣнялъ ихъ съ мѣстъ, хвалилъ предводителей народа за ихъ ревность, отмѣнилъ подати, которыя казались отяготительными, однимъ словомъ, показалъ такую мудрость, къ какой не было бы способно ни одно европейское правительство. Министерство составлено было изъ самыхъ ревностныхъ демагоговъ, издавались популярные законы, принимались мѣры, которыя возбуждали негодованіе высшихъ и имущественныхъ классовъ. Увеличились только одни таможенные сборы, всѣ другіе источники дохода уменьшились и все таки по случаю рожденія императрицы—матери прощено было болѣе 90 мил. недоимокъ. Аристократія составляла заговоры о возстановленіи династіи Мингъ, но ничего не могла сдѣлать. Наконецъ спокойствіе возстановилось. Облегченія, дарованныя народу, были такъ велики, что въ то время, когда бюджетъ былъ вычисленъ въ 200 мил. р. сер., дѣйствительный доходъ составилъ всего только 50 мил. Земля Китая была раздѣлена на безчисленное множество мелкихъ надѣловъ, и ихъ владѣльцы по большей части не платили. Когда не доставало денегъ, уменьшали жалованье чиновникамъ, офицерамъ и войску къ великой ихъ досадѣ. Разливы рѣкъ и народныя бѣдствія привели къ тому, что тронутъ былъ резервный денежный запасъ изъ 50 съ лишнимъ милльоновъ, онъ сначала уменьшился до 15 мил., а потомъ и изъ остальнаго истрачено половина; подати взыскивались съ большею слабостью и накопилось еще сорокъ милльоновъ недоимокъ. Вотъ тотъ путь, которымъ Китай достигъ своего безпримѣрно

густаго населенія, онъ знаменателенъ и поучителенъ, онъ показываетъ всю глубину зла, которая вытекаетъ изъ возвеличенія людей за роскошь и богатства. Для того, чтобы высшія сословія дали просторъ народу содержать себя и плодиться, нужно было почти втеченіе цѣлаго столѣтія терроризировать ихъ самымъ ужаснымъ образомъ, нужно было проливать рѣки крови и избивать милльоны и десятки милльоновъ людей. Мало этого, нужно было терроризмъ этотъ возобновлять постоянно и непрерывно, потому что лишь только терроризмъ ослабѣвалъ, страсть возвеличиваться роскошью овладѣвала высшими сословіями съ такою силою, что ни они сами, ни народъ не были въ состояніи обуздывать ихъ. Кромѣ того, и правительство и высшія сословія должны были отличаться такой слабостью, чтобы они постоянно чувствовали свое безсиліе во время народныхъ волненій; но чрезъ это самое они были неспособны успѣшно подавлять анархистовъ и разбойниковъ, и народу приходилось одновременно бороться и противъ высшихъ своихъ сословій и противъ разбойничьихъ шаекъ. Здравые инстинкты народа подвергались постоянно самымъ тяжкимъ испытаніямъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что испытаніе это они могутъ вынести не долго, только сознательная цивилизація можетъ быть прочною.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Элементы китайской жизни — чиновники, чѣмъ ограждается народъ, незначительность государственныхъ расходовъ, бѣдность духовенства, роль религіи въ Китаѣ, второстепенное положеніе военныхъ мандариновъ, преимущества, которыя отсюда вытекали. — Можно доказать, что Китай гуще населенъ, чѣмъ западная Европа, но нельзя доказать, что населеніе это несчастнѣе. — Полезно ли было въ Китаѣ ограниченіе силы силой.— Положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ не располагаетъ къ пріобрѣтенію земель; вліяніе многоженства на ихъ раздробленіе.

Такимъ образомъ среди постоянной борьбы и рѣзкихъ движеній назадъ и впередъ мало по малу установляются тѣ элементы, изъ которыхъ развивается китайское міровоззрѣніе. Во главѣ общества стоятъ чиновники, мандарины, зависящіе отъ администраціи, и преимущественно буддійское духовенство. Чиновники повышаются по экзамену и, несмотря на всѣ злоупотребленія, достигать должностей могутъ, въ большей части случаевъ, только люди интеллектуально сильные; они живутъ жалованьемъ и отчасти взятками. Въ Китаѣ, какъ и въ европейской цивилизаціи, интеллектуальное развитіе есть необходи-

мое условіе для достиженія должностей; восточные пріемы тамъ немыслимы, казачекъ или рабъ, прислуживавшій государю и вельможѣ, никакъ не можетъ достигнуть высокаго званія. Духовенство живетъ добровольными приношеніями и отъ находящихся въ его собственности земель. Изъ земель, находящихся въ крупномъ землевладѣніи, громадное большинство находится въ обладаніи государства и духовенства. Земли эти отдаются въ аренду, но по большей части онѣ обрабатываются духовенствомъ собственными руками. Борьба между народомъ, духовенствомъ и чиновниками привела къ воззрѣніямъ, которыя оказались весьма благодѣтельными для развитія народнаго благосостоянія. Она породила убѣжденіе въ необходимости уменьшенія государственныхъ издержекъ — идея эта въ Китаѣ дѣйствовала совершенно иначе, чѣмъ въ западной Европѣ, гдѣ она намъ представляется какой то глупой, сентиментальной мечтой, которая повторяется всѣми безсмысленно, безъ всякого серіознаго намѣренія привести ее въ исполненіе и въ то время, когда государственныя издержки растутъ съ поразительной быстротой. Въ Китаѣ управленіе государствомъ было дѣйствительно поразительно дешево. Въ Англіи при населеніи въ двадцать милльоновъ считается 19,000 высшихъ и среднихъ чиновниковъ, составляющихъ непосредственное вѣдомство центральнаго управленія (всѣхъ чиновниковъ этого вѣдомства не входящихъ въ составъ мѣстнаго управленія, считается 66,000); въ Китаѣ при населеніи 400 милльоновъ считается четырнадцать тысячъ мандариновъ (въ этотъ счетъ также не входятъ чиновники мѣстнаго управленія, которые зависятъ отъ народнаго выбора.) — Китайскіе мандарины, которые управляютъ областями или равными или болѣе многолюдными, чѣмъ великія европейскія державы, когда то получали царскія вознагражденія, но вознагражденія эти чрезвычайно уменьшены, бѣдность китайскихъ чиновниковъ возбуждаетъ насмѣшки европейцевъ, съ англійскими ихъ содержаніе не имѣетъ ни малѣйшей соразмѣрности. Революціонная дѣятельность народа при манджурахъ такъ уменьшила число чиновниковъ, что въ китайскомъ округѣ всегда много большихъ деревень и даже городовъ, которые втеченіе цѣлаго года не видятъ ни одного чиновника кромѣ сборщика податей. Контроль народа надъ чиновниками, конечно, весьма плохо организованъ, но въ народѣ распространено убѣжденіе, что безусловное повиновеніе и зло и грѣхъ, а поэтому народъ относится къ чиновникамъ вовсе не съ тѣмъ подобострастіемъ, какое предполагаютъ европейцы, судя по нѣкоторымъ внѣшнимъ проявленіямъ. Очевидцы разсказываютъ, какъ толпы народа въ Китаѣ показываютъ полную самостоятельность по отношенію къ мандаринамъ, не слушаютъ ихъ голоса и очень мало обращаютъ на нихъ вниманія. Чиновники постоянно опасаются круто поступать съ толпами, они стараются дѣйствовать болѣе хитростью и ловкостью, чѣмъ силою. Вообще китайскіе чиновники боятся народа. Когда что нибудь возбудитъ негодованіе населенія, тогда оно подымается массами, составляетъ грозную толпу и является къ чиновнику уже не въ качествѣ просителя, а въ качествѣ обвинителя и требующаго отчета. Чиновникъ выходитъ къ народу, ви-

нится передъ нимъ, говоритъ съ его руководителями, терпѣливо выслушиваетъ ихъ претензіи и условливается съ ними насчетъ будущаго своего образа дѣйствія. Поступаетъ онъ такимъ образомъ потому, что въ глазахъ центральнаго правительства чиновникъ, въ управленіи котораго произошелъ бунтъ, считается неловкимъ, лишается мѣста и даже если онъ вполнѣ оправдается, то не можетъ надѣяться на дальнѣйшую карьеру. Такое воззрѣніе китайскаго правительства опять-таки не есть случайный взглядъ, который оно можетъ по своему произволу измѣнить, оно вытекаетъ изъ тѣхъ убѣжденій, въ которыхъ воспитанъ китайскій народъ. По большей части народъ китайскій хорошо дисциплинированъ, волнуется и возстаетъ только въ случаѣ серьезныхъ злоупотребленій, но есть мѣстности, гдѣ народъ буйный и волненія могутъ происходить даже тогда, когда чиновники дѣйствуютъ правильно; въ этихъ случаяхъ центральное правительство употребляетъ въ дѣло войско и наводитъ страхъ казнями. Но къ такому образу дѣйствія правительство прибѣгаетъ очень неохотно. По китайскимъ понятіямъ императоръ долженъ быть миротворецъ и успокоитель; слухъ о мѣстномъ волненіи тотчасъ же возбуждаетъ на большомъ пространствѣ всѣ умы, и начинается говоръ, что наступило время паденія династіи, которое постоянно ожидается; два—три мѣстныхъ волненія могутъ вызвать обширное и опасное возстаніе, народъ начинаетъ считать себя свободнымъ отъ обязанности быть вѣрнымъ императору и ищетъ другого главу. Поэтому чиновникъ ничѣмъ не можетъ компрометировать себя въ глазахъ центральнаго правительства въ такой степени, какъ возбудивъ народное волненіе. Кромѣ того, чиновники часто мѣняются, и при каждой перемѣнѣ народъ выражаетъ свое удовольствіе и неудовольствіе управленіемъ, и эти выраженія мнѣнія имѣютъ значительное вліяніе на центральное правительство. Стоитъ вникнуть въ условіе китайской жизни, чтобы понять, что иначе и быть не можетъ. Китаецъ платитъ взятки, но онъ никогда не переноситъ спокойно притѣсненія далѣе извѣстнаго предѣла. Китайцы обладаютъ такой способностью организоваться и дѣйствовать за-одно, которая чрезвычайно рѣдко встрѣчается и у людей европейской цивилизаціи. Когда мандаринъ начинаетъ ихъ притѣснять, они всегда начинаютъ съ самыхъ мирныхъ средствъ, но съ поразительнымъ упорствомъ идутъ все далѣе и не отступаютъ передъ самыми крайними. Если чиновникъ не обратитъ вниманія на ихъ представленія, то они отказываютъ ему сначала въ повиновеніи, онъ не добьется повиновенія никакими наказаніями. Если онъ, добиваясь повиновенія, выведетъ жителей изъ терпѣнія, то вдругъ запираются всѣ лавки, работники перестаютъ работать, прекращаются перевозы и вся дѣятельность на улицахъ. Если послѣ этой манифестаціи чиновникъ не будетъ смѣненъ, то оказывается необходимымъ, чтобы отдѣльныя личности пожертвовали собою для общаго блага, они начинаютъ упорно добиваться смѣны мандарина, несмотря на всѣ наказанія отъ его покровителей—начальниковъ, и внезапныя прекращенія дѣятельности повторяются. Затѣмъ нѣсколько заговорщиковъ захватываютъ его въ плѣнъ и объявляютъ ему, что его

убьютъ, если онъ не перемѣнится. Затѣмъ, если онъ упорствуетъ, его, дѣйствительно, убиваютъ. Ирландскіе пріемы въ Китаѣ въ общемъ ходу. Нѣсколько лицъ торжественно жертвуютъ собою въ этомъ случаѣ для общаго блага. Они иногда даже не бѣгутъ, а добровольно передаютъ себя въ руки начальства на казнь съ условіемъ, чтобы притѣсненіе прекратилось. Послѣ этого составляются шайки морскія или сухопутныя, они поддерживаются обществомъ и получаютъ родъ подати или добровольного вспомоществованія, они даже не грабятъ силою, а берутъ только эту подать. Если правительство такъ непопулярно, что шайка увеличивается, то она входитъ въ присутственныя мѣста, захватываетъ кассу и начинаетъ уже брать въ свои руки управленіе; она дѣлаетъ сборы съ товаровъ и отъ богатыхъ жителей, но она отнюдь не будетъ грабить, чтобы не потерять симпатію населенія. Чѣмъ популярнѣе шайка, тѣмъ она быстрѣе растетъ и, наконецъ, свергаетъ династію. Извѣстно, что въ Китаѣ въ провинцію на экзаменъ является отъ шести до восьми тысячъ человѣкъ, а выдерживать могутъ по штату только 70—по крайней мѣрѣ семьсотъ лицъ, одинаково съ ними способныхъ и знающихъ, остаются неудостоенными; они-то и отстаиваютъ нужды народа съ такимъ самоотверженіемъ, организуютъ его и зорко слѣдятъ за управленіемъ. Читатель припомнитъ то, что мы говорили о послѣдствіяхъ тѣсноты, происходящихъ отъ того, что не всѣ роды труда получаютъ одинаковое вознагражденіе и вознагражденіе увеличивается нетолько потому, что, дѣлая тотъ же самый трудъ, одинъ оказывается болѣе прилежнымъ и способнымъ, чѣмъ другой, а только потому, что человѣкъ занимается другого рода трудомъ. Здѣсь мы видимъ образецъ тѣхъ уродливостей, къ которымъ приводятъ комбинаціи такой системы вознагражденія съ возвеличеніемъ человѣка за роскошь и богатство. Всѣ тѣснятся къ высшимъ должностямъ; тѣ, которые схватили призъ, притѣсняютъ народъ, чтобы возвыситься въ обществѣ роскошью. Тѣ, которые его не получили, всячески интригуютъ въ народѣ, часто съ большимъ самоотверженіемъ, чтобы произвести волненіе или бунтъ, спихнуть счастливцевъ и сѣсть на ихъ мѣсто или, по крайней мѣрѣ, схватить отъ правительства деньги. Конечно, такое зоркое наблюденіе ограничиваетъ мандариновъ, но леченіе нелучше болѣзни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что было бы гораздо осмысленнѣе, еслибы не существовало ни того, ни другого: еслибы призъ не такъ сильно возбуждалъ страсти, то и управленіе было бы лучше и народъ избавился бы отъ страданія чрезъ волненіе и бунты. Какъ часто китайское правительство, чтобы зажать рты слишкомъ энергическимъ искателямъ должностей, должно было увеличивать число этихъ должностей выше мѣры и отягощать народъ, вмѣсто того чтобы его облегчать. Восемь тысячъ человѣкъ, которые тратили свое время, приготовляясь къ экзамену для того, чтобы семьдесятъ изъ нихъ выдержали его, были бы гораздо полезнѣе, еслибы они посвятили себя другимъ отраслямъ производительнаго труда и, конечно, сдѣлали бы это, еслибы всѣ роды труда давали равное вознагражденіе, и оно различалось бы только по степенямъ и прилежанію.

Китай состоитъ изъ множества племенъ и народовъ, такъ что, въ особенности на югѣ, на разстояніи ста или двухъ сотъ верстъ уже языкъ мѣняется, поэтому въ странѣ существуетъ множество независимыхъ отъ правительства родовыхъ и племенныхъ организацій, которыя иностранцами обыкновенно принимаются за тайныя общества. Однихъ главныхъ организацій насчитывалось до четырехъ сотъ. Эти организаціи облегчаютъ противодѣйствіе правительству и грозятъ ему возможностью обширнаго возстанія въ случаѣ притѣсненія; они же даютъ большую независимость отъ чиновниковъ мѣстнымъ выборнымъ и родовымъ начальникамъ, такъ что въ большей части случаевъ къ чиновникамъ вовсе не обращаются; случается даже, что споры рѣшаются кровавой дракой, и чиновники не рѣшаются вступиться, чиновникъ вступается только тогда, когда онъ увѣренъ, что его дѣйствіе будетъ популярно. Такимъ образомъ мѣстныя выборныя и родовыя власти служатъ дальнѣйшимъ ограниченіямъ для чиновниковъ и заставляютъ ихъ опасаться притѣсненія и неловкости. Весьма интересны описанія, сдѣланныя путешественниками послѣдняго времени (шестидесятыхъ годовъ), которыя проводятъ передъ нами картину китайскихъ пріемовъ для того, чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе, и обрисовываютъ значеніе этого общественнаго мнѣнія. Произошло какое-нибудь происшествіе, даже незначительное, которымъ оскорбился народъ; тотчасъ же въ городѣ по стѣнамъ развѣшиваются прокламаціи, затѣмъ собираются многочисленные митинги и говорятъ жгучія рѣчи. Нѣсколько дней народъ волнуется, а полиція молчитъ, чтобы не раздражить толпу. Наконецъ, борющіяся стороны какъ-нибудь сходятся между собою и затѣмъ каждая трубитъ по городу и объявляетъ въ прокламаціяхъ, что она одержала побѣду и что другая малодушно уступила. Китайцы такъ привыкли обращаться къ общественному мнѣнію, что въ Китаѣ линчевъ судъ — дѣло самое обыкновенное. Случилось что-нибудь на улицѣ или въ гостинницѣ, собирается толпа, образуетъ изъ себя что-то вродѣ присяжныхъ, тутъ же разбираетъ дѣло, рѣшаетъ его и приводитъ рѣшеніе въ исполненіе. Приведенные у путешественниковъ примѣры показываютъ, что эти рѣшенія бываютъ нетолько справедливыя и безпристрастныя, но обнаруживаютъ юридическій тактъ, который можно было ожидать только отъ спеціалистовъ. Легкость, съ которой народъ можетъ организоваться для противодѣйствія, и осторожность, съ которою должно дѣйствовать поэтому правительство, вызвали желаніе предупреждать народное неудовольствіе прежде, чѣмъ оно проявится какимъ-нибудь поступкомъ, рѣзкимъ и способнымъ получить большую огласку. Съ этою цѣлью подчиненный чиновникъ въ Китаѣ вовсе не обязанъ безусловно повиноваться своему начальнику, оставляя на немъ всю отвѣтственность; напротивъ, за каждый свой поступокъ онъ отвѣчаетъ предъ центральнымъ правительствомъ, независимо отъ того, будетъ ли онъ сдѣланъ по приказанію или нѣтъ. Въ Китаѣ чиновники иногда ограничиваютъ императора настолько же, насколько императоръ ограничиваетъ чиновниковъ. Императоръ Кангъ-ги принималъ живое участіе въ миссіонерахъ, но онъ могъ имъ только посовѣтовать подать просьбу въ па-

лату формъ и обычаевъ. Въ этой просьбѣ онъ принималъ такое участіе, что самъ поправлялъ ее, и все-таки, къ крайней его досадѣ, палата отказала. Императоръ Таокуангъ былъ сильно противъ войны съ англичанами, и хотя онъ былъ совершенно правъ, но онъ нетолько долженъ былъ объявить войну, но послать въ ссылку своихъ любимцевъ, а Таокуангъ былъ менѣе всего ничтожная личность. Дѣятельность цензоровъ, самостоятельность и смѣлость, съ которой они подвергаются опасностямъ, возбуждаютъ удивленіе. Извѣстно, что въ Китаѣ существуютъ обычаемъ установленныя основныя начала, за которыя переступить никто не можетъ, даже императорское законодательство считается только выполненіемъ этихъ началъ. Если мы сравнимъ эти ограниченія власти чиновниковъ съ тѣмъ, что мы видимъ на западѣ, то мы найдемъ здѣсь несравненно болѣе случайнаго и несравненно менѣе правильнаго; но не надо забывать, что во всей западной Европѣ, за самыми ничтожными исключеніями, чиновники находятся въ полной зависимости отъ образованнаго меньшинства и что правильность эта только новое оружіе, которымъ обладаетъ это меньшинство, чтобы налегать на массы и народъ, который имѣетъ менѣе средствъ защищаться, чѣмъ въ Китаѣ. Въ то время, когда населеніе Европы составляетъ только двѣ трети населенія Китая, государственныя издержки въ Европѣ въ шесть разъ значительнѣе или, правильнѣе, относительно населенія въ восемь съ половиною разъ. Издержки высшихъ чиновниковъ, изъ которыхъ каждый управляетъ областью, въ среднемъ уровнѣ гораздо болѣе значительною, чѣмъ средній уровень европейскаго государства, не выдерживаютъ никакого сравненія съ издержками европейскихъ царствующихъ фамилій; даже по преувеличенному расчету эти издержки, вмѣстѣ съ издержками китайскаго императора, составляютъ менѣе восьмой части издержекъ европейскихъ дворовъ, а относительно населенія около одной двѣнадцатой. Такимъ образомъ сдѣлалось возможно, что съ 40 мил. десятинъ государственныхъ земель земледѣльцы платили оброку только одну десятую часть ренты этихъ земель. Во время мунджурской династіи неудовольствіе народное уничтожило подушную подать, которая переложена была на землю. Вообще, китайская податная система отличается своей немногосложностью. Тамъ только два главныхъ рода податей: главное мѣсто занимаетъ поземельный сборъ и процентный съ продажи земель, затѣмъ родъ косвеннаго сбора съ магазиновъ, рынковъ, корпорацій, съ соли, внутреннихъ и внѣшнихъ таможенъ. Результатъ этотъ вовсе не былъ случайностью, онъ прямо вытекалъ изъ воззрѣнія китайцевъ на условіе долговѣчности династій, которое должно заключаться въ уменьшеніи государственныхъ издержекъ, въ облегченіи народа и въ развитіи населенія. Практическое примѣненіе этихъ идей обезпечивалось борьбою между чиновниками и духовенствомъ. Соединенные-Штаты Америки—это единственная страна западной цивилизаціи, гдѣ издержки на чиновничество дѣйствительно уменьшены; но и тутъ мы видимъ, что по доходамъ своимъ большинство чиновниковъ въ Китаѣ менѣе возвышается надъ среднимъ уровнемъ заработной платы, чѣмъ въ Америкѣ, сокращеніе коснулось только высшихъ, такъ

что даже въ Америкѣ буржуазное направленіе имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ въ Китаѣ. Европейцы смотрятъ съ презрѣніемъ на бѣдность большинства китайскихъ чиновниковъ и офицеровъ, которые нерѣдко не отличаются даже отъ низшихъ слоевъ рабочаго класса. Духовенство китайское послужило уздой для политическихъ дѣятелей и правителей, оно не давало имъ выродиться въ наслѣдственную аристократію и сдѣлало изъ нихъ бюрократію, зависящую отъ центральной власти и порождавшую дешевое управленіе; оно заставило эту бюрократію заботиться о распространеніи просвѣщенія въ народѣ, чтобы посредствомъ школы противудѣйствовать вліянію монаховъ. Съ своей стороны ученые своимъ вліяніемъ обуздывали монаховъ. Строго-іерархическое устройство тибетскаго духовенства съ первосвященникомъ во главѣ, которое могло бы фанатизировать народъ, убить жизнь и цивилизацію въ странѣ, не было въ состояніи привиться въ Китаѣ, духовенство поставлено было точно также въ зависимость отъ императора, какъ и чиновничество, ученые нашли средства смирить и великаго тибетскаго первосвященника, когда его вліяніе стало казаться имъ опаснымъ. Ученые и монахи постоянно обзывали другъ друга тунеядцами, которые живутъ на счетъ народнаго труда и народнаго счастья. Въ народѣ распространялась извѣстная доля безвѣрія и скептицизма, которая парализировала значеніе духовенства, но всего важнѣе особое отношеніе китайцевъ къ вѣрѣ, которое не даетъ возможности формальной религіи пустить глубокіе корни. Мы до такой степени привыкли къ мысли, что человѣкъ долженъ неизбѣжно и всецѣло принадлежать къ одной какой-либо религіи, что намъ даже трудно себѣ представить другое отношеніе; мы дѣлимъ людей на католиковъ, православныхъ, лютеранъ, христіанъ, магометанъ, тоже самое переносимъ на китайцевъ и говоримъ о буддистахъ, туистахъ, послѣдователяхъ конфуція, буддистовъ—шамановъ и т. д., между тѣмъ, какъ тутъ такое раздѣленіе оказывается совершенно невѣрнымъ; китаецъ привыкъ къ несравненно большей свободѣ въ своихъ вѣрованіяхъ. Онъ не придерживается ни одной вѣры, а слѣдуетъ внушеніямъ своего сердца; онъ нисколько не стѣсняется изъ каждой вѣры взять частичку и составить себѣ одно цѣлое по собственному усмотрѣнію, онъ выбираетъ себѣ нѣкоторыхъ боговъ изъ одной, другихъ изъ другой религіи, приноситъ жертвы тѣмъ, къ которымъ онъ увлекается своимъ душевнымъ настроеніемъ. Поддерживать въ народѣ такое отношеніе къ религіи китайское правительство считаетъ весьма здравой политикой, оно радо появленію новой религіи, это новый конкуррентъ, ослабляющій духовенство, но ему непріятно всякое покушеніе на исключительное господство, оно знаетъ, что сильное духовенство можетъ ему приготовить такимъ образомъ много хлопотъ. Духовенство обуздало претензіи ученыхъ, породило между ними незначительныя жалованья и въ большихъ размѣрахъ относительно бѣдную жизнь; вліяніе ученыхъ точно также уменьшило размѣры, въ которыхъ народъ былъ готовъ способствовать обогащенію служителей религіи. Развитіе наклонности къ жертвамъ есть самое лучшее мѣрило вліянія монаховъ. Въ Китаѣ эта отрасль выродилась такимъ образомъ, что во время

праздниковъ народъ приносилъ богамъ въ жертву тѣ кушанья, которыя предназначены были въ каждомъ семействѣ для праздничнаго пира, кушанья выставлялись на алтари, и предполагалось, что боги питались ихъ испареніями, затѣмъ собирались гости и вмѣстѣ съ хозяевами поѣдали все, на здоровіе богамъ. Духовенство, которое живетъ болѣе своей работой, чѣмъ приношеніями, за исключеніемъ немногихъ знаменитыхъ и богатыхъ монастырей, по большей части такъ бѣдно, что сельскій священникъ чаще всего живетъ также, какъ обыкновенный земледѣлецъ. Малая разница, которую китаецъ дѣлаетъ между собою и своимъ священникомъ, поселяетъ въ миссіонерахъ презрѣніе къ бонзамъ. Самая важная и самая интересная сторона китайской жизни состоитъ во второстепенномъ значеніи военнаго сословія. Европейцы постоянно пугали другъ друга внѣшней военной силой, которая должна была будто-бы поглотить ихъ драгоцѣнную цивилизацію, сначала такимъ пугаломъ служили арабы, потомъ монголы, потомъ турки, теперь русскіе, но если глубже вникнуть въ дѣло, то окажется, что главнымъ источникомъ всякаго военнаго деспотизма на земной поверхности были всегда европейцы. Римляне, не имѣя ни огнестрѣльнаго оружія, ни тѣхъ могущественныхъ средствъ къ защитѣ, которыми обладаетъ Европа теперь, содержали въ двѣнадцать разъ меньшее войско, чѣмъ современные европейцы и это было слишкомъ достаточно для огражденія ихъ цивилизаціи. Если бы имперія не начала сама разлагаться вслѣдствіе внутреннихъ своихъ недостатковъ, то никакая внѣшняя сила не была бы въ состояніи ее сломить. Для сопротивленія великимъ завоевателямъ арабамъ, туркамъ, монголамъ всегда было достаточно силъ одной державы, даже среди феодальной неурядицы. Изъ державъ, развивавшихъ свою военную силу, внѣ круга и вліянія западной цивилизаціи, Китай самая могущественная, а между тѣмъ въ 1860 году двадцати тысячъ хорошо организованнаго, европейскаго войска было достаточно, чтобы взять верхъ надъ китайцами и заставить императора бѣжать изъ Пекина. Къ чему же, спрашивается, европейцы содержатъ шесть милльоновъ солдатъ, чѣмъ можно объяснить такой фактъ, кромѣ недостатка нравственнаго развитія. Незначительность китайскихъ государственныхъ издержекъ, внутренній міръ, который если и не былъ не — прерывный, то все-таки былъ до того постоянный, что онъ далъ возможность развиться такому многочисленному и трудолюбивому населенію, все это было прямымъ послѣдствіемъ того миролюбиваго настроенія, которое заставило китайцевъ отстать отъ завоевательной политики и примѣниться къ жизни мира и труда. Они очень хорошо понимали всѣ выгоды такого настроенія и точно такъ же, какъ японцы старались обезпечить ихъ за собою, прекращая внѣшнія сношенія. Когда Головинъ спрашивалъ японцевъ, откуда взялась ихъ запретительная политика, они прямо отвѣчали ему, что она порождена потребностью мирнаго внутренняго развитія, они ему указывали на собственныя его разсказы о войнахъ между европейскими державами и спрашивали его, неужели-же онъ желаетъ, чтобы точно такія же бѣдствія посѣщали Японію и Китай. Можно положительно сказать, что если бы китайцы не держались этой

политики, то втеченіе XVIII и первой половины XIX вѣка на ихъ территоріи никогда не могло бы развиться такое густое и миролюбивое населеніе, которое превзошло все то, что мы видимъ въ западной Европѣ. Напрасно было бы стараться выставить это населеніе болѣе несчастнымъ, точно такъ-же, какъ и менѣе цивилизованнымъ. Въ Китаѣ, какъ и въ Европѣ, до извѣстной степени грамотныхъ много, а развитыхъ и образованныхъ очень мало; послѣднихъ въ Китаѣ насчитываютъ до двѣнадцати милльоновъ, а въ Европѣ около шести, но конечно европейцы умственно развитѣе. Что касается до матерьяльнаго благосостоянія населенія, то и въ этомъ отношеніи западная цивилизація не показываетъ никакого рѣшительнаго перевѣса; всякій можетъ судить объ этомъ по фактамъ въ родѣ слѣдующихъ: несмотря на дороговизну денегъ въ Китаѣ, прислуга, занятая женскими работами, получаетъ семь рублей серебромъ въ мѣсяцъ не въ богатомъ домѣ, а въ хозяйствѣ средней руки, гдѣ семейство имѣетъ одну или двѣ прислуги, и не въ Пекинѣ или Кантонѣ, а въ городахъ средней величины; у насъ подобная прислуга получаетъ полтора или два рубля, въ Пруссіи три рубля, въ Англіи болѣе китайской. Китайцы успѣшно конкуррируютъ съ европейцами на сосѣднихъ островахъ; въ Америку является оборъ кантонскаго населенія и, несмотря на всѣ прижимки и притѣсненія, которымъ они подвергаются, они все таки умѣютъ конкуррировать съ европейцами, достигать благосостоянія и богатѣть. Вообще несравненно большая многочисленность китайскаго населенія фактъ несомнѣнный, а превосходное будто бы счастье европейскаго ничѣмъ нельзя удовлетворительно доказать. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы Китай не держался системы уединенія, то европейское вліяніе проникло бы туда гораздо ранѣе, и что первое послѣдствіе этого вліянія состояло бы въ увеличеніи значенія военныхъ мандариновъ и уничтоженіи уваженія къ мирному развитію, въ увеличеніи государственныхъ расходовъ и тягостей народныхъ. Это даже не предположеніе, это фактъ, — новѣйшіе путешественники разсказываютъ, что военные мандарины встрѣчаютъ ихъ съ симпатіею внутри Китая, а гражданскіе и народъ съ ожесточеніемъ и со злобою. Населеніе въ Китаѣ безъ всякаго сомнѣнія было бы низведено, конечно, не къ такимъ размѣрамъ, какъ послѣ завоеваній монголовъ и манджуровъ,—европейцы стоятъ нравственно гораздо выше, чѣмъ эти дикари,—но все-таки оно могло уменьшиться на половину и стать ниже европейскаго уровня по той причинѣ, что китайцы отличаются меньшими интеллектуальными способностями, чѣмъ европейцы, и при томъ же уровнѣ нравственности будутъ въ состояніи имѣть только менѣе густое населеніе. Значительное вліяніе европейской цивилизаціи на Японію и Китай не насчитываетъ и нѣсколькихъ десятилѣтій, однакоже, оно породило уже важные результаты въ указанномъ направленіи. И въ Японіи, и въ Китаѣ тотчасъ же поднялись гибельные и опустошительные мятежи и безпорядки. Въ шестидесятыхъ годахъ тайпинги тотчасъ же задумали водворить исключительное вліяніе одной будто бы христіанской религіи и теократическаго господства, и смута, которую они произвели, дѣйствительно уменьшила на-

селеніе. Военные мандарины тотчасъ же поняли значеніе, которое имъ могутъ придать европейскія чувства и воззрѣнія, и усердно принялись за дѣло; даже въ одной самой отдаленной, восточной провинціи европейскіе путешественники недавно встрѣтили военнаго мандарина, который имѣлъ такую полную коллекцію европейскаго огнестрѣльнаго оружія, что даже европейскій офицеръ-спеціалистъ могъ бы найти тамъ неизвѣстное и интересное для него. Въ настоящее время изъ Китая пишутъ, что изъ европейской цивилизаціи китайцы съ наибольшимъ усердіемъ усвоиваютъ себѣ европейское военное искусство и вооруженіе; затѣмъ европейскія административныя воззрѣнія, не терпящія противудѣйствія; воззрѣнія эти китайцы уже проводили съ помощью европейскихъ штыковъ. Государственные расходы начали также быстро увеличиваться. Однимъ словомъ, совершается все то, что можно было предвидѣть заранѣе. Уединеніе, которымъ окружила себя китайская цивилизація, конечно, не можетъ имѣть оправданія. Человѣкъ созданъ не для того, чтобы уединяться, а для того, чтобы быть гражданиномъ міра; уединеніе родовъ, племенъ и государствъ сначала удерживало человѣчество въ дикомъ состояніи, а затѣмъ болѣе всего другого мѣшало человѣку понять, что онъ долженъ жить міровою жизнью, что онъ долженъ быть общителенъ, онъ долженъ передавать свое хорошее и не перенимать дурнаго. Но обособленность, въ которой жилъ Китай, даетъ намъ возможность осязательно разъяснить одинъ изъ самыхъ главныхъ недостатковъ западной цивилизаціи, она избавила Китай, хотя только на короткое время, отъ европейскихъ бюджетовъ, отъ европейской полудикой задорности и воинственности, отъ шести милльоновъ деморализирующихъ народъ монаховъ въ военныхъ мундирахъ, и показала, какое все это имѣетъ громадное значеніе для народнаго счастья— общество съ несравненно меньшими интеллектуальными способностями можетъ при этомъ расплодить несравненно болѣе жизни и населенія.

Когда мы разсматривали жизнь государствъ застоя, мы видѣли, какъ плохо приходится народу, когда въ немъ сила ограничивается силой. Въ Китаѣ борьба воиновъ, ученыхъ и духовенства, повидимому, привела къ другому, въ окончательномъ результатѣ оказалась восточная цивилизація. Передъ нами раскрывается зависимость борьбы силъ отъ природныхъ наклонностей населенія. До тѣхъ поръ, пока восточная Азія состояла изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе могущественныхъ владѣній, военное сословіе всегда могло имѣть большое значеніе въ государствѣ и брать верхъ надъ гражданскими чиновниками. При томъ же самомъ типѣ цивилизаціи, перевѣсъ этотъ сохранился до настоящаго времени въ Японіи. Въ Китаѣ гражданскіе правители показали такъ много организаторскихъ способностей, что они успѣли сплотить всю восточную Азію въ составъ одного могущественнаго государства; кругомъ были уже непроходимыя степи или сравнительно ничтожные народы. Инстинкты самого населенія были такъ здравы и миролюбивы, что это въ высшей степени благопріятное условіе не разрушалось. Интересно видѣть, до какой степени китайцы оказываются болѣе развитыми въ этомъ отношеніи, чѣмъ европейцы. Европейцы, совершенно непосредственно, стали обнаруживать болѣе сим-

патіи японцамъ, потому что нашли ихъ болѣе воинственными. Японцы, съ своей стороны, были болѣе воинственны, потому что въ нихъ, какъ въ болѣе юной цивилизаціи, сохранилось болѣе дикости. Изъ этого мы ясно видимъ, что европейцы, не смотря на развитіе своихъ интеллектуальныхъ способностей и на богатство своихъ знаній, все-таки ближе къ дикарямъ, чѣмъ китайцы, они только доходятъ до идеи объ объединеніи своей цивилизаціи, а китайцы уже давно ее осуществили. Объединеніе цивилизаціи естественно должно было породить фактъ водворенія всеобщаго мира и возвышенія гражданской власти надъ военною. Но затѣмъ еще остались ненормальныя чувства и воззрѣнія, возвеличивавшія людей не за полезную дѣятельность, а за вредную и за роскошь. Въ обществѣ это воззрѣніе должно было неминуемо вести къ разрушенію того, что создавалось цивилизаціею. Еслибы у китайцевъ наклонность къ лѣни преобладала надъ трудолюбіемъ, то гражданская власть никогда не могла бы взять верхъ надъ военной и цивилизація никогда не могла бы объединиться. Еслибы интеллектуальныя потребности не разрушали суевѣрія, то не могло бы быть той борьбы между духовенствомъ и учеными, среди которой развилась китайская цивилизація. Но тутъ-то мы именно и видимъ значеніе, которое имѣли ложныя воззрѣнія на величіе и счастье жизни. Ученые распространяли раціонализмъ, они проповѣдовали здравое мышленіе и анализъ, они до того развили первобытный китайскій языкъ, въ которомъ считалось не болѣе пяти сотъ словъ, что уже словарь императора Кангъ-ги заключалъ въ себѣ шесть большихъ томовъ и 40,000 словъ. Теперь въ китайскомъ письмѣ насчитывается уже 80,000 знаковъ [1]). Въ настоящее время китайскій языкъ такъ развился, что знатоки приводятъ идеи, которыя въ богатомъ англійскомъ языкѣ выражаются только однимъ словомъ, и которыя въ китайскомъ разлагаются на восемь отдѣльныхъ понятій, изъ которыхъ каждое выражается отдѣльнымъ словомъ. Они внушили такое уваженіе къ наукѣ, что тамъ на каждую печатную строку смотрятъ, какъ на что-то священное, и что существуютъ особыя общества, которыя собираютъ печатную бумагу, чтобы спасти ее отъ профанаціи. Но чѣмъ болѣе они пріобрѣтали вліянія, тѣмъ болѣе ложное воззрѣніе на величіе побуждало ихъ злоупотреблять имъ, и этимъ они придали значеніе людямъ неразвитымъ, которые проповѣдовали, что добродѣтель и наука это вещи совершенно розныя, что наука уничтожаетъ добродѣтель и что добродѣтель поддерживается суевѣріемъ. Образъ дѣйствія ученыхъ оправдывалъ въ глазахъ народа такую проповѣдь духовенства и поддерживалъ его вліяніе. Съ этой точки зрѣнія борьба между духовенствомъ и учеными представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Мы тутъ видимъ еще примѣръ, какъ возвеличеніе людей за роскошь обращаетъ общество отъ науки къ суевѣрію. Читатель помнитъ примѣры, на которые мы уже указывали. Въ китайской исторіи явленіе это выступаетъ тѣмъ рельефнѣе, что наука тамъ существовала до буд-

[1]) Обыкновенный русско-нѣмецкій или нѣмецко-русскій словарь содержитъ въ себѣ отъ 35 т. до 40 т. словъ, хорошій англійскій 60 т.

дизма. Въ Римѣ было тоже самое: наука существовала до христіанства, христіанство ополчилось на нее, провозглашало ее грѣхомъ и дьявольскимъ соблазномъ, а верхомъ добродѣтели невѣжество и аскетизмъ; упрекали учителей церкви, если они рѣшались цитировать языческихъ писателей. Наконецъ, духовенство уничтожило всякую науку и водворило мрачное господство варварства и суевѣрія среднихъ вѣковъ. Когда Европа опомнилась, то даже памятники языческой мудрости было трудно отыскивать, варвары грабили, а духовенство разрушало статуи и произведенія искусства. Точно тоже варвары Средней Азіи и магометанское духовенство дѣлали въ Индіи. Въ Китаѣ духовенству не удалось достигнуть такихъ громадныхъ результатовъ, потому что образованная часть населенія была воздержнѣе и проводила въ жизни идеи, которыя предоставляли народу большую экономическую самостоятельность; однакоже, вліяніе духовенства, дававшее инстинктамъ міровой жизни совершенно искусственное и ложное направленіе, заставляло стимулъ религіознаго чувства въ народѣ дѣйствовать не для того, чтобы плодить жизнь на землѣ, а для того, чтобы плодить идоловъ, храмы и бонзъ-тунеядцевъ. Такое злоупотребленіе религіознымъ чувствомъ могло быть произведено только подъ вліяніемъ обмана, и чтобы не разоблачился этотъ обманъ, духовенство должно было стараться всячески отвращать населеніе отъ раціональнаго мышленія и отъ интеллектуальнаго развитія. И, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи имъ удалось сдѣлать китайской цивилизаціи величайшій вредъ, они привили китайцамъ отвращеніе отъ глубокаго изслѣдованія, китаецъ не вступаетъ въ горячій споръ, онъ не добивается упорно до корня истины, въ каждый предметъ онъ вникаетъ слегка и скоро его оставляетъ; подобные пріемы до того проникли въ нравы китайцевъ, что они отражаются на всемъ, вы нигдѣ не видите, чтобы китаецъ какую нибудь мысль провелъ въ жизнь всесторонне, послѣдовательно и раціонально, вы можете взять какую вамъ угодно сферу китайской жизни, какой угодно періодъ китайской исторіи, вездѣ вы найдете самую странную смѣсь порожденнаго раціональнымъ анализомъ и мышленіемъ съ многочисленными плевелами и паростами, которые могли вырости только подъ прикрытіемъ полнаго бездѣйствія здравой мысли и здраваго чувства. Этотъ мусоръ тѣмъ легче бросается европейцу въ глаза, что китайская цивилизація во всемъ своемъ объемѣ носитъ другой типъ, чѣмъ европейская. Еслибы между интеллигенціей господствовало правильное общественное мнѣніе, которое возвеличивало бы людей не за роскошь, а за то, что они плодятъ жизнь на землѣ, то и вліяніе духовенства и борьба ради этого вліянія были бы немыслимы. Еслибы народъ видѣлъ, что сильные употребляютъ свою силу не для того, чтобы размножать свои искусственныя потребности, а для того, чтобы помогать слабымъ и ставить ихъ на ноги, какимъ образомъ онъ могъ бы повѣрить людямъ менѣе совершеннымъ, что они проповѣдуютъ ему добродѣтель, если они будутъ теребить отъ него въ свою пользу деньги, во имя выдуманныхъ ими сказокъ. Только страсть интеллигенціи къ стяжательству заставляетъ народъ подозрительно смотрѣть на нее и не довѣрять ей, народъ всегда страдаетъ отъ своего невѣже-

ства и всегда тяготится имъ, даже не смотря на свое недовѣріе, онъ болѣе поддается вліянію развитой интеллигенціи, чѣмъ поддакивающему ему духовенству. Недовѣріе народа, сверхъ всего, пріобрѣтаетъ еще основательную причину потому, что, увлекаясь стяжательствомъ, интеллигенція проповѣдуетъ часто умышленную ложь, и сознаніе, что она ее проповѣдуетъ, заставляетъ ее ненавидѣть раціонализмъ, т. е. правдивость, и забывать, что эта раціональность и правдивость есть источникъ ея силы, что, отступая отъ истины, она подставляетъ свою голову подъ иго духовенства. Мы видимъ, что китайская интеллигенція водворяла въ своей средѣ обычаи и правила приличія, которые на столько же убивали смѣлое интеллектуальное развитіе, какъ и вліяніе духовенства; китаецъ считаетъ неприличнымъ спорить, встрѣчаясь съ взглядами, которые онъ считаетъ безусловно ложными, онъ все-таки отвѣчаетъ: «Это совершенно правильное воззрѣніе» — «это истина» — «это точно и вѣрно». Такой недостатокъ чувства правдивости не могъ бы развиться, еслибы интеллигенція правильно понимала свое значеніе. Какой смыслъ онъ имѣетъ для народной жизни, мы видимъ изъ того, что въ западной цивилизаціи, гдѣ онъ не такъ значителенъ, — и вліяніе духовенства меньше.

Если второстепенное положеніе военныхъ мандариновъ оказалось чрезвычайно полезнымъ для цивилизаціи Китая, то на столько же полезнымъ оказалось и второстепенное положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Мы видѣли попытки, которыя сдѣланы были въ Китаѣ, чтобы окончательно уничтожить крупное землевладѣніе. Очевидно, однакоже, что такое уничтоженіе невозможно до тѣхъ поръ, пока земля будетъ признаваться частною собственностью и пока она не поступитъ въ неотчуждаемое общинное владѣніе. Не смотря на это, въ Китаѣ мелкая собственность преобладаетъ въ огромныхъ размѣрахъ, громадное большинство крупныхъ участковъ находится въ обладаніи казны и монастырей, и если путешественникъ по Европѣ тотчасъ же узнаетъ усадьбы помѣщиковъ по гордому виду барскаго дома, царящаго надъ жалкими жилищами земледѣльцевъ, то въ Китаѣ поражаютъ монастыри съ ихъ поэтической обстановкой, и путешественники невольно сравниваютъ ихъ съ господскими усадьбами, какъ единственные, бросающіеся въ глаза, признаки крупнаго землевладѣнія. Разница тутъ та, что европейскіе помѣщики не работаютъ, а монахи сами обрабатываютъ свои земли и въ большинствѣ случаевъ живутъ не лучше простыхъ земледѣльцевъ. Кромѣ того, на крупныхъ участкахъ знатные китайцы располагаютъ свои сады и парки; китайцы имѣютъ такую же страсть къ этому предмету роскоши, какъ римскіе вельможи и сановники, что, конечно, объясняется климатическими условіями. Распространенная во всей массѣ китайскаго народа страсть къ цвѣтамъ порождаетъ еще большіе сады и плантаціи, заводимые капиталистами съ спекуляторскою цѣлью. За этими предѣлами крупный землевладѣлецъ еще существуетъ, но отступаетъ въ тѣнь, и часто путешественники не замѣчали ни его земель, ни его самого. Группируя китайское населеніе по сословіямъ, путешественники перечисляли чиновниковъ, духовенство, купечество и затѣмъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и т. д. Во мнѣніи китайцевъ

чиновникъ возвышается надъ крупнымъ землевладѣльцемъ гораздо болѣе, чѣмъ гражданскій мандаринъ надъ военнымъ. Крупный землевладѣлецъ не принадлежитъ къ высшему сословію. Въ одѣ о ненасытности говорится: «пусть человѣкъ купитъ тысячу, десять тысячъ десятинъ плодоносной земли, но онъ не чиновникъ, и на него не смотрятъ съ уваженіемъ.» Чрезъ это богатый человѣкъ въ Китаѣ не имѣетъ той приманки сдѣлаться крупнымъ землевладѣльцемъ, которую онъ имѣетъ въ западной цивилизаціи; Китай избавляется отъ необходимости содержать, съ неимовѣрными пожертвованіями, цѣлый классъ людей совершенно излишнихъ и только крайне вредныхъ по своему политическому вліянію. Богатый человѣкъ гораздо охотнѣе употребляетъ свой капиталъ на болѣе выгодные торговые и промышленные обороты. Многоженство въ Китаѣ, большое число дѣтей и равныя ихъ права у богатыхъ людей способствуютъ размельчанію и остатковъ крупнаго землевладѣнія. Въ Китаѣ старшій сынъ, въ правахъ наслѣдованія, имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ прочими, но онъ чаще получаетъ большую долю не въ недвижимомъ, а въ движимомъ имуществѣ (въ драгоцѣнностяхъ), остальное же раздѣляется по ровну. Вообще китаецъ гораздо выше цѣнитъ движимость и прежде всего стремится къ ея пріобрѣтенію. Въ одѣ о ненасытности проведена такая градація: какъ скоро человѣкъ начинаетъ ботатѣть, то онъ прежде всего старается пріобрѣсти себѣ красавицу жену, затѣмъ прекрасныхъ наложницъ, затѣмъ движимое и наконецъ уже недвижимое богатство. Вотъ какимъ образомъ Китай дошелъ до того, что человѣкъ, который имѣетъ четыре десятины земли, считается уже крупнымъ землевладѣльцемъ. Выгоды, которыя Китай извлекъ изъ своего мелкаго землевладѣнія, неисчислимы. Не говоря уже о той массѣ питательныхъ веществъ, которую они производятъ для того, чтобы содержать самое густое населеніе въ свѣтѣ, кромѣ знаменитаго чаю, мы видимъ тамъ такія производства, какъ напр. шелкъ. Въ Китаѣ этимъ занимаются не въ большихъ заведеніяхъ и не крупные землевладѣльцы, а милльоны мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, которые ухаживаютъ за своимъ деревомъ и червями съ поразительной тщательностью, такъ что французскій шелкъ далеко уступаетъ китайскому въ добротѣ и выигрываетъ только чрезъ фабричную обработку. Многіе изъ читателей вѣроятно помнятъ блестящее описаніе искусственныхъ орошеній и воздѣланныхъ полей, описанныхъ у Гюка, въ отдаленной провинціи Канъ-Су, расположенной между монгольскими пустынями. Одинъ путешественникъ, проѣхавшій въ 1866 году Янсе-кіангъ, очень энергически выражается объ обработкѣ пограничной съ Тибетомъ провинціи Сешуенъ. «Вездѣ земля приноситъ жатву и не видно ни одной пяди не обработанной..... не пренебрегаютъ даже удобреніемъ, которое оставляется въ трещинахъ скалъ гнѣздами хищныхъ птицъ. На самыхъ значительныхъ возвышенностяхъ обработаны самыя ничтожнѣйшія пространства, и нѣтъ необработаннаго пространства величиною съ ладонь человѣка; нужно удивляться, какимъ образомъ, не имѣя крыльевъ, земледѣлецъ могъ туда попадать.»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВОСТОЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Результаты мелкаго землевладѣнія, условія жизни работника, наслѣдственныя ремесла, вооруженныя стачки. — Почему китайцы такъ усердно заботятся о своихъ дѣтяхъ и какое явленіе путешественники принимали за признакъ частыхъ дѣтоубійствъ. Китайцевъ называютъ—народъ труда. Характеръ китайской цивилизаціи чисто восточный—отсутствіе стремленія проникать въ глубину вещей. По китайцамъ можно судить о результатахъ безсознательной цивилизаціи—она все дѣлаетъ кое-какъ.—Китаецъ не могъ сказать: «не надо бонзъ и храмовъ», и вышло, что онъ ни раціоналистъ, ни человѣкъ формальной религіи. Нормальное развитіе мандариновъ и массы населенія.

Мелкое землевладѣніе, незначительность государственныхъ издержекъ и сборовъ ограждали сельское населеніе и дали ему расплодиться въ такихъ размѣрахъ, что, на большей части территоріи, отдѣльный хуторъ—рѣдкость. Китайцы селятся большими деревнями. Только на окраинахъ и на сѣверѣ привычка селиться небольшими деревнями и наконецъ хуторами разростается и затѣмъ дѣлается преобладающею. Если бы къ Россіи примѣнить китайское понятіе о городѣ, то въ европейской Россіи на пространствѣ въ 87,000 кв. м. оказалось бы сто пятьдесятъ городовъ, а въ Китаѣ на пространствѣ въ 70,000 кв. миль оказывается такихъ городовъ болѣе семи сотъ. Мѣста, въ которыхъ часто считается болѣе десяти тысячъ жителей, признаются тамъ деревнями, и, при такомъ понятіи о деревнѣ, на пространствѣ одной квадратной мили случается, что насчитывается болѣе двухъ сотъ деревень. Въ Россіи приходится на одну квадратную милю отъ трехъ до четырехъ деревень; наиболѣе густое населеніе мы видимъ въ Московской, Подольской и Курской губерніяхъ, въ Курской приходится менѣе четырехъ, въ Московской менѣе десяти, а въ Подольской менѣе трехъ деревень на квадратную милю. Китай называютъ огородомъ громадныхъ размѣровъ, мы видимъ, что названіе это вовсе не преувеличено. Ремесло и ремесленный трудъ составляютъ главное занятіе городскаго населенія, раздѣленіе труда тутъ доведено до крайности, и такъ какъ потребитель при этомъ покупаетъ непосредственно у производителя, то борьба равная и никто не давитъ, тамъ же, гдѣ китайскій работникъ имѣетъ дѣло съ крупнымъ капиталистомъ или земледѣльцемъ, его спасаетъ родовое устройство, отвращеніе отъ наемнаго труда и всеобщая въ Китаѣ привычка входить съ капиталистомъ въ компанейскія и артельныя отношенія. Китайцы никогда не признавали учрежденіе кастъ, но тѣмъ не менѣе, наслѣдственность занятій тамъ весьма распространена, цѣлыя деревни, гдѣ почти каждое семейство носитъ тоже самое родовое имя, занимаются однимъ и тѣмъ же производ-

ствомъ, установивъ между собою самое крайнее раздѣленіе труда; каждый членъ рода считаетъ своей религіозной обязанностью дѣйствовать въ общемъ интересѣ, и администрація смотритъ на ихъ стачки такими снисходительными глазами, какими неспособна смотрѣть на нихъ ни одна администрація въ западной цивилизаціи. Случается, что стакнувшіеся работники являются къ капиталисту или землевладѣльцу съ оружіемъ въ рукахъ и предписываютъ ему свои условія, случается ,что вооруженная борьба подобнаго рода продолжается втеченіи цѣлыхъ недѣль, и власти въ нее не мѣшаются—они находятъ, что это частное дѣло и не касается общей безопасности. Конечно, подобный образъ дѣйствія обоюдоострый мечъ, и если онъ поддерживаетъ цѣны на трудъ на извѣстной высотѣ, то все-таки часто побѣда остается на сторонѣ богатаго человѣка, хотя онъ при этомъ терпитъ несравненно болѣе, чѣмъ европейскій капиталистъ: втеченіи цѣлыхъ недѣль онъ осаждается въ своемъ домѣ и не только сидитъ въ немъ какъ въ темницѣ, но съ семействомъ своимъ переноситъ всѣ непріятности и опасности осады. Совершенно справедливо, что богатый человѣкъ сдѣлаетъ все, что только возможно, чтобы не довести до подобной крайности, но нужно быть такимъ дисциплинированнымъ народомъ, какъ китайцы, чтобы не породить такимъ образомъ всеобщую анархію,—сдѣлать изъ подобныхъ пріемовъ гибельное употребленіе также легко, какъ трудно сдѣлать полезное. Нельзя не удивляться такту народа, гдѣ господствуетъ внутренній миръ, централизація и порядокъ и гдѣ администрація въ подобныхъ случаяхъ можетъ говорить: «дѣлайте какъ знаете, это частное дѣло, оно не касается общей безопасности». Есть замѣчательный фактъ, который показываетъ, до какой степени китайцы дисциплинированный народъ. Въ европейскихъ колоніяхъ восточной Азіи, китайцы поражаютъ своей предпріимчивостью и многосторонностью, своей способностью всегда найти себѣ выгодное занятіе. Въ тоже время, они отличаются самымъ отчаяннымъ характеромъ, для котораго рискъ, кажется, есть природная необходимость. Не смотря на это, китаецъ всего рѣже дѣлается преступникомъ, но за тоже всѣхъ чаще попадается въ тюрьму за долги. Въ Батавіи на десять арестованныхъ за долги приходилось 8 китайцевъ и на 198 преступниковъ всего три китайца. При такихъ-то условіяхъ Китай достигъ до двухъ сотъ милльоновъ людей въ городахъ, до того, что въ немъ насчитывается восемнадцать городовъ съ милльоннымъ населеніемъ. Капиталистъ, конечно, гнететъ и китайскаго работника, но болѣе энергическая его борьба съ капиталомъ доставляетъ ему все-таки болѣе благопріятныя условія. Такъ, напр . когда путешественники дѣлали сравненія между работникомъ и ткачемъ при шелковыхъ издѣліяхъ въ Китаѣ и въ Европѣ, то оказывалось, что хотя положеніе китайскаго работника вовсе не завидно, но все таки они питаются и содержатъ себя лучше европейскихъ. Очень не трудно понять ломкость всѣхъ этихъ условій и легкость, съ которою всѣ эти порядки могли бы привести къ результатамъ прямо противуположнымъ. Если они породили именно тѣ послѣдствія, которыя мы видимъ, то это доказываетъ, что въ народѣ существуютъ чрезвычайно здоровые инстинкты, которые въ оконча-

тельномъ результатѣ давали имъ постоянно направленіе въ хорошую, а не въ дурную сторону. Такія же чувства выработаны китайскими родовыми преданіями. Нѣтъ народа, гдѣ бы семейная связь была такъ сильна, какъ въ Китаѣ, хотя эта тѣсная связь касается однихъ только мущинъ. Каждый китаецъ считаетъ величайшимъ для себя несчастьемъ и величайшимъ для себя позоромъ быть безъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Китайцы не любятъ многоженства, но если китаецъ не имѣетъ мужескаго потомства и достигаетъ возраста, когда онъ можетъ опасаться остаться безъ наслѣдниковъ, если онъ не женится другой разъ, то онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы найти себѣ другую, плодовитую жену. Поэтому китайцы чрезвычайно внимательны къ своимъ сыновьямъ и употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы сохранять ихъ жизнь и здоровье, они полагаютъ, что если они останутся безъ наслѣдниковъ, то это будетъ величайшимъ для нихъ несчастьемъ въ будущей жизни, потому что нѣкому будетъ ихъ обожать; мало этого, если они не воспитываютъ для себя потомства, то и при жизни они навлекутъ на себя месть своихъ предковъ, потому что они не приготовили имъ обожателей. Родовая жизнь весьма поощряется обычаями, связь между братьями, какъ членами рода, тѣснѣе, чѣмъ между мужемъ и женой; если только возможно, то родъ долженъ стараться жить вмѣстѣ. Гдѣ бы ни былъ китаецъ, какимъ бы путемъ онъ не искалъ своего счастья, какъ бы высоко онъ не поднялся, но подъ старость онъ долженъ удалиться въ деревню къ своему роду, если онъ это сдѣлаетъ, онъ окружается безпредѣльнымъ уваженіемъ и преданностью, если нѣтъ, то онъ ненавидится и презирается. Въ Сингапурѣ стекаются, почти всѣ азіатскіе народы, и между всѣми китайцы отличаются однимъ оригинальнымъ условіемъ, которое они дѣлаютъ при наймѣ. Если китаецъ нанимается, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, то онъ все-таки выговариваетъ себѣ условіе, чтобы ежегодно посылались деньги его семейству на родину, по крайней мѣрѣ четыре или пять рублей. Онъ идетъ въ кабалу, онъ не получаетъ никакой платы, а только одно содержаніе, а посылку денегъ на родину онъ все-таки себѣ выговариваетъ. Въ свою очередь, родъ считаетъ себя солидарно-заинтересованнымъ въ воспитаніи мужескаго потомства и настаиваетъ, чтобы каждый его членъ выполнялъ эту обязанность. Роды столько же гордятся своею многочисленностью, сколько и числомъ просвѣщенныхъ членовъ, которыхъ они дали имперіи. Они нетолько оказываютъ матерьяльную помощь бѣдному родичу, но если ребенокъ показываетъ большія способности, то они складываются, даютъ ему воспитаніе и средства держать публичные экзамены.

Общественное мнѣніе смотритъ точно также. На женщину китайцы смотрятъ лучше, чѣмъ въ западной Азіи, но все-таки ея положеніе второстепенное; оно дѣлается несноснымъ, если она не воспитала для своего мужа мужескаго потомства; совершенное одиночество для нея единственный путь, чтобы избавить себя отъ безпрестанныхъ непріятностей. Напротивъ бабушка или прабабушка, которая воспитала многочисленный родъ мужескихъ потомковъ, становится выше мужчины и ей при жизни воздаются божескія почести. Вотъ почему въ Китаѣ за живыми сыновьями ухажи-

ваютъ такъ тщательно, а какъ скоро ребенокъ умретъ, то родители начинаютъ его ненавидѣть жгучею ненавистью; предполагаютъ, что это былъ злой духъ, который поселился въ ребенкѣ, чтобы приготовить имъ много заботъ и издержекъ и потомъ надсмѣяться надъ ними. Его называютъ духомъ короткой жизни, дьяволенкомъ, ему стараются мстить и причинять разныя униженія. Безжизненное тѣло бросаютъ безъ погребенія на дорогахъ, топятъ въ рѣкахъ, вѣшаютъ на деревьяхъ. Затѣмъ дома употребляются разныя дикія мѣры для того, чтобы помѣшать духу возвратиться въ домъ и поселиться въ другомъ какомъ-либо ребенкѣ. Эти, безъ погребенія брошенныя, тѣла вводили путешественниковъ въ заблужденіе и заставляли ихъ предполагать, что дѣтоубійство въ Китаѣ чрезвычайно распространено. На дочерей взглядъ совершенно другой; родители часто тяготятся ими и отдѣлываются отъ нихъ небрежностью и даже дѣтоубійствомъ, но это продолжается только до тѣхъ поръ, пока существуетъ перевѣсъ женщинъ. Перевѣсъ мужчинъ измѣняетъ дѣло. Всякій отецъ нетолько старается взростить сыновей, но старается обезпечить имъ женъ, чтобы имѣть внучатъ, потому что эти-то внучата и будутъ именно воздавать ему божескія почести. Онъ отыскиваетъ своему сыну уже во время его дѣтства невѣсту и когда онъ условится съ ея родителями, тогда дѣвочка изъ предмета презрѣнія и пренебреженія дѣлается предметомъ вниманія и заботливости; но отсюда вытекаетъ воззрѣніе китайцевъ на вѣрность, которую должна имѣть невѣста къ роду своего мужа. Пока жилъ ея женихъ, ея родители тянули изъ его родственниковъ деньги и все, что можно было получить; вотъ почему послѣ смерти жениха его родители стараются, чтобы невѣста осталась навсегда вдовою и поселилась у нихъ въ домѣ, отчасти ради почета, а отчасти для того, чтобы она ухаживала за ними въ старости.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ воззрѣній и чувствъ воспитали себя китайцы и справедливо заслужили названіе *народа труда*. Чувства эти такъ глубоко укоренились между ними, что втеченіе второго тысячелѣтія послѣ Рождества Христова китайцы могли вынести всѣ ужасныя бѣдствія неоднократныхъ завоеваній, исходящихъ изъ центра Азіи, и все-таки отстоять все то, что взрощено было въ ихъ сердцахъ вѣками. Если мы сравнимъ вліяніе, которое подобныя же завоеванія имѣли на западную цивилизацію въ то время, когда германцы разгромили римскую имперію, и на арабскую цивилизацію въ то время, когда ее раззоряли монголы и турки, то мы вполнѣ убѣдимся, что китайская цивилизація показала несравненно болѣе живучести и силы сопротивленія. Китайцы никогда не помогали варварамъ уничтожать свою цивилизацію съ тѣмъ усердіемъ, съ которымъ это дѣлали римляне, и они несравненно скорѣе успѣвали очеловѣчить этихъ варваровъ. Періодъ XVIII вѣка, наступившій послѣ манджурскаго завоеванія, можно считать даже самымъ блистательнымъ періодомъ китайской исторіи, онъ стоитъ даже выше временъ Конфуція, когда интеллектуальная жизнь китайцевъ озарилась такимъ блескомъ, и уподобляется тѣмъ двумъ періодамъ, когда объединялась китайская цивилизація и уничтожалось крупное землевладѣніе. Китайская цивилизація

имѣетъ чисто восточный характеръ и по своему типу гораздо болѣе подходитъ къ интеллектуальному закалу прочихъ частей Азіи и Африки, чѣмъ индійская, которая точно такъ-же, какъ и западная составляетъ особый типъ, но типъ теперь уже отжившій. Отличительная ея черта состоитъ въ отсутствіи наклонности упорно и глубоко проникать въ существо вещей и составлять себѣ рѣзко опредѣленныя и твердыя убѣжденія. Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи наблюденія миссіонеровъ надъ родомъ сопротивленія, которое они встрѣчали въ китайцѣ и въ индійцѣ при обращеніи ихъ въ христіанство. Индіецъ упорно отстаиваетъ свое воззрѣніе и, какъ человѣкъ глубоко убѣжденный, считаетъ всякое другое безусловной ложью, въ его головѣ существуетъ цѣлая логическая развитая система, которую нужно вырвать съ корнемъ; китайца ничего не стоитъ заставить себя слушать, онъ не борется, не оспариваетъ, но онъ ускользаетъ. Европейская исключительность, цѣльное міровоззрѣніе человѣка западной цивилизаціи — совершенно понятное стремленіе для индійца, но оно непонятно и антипатично китайцу. Таковъ китаецъ во всемъ, въ его жизни ничто не уничтожается и ничто не проводится послѣдовательно. Своей цивилизаціи онъ достигъ не тѣмъ, что онъ послѣдовательно замѣнялъ дурное хорошимъ, а тѣмъ, что онъ инстинктивно уменьшалъ вредное вліяніе дурного. Поэтому, въ китайской жизни вы не видите того стремленія къ опредѣленности, къ закрѣпленію, къ правамъ, которое такъ характеризуетъ индійскую цивилизацію съ ея кастами и западную съ ея рабствомъ, взглядомъ на поземельную собственность и конституціонной свободой. Китайцы не были бы способны отнестись съ такой ненавистью къ какому-нибудь изъ своихъ коренныхъ учрежденій, какъ люди западной цивилизаціи отнеслись къ рабству, такъ безпощадно объявить его безусловной ложью, преслѣдовать и уничтожать. Чтобы сдѣлать читателю понятными исторію и основанія китайской цивилизаціи, я долженъ былъ черты ихъ оттѣнить несравненно рѣзче, чѣмъ они оттѣнялись на самомъ дѣлѣ. Въ Китаѣ до такой степени перемѣшано свѣтлое съ темнымъ, что въ одной и той же головѣ тутъ можно найти рядомъ съ самой свѣтлой мыслью предразсудокъ, къ которому способенъ развѣ дикарь на самой низкой степени развитія. Въ китайской исторіи вы видите постоянно вновь проявленія, противъ которыхъ давно уже боролась ихъ цивилизація и которыя можно бы считать давно отжившими. Вы видите, что китайцы дѣлаются способными плодить постоянно все болѣе и болѣе густое населеніе, а между тѣмъ очень трудно опредѣлять, насколько они въ этомъ случаѣ обязаны усовершенствованному производству и на сколько нравственному развитію—это такъ мало бросается въ глаза, что ускользаетъ даже отъ великихъ знатоковъ китайской жизни и китайской исторіи. Цивилизація китайца была въ полномъ смыслѣ инстинктивная, онъ самъ не замѣчалъ, какъ онъ цивилизовался. Китаецъ не имѣетъ ни страсти къ стройному и опредѣленному міровоззрѣнію, ни страсти къ изслѣдованію, но зато же онъ не отвергаетъ ничего, что навязывается ему окружающей средой—всякая потребность, всякое чувство, всякая идея можетъ проявиться въ этомъ народѣ, неспособномъ къ фа-

натизму, на всемъ онъ остановится на минуту, подумаетъ, вникнетъ слегка и отойдетъ, онъ не постарается ни отбросить его, ни приспособить его къ стройному міровоззрѣнію. Человѣкъ, который все слушаетъ и ничего не отвергаетъ фанатически, на того дѣйствительность дѣйствуетъ невольно—вотъ почему китаецъ могъ часто проявляться несравненно болѣе здраво, чѣмъ человѣкъ западной цивилизаціи, вотъ почему онъ могъ расплодить въ своей цивилизаціи болѣе жизни, чѣмъ европеецъ, несмотря на то, что ни тотъ, ни другой не былъ проникнутъ правильнымъ понятіемъ о назначеніи человѣка на землѣ и объ условіяхъ человѣческаго счастья. Въ современномъ періодѣ безсознательной цивилизаціи, китаецъ имѣлъ болѣе успѣха, чѣмъ человѣкъ запада, но все, что мы видимъ, заставляетъ насъ ожидать, что не такъ будетъ въ будущемъ. Китаецъ не имѣетъ того безпокойнаго духа изслѣдованія, который тревожитъ западнаго человѣка, онъ не могъ создать и тѣни той стройной серіи научныхъ истинъ, которая выработана была европейцемъ, его наука, точно такъ-же, какъ его жизнь—грязная лужа, гдѣ струи чистой, прозрачной воды перемѣшаны съ ржавчиной и плѣсенью, и та и другая похожа на степныя рѣчки, о направленіи которыхъ нужно знать, чтобы ихъ отличить отъ стоячаго болота и замѣтить въ нихъ теченіе. Китаецъ думалъ только о томъ, какъ бы сидѣть дома, и разселялся по окрестностямъ, такъ сказать, противъ воли, черезъ силу вещей, между тѣмъ, какъ европеецъ неудержимо стремился впередъ и не успокоился даже и тогда, когда познакомился со всей земной поверхностью. Прогрессъ китайца похожъ на прогрессъ въ общежитіи: кто укажетъ вамъ, когда въ извѣстномъ обществѣ началось извѣстное деликатное отношеніе между супругами, кто опредѣлитъ, насколько сознательно это чувство и насколько оно ограждено отъ опасности исчезнуть. Прогрессъ западной цивилизаціи—прогрессъ сознательный, каждый фактъ, окончательно сознанный, имѣетъ свою исторію, вы можете указать его начало, даже человѣка, который положилъ это начало. Любознательность заставляла и европейца выслушивать многое, но онъ отвергалъ, относился съ презрѣніемъ и съ ненавистью къ тому, что не входило въ его систему, поэтому хотя безсознательная цивилизація и не могла не дѣйствовать на него, но чрезъ его брюзгливость она дѣйствовала слабѣе, чѣмъ на китайца. Зато же западный европеецъ подаетъ несравненно болѣе надежды, что онъ сдѣлается источникомъ сознательной цивилизаціи, его духъ изслѣдованія непремѣнно долженъ довести его до этой цѣли. По китайцамъ можно судить о результатахъ безсознательной цивилизаціи, она не имѣетъ никакого ручательства въ будущемъ, никакой гарантіи въ настоящемъ. Вы видите, что втеченіе сотенъ лѣтъ, китайцы считали заботу о сохраненіи жизни и увеличеніи населенія одною изъ главныхъ обязанностей человѣка и государя; но вотъ являются европейцы, начинаютъ имъ проповѣдывать свои полудикія ученія о вредѣ чрезмѣрно-густаго населенія, и китайскій императоръ выражаетъ мысль, что бунты, которые происходятъ въ его государствѣ, и опустошенія, которыми они сопровождаются, имѣютъ полезную сторону, потому что они способствуютъ уменьшенію населенія. Вы видите, что

всѣ тѣ чувства и воззрѣнія, которыя заѣдали жизнь государствъ застоя, существуютъ и въ Китаѣ; народъ вовсе не сознаетъ тотъ вредъ, который они могутъ ему принести, и чрезъ это отсутствіе сознанія у него нѣтъ противъ нихъ никакой гарантіи. Вы понимаете, что если до сихъ поръ они приносили ему менѣе вреда, чѣмъ въ западной Азіи, то это исключительно вслѣдствіе его счастливаго чутья. Онъ избавился отъ теократическаго управленія, которое способно было сдѣлаться бичемъ труда и мысли, но развѣ онъ избавился отъ него сознательнымъ путемъ? Развѣ онъ разсуждалъ такимъ образомъ: духовенство наше проповѣдуетъ намъ о какихъ то богахъ, духахъ и сверхъестественныхъ силахъ, оно написало объ этомъ множество томовъ, оно требуетъ отъ насъ, чтобы мы строили храмы, приносили жертвы и содержали толпы монаховъ, но на чемъ же основывается такое требованіе? Всѣ свои выдуманныя исторіи о богахъ и сверхъестественныхъ предметахъ оно не въ состояніи доказать удовлетворительно, все это явная и недобросовѣстная ложь; однакоже, почему мы даемъ ему деньги? Мы даемъ ему милльоны въ то время, когда намъ жаль бросить на вѣтеръ даже нѣсколько копѣекъ; вникнувъ въ дѣло, мы убѣждаемся, что насъ побуждаетъ поступать такимъ образомъ инстинктъ міровой жизни, который проявляется въ видѣ религіознаго чувства. Этотъ инстинктъ вложенъ въ насъ потому, что мы созданы, чтобы плодить жизнь на землѣ, что мы созданы не только для того, чтобы содержать себя, но чтобы поддерживать жизнь тамъ, гдѣ она гибнетъ; религіозное чувство даетъ мнѣ возможность отказываться отъ части моего достоянія. Но если я буду употреблять его на то, чтобы содержать бонзъ, поповъ и монаховъ, тунеядцевъ, строить погоды и храмы, то я окажу самую плохую услугу человѣчеству и міру. Люди эти не могутъ не знать, что ихъ вліяніе основано на той лжи, которую они проповѣдуютъ и не могутъ не быть врагами истины, науки и нормальнаго развитія религіознаго чувства, каждый шагъ въ этомъ направленіи равносиленъ для нихъ уменьшенію доходовъ. Американскіе миссіонеры высчитали, что въ Китаѣ три милльона идоловъ и что цѣнность идолопоклонническихъ храмовъ заключаетъ въ себѣ милльярдъ долларовъ, они пришли къ заключенію, что если бы вся масса труда и имущества, которая употребляется для цѣлей идолопоклонства, употреблялась бы для міровыхъ цѣлей, то въ Китаѣ невозможны были бы ни бѣдность, ни невѣжество. Это совершенно справедливо и съ полною послѣдовательностію можетъ быть примѣнено къ самимъ господамъ миссіонерамъ, которые просятъ объ увеличеніи своего содержанія. Однакоже китайцы не разсуждаютъ такимъ образомъ; между образованными людьми тамъ много атеитовъ и еще болѣе враговъ идолопоклонства; но большая часть между ними увѣряетъ, что народное суевѣріе будто бы полезно для массъ, удерживаетъ ихъ отъ пороковъ, и потому эти атеисты и вольнодумцы такъ усердно соблюдаютъ всѣ религіозные обряды, что совершенно невозможно узнать, дѣйствительно ли они такъ освободились отъ предразсудковъ, какъ увѣряютъ; остальные просто желаютъ замѣнить одно суевѣріе другимъ, которое кажется имъ возвышеннѣе. Понятія объ истин-

номъ значеніи религіознаго чувства, какъ инстинкта міровой жизни, о томъ какъ оно должно быть исключительно направлено на то, чтобы плодить жизнь на землѣ, и какъ гибельно всякое отступленіе отъ этого правила, никто тамъ не имѣетъ и никто народу ничего подобнаго не внушетъ. Напротивъ, воззрѣнія китайцевъ въ этомъ отношеніи до такой степени шатки, что въ то время, когда одни объявляютъ ихъ атеистами и раціоналистами, другіе говорятъ, что Китай это царство формальной религіи, что число храмовъ и монаховъ тамъ также велико, какъ въ Европѣ во время среднихъ вѣковъ. Хотя это и не справедливо, но нельзя не сознаться, что между внѣшнимъ впечатлѣніемъ китайской религіозности и религіозностью среднихъ вѣковъ есть нѣкоторое поверхностное сходство. Даже въ самой незначительной деревнѣ можно найдти одинъ или нѣсколько храмовъ. Самый яркій свѣтъ на то, чѣмъ именно въ этой области можетъ грозить китайцамъ ихъ отсутствіе сознательности, бросаетъ послѣднее возстаніе китайскихъ христіанъ, такъ называемыхъ тайпинговъ. Они разбивали идоловъ, раззоряли храмы, уничтожали духовенство, сами не имѣли никакого духовенства, и сбрасывая съ народа цѣлую половину его тягостей, пріобрѣтали его сочувствіе. Они отличались простотою своей жизни, вмѣсто прежняго дряблаго и распущеннаго управленія, они вводили энергическое и справедливое, хотя иногда слишкомъ строгое. Однакоже, сочувствуя имъ въ своей безсознательности, народъ не замѣчалъ, что они одно суевѣріе замѣняли другимъ, несравненно болѣе опаснымъ, что хотя они и уничтожали духовенство, но что они въ сущности вводили теократическое управленіе, что они проповѣдывали самыя гибельныя ученія, напримѣръ, полную религіозную нетерпимость, народъ долженъ жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ для Бога и т. д. Еслибы они одержали верхъ, они бы распорядились не лучше монаховъ въ Испаніи. Какую же послѣ этого гарантію представляетъ для китайцевъ ихъ инстинктивный тактъ? Глядя на это, не трудно понять, какое значеніе долженъ имѣть для человѣчества сознательный образъ дѣйствія, какъ мы должны стараться о томъ, чтобы люди поняли истинное значеніе инстинктовъ міровой жизни и дѣлали изъ нихъ настоящее употребленіе. Если мы отсюда перейдемъ къ другимъ сторонамъ китайской жизни, то мы вездѣ увидимъ, какъ недостаточно одного такту для установленія нормальныхъ и благонадежныхъ отношеній въ жизни, какую великую роль играетъ сознательность, и какъ она одна можетъ развить нормальныя чувства и нормальное счастье. Китайскій мандаринъ допустилъ большую самостоятельность рабочаго населенія и былъ относительно его менѣе требователенъ, чѣмъ европейскій дворянинъ или буржуа, онъ создалъ надъ собою власть, которая имѣла большую возможность держать его въ предѣлахъ умѣренности. Про правительства западной Азіи французы говорятъ, что тамъ господствуетъ деспотизмъ, смягчаемый небрежностью. Достоинства китайскаго мандарина именно въ томъ же самомъ родѣ, цѣль его стремленій, его идеалъ счастья точно такіе, какъ и въ западной цивилизаціи у высшихъ сословій, породившихъ жалкую жизнь государствъ застоя. На каждомъ шагу вы чувствуете, какъ сознательность тутъ можетъ быть

единственной гарантіей, и какъ жалко и неудовлетворительно зданіе, построенное въ его отсутствіи. Китайскому императору не трудно было убѣдиться во вредѣ слишкомъ густаго населенія, онъ въ XIX столѣтіи убѣждался такъ же въ пользѣ взятокъ, которыя будто бы уменьшаютъ страсть къ процессамъ, въ пользѣ продажи государственныхъ должностей, отъ чего бы послѣ этого не сдѣлать должности наслѣдственными, не расплодить помѣщиковъ и феодальное право; въ китайской исторіи вы встрѣчаете столько подобныхъ шаговъ впередъ и назадъ, что вы окончательно ни за что не можете поручиться и невольно воскликнете: сознательность и одна сознательность способна дать человѣчеству гарантіи прогресса. Вглядитесь въ жизнь высшаго сословія въ Китаѣ, видите ли вы въ немъ хотя тѣнь стремленія развивать свои способности нормально, хотя тѣнь хотя бы и инстинктивнаго пониманія того, какія изъ способностей человѣческихъ могутъ сдѣлаться для него самымъ обильнымъ источникомъ счастья и какія нужно опасаться чрезмѣрно развивать, чтобы они не сдѣлались источникомъ слабости и не помѣшали развитію болѣе плодоносныхъ. Посмотрите на жизнь китайской интеллигенціи. Болѣе всего она развиваетъ въ себѣ сладострастіе, вкусъ и всѣ тѣ наклонности, которыя дѣлаютъ существо человѣка слабымъ и дряблымъ. Проводить цѣлые дни въ публичномъ домѣ, влюбляться въ публичныхъ женщинъ, дѣлать изъ нихъ своихъ женъ, наполнять комнаты своей женской половины картинами сладострастнаго содержанія, окружать себя дорогими предметами, толстѣть отъ бездѣятельной жизни и обжорства кажется ему самымъ приличнымъ образомъ жизни для человѣка въ высокомъ положеніи. Даже такія безплодныя, уничтожающія вялость занятія, которыя въ модѣ у самыхъ жалкихъ частей европейской интеллигенціи, напр. у англійской аристократіи, считаются китайцемъ неприличными, мандарины удивлялись какимъ образомъ англійскіе джентельмены позволяли себѣ грести. Китаецъ много учится, но все таки мало развиваетъ свои интеллектуальныя силы, потому что на смѣлую, возбуждающую мысль, критику онъ смотритъ съ отвращеніемъ, и въ этомъ отношеніи у него нравы и пріемы даже брюзгливѣе, чѣмъ у европейской аристократіи, а между тѣмъ, если бы Европа не имѣла другой интеллигенціи, кромѣ аристократіи, то западная цивилизація не сдѣлала бы въ наукѣ и воробьинаго шага. Еще болѣе китаецъ боится здороваго возбужденія нравственныхъ силъ, инстинктовъ міровой жизни, и къ несчастью онъ въ этомъ отношеніи близко сходится съ высшими слоями общества западной цивилизаціи. Когда что нибудь даетъ ему почувствовать нравственную задачу, которая на немъ лежитъ, это ему несносно, это его бѣситъ, онъ установляетъ правила вѣжливости и условія жизни, при которыхъ ничего подобнаго не доходитъ до его слуха. Лучшимъ поясненіемъ этого факта служитъ слѣдующее. Ничто не можетъ быть скучнѣе, какъ заниматься исторіей Китая. Очень не трудно встрѣтить знаменитаго синолога, который подробную свою исторію наполняетъ безчисленными фактами, не имѣющими никакого значенія, между тѣмъ какъ онъ даже и не упоминаетъ о тѣхъ явленіяхъ китайской жизни, которыя слу-

жили для нея нравственнымъ, отрезвляющимъ началомъ и сдѣлали изъ Китая густо населенную страну. У того же самаго синолога вы читаете горькія жалобы, что китайскіе историки занимаются одними пустыми сплетнями и избѣгаютъ говорить о всемъ, что могло бы имѣть дѣйствительно важное политическое или соціальное значеніе, что ему нужно было для составленія своего повѣствованія выбирать факты какъ крупинки золота изъ массы песку и щебня. Когда вы читаете европейскіе книги и журналы, написанные для либеральной и реакціонерной публики, васъ поражаютъ ничтожные интересы, которыми они занимаются, тщательность, съ которой они избѣгаютъ всего, что могло бы развивать нравственное чувство и инстинкты міровой жизни въ образованномъ обществѣ, но китайцы, въ этомъ отношеніи, ихъ далеко превзошли. Неужели такое настроеніе представляетъ благопріятное условіе для развитія общества, неужели можно сказать, что оно не нуждается въ сознательномъ пониманіи задачи человѣческаго существованія. При такомъ сознаніи ученые перестали бы, по крайней мѣрѣ, быть врагами всего истинно прогрессивнаго, какъ они были до сихъ поръ, такъ что всякій прогрессъ въ Китаѣ совершался имъ на перекоръ и не смотря на ожесточенное ихъ порицаніе. Если мы отъ высшихъ слоевъ общества обратимся къ народнымъ массамъ, то мы тамъ можемъ быть еще сильнѣе почувствуемъ потребность въ сознательности. Мы видимъ, что самыя лучшія свойства китайцевъ имѣютъ свой корень въ предразсудкахъ. Китаецъ всѣми средствами старается воспитать своего сына и смотритъ съ полнымъ пренебреженіемъ на свою дочь; онъ составляетъ общества, которыя воспитываютъ дѣтей бѣдныхъ родителей, учреждаютъ многочисленныя школы для бѣдныхъ, помогаютъ бѣднымъ людямъ держать общественный экзаменъ, раздаютъ безвозмездно лекарства, строятъ дороги, мосты и проч., и рядомъ со всѣмъ этимъ учреждаются общества, которыя воздвигаютъ памятники вдовамъ, удержавшимся отъ замужества, стараются мѣшать тѣмъ, которыя желали бы вступить въ бракъ, и такимъ образомъ плодятъ безнравственность Подобные противурѣчивые факты безчисленны, вы на каждомъ шагу видите, какъ отсутствіе сознательности отнимаетъ у развитія всякую гарантію въ будущемъ. Наконецъ, неужели можно признать удовлетворительнымъ тотъ окончательный результатъ, къ которому привела китайская цивилизація. Она дѣйствительно расплодила болѣе людей, чѣмъ какая либо другая, но развѣ она сдѣлала этихъ людей такими счастливыми, какими она могла бы ихъ сдѣлать, развѣ она показала міру, гдѣ самый обильный источникъ человѣческаго счастья, развѣ она доказала ему, что каждый работникъ можетъ быть образованнымъ человѣкомъ, можетъ жить міровою жизнью, что богатые люди будутъ гораздо счастливѣе, если тѣ богатства, которыя они такъ жадно старались присвоить себѣ исключительно, растворятся въ общемъ достояніи и если интеллектуальная и нравственная жизнь быстро разовьется отъ большаго числа учавствующихъ въ ней. Даже смѣшно сдѣлается, если сопоставить ожирѣвшую фигуру китайскаго мандарина съ человѣкомъ изъ среды такой идеальной интеллигенціи и подумать, какъ чув-

ства китайца, который называетъ своихъ дочерей по номерамъ, будутъ относиться къ чувствамъ человѣка нормальной цивилизаціи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Западная цивилизація. — Изслѣдованіе и стремленіе къ сознанію есть ея отличительная черта. — Ее нужно обсуждать съ точки зрѣнія степени сознательности, но для этого нужно сначала установить понятіе объ идеальномъ счастьѣ людей. — Работникъ долженъ стремиться не только къ труду, который даетъ вознагражденіе, но и къ полезному труду. — Для этого ему необходимо быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ: можетъ ли онъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ? — Для огражденія жизни дѣтей производительный женскій трудъ долженъ уменьшится. — При нормальномъ направленіи человѣческой дѣятельности будутъ удовлетворяться только необходимыя, но за то всѣ необходимыя потребности. — Понятіе о трудѣ, о необходимомъ и о наслажденіи.

Я назвалъ выше современную западную цивилизацію инстинктивною, точно также какъ и восточную, я объяснялъ это названіе тѣмъ, что люди этой цивилизаціи не обнаруживаютъ сознательнаго и яснаго понятія о назначеніи человѣка на землѣ и объ условіяхъ человѣческаго счастья. Послѣ того я указалъ, что отличительная черта западной цивилизаціи, по сравненію съ китайской, состоитъ въ болѣе сильныхъ интеллектуальныхъ потребностяхъ, въ несравненно болѣе сильномъ стремленіи къ пониманію вещей въ самомъ ихъ существѣ. Мы не имѣемъ права называть китайскую цивилизацію болѣе древнею, для такого названія мы не могли бы привести достаточно убѣдительныхъ основаній, по крайней мѣрѣ, если мы современную цивилизацію будемъ считать продолженіемъ античной, а иначе ее конечно разсматривать невозможно. Но если мы и западной и китайской цивилизаціи припишемъ одинаковую древность и за тѣмъ сравнимъ успѣхъ, который сдѣлала та и другая, какъ въ наукахъ дедуктивныхъ (въ математикѣ), такъ и въ тѣхъ, которыя занимаются изслѣдованіемъ природы, то перевѣсъ на сторонѣ западной цивилизаціи будетъ такъ великъ и очевиденъ, что оспаривать его не былъ бы въ состояніи даже и китаецъ, если бы онъ только говорилъ съ сознаніемъ дѣла. Конечно, нельзя сказать того же о практическомъ примѣненіи этихъ знаній, и если человѣкъ западной цивилизаціи можетъ ему указать на желѣзныя дороги, машины и прочія совершенства европейской промышленности, то китаецъ можетъ указать европейцу на свою способность на томъ же пространствѣ содержать несравненно болѣе густое населеніе — примѣненіе конечно гораздо болѣе цѣнное. Въ новѣйшее время европейцы стали оспаривать у китайцевъ

это преимущество, они стали увѣрять, что европеецъ способенъ съ того же самаго клочка земли получать болѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ китаецъ, такъ что болѣе густое населеніе въ Китаѣ остается объяснять только болѣе распространеннымъ мелкимъ землевладѣніемъ, т. е. соціальными причинами, а не состояніемъ знанія. Во всякомъ случаѣ многочисленность китайскихъ сочиненій, которыми распространяются практическія знанія, даетъ имъ право спорить въ этой области съ европейцами. Но если по вопросу о примѣненіи можно разсуждать и такъ и сякъ, то вопросъ о превосходствѣ европейца въ чисто теоритическомъ научномъ знаніи не можетъ подлежать никакому спору и рѣшеніе его несомнѣнно. Тоже самое можно сказать и о наукахъ, которыя занимаются изслѣдованіемъ духовной стороны и духовной жизни человѣка. Западный человѣкъ изрыскалъ весь свѣтъ, собирая данныя о жизни, свойствахъ и способностяхъ людей, живущихъ на земной поверхности, онъ подвергалъ самой строгой критикѣ и самому строгому анализу данныя исторіи и статистики, онъ дѣлаетъ многочисленныя психіатрическія наблюденія и старается создать раціональную психологію, богатство его знаній въ формахъ человѣческой жизни нельзя даже и сравнить съ китайскимъ. Кромѣ того европеецъ имѣетъ еще несомнѣнное преимущество въ томъ отношеніи, что онъ способенъ тутъ составлять себѣ несравненно болѣе свѣтлыя убѣжденія и проводить ихъ въ жизнь съ несравненно большею послѣдовательностію. Человѣкъ западной цивилизаціи это человѣкъ изслѣдованія и сознательныхъ понятій, и поэтому, чтобы составить себѣ правильное объ немъ понятіе, его нужно разсматривать именно съ точки зрѣнія этой сознательности. Мы при этомъ увидимъ замѣчательное явленіе. Хотя онъ никогда не былъ въ состояніи составить себѣ свѣтлаго и яснаго понятія о человѣческомъ назначеніи и объ условіяхъ человѣческаго счастья, хотя онъ никогда не шелъ сознательно къ настоящей цѣли, а постоянно ставилъ себѣ цѣли фальшивыя и обманчивыя, постоянно считалъ интересы человѣческіе противорѣчивыми и лавировалъ вкривь и вкось по житейскому морю, но такъ какъ, достигая этихъ цѣлей, онъ постоянно пользовался своей способностью къ изслѣдованію, разъяснялъ себѣ условія жизни съ помощью той изобрѣтательности, которую пріобрѣлъ, создавалъ новыя, согласныя съ его цѣлями, формы, то въ окончательномъ результатѣ онъ все-таки значительно подвинулъ впередъ человѣчество. Чтобы показать, что имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи и что еще остается сдѣлать, мы должны сначала показать цѣль, къ которой должно стремиться человѣчество и которая должна осуществить идею наибольшаго счастья. Мы уже не разъ повторяли, что назначеніе человѣка плодить жизнь на землѣ, онъ долженъ создавать какъ можно болѣе жизней и какъ можно болѣе счастливую жизнь. Первое и единственное для этого условіе состоитъ въ томъ, чтобы дѣятельность его была какъ можно болѣе плодоносною. Тунеядецъ это не человѣкъ, потому что онъ вовсе не исполняетъ человѣческаго назначенія. Но и человѣкъ, который трудится, можетъ приносить своимъ трудомъ весьма ризличную пользу и наконецъ прямо вредъ. Чѣмъ необходимѣе будетъ

потребность, которой будетъ удовлетворять его трудъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ плодить счастья и, напротивъ, чѣмъ потребность эта будетъ искусственнѣе, тѣмъ онъ будетъ менѣе полезенъ, и наконецъ если этотъ трудъ будетъ орудіемъ бичей человѣчества, тогда онъ можетъ сдѣлаться и въ высшей степени вреднымъ. Мы видимъ, что въ Англіи 2.400,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей производятъ массу земледѣльческихъ продуктовъ, которая нетолько достаточна, чтобы прокормить двадцать одинъ милльонъ людей, но снабжаетъ ихъ мясомъ, животными продуктами и въ значительныхъ размѣрахъ сырымъ матерьяломъ для одежды, топлива и построекъ. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ работниковъ удовлетворяетъ большую часть самыхъ необходимыхъ потребностей десяти человѣкъ. Ясно, что ихъ трудъ весьма полезный. Рядомъ съ этимъ мы видимъ, что празднество по случаю бракосочетанія принца Наполеона поглотило дневной трудъ шести сотъ тысячъ работниковъ. Празднествомъ этимъ наслаждались никакъ не болѣе десяти тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ эти шесть сотъ тысячъ работниковъ, еслибы они употребили свой трудъ такъ же полезно, какъ англійскіе земледѣльцы, то они могли бы удовлетворить существеннымъ потребностямъ шести милльоновъ людей. Въ числѣ этихъ шести милльоновъ по разсчету было бы до восьмидесяти тысячъ ученыхъ, артистовъ и вообще людей, принадлежащихъ къ рядамъ интеллигенціи. Я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что ученый, который, удовлетворивъ своимъ необходимымъ потребностямъ, занимался, можетъ быть, со страстью любимой наукой, былъ менѣе счастливъ, чѣмъ барышня, которая плясала на балѣ принца Наполеона и страдала отъ оскорбленнаго самолюбія при видѣ болѣе изящныхъ костюмовъ своихъ соперницъ. Во всякомъ случаѣ, какого бы мнѣнія объ этомъ ни былъ читатель, онъ долженъ согласиться, что разница въ пользѣ и результатахъ труда тутъ громадная. Современный работникъ не касается до этого вопроса, онъ не заботится о пользѣ, которую приноситъ его трудъ, онъ заботится только о томъ, чтобы этотъ трудъ вознаграждался, онъ считаетъ себя уже достаточно счастливымъ, если онъ можетъ жить тѣмъ, что онъ называетъ честнымъ трудомъ, если онъ избавленъ отъ тяжкой необходимости питаться, вполнѣ или отчасти, милостынею или воровствомъ, — въ западной Европѣ многіе милльоны не пользуются этимъ счастьемъ. Въ Бельгіи, десять лѣтъ тому назадъ, изъ девяти сотъ восьми тысячъ семействъ двѣсти шестьдесятъ шесть тысячъ, т. е. почти треть, не могли содержаться своимъ трудомъ. Но развѣ кто-нибудь въ состояніи признать такое положеніе нормальнымъ или удовлетворительнымъ? Всякій чувствуетъ, какой жалкій, звѣрообразный характеръ получаетъ работникъ отъ того, что всѣ его помыслы сосредоточены исключительно на томъ, чтобы заработать себѣ насущное пропитаніе какими бы то ни было способами, точно такъ же, какъ всякій понимаетъ, какое жалкое и пустое существо дѣвушка, у которой весь кругъ ея умственной дѣятельности ограничивается ея шиньономъ и убранствомъ ея кабинета, и которая не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о міровомъ значеніи, восхищающихъ ее вещей. Обдумывая эти явленія, человѣкъ не можетъ неви-

дѣть въ нихъ униженія человѣческаго достоинства, онъ не можетъ не сознавать, какъ увеличится счастье и работника, и дѣвушки, если ихъ жизнь наполнится болѣе достойными человѣка чувствами. Конечно, всегда будутъ люди до такой степени слабые, что забота о дневномъ пропитаніи будетъ абсорбировать все ихъ существо; но даже и при настоящемъ состояніи общества люди, которыхъ положеніе такое шаткое, составляютъ значительное меньшинство. Большинство имѣютъ работу сегодня и знаютъ очень хорошо, что они ее будутъ имѣть и завтра. Если они не входятъ въ разсмотрѣніе полезности своего труда, а въ выборѣ работы сообразуются исключительно съ размѣромъ вознагражденія, то это происходитъ всего болѣе чрезъ неразвитіе, причина тутъ такое же неразвитіе, какъ то, которое заставляетъ дѣвушку безсмысленно восхищаться своими шиньонами и блондами. Если работникъ не тяготится тѣмъ, что его трудъ удовлетворяетъ искусственнымъ потребностямъ, то онъ точно такъ же вредный человѣкъ, какъ дѣвушка, которая удовлетворяетъ этимъ потребностямъ. Когда отъ начала VII и до конца XIV вѣка туранскія и монгольскія племена непрерывно раззоряли Китай и уничтожали цивилизацію, которая создана была съ такими усиліями, тогда въ этомъ варварскомъ дѣлѣ простые воины столько же были виноваты, сколько и ихъ предводители. Въ составѣ бюрократическаго управленія низшіе и средніе слои чиновничества находятся, безъ сомнѣнія, въ точно такомъ же зависимомъ положеніи, какъ и работники, они часто ставятся въ такое положеніе, что имъ остается жить незаконными путями и взятками. Случается, что чиновники нетолько не тяготятся такимъ положеніемъ, но даже отстаиваютъ его. Однакоже, очень не трудно увидать, до какой степени подобное настроеніе есть результатъ жалкаго нравственнаго неразвитія. Не вооружаясь противъ такого положенія, чиновники дѣлаются предметомъ самого гордаго презрѣнія со стороны своихъ начальниковъ; они смотрятъ на нихъ, какъ на жалкихъ, негодныхъ тварей, которыми можно помыкать какъ угодно; въ обществѣ ихъ положеніе точно такъ же совершенно ложное. Приблизительно такими же глазами богатый человѣкъ смотритъ на работника, который удовлетворяетъ его искусственнымъ потребностямъ. Грубая заносчивость этого чувства презрѣнія въ богатомъ человѣкѣ точно такъ же мало случайное явленіе, какъ и его оскорбительность для работника. Все это въ природѣ вещей, душа человѣка создана именно такимъ образомъ, потому что человѣкъ предназначенъ плодить жизнь — это проявленіе инстинктовъ міровой жизни; какъ скоро эти инстинкты неудовлетворены, является отношеніе, которое тяготитъ ихъ и заставляетъ искать исхода. И чиновникъ-взяточникъ и работникъ, какъ бы онъ ни былъ жалокъ и неразвитъ, всегда тяготится подобнымъ отношеніемъ, но онъ только не видитъ изъ него выхода и потому, по временамъ, примиряется съ нимъ и отстаиваетъ его изъ страха, чтобы не вышло потомъ хуже. Послѣ этого, намъ не трудно понять, что работникъ будетъ находиться въ здравомъ и нормальномъ состояніи только тогда, когда онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы трудъ его нетолько обезпечивалъ его существованіе, но и былъ бы самымъ полезнымъ для

общества употребленіемъ его времени. Поступая такимъ образомъ, работники принесутъ въ одно и тоже время наибольшую пользу и всему рабочему классу и себѣ самимъ. Вслѣдствіе усилій отдѣльныхъ работниковъ производить только полезныя вещи, производительность должна будетъ все болѣе и болѣе сосредоточиваться на предметахъ потребленія рабочаго класса, средній уровень благосостоянія этого класса возвысится, такое возвышеніе благосостоянія образуетъ привычку къ извѣстному улучшенному образу жизни, а такая привычка, въ свою очередь, будетъ держать заработную плату на высокомъ уровнѣ, вслѣдствіе извѣстнаго закона, что средняя заработная плата всегда приравнивается къ привычкамъ рабочаго народа, къ составившимся у него понятіямъ о необходимыхъ потребностяхъ. Однакоже, стремленіе работника къ полезному труду, въ практическомъ его видѣ, вовсе не такъ просто, какъ оно могло бы показаться съ перваго разу. Представьте себѣ, что работнику предлагаютъ извѣстную работу, но работа эта удовлетворяетъ искусственной потребности, а другой работы онъ найти не можетъ. Онъ самъ чувствуетъ отвращеніе взять эту работу, товарищи выражаютъ ему, что они будутъ чувствовать къ нему презрѣніе, если онъ это сдѣлаетъ. Онъ отказывается отъ работы и погибаетъ отъ нужды. Поступокъ этотъ можетъ быть даже геройскимъ, а между тѣмъ, если его анализировать, то можетъ оказаться, что работникъ самъ сдѣлалъ глупо, а товарищи поступили съ нимъ жестоко. Если искусственныя потребности имѣютъ извѣстную покупную силу, и если работники и общество не въ состояніи помѣшать этой покупной цѣнѣ обратиться на искусственныя потребности, то работникъ, не принимая отъ нея работы и оставаясь безъ дѣла и денегъ, можетъ ухудшить, а не улучшить положеніе общества. Вмѣсто его окажется другой, который возьметъ эту работу, и выйдетъ вотъ что: такъ какъ онъ остался безъ работы, то покупная сила необходимыхъ потребностей уменьшится, именно на столько, на сколько онъ будетъ терпѣть нужду, и чрезъ это уменьшится размѣръ полезныхъ работъ и, кромѣ того, работникъ, который бы обратился къ полезной дѣятельности, теперь отвлекается отъ нея для удовлетворенія искусственнымъ потребностямъ. И такъ, мы видимъ, что достигать полезной дѣятельности для работника задача вовсе не простая, хотя достиженіе этой цѣли и должно неизбѣжно улучшить положеніе всего рабочаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственное. Чтобы работникъ могъ заниматься полезнымъ трудомъ, нетолько необходимо, чтобы общество было нормально организовано, но необходимо еще, чтобы онъ не поощрялъ стремленіе къ искусственнымъ потребностямъ ложными воззрѣніями на величіе и вообще непониманіемъ міровыхъ условій человѣческой жизни. Если онъ не будетъ въ состояніи разъяснить себѣ назначеніе инстинктовъ міровой жизни и, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ источникъ, плодящій на землѣ жизнь, будетъ употреблять ихъ на то, чтобы содержать духовенство, вродѣ какихъ нибудь бонзъ или марабу, которые питаютъ его суевѣріе сказками, или даже подчиниться его вліянію, какъ подчинился островъ Манга-Рева французскимъ миссіонерамъ, гдѣ они управляютъ, какъ іезуиты въ Парагваѣ и

воспрещаютъ женщинамъ чистоплотность, то, конечно, о полезномъ трудѣ не можетъ быть и рѣчи. Очень не трудно понять, что, для достиженія всего этого, работникъ долженъ быть человѣкъ образованный, и что степень его образованія должна быть значительнѣе, чѣмъ та, на которой стоитъ большинство современныхъ цивилизованныхъ людей. Такое интеллектуальное и нравственное развитіе рабочаго необходимо ему, однакоже, нетолько для того, чтобы дѣлать наилучшее употребленіе изъ своей способности трудиться, оно необходимо ему для того, чтобы исполнять другую, не менѣе важную, часть своихъ обязанностей плодить жизнь на землѣ, для того, чтобы сохранять свое здоровье и долголѣтіе, и воспитывать своихъ дѣтей. Мы видимъ замѣчательный фактъ, что у грубыхъ людей дѣти умираютъ почти въ столь же значительномъ числѣ, когда они переходятъ отъ нищеты къ благосостоянію. У работника дѣти умирали отъ того, что онъ, по неразвитію и слабости характера всего своего класса, долженъ былъ работать за рабочую плату, недопускающую удовлетворенія потребностей его семейства, его жена не могла выкармливать его дѣтей отъ истощенія. Вся масса ирландскихъ сельскихъ работниковъ соглашалась работать за такое ничтожное вознагражденіе, что они въ первой половинѣ XVII столѣтія питались хлѣбомъ изъ овса; когда они съ конца XVIII столѣтія стали питаться картофелемъ, эта пища, про которую впослѣдствіи говорили съ такимъ ужасомъ, казалась имъ истиннымъ благополучіемъ. Сравнительно, его вліяніе было дѣйствительнымъ благодѣяніемъ: начиная со второй половины XVII вѣка втеченіи цѣлаго столѣтія населеніе Ирландіи почти вовсе не увеличивалось, по нѣкоторымъ разсчетамъ оно даже уменьшалось, но съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ въ употребленіе картофель, оно начало быстро увеличиваться. Къ вѣчному стыду англичанъ, они почти до самой эпохи французской революціи держали сельское населеніе Ирландіи въ такомъ состояніи дикости и униженія, что оно равнодушно смотрѣло на свое ужасное экономическое положеніе, глаза его открылись только въ эпоху агитаціи, которая предшествовала французской революціи. Начавшееся рабочее движеніе было главною причиною улучшенія положенія работника, совпадавшаго съ распространеніемъ картофеля. Хотя послѣ этого положеніе ирландца сдѣлалось уже гораздо лучше, но сравнивая себя съ своими сосѣдями, онъ, по справедливости, находилъ, что оно ужасно. Путемъ энергическаго протеста и всякими другими мѣрами и стараніями, онъ достигъ значительнаго улучшенія; не смотря на это, парламентское изслѣдованіе 1835 года открыло такіе ужасы, что его результаты возмутили всю Европу. Чувство неудовольствія постоянно усиливалось, и ирландецъ избралъ новый путь для своего благополучія—это переселеніе. Утверждаютъ, что къ шестидесятымъ годамъ положеніе ирландцевъ улучшилось вдвое по сравненію даже съ тридцатыми годами, и все-таки оно было еще весьма жалкое, все-таки ирландскій работникъ внушалъ англійскому величайшее презрѣніе за свою бѣдность и ненавидѣлся имъ за то, что онъ такъ сильно сбивалъ цѣны. Но ирландецъ разсуждалъ иначе, онъ сдѣлался почти доволенъ, энергія его протеста ослабла, и это имѣло прямымъ своимъ по-

слѣдствіемъ то, что его положеніе стало тотчасъ ухудшаться. Ирландскіе землевладѣльцы приняли способъ обработки земли весьма выгодный для нихъ, но бѣдственный для земледѣльца. У насъ обыкновенно полагаютъ, что если сельское хозяйство будетъ выгодно, если оно дастъ наибольшее количество цѣнныхъ произведеній, то оно будетъ полезно. Но это мнѣніе совершенно ложное. Степень полезности для народа сельскаго хозяйства, какъ и всѣхъ другихъ отраслей промышленности, находится въ прямой зависимости отъ соціальнаго положенія страны. Земля, точно также, какъ ремесло и фабрика, можетъ производить предметы роскоши, то, что нужно для богатыхъ, и можетъ приспособляться къ потребностямъ народныхъ массъ, производить то, что нужно для содержанія возможно-большаго населенія въ здоровомъ состояніи. Ирландскіе землевладѣльцы съ шестидесятыхъ годовъ направили производительность ирландскихъ земель именно въ аристократическую сторону и поступали съ земледѣльцами самымъ безцеремоннымъ образомъ. Протесты возобновились, но вотъ, что замѣчательно. Жалкое состояніе ирландскаго земледѣльца прямо вытекало изъ его политическаго положенія, а между тѣмъ онъ не имѣлъ даже настолько политическаго такта, чтобы стремиться къ его измѣненію. Рибонменъ, который мститъ за вредъ нанесенный сельскому работнику, стоитъ совершеннымъ особнякомъ отъ фенія-политическаго дѣятеля. Изъ всего этого, мы совершенно ясно видимъ, до какой степени работникъ безъ образованія вполнѣ неспособенъ выполнять свое назначеніе, ни относительно своихъ дѣтей, ни относительно самого себя, ни относительно своего труда. Ирландскій сельскій работникъ, теперь уже болѣе, чѣмъ втеченіи цѣлаго столѣтія, протестуетъ противъ неправильной организаціи своего труда и постоянно протестуетъ убійствами и тому подобными насиліями. Вы видите, что эти злодѣянія дѣйствительно порождены были необходимостью, что ему больше нечего было дѣлать, однакоже, подобное положеніе такъ мало его возмущало, онъ такъ слабо искалъ изъ него выхода, что не напалъ даже на идею рабочей общины съ цѣлью огражденія его экономическаго положенія, общины, которая могла бы прямо и законно воспрещать работнику брать слишкомъ низкую цѣну или платить слишкомъ высокую ренту; съ помощью такой общины можно было бы несравненно легче добиться уничтоженія безчисленныхъ безобразій англійскаго законодательства, которыя мѣшаютъ правильнымъ отношеніямъ между работниками и землевладѣльцами. Вмѣсто того, чтобы взяться за корень и исходить изъ него, онъ хватаетъ верхушки и стремится къ тому, что называетъ безопасностью владѣнія и т. д., къ вещамъ, которыя тотчасъ перестанутъ приносить ему пользу, какъ скоро населеніе сдѣлается болѣе густымъ и, съ усовершенствованіемъ производства, перемѣнятся пріемы сельскаго хозяйства, — которыя могутъ даже обратиться ему во вредъ. Вотъ плоды невѣжества въ работникѣ, сначала онъ питался овсомъ, какъ какая нибудь рабочая лошадь, а потомъ, втеченіе цѣлаго столѣтія, какъ какой-нибудь разбойникъ, совершалъ тайныя убійства для того, чтобы доставить себѣ возможность существовать. Что только одно развитіе даетъ возможность человѣку исполнять свое назна-

ченіе, и что благосостояніе не спасаетъ неразвитаго человѣка, для этого лучшимъ доказательствомъ служатъ аристократическіе роды. Какъ скоро средневѣковые аристократическіе роды составляли замкнутую касту и развитіе, и въ особенности развитіе инстинктовъ міровой жизни, въ ихъ средѣ прекращалось, они нетолько не распложались, но вымирали. Во всей Германіи втеченіе столѣтій аристократическое населеніе не увеличивалось, а уменьшалось, въ Зеландіи рыцарство вымерло, въ Голландіи осталось только четыре или пять семействъ. Въ сѣверной Голландіи чрезъ вымираніе аристократическихъ семействъ власть перешла къ городамъ. Но затѣмъ рождается вопросъ: возможно ли, чтобы всѣ работники достигли той степени умственнаго и нравственнаго развитія, о которой мы здѣсь говоримъ. Уже выше было показано, что всякій современный работникъ имѣетъ достаточно свободнаго времени, чтобы прочесть въ годъ десять тысячъ страницъ серіознаго содержанія. Но для того, чтобы такимъ образомъ поддерживать свое образованіе, нужно сначала его получить. Если воспитаніе работника ограничится современной школой, то конечно шесть свободныхъ часовъ въ недѣлю, которые онъ можетъ посвятить чтенію, не сдѣлаютъ его образованнымъ человѣкомъ, для этого необходимо, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, до семнадцати или восемнадцати лѣтъ не работалъ, а только учился; конечно, наравнѣ съ интеллектуальнымъ развитіемъ онъ долженъ приспособляться и къ матеріальному труду, но все-таки онъ долженъ только учиться и болѣе ничего. Спрашивается, возможно ли это привести въ исполненіе? Программа соціально-демократической партіи въ Швейцаріи выставляетъ требованіе о воспрещеніи работы на фабрикахъ лицамъ моложе четырнадцати лѣтъ. Я уже выше показалъ, что изъ 4633 мил. руб., составляющихъ доходъ всего англійскаго населенія, для удовлетворенія необходимыхъ потребностей англичанъ достаточно 2,809 мил. руб., затѣмъ остается 1823 мил. руб., которые въ настоящее время употребляются богатыми людьми на удовлетвореніе искусственныхъ потребностей. И такъ три пятыхъ изъ всего труда, производящаго для Англіи, достаточны для удовлетворенія необходимыхъ потребностей всего населенія. На основаніи ценза 1851 года въ Англіи, изъ числа 20,959,477 человѣкъ населенія считалось трудящихся 10,034,537 человѣкъ, между ними дѣтей и молодыхъ людей обоего пола моложе двадцати лѣтъ 2,248,908, въ томъ числѣ, приблизительно, почти половина придется на возрастъ отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Если мы скажемъ, что для того, чтобы возможно было подготовить все населеніе Англіи такимъ образомъ, чтобы каждый могъ читать, и вполнѣ понимать, въ годъ до десяти тысячъ страницъ научнаго содержанія, достаточно, чтобы изъ числа работающихъ теперь одна седьмая часть перестала работать и посвятила себя исключительно ученію, то мы будемъ очень близки къ истинѣ. Доходъ всего англійскаго населенія чрезъ это уменьшится никакъ не болѣе, какъ на 662 мил. руб. сер., останется для удовлетворенія искусственныхъ потребностей еще 1161 мил. руб. сер. Возможность такого воспитанія рабочаго класса очевидна. Но мнѣ скажутъ: недостачно учениковъ, нужно

и учителей. За этимъ дѣло никакъ не можетъ остановиться, число учащихся чрезъ такую перемѣну увеличится приблизительно на 28% [1]). Въ Англіи болѣе ста шести тысячъ всякаго рода преподавателей и тридцать тысячъ духовенства. Я спрашиваю, къ чему англичанамъ, не современнымъ англичанамъ, а, конечно, идеальнымъ англичанамъ, особое духовенсто, вѣдь у нихъ есть же секты, и секты очень религіозныя, безъ особаго духовенства; если они когда-то дозволяли произвести реформу въ своемъ вѣроученіи развратнику-королю для того, чтобы уничтожить препятствіе, которое мѣшало ему мѣнять и казнить своихъ женъ, отъ чего же имъ не дозволить произвести у себя другую благодѣтельную реформу, которая облегчила бы имъ возможность распространить въ народѣ образованіе; не будетъ ли это истиннымъ благодѣяніемъ для страны, если на мѣсто ея духовенства, сотвореннаго капризомъ грубаго деспота, станутъ люди науки и будутъ преподавать истину. Въ этомъ случаѣ число учащихъ будетъ совершенно достаточно. Въ Пруссіи на каждаго учителя народной школы приходится 81 ученикъ, а на каждаго учителя гимназіи 20 учениковъ. Въ Англіи все населеніе отъ восьми до восемнадцати лѣтъ составляетъ четыре милльона триста тысячъ человѣкъ, если мы предложимъ, что половина будетъ подготовляться въ народной школѣ, а половина учится въ гимназіяхъ, то для народныхъ школъ потребуется 26,543 учителя, а для гимназій 107,500 учителей, всего 134,043 учителя, т. е. именно столько, сколько мы имѣемъ. Мы ниже увидимъ, что такая степень развитія составляетъ безусловную необходимость для того, чтобы общество могло выполнять свое назначеніе, но этимъ дѣло не кончается. Если работникъ хочетъ выполнять свое человѣческое назначеніе, онъ долженъ заботиться о сохраненіи жизни своихъ дѣтей, а для этого мало образованія и пониманія гигіеническихъ условій, нужно еще, чтобы жена его, втеченіе своей беременности и того срока, когда она кормитъ своего ребенка, не была поглощена работой, которая бы занимала все ея время; здоровье и жизнь ея ребенка сохранится только тогда, когда она будетъ занята исключительно домашними работами, въ рѣдкихъ случаяхъ ей можно будетъ заниматься какимъ-нибудь подсобнымъ промысломъ. Женщинъ беременныхъ и кормящихъ дѣтей въ Англіи приходится около милльона четырехъ сотъ тысячъ, слѣдовательно опять таки одна седьмая трудящагося населенія; если они всѣ будутъ соблюдать всѣ гигіеническія условія, необходимыя для сохраненія ихъ здоровія и здоровія зародышей и новорожденныхъ, то размѣры производительнаго труда безъ всякаго сомнѣнія опять таки уменьшатся. Мы стремимся къ тому, чтобы жен-

---

([1]) Чтобы не усложнять расчета, я предполагаю, что въ Англіи дѣти получаютъ вполнѣ удовлетворительное обученіе въ народныхъ школахъ — что это возможно безъ уменьшенія размѣровъ народнаго труда, доказано опытомъ—поэтому уменьшающій размѣры труда прибавокъ въ 28% считается у меня состоящимъ только изъ молодыхъ людей, получающихъ болѣе основательное образованіе. Чтобы избавить себя отъ упрека въ невѣрности разсчета, я предположилъ, что каждый и каждая изъ этихъ учениковъ и ученицъ производитъ почти столько же, сколько взрослый мужской работникъ, что явно слишкомъ много.

щины высшихъ классовъ работали, а не занимались исключительно хозяйствомъ, и мы совершенно правы въ этомъ отношеніи. Способныхъ въ настоящее время къ интеллектуальному труду такъ мало, требованіе на него такое большое, что безсмысленно дѣлать кухаркой или нянькой женщину, которая можетъ приносить гораздо болѣе пользы и зарабатывать гораздо болѣе интеллектуальнымъ трудомъ; если ея конкурренція будетъ имѣть даже только то послѣдствіе, что она уменьшитъ вознагражденіе за интеллектуальный трудъ, то и это уже будетъ польза, потому что будетъ уравнивать вознагражденіе за разнаго рода трудъ. Но о женщинахъ изъ массы рабочаго класса мы должны разсуждать совершенно иначе. Масса народа или вовсе не работаетъ и живетъ въ крайней нищетѣ, какъ номады-дикари, или она работаетъ все болѣе и болѣе усердно и производительно; но при такомъ направленіи мы видимъ, что женщины тѣмъ болѣе обременены, чѣмъ ниже степень культуры народа. Стоитъ сколько нибудь внимательно наблюдать жизнь рабочаго и тотчасъ можно замѣтить, что какъ скоро онъ начинаетъ цивилизоваться, какъ скоро его чувства дѣлаются менѣе грубыми, то первое, что онъ старается сдѣлать, это освободить свою жену отъ работы или, по крайней мѣрѣ, поставить ее въ такое положеніе, чтобы ея работа была лишь подсобнымъ промысломъ. Современному образованному человѣку очень трудно себѣ представить потребности рабочаго хозяйства, которое не имѣетъ прислуги и вынуждено домашнимъ трудомъ возмѣщать дороговизну различныхъ гигіеническихъ удобствъ Если бы кто либо изъ нихъ пожилъ такимъ хозяйствомъ, то онъ скоро бы убѣдился, какъ тутъ необходима хозяйка въ домѣ и отъ чего тамъ, гдѣ эта хозяйка работаетъ на фабрикѣ, умираетъ людей больше, хотя они и пользуются большимъ благосостояніемъ. Это одна изъ важныхъ причинъ смертности, множество дѣтей умираетъ просто отъ того, что женщина десять или двѣнадцать часовъ въ сутки проводитъ въ сидячемъ положеніи, дѣти будутъ умирать и у богатой женщины, если она будетъ постоянно сидѣть, хотя она живетъ въ полномъ довольствѣ и никакой работой не обременена. Статистика показываетъ намъ, что въ Англіи и въ Белгіи, гдѣ мать сама кормитъ своего ребенка и по возможности не отходитъ отъ него, умираетъ четырнадцать и пятнадцать дѣтей изъ ста, т. е. шестой и седьмой ребенокъ, а въ Баваріи, гдѣ господствуетъ искусственное питаніе и ребенокъ воспитывается посторонней женщиной (Kost Frau), умираетъ тридцать, т. е. третій,—вдвое болѣе. Во Франціи тамъ, гдѣ дѣти воспитываются подъ надзоромъ матери, смертность уменьшается до 11%; тамъ, гдѣ матери менѣе наблюдаютъ за ними, она возвышается до 39%; даже тамъ, гдѣ обращается особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей, безъ участія матерей умираетъ отъ 28% до 33%; тамъ, гдѣ этого нѣтъ, умираетъ 48%. Въ Англіи, по цензу 1851 года, считалось 2.921.035 замужнихъ и вдовыхъ женщинъ, которыя занимались только хозяйствамъ, и 2.476,505 женщинъ старѣе двадцати лѣтъ, которыя заняты были трудомъ, слѣдовательно менѣе половины. Въ сельскомъ хозяйствѣ мы видимъ 1.806,547 мужчинъ и только 584,021 женщину, это уже значительный прогрессъ по сравненію съ дикарями, гдѣ

всѣ заботы о сельскомъ хозяйствѣ лежатъ на женщинахъ, и мужчина имъ вовсе не занимается. Впослѣдствіи отношеніе это начало измѣняться и женскій и дѣтскій трудъ сталъ принимать большіе размѣры; но за то же тотчасъ были замѣчены соціальныя неудобства такого порядка и вредное его вліяніе на положеніе рабочихъ семействъ. Изъ всего этого довольно ясно видно, что съ развитіемъ рабочаго класса женщина будетъ болѣе заботиться о здоровіи и воспитаніи своихъ дѣтей, о домашней своей обстановкѣ, и это неизбѣжно будетъ уменьшать ея промышленную производительность. Если мы, вникая такимъ образомъ въ бытъ рабочаго человѣка, будемъ стараться понять къ чему приведетъ его окончательное развитіе, то мы наконецъ убѣдимся, что съ точки зрѣнія роскоши и предметовъ комфорта вовсе не можетъ быть особенно значительное увеличеніе. За вычетомъ уменьшенія производительнаго труда съ цѣлью обезпечить умственное развитіе работника, у насъ осталось для Англіи цѣнностей всего на 1161 мил. р. сер., которые могли бы быть употреблены на увеличеніе матерьяльнаго благосостоянія массы населенія; если изъ этого еще вычесть уменьшеніе производительнаго труда женщины, то при самомъ нормальномъ распредѣленіи богатствъ, мы можемъ предполагать увеличеніе потребленія всего рабочаго класса никакъ не болѣе, какъ на 30% или на 40%. Конечно, въ нормальномъ обществѣ нужно стараться достигнуть возможно большей густоты населенія на томъ же пространствѣ, потому что чѣмъ больше число рабочихъ рукъ будетъ содержаться производительностью того же самаго числа земледѣльцевъ, тѣмъ болѣе работниковъ можетъ заняться произведеніемъ предметовъ удобства, но въ Англіи мы видимъ уже довольно густое населеніе. Во Фландріи живетъ до 15,000 человѣкъ на квадратной мили, производительность земли тамъ такъ увеличина, что съ десятины тамъ продается въ годъ на двѣсти или даже на четыреста рублей рѣпы и льну, а между тѣмъ, если повторить для нее тотъ же разсчетъ, то результатъ выйдетъ приблизительно точно такой же. Чѣмъ глубже мы будемъ такимъ образомъ вникать въ условія жизни работника, тѣмъ яснѣе сдѣлается для насъ законъ развитія. Мы убѣдимся, что все соціальное развитіе людей направляется къ тому, чтобы обезпечивать для человѣка удовлетвореніе только однихъ необходимыхъ потребностей, но за тоже и всѣхъ этихъ потребностей. Мы вычислили на сколько увеличится благосостояніе работника при извѣстной степени совершенства въ промышленномъ производствѣ, но производство способно совершенствоваться. Не трудно убѣдиться, что и эти усовершенствованія обратятся опять-таки на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Чѣмъ далѣе мы будемъ опускаться все къ болѣе низкимъ степенямъ развитія, тѣмъ болѣе насъ будетъ поражать фактъ совершенной несоразмѣрности между чрезмѣрнымъ удовлетвореніемъ излишнихъ и роскошныхъ потребностей и полнымъ неудовлетвореніемъ потребностей необходимыхъ. Общество дикарей думаетъ прежде всего о томъ, чтобы наслаждаться жизнью, а потомъ уже объ удовлетвореніи своихъ потребностей. Лѣнь, пляска и праздники, чрезвычайно искусственное украшеніе своей особы, охота и военныя похожденія,—вотъ что исключительно за-

нимаетъ дикаря и кажется ему счастьемъ жизни. Заботиться объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей кажется ему жалкой, даже унизительной необходимостью. Мы видимъ, что дикарь нетолько сваливаетъ это дѣло на другихъ, но презираетъ этихъ другихъ за то, что они вынуждены удовлетворять требованіямъ его желудка. Дикарь сваливаетъ всю тяжесть заботы о необходимомъ на свою жену и именно поэтому обращается съ нею какъ съ самой жалкой рабой. Онъ тотчасъ начинаетъ обращаться съ нею лучше, какъ скоро она перестаетъ работать и необходимыя потребности семейства удовлетворяются другими, находящимися подъ ея надзоромъ рабами и рабынями, и тогда презрѣніе переносится на этихъ послѣднихъ. Даже въ тѣ времена, когда заботливость о необходимыхъ потребностяхъ возрастаетъ, когда родители вмѣсто того, чтобы продавать свою дочь, даютъ ей приданое, она, какъ работница, все-таки еще презирается и сопоставляется съ рабами. У галловъ родственники мужа могли, послѣ его смерти, подвергать его жену пыткѣ, какъ рабыню. Самая исторія приданаго показываетъ намъ постоянное возрастаніе понятіе о значеніи необходимыхъ потребностей. Сначала мужъ покупаетъ жену и дѣлаетъ ее по усмотрѣнію или презираемымъ орудіемъ труда или предметомъ наслажденія. Затѣмъ мужъ даетъ ей въ первое время любви награду, въ западной Европѣ подарокъ свадебнаго утра (Morgengabe, don du matin). Первоначальная цѣль этого подарка—употребленіе на наряды, на излишнее. Въ Персіи женскій коранъ совѣтуетъ женщинѣ гарема какъ можно дороже продавать свои первыя ласки, мужчина скупъ и старается купить наслажденіе любви, какъ можно болѣе дешевой цѣной, женщина должна стараться о томъ, чтобы и она могла пороскошничать. Рядомъ съ этимъ родственники даютъ оставляющей ихъ дѣвушкѣ также средства, чтобы веселѣе пожить въ первые дни брака. Затѣмъ уже является и развивается учрежденіе приданаго, которое имѣетъ уже совсѣмъ другую и болѣе серіозную цѣль, оно должно сначала обезпечить будущность жены, а затѣмъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается опасность развода, оно должно обстановить хозяйство и снабдить его всѣмъ необходимымъ. Тутъ уже прямо проявляется заботливость родственниковъ жены о будущихъ необходимыхъ ея потребностяхъ, они даютъ за женой одну часть, мужъ долженъ поставить другую, и для всѣхъ глазъ должно быть очевидно, что хозяйство будетъ обставлено и нужды въ немъ не будетъ. Самый брачный обрядъ измѣняется въ томъ же смыслѣ. Сначала всѣ средства издерживаются разомъ на брачный пиръ, наклонность это очень долго сохраняется у азіатскихъ народовъ, слѣды ея видны до сихъ поръ, даже у китайцевъ, даже у евреевъ въ Европѣ. Затѣмъ брачный пиръ отступаетъ все болѣе на второй планъ и на первый планъ выходитъ приданая движимость, составляющая постоянное обзаведеніе. Но даже въ настоящее время у русскаго крестьянина брачный пиръ стоитъ въ половину столько, сколько обзаведеніе, а иногда даже сравнивается съ нимъ. То настроеніе неразвитаго человѣка, которое заставляетъ его предпочитать излишнее необходимому, порождаетъ понятіе о наслажденіи. Наслажденіе это не есть

удовлетвореніе необходимому отправленію, напротивъ, какъ скоро отправленіе необходимо, то оно презирается. Если случайно необходимая потребность попадетъ въ число наслажденій, то навѣрное она удовлетворяется или въ излишнемъ размѣрѣ или какимъ-нибудь изысканнымъ способомъ. На золотыхъ промыслахъ крестьянинъ гораздо менѣе охотно работаетъ за деньги, которыя употребляетъ на необходимыя потребности, чѣмъ за водку; капиталисты-эксплуататоры пользуются этимъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и систематически спаиваютъ рабочихъ. Рабочему нерѣдко кажется трудно кормить свою жену, а любовницѣ, какой-нибудь пьяной развратницѣ, онъ отдаетъ послѣдній свой грошъ. На томъ же самомъ уровнѣ развитія у высшаго сословія необходимыя потребности цѣпятся еще ниже, имъ кажется, что стоитъ жить только для удовлетворенія самыхъ искусственныхъ и нелѣпыхъ затѣй, тутъ мы видимъ безпрерывные примѣры, что люди лишаютъ себя жизни только потому, что не могутъ болѣе жить такимъ нечеловѣческимъ и безобразнымъ образомъ. Понятіе о наслажденіи до такой степени укоренилось въ обществѣ, что оно способно сбивать съ толку самыя свѣтлыя личности. Одинъ извѣстный русскій писатель довольно много лѣтъ тому назадъ сказалъ: «Работа не есть наслажденіе, кто можетъ, тотъ не работаетъ.» Однакоже самъ этотъ писатель могъ бы не работать, а работалъ всю свою жизнь и ради этой работы подвергался страданіямъ и непріятностямъ, которыя для него, конечно, вовсе не выкупались вознагражденіемъ. Спрашивается, почему же онъ работалъ, если люди работаютъ только изъ нужды. Извѣстный германскій дѣятель Лассаль писалъ изъ Швейцаріи съ нѣкоторой горечью: «Я и здѣсь также цѣлый день работаю». Но если бы раздѣлить жизнь Лассаля на двѣ половины и на одной помѣстить всю его работу, а на другой всѣ его, такъ называемыя, наслажденія съ красной лисой и т, д., и потомъ дать ему на выборъ ту или другую сторону, то мнѣ не нужно подсказывать читателю, которую изъ двухъ сторонъ онъ бы выбралъ. Всякому извѣстно, какъ часто дѣловые люди заблуждаются такимъ же образомъ и, оставивъ свои занятія, думаютъ насладиться жизнью, но даже при большихъ средствахъ рѣшительно не знаютъ, что дѣлать съ своимъ временемъ. Понятіе о наслажденіи породило воззрѣніе на жизнь, которое раздѣляло ее на двѣ половины, одна состояла изъ наслажденій и для этого-то именно и стоило только жить, а другая изъ усилій, употребляемыхъ для достиженія этихъ наслажденій и составляла темную въ противуположность къ свѣтлой сторонѣ жизни. Такое воззрѣніе, основанное на самомъ неправильномъ анализѣ и обобщеніи, безусловно ложно, но нигдѣ оно не принесло такъ много вреда, какъ въ примѣненіи къ рабочему классу. На работу смотрѣли точно также ошибочно, какъ на добродѣтель и, признавая ее чѣмъ-то непріятнымъ, но необходимымъ, считали нужнымъ создавать для нее искусственные стимулы голода и палки. Народъ обременялся непосильной работой для того, чтобы высшія сословія могли пользоваться тѣмъ, что они называли наслажденіями. Поэтому, когда началась борьба между высшими и низшими сословіями изъ-за

распредѣленія труда и наслажденія, тогда рабочія массы, слѣдуя тому же самому міровоззрѣнію, которымъ заражены были ихъ притѣснители, старались, какъ можно болѣе уменьшить часы своего труда и увеличить наслажденія. «Въ Америкѣ, говоритъ одинъ знаменитый путешественникъ, самый бѣдный гражданинъ смотритъ съ надеждою и завистью на наслажденія богатаго, его воображеніе полно тѣми благами, которыя отказаны ему судьбою... Большая часть богатыхъ тамъ были бѣдны, они знали нужду, они долго боролись съ враждебнымъ рокомъ и теперь, когда они побѣдили, счастье ихъ опьяняетъ, они теряются среди мелкихъ наслажденій, за которыми они гонялись сорокъ лѣтъ». Слова эти никакъ нельзя назвать наблюденіемъ, потому что, какъ наблюденіе, они невѣрны, они не характеризуютъ ни Америки, ни американцевъ, но въ нихъ не трудно увидать сентенцію педанта, который безсознательно отражалъ въ своихъ сочиненіяхъ міровоззрѣніе, окружавшее его съ самаго дѣтства. Современныя высшія сословія, дѣйствительно, считаютъ свой безсмысленный образъ жизни, который есть ничто иное, какъ самое жалкое сплетеніе нелѣпыхъ и искусственныхъ потребностей, жизнью исполненной наслажденій, чѣмъ то, что должно возбуждать величайшую зависть, и они до того часто, и до того постоянно повторяютъ это, что народъ, которому никакими усиліями воображенія невозможно представить себѣ жизнь высшихъ въ истинномъ ея свѣтѣ, вѣритъ имъ и, дѣйствительно, стремится къ тому же, какъ къ какому-то идеалу. Съ точки зрѣнія нашего жалкаго образованнаго сословія, состояніе, гдѣ удовлетворены необходимыя потребности и нѣтъ искусственныхъ—это нужда, это враждебный рокъ, «они знали нужду, они долго боролись съ враждебнымъ рокомъ», и это примѣняется къ спекуляторамъ, которые втеченіи всей своей жизни никогда не должны были ограничиваться удовлетвореніемъ однихъ необходимыхъ своихъ потребностей. Борьба, гдѣ всѣ исходятъ съ такихъ ложныхъ точекъ зрѣнія и ставятъ себѣ такіе обманчивые идеалы, дѣлаетъ крайне затруднительнымъ установить понятіе о ложности разграниченія между трудомъ, необходимыми потребностями и наслажденіями, и создать правильный взглядъ. Однакоже, это неизбѣжно, и мы все-таки попытаемся это сдѣлать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Что такое наслажденіе? — Это есть порожденіе слабости. — Господство нѣги и лѣни есть признакъ самаго низкаго уровня человѣческаго развитія, затѣмъ слѣдуетъ апатическое наслажденіе—зрѣлище, дѣятельное наслажденіе или развлеченіе составляетъ вторую болѣе высокую ступень развитія.—Трудъ, это третья еще болѣе высокая ступень, характеристика переходныхъ моментовъ отъ одной къ другой. — Развлеченіе дѣлается болѣе серіознымъ, обрядная религія, проповѣдь, митингъ, работа — развлеченіе, работа серіозная — стремленіе сдѣлать трудъ свой полезнымъ.— Половыя наслажденія — слабость, даже на самомъ низкомъ уровнѣ развитія потребность не заключается въ одномъ животномъ удовлетвореніи.— Развратъ менѣе всего удовлетворяетъ потребности.—Потребность влюбляться приводитъ также къ недостаточному удовлетворенію и быстро низводится на низшую степень.—Потребность многочисленнаго потомства.— Проявленіе этой потребности у насъ. — Истинная любовь—самая сильная изъ человѣческихъ потребностей и приводитъ къ единоженству.

Когда человѣкъ произноситъ слово: наслажденіе, ему кажется, что это что-то прелестное, возвышенное, увлекающее, это то, что наполнитъ его душу сладкими ощущеніями, безъ него не стоило бы жить, не стоило бы переносить труды и тягости существованія, и наконецъ ему начинаетъ казаться, что наслажденіе это и есть цѣль человѣческаго бытія. Но все это только до тѣхъ поръ, пока онъ произноситъ слово наслажденіе, какъ буддистъ произноситъ слово «нирвана» или идеальное существованіе. Это отдаленное, недосягаемое даже для воображенія, существованіе кажется ему высшей поэзіей, плѣнительнѣйшей прелестью. Но что это такое, въ этомъ онъ не даетъ себѣ отчета; однакоже довольно ясно, что именно только потому нирвана кажется ему исполненнымъ неотразимой прелести, что онъ не даетъ себѣ никакого отчета о содержаніи этого понятія. Если бы онъ попытался это сдѣлать, вся поэзія исчезла бы мгновенно, и онъ бы разсмѣялся надъ своей простотой. «Ему говорили, что самъ Будда остановился лишь на предѣлѣ этой высшей поэзіи, и что же это? это полное ничтожество, исчезновеніе свѣта, угасаніе лампы» — и онъ повѣрилъ такой чепухѣ. Сдѣлайте тоже самое съ понятіемъ наслажденія, подойдите къ нему ближе и прелестный образъ исказится въ отвратительную гримасу. Какое самое главное наслажденіе рабочаго человѣка, то, которое занимаетъ у него самое крупное мѣсто, по крайней мѣрѣ, если взять рабочаго всѣхъ странъ и всѣхъ историческихъ эпохъ? Это лѣнь. Но развѣ лѣнь это наслажденіе? — Это слабость и порожденіе слабости. Рабочій это очень хорошо понимаетъ—лишь только его силы окрѣпнутъ, лишь только онъ выйдетъ изъ той душной сферы, въ которой онъ чахнетъ втеченіи тысячелѣтій, онъ начинаетъ работать и въ новомъ своемъ положеніи чувствуетъ себя

гораздо лучше, чѣмъ въ предъидущемъ; предложите сибиряку жизнь инородца или американцу жизнь бродячаго индѣйца—что онъ вамъ на это скажетъ? Сибирякъ проложилъ кругомъ себѣ дороги, запахалъ окрестныя поля, завелъ себѣ огородъ съ арбузами, скотъ и лошадей; если вы ему предложите бросить все это и удалиться въ тайгу, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ тропинокъ, гдѣ нѣтъ ни вспаханнаго поля, ни даже телѣги, ничего, кромѣ жалкихъ лачугъ, гдѣ населеніе уменьшается отъ постоянной нужды и частаго голода, но гдѣ зато же наслажденіе лѣни процвѣтаетъ—онъ подумаетъ, что вы сошли съума. Про инородца говорятъ, что онъ цѣлую зиму нѣжится въ своемъ тепломъ углу, въ избѣ, въ которой испаришься отъ жару, какъ въ банѣ, если пробыть въ ней полчаса, благо дровъ въ тайгѣ много; но тотъ, кто присмотрится къ нему ближе, скоро увидитъ, что эта такъ называемая нѣга чувство очень тяжелое и совершенно непроизвольное—это слабость, онъ страдаетъ, онъ умираетъ отъ него, но не можетъ его одолѣть. Когда заселяется тайга, когда звѣрь бѣжитъ отъ человѣка въ глухую чернь и чувствуетъ, что владѣнія его дѣлаются все уже, онъ явно страдаетъ, чувствуя свою безпомощность въ борьбѣ съ плодоноснымъ трудолюбіемъ. Медвѣдь вблизи человѣка перестаетъ быть смѣлымъ и гордымъ медвѣдемъ неприступныхъ трущобъ. У самыхъ крайнихъ предѣловъ жилья медвѣдь еще гордо встрѣчается съ путешественникомъ, онъ хотя уже запуганъ, не осмѣливается нападать даже на безоружнаго человѣка, который на него кричитъ, но онъ удерживаетъ его нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, гордо мѣряясь съ нимъ своимъ грознымъ величіемъ; среди жилыхъ мѣстъ онъ только рявкнетъ и бѣжитъ; дюжина медвѣдей убѣжитъ отъ одного безоружнаго человѣка, нападеніе есть актъ отчаянія. Послѣ этого можно ли думать, чтобы дикарь не страдалъ, когда онъ чахнетъ и вымираетъ среди смѣлыхъ тружениковъ, чтобы его лѣнь была для него источникомъ наслажденія, а не неодолимой, гнѣтущей его силой. Стоитъ взглянуть на отношеніе, которое образуется между трудящимся цивилизованнымъ человѣкомъ и погрязнувшимъ отъ лѣни дикаремъ, на неизмѣнно гордое чувство своего превосходства въ цивилизованномъ работникѣ и на гнетущую, заѣдающую зависть дикаря, въ которомъ безпрерывно смѣняются чувства: онъ то плѣняется, то ненавидитъ, то раболѣпствуетъ, то старается поразить благородной гордостью; и не трудно будетъ понять, что-такое его лѣнь, что это не наслажденіе, а тяжкая для него необходимость. Только въ подобныхъ положеніяхъ, гдѣ лѣнь и способность трудиться рѣзко стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, человѣкъ вполнѣ оцѣниваетъ благополучіе этой способности и можетъ понять, до какой степени она дѣлается несравненно болѣе обильнымъ источникомъ счастья. Тутъ онъ только чувствуетъ, что лѣнь это не наслажденіе, а слабость, это фатальное послѣдствіе низшей организаціи, что положеніе человѣка дѣлается тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе онъ способенъ отъ нея избавляться, и что каждый разъ съ того момента, когда онъ начинаетъ подчиняться ея господству, для него начинается паденіе. Сдѣлайте небольшое умственное усиліе и вы поймете, какъ богатый человѣкъ, стремящійся къ нѣгѣ, подтачиваетъ, а не увеличиваетъ

свое счастье, падаетъ, а не возвышается. Лѣнь и нѣга есть самое низшее проявленіе слабости, это первая ступень надъ летаргіей, затѣмъ является потребность въ развлеченіи. Развлеченіе это уже дѣятельность, но дѣятельность, которая требуетъ самаго малаго напряженія способностей. Потребность въ развлеченіи является тогда, когда человѣкъ нетолько чувствуетъ въ себѣ присутствіе силы, но когда эта сила стремится къ развитію и требуетъ дѣятельности. Въ тоже самое время сила эта должна быть такъ недостаточна, что человѣкъ не въ состояніи дать ей направленіе цѣлесообразное. Лѣнь—это свойство, которое въ самыхъ большихъ размѣрахъ встрѣчается между ослабѣвшими старыми людьми, самый большой размѣръ развлеченій встрѣчается между дѣтьми. Жизнь ребенка есть непрерывное развлеченіе. Слабость первой половины жизни человѣка, когда его организмъ развивается, проявляется въ развлеченіяхъ; во второй, когда его силы упадаютъ, эта слабость проявляется въ лѣни. Потребность въ развлеченіяхъ встрѣчается тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ ниже степень развитія человѣка. Вся дикая Африка каждую ночь поетъ и пляшетъ. Чѣмъ болѣе развиваются народы, тѣмъ болѣе уменьшается у нихъ число праздниковъ. Въ Азіи даже у тѣхъ народовъ, которые считаются болѣе благосклонными къ трудолюбію, праздниковъ такъ много, что приходится иногда 21 праздникъ въ два мѣсяца. Какую картину встрѣчаетъ обыкновенно путешественникъ во всѣхъ частяхъ западной Азіи, которая отличается своей бѣдностью и рѣдкимъ населеніемъ! Взрослые люди сидятъ толпою молча и праздно, а дѣти играютъ. На малоазійскихъ островахъ подобная картина точно такъ же постоянно описывается путешественниками; апатическаго малайца даже за значительную плату нельзя заставить перейти къ дѣятельности. Народы, одаренные большею силою, но въ которыхъ потребность къ развитію крайне слаба, ищутъ уже развлеченій, но развлеченій апатическихъ. Апатическій человѣкъ туранскаго племени ищетъ наслажденія въ томъ, чтобы сидѣть неподвижно въ то время, какъ передъ его глазами происходитъ представленіе. Въ Египтѣ, напримѣръ, турокъ болѣе склоненъ къ апатическимъ развлеченіямъ, а коптъ и египетскій феллахъ болѣе къ развлеченіямъ дѣятельнымъ, въ тоже время коптъ и феллахъ представляютъ собою и болѣе совершенный типъ: все, что дѣлается въ Египтѣ, исходитъ отъ этихъ элементовъ, турки служатъ задерживающимъ началомъ; реакціонерныя правительства употребляютъ въ дѣло турокъ, прогрессивные, другіе элементы. Представительница дѣятельнаго развлеченія, танцовщица исходитъ всегда изъ болѣе совершенныхъ племенъ, по Нилу она не турчанка, а египтянка. Если отъ Нила идти на сѣверо-востокъ къ Сибири чрезъ туранскую низменность, то число танцовщицъ будетъ постоянно уменьшаться, и въ тоже время населеніе будетъ дѣлаться все менѣе совершеннымъ, все болѣе бездѣятельнымъ и жалкимъ. Баядерка родилась не въ туранской низменности, а между гораздо болѣе совершеннымъ индѣйскимъ племенемъ. Индѣйцы совершеннѣе египтянъ, египтяне — туранскаго населенія, и именно этому соотвѣтствуетъ дѣятельное развлеченіе и танцовщица, въ Индіи танцовщица точно такой же непремѣн-

ный членъ общины, какъ и старшина. И такъ, вотъ куда насъ приводитъ наблюденіе. Апатія, лѣнь, нѣга—это такъ называемое восхитительное наслажденіе—тѣмъ болѣе наполняетъ жизнь народа, чѣмъ ниже степень его развитія; затѣмъ мы видимъ стремленіе къ апатическому наслажденію, къ зрѣлищу, причемъ турокъ, напримѣръ, считаетъ даже крайне неприличнымъ обнаруживать какой-нибудь признакъ ощущенія, тѣмъ менѣе восторгъ. Болѣе способные къ развитію народы развлекаются живыми движеніями и шумными проявленіями восторговъ, это свойство есть въ тоже время несомнѣнный признакъ большей способности къ труду. Наклонность къ шумному веселью поразительна въ негрѣ, зато же негръ составляетъ нетолько главную рабочую силу въ Африкѣ, но служитъ этой силой и въ Аравіи, и въ Америкѣ. Въ сѣверной Африкѣ, въ Аравіи арабъ бедуинъ лѣниво кочуетъ, а негръ воздѣлываетъ его поля, въ Америкѣ европеецъ слишкомъ часто играетъ роль бездарнаго лѣнтяя, а негръ плодоноснаго труженика. Далѣе мы видимъ, что народъ, развиваясь, начинаетъ тяготиться пустымъ развлеченіемъ, и если онъ, тяготясь апатіей, ищетъ развлеченія, то тяготясь развлеченіемъ, онъ ищетъ болѣе серьезнаго ощущенія. Стремленіе это намъ себѣ очень не трудно уяснить. Повторять безпрерывно всю свою жизнь нѣсколько пѣсень, которыя, напримѣръ, даже у русскаго народа не выходятъ изъ комбинацій изъ одной октавы, или даже пяти нотъ, вращаться постоянно въ предѣлахъ нѣсколькихъ тѣлодвиженій и игръ, это, дѣйствительно, крайне надоѣдливо и скучно. Мы видимъ, что ребенокъ поступаетъ именно такимъ образомъ, и это ему не надоѣдаетъ, но не надоѣдаетъ именно только до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ изъ ребяческой слабости. Какъ скоро человѣкъ захочетъ выйти изъ предѣловъ этой монотонности, онъ неизбѣжно долженъ развлеченіе превратить въ работу; чтобы выработать изъ себя даже такого музыканта, который играетъ на Явѣ на блюдахъ, или танцовщицу—нужно уже работать и работать все болѣе и болѣе усердно, египетская танцовщица требуетъ гораздо болѣе подготовки и таланту, чѣмъ нубійская: какъ скоро человѣкъ захочетъ сдѣлать одинъ шагъ далѣе, его развлеченіе прямо превращается въ трудъ. Трудъ простаго рабочаго, конечно, постоянное повтореніе одного и того же точно такъ же, какъ и его развлеченіе, но въ трудѣ бодрость духа поддерживается цѣлью этого труда. Поэтому, какъ скоро натура рабочаго дѣлается сколько-нибудь сильнѣе, то онъ охотнѣе трудится, чѣмъ развлекается. Чтобы замѣтить это, нужно нѣсколько внимательное наблюденіе, а потому я постараюсь здѣсь это разъяснить. Развлеченіе, т. е. простое повтореніе одной и той же пѣсни, одной и той же пляски и т. д., надоѣдаетъ чрезвычайно скоро и надоѣдаетъ человѣку тѣмъ скорѣе, чѣмъ серьезнѣе, а слѣдовательно, сильнѣе его натура, т. е. чѣмъ онъ способнѣе перейти къ труду. Какъ скоро это случится и человѣкъ не въ состояніи перейти къ труду, или по предразсудку, или чрезъ господство грабительскихъ наклонностей, лишающихъ мужества трудиться, то онъ впадаетъ въ апатію, а чрезъ апатію онъ лишается силы и впадаетъ въ дѣтскую слабость. Вотъ почему мы видимъ у номадовъ гораздо чаще господство апатіи,

чѣмъ господство развлеченія, мало этого, мы видимъ, что тамъ искусственно развлеченіе обращается въ трудъ. Бей каждый день собираетъ своихъ подвластныхъ на стоянки и заставляетъ ихъ пѣть на разные голоса. Тутъ всѣ обманываютъ другъ друга; Бей считаетъ своей обязанностью ихъ заставлять, а они считаютъ своей обязанностью его слушаться. Бей слушаетъ эти пѣсни съ величайшей апатіей, и показываетъ, что это ему крайне надоѣло, его подчиненные показываютъ, что эти пѣсни имъ также крайне надоѣли, и что они поютъ только по принужденію, и такъ идетъ изъ роду въ родъ. Человѣкъ тутъ говоритъ о развлеченіи точно такъ же, какъ онъ говоритъ о трудѣ. Мало этого, если это развлеченіе перестанетъ быть для него трудомъ обязательнымъ или вознаграждаемымъ, то онъ впадетъ въ полную апатію и ослабнетъ до того, что онъ никуда не будетъ способенъ, какъ и его бей, ожирѣвшій и никуда не способный. Но въ этомъ общемъ согласіи играть роль принужденнаго и принуждающаго, мы видимъ прямо проявленіе самосохраненія, потребность не допустить нервы до того, чтобы они ослабли до апатіи. Таковы чувства человѣка, когда онъ переходитъ отъ слабости апатіи къ развлеченію и старается удержаться на этой ступени. На противуположномъ концѣ, когда онъ переходитъ отъ развлеченія къ труду, мы видимъ, что простой праздникъ его уже не удовлетворяетъ, онъ старается перемѣшать его съ трудомъ и, наконецъ, онъ труду придаетъ праздничный характеръ. Степной русскій крестьянинъ гораздо чаще сходится на помочь, чѣмъ на праздникъ; сѣнокосъ, жнитво превращается въ праздникъ; на золотыхъ промыслахъ онъ въ праздникъ работаетъ за угощенье, точно такъ же, какъ на помочи. Чѣмъ болѣе работникъ втягивается въ работу, тѣмъ болѣе онъ стремится работать прямо для цѣли, а не для развлеченія; въ промышленныхъ губерніяхъ крестьянинъ ненавидитъ охотниковъ работать на помочахъ, ему нужны деньги за работу; на золотыхъ промыслахъ, рабочая артель изъ нижегородской губерніи презираетъ тѣхъ, которые работаютъ за угощеніе. Работникъ промышленныхъ губерній уже понимаетъ, что работа-развлеченіе тянетъ его внизъ. Если человѣку, стоящему на степени страсти къ развлеченію, тяжко и скучно въ сферѣ безжизненной апатіи, то человѣку, стоящему на степени труда, точно такъ же тяжко и неловко въ сферѣ развлеченія; изъ этихъ чувствъ мы видимъ, какъ каждый изъ нихъ переросъ низшую ступень. Далѣе мы видимъ въ человѣкѣ постоянное стремленіе, на всѣхъ ступеняхъ, развлеченію своему придавать серьезный характеръ. Поэтому праздникъ получаетъ характеръ религіозный, и опять-таки на этомъ пути человѣкъ доходитъ до того, что его развлеченіе превращается въ трудъ, сначала его богослуженіе состоитъ изъ однихъ церемоній, затѣмъ проповѣдь начинаетъ играть нѣкоторую и, наконецъ, первостепенную роль. Народъ пріобрѣтаетъ страсть къ проповѣдямъ, проповѣдники говорятъ по шести, по восьми часовъ и болѣе, проповѣдуютъ при каждомъ случаѣ и во всякое время. Затѣмъ митингъ начинаетъ вытѣснять проповѣдь, оживленныя пренія митинга составляютъ для американца и даже для женщины лучшее зрѣлище, ораторъ дѣлается народнымъ героемъ, въ народѣ является потребность, ко-

торую американцы называютъ страстью слушать, и это порождаетъ, въ свою очередь, охоту къ серьезному чтенію. Рядомъ съ этимъ идетъ другая еще болѣе важная перемѣна. Когда силы рабочаго человѣка крѣпнутъ, то трудъ дѣлается для него занимательнѣе и привлекательнѣе развлеченія, но вѣдь трудъ этотъ точно такъ же однообразенъ, и такъ какъ результатъ достигается только постоянными усиліями, то онъ утомительнѣе развлеченія; его прелесть, сравнительно съ развлеченіемъ, заключается въ томъ, что развлеченіе, кромѣ однообразія, безцѣльно, а трудъ имѣетъ цѣль. Ясно, что въ этой цѣли будетъ заключаться вся суть. Чѣмъ ниже степень развитія человѣка, тѣмъ ниже та цѣль, для которой онъ согласенъ работать. На низкихъ ступеняхъ развитія человѣкъ несравненно менѣе тяготится рабствомъ и барщинами, и несравненно охотнѣе работаетъ изъ подъ неволи, чѣмъ впослѣдствіи. Въ Африкѣ случается, что рабы считаютъ себя лучше свободныхъ только потому, что они люди труда. Въ Россіи въ глухихъ мѣстахъ барщинная работа почти не отличалась отъ вольнаго труда, но въ промышленныхъ разница была уже громадная. Только этимъ объясняется, какимъ образомъ въ прежнія времена барщиннымъ трудомъ возможно было воздвигать цѣлые города, устроить такую организацію труда, какъ въ царствѣ инковъ, построить пирамиды и совершить невѣроятный подвигъ постройки великой китайской стѣны. Трудъ въ это время находился въ томъ же положеніи, какъ установляющееся обычаемъ невольное развлеченіе. Это переходное время отъ человѣка развлеченія къ человѣку труда, поэтому и развлеченіе играетъ въ его жизни, напр. въ жизни негра, еще огромную роль. Мало по малу не только рабскій трудъ начинаетъ возбуждать негодованіе въ человѣкѣ, но всякая организація труда, при которой его произведенія служатъ въ значительныхъ размѣрахъ удовлетворенію искусственныхъ потребностей: наемникъ ненавидитъ свое положеніе не менѣе раба. Пока рабъ не началъ ненавидѣть своего положенія, мы видимъ, что самый утонченный трудъ можетъ быть въ рукахъ рабовъ, ученый рабъ воспитываетъ дѣтей своего господина, иногда наслѣдниковъ владѣтельнаго князя, онъ дѣлается государственнымъ человѣкомъ, онъ медикъ, астрономъ и проч.; но въ то время, когда ненависть эта достигла крайнихъ предѣловъ и наступилъ моментъ уничтоженія этого учрежденія, даже самыя простыя работы дѣлается невыгоднымъ исполнять съ помощью рабовъ, имъ нельзя ввѣрять сколько нибудь совершенныя орудія труда; близъ мехиканскаго залива для воздѣлыванія земли употреблялся самый первобытный плугъ, неграмъ рабамъ нельзя было ввѣрять лошади, нужно было работать съ помощью мула, котораго труднѣе испортить небрежнымъ обращеніемъ. При наемномъ трудѣ произведенія употребляются цѣлесообразнѣе, чѣмъ при рабскомъ, поэтому вообще условія для этого труда благопріятнѣе. Рабъ ученый даже тогда, когда онъ нисколько не возмущался своимъ рабствомъ, никогда не могъ работать такъ успѣшно, какъ ученый наемникъ; но если современный профессоръ лучше ученаго раба, то его положеніе наемника все таки имѣетъ громадное на него вліяніе, оно мѣшаетъ научной правдивости всего сословія и заставляетъ кривить науку

ради наемной платы. Это положеніе неизбѣжно должно показаться наконецъ ученому унизительнымъ, и онъ пожелаетъ такого, гдѣ бы ему не приходилось быстро мѣнять фронтъ, ради мѣстечка или чина гофрата. Наемный работникъ точно также чувствуетъ себя въ болѣе нормальномъ положеніи чѣмъ рабъ, поэтому онъ внимательнѣе раба и къ своей работѣ и къ ея орудіямъ, съ которыми работаетъ. Наемнымъ работникамъ можно поручать болѣе совершенныя орудія чѣмъ рабамъ; но наемникъ точно также со временемъ начинаетъ тяготиться тѣмъ, что произведенія его труда получаютъ безсмысленное употребленіе и въ огромныхъ размѣрахъ служатъ удовлетворенію искусственныхъ потребностей. Прелесть труда по сравненію съ развлеченіемъ, которая заключается въ его цѣли, утрачиваетъ свое значеніе, онъ начинаетъ тяготиться имъ точно также, какъ прежде рабъ, и точно также, какъ рабъ, мститъ своему нанимателю небрежностью. Поэтому контракты съ рабочими, съ цѣлью воспрепятствовать имъ растрачивать матерьялъ и портить орудія труда, должны дѣлаться все болѣе отяготительными. Вырабатывается наконецъ капиталистами цѣлый уголовный кодексъ, но и этотъ уголовный кодексъ имъ ничего не поможетъ, придется разстаться съ наемнымъ трудомъ. Потребность имѣть свои произведенія въ своихъ рукахъ все болѣе возрастаетъ у рабочаго. Въ Сингапурѣ, гдѣ двѣ трети населенія состоитъ изъ китайцевъ, оказывается, что китаецъ, въ качествѣ наемника, работаетъ съ величайшимъ отвращеніемъ и очень мало годенъ къ труду, но какъ скоро онъ работаетъ въ качествѣ компаніона и имѣетъ участіе въ барышахъ, онъ дѣлается неутомимымъ, дѣятельностью, ловкостью и постоянствомъ превосходитъ работниковъ всѣхъ разнородныхъ національностей, которыя тамъ стекаются; онъ терпѣть не можетъ работать у европейцевъ, у этихъ извѣстныхъ охотниковъ забирать работника и его произведенія въ свои руки, онъ всѣми силами старается пристроиться у своего земляка; оборванный, голодный онъ оставилъ свою родину, гдѣ чрезъ несчастное стеченіе обстоятельствъ онъ былъ послѣднимъ изъ людей, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ превращается въ чистоплотнаго, здороваго работника и часто достигаетъ благосостоянія. Я полагаю, что этого изложенія достаточно, чтобы наглядно показать, какимъ образомъ человѣчество должно постоянно переходить отъ удовлетворенія искусственныхъ къ необходимымъ потребностямъ. Инстинкты работника пробуждаютъ въ немъ стремленіе не выпускать изъ своихъ рукъ произведеній своего труда, съ тѣмъ, чтобы давать имъ направленіе къ удовлетворенію необходимыхъ, а не искусственныхъ потребностей; но для того, чтобы онъ былъ въ состояніи это дѣлать, ему необходимо жить міровою жизнью, онъ не можетъ достигнуть этой цѣли, пока онъ не будетъ имѣть яснаго понятія объ устройствѣ человѣческаго общества, а для этого ему нужно высокую степень образованія. Такимъ образомъ образованіе является для него не искусственною, а совершенно необходимою потребностью, безъ него онъ не можетъ перейти отъ развлеченія къ труду, удержаться въ сферѣ труда, сдѣлать его цѣлесообразнымъ и достигнуть того, что всякій родъ труда будетъ получать одинаковое вознагражденіе и разница будетъ происхо-

дить только отъ искусства и прилежанія въ той же самой сферѣ. Весь этотъ путь составляетъ для работника менѣе всего процессъ непрерывнаго нормальнаго развитія; напротивъ, развитіе это часто дѣлается труднымъ, встрѣчаетъ неодолимыя препятствія, и тогда проявляется въ немъ наклонность опуститься въ болѣе низкую сферу, эта наклонность проявляется неизмѣнно стремленіемъ къ искусственнымъ потребностямъ. Пьянство, распутство, страсть къ нарядамъ всегда характеризуетъ подобное состояніе. Здоровый работникъ питаетъ ненависть и отвращеніе къ этимъ наклонностямъ и называетъ ихъ слабостями. Сила его чувствъ достаточно показываетъ, что онъ видитъ въ этомъ грозящую для себя опасность, отъ которой бѣжитъ, какъ отъ заразительной болѣзни. Образованное общество не понимаетъ этого, не понимаетъ, что эта наклонность является въ немъ только тогда, когда онъ встрѣчаетъ препятствіе на пути своего развитія или когда онъ его хочетъ ненормально облегчить. Стремленіе къ пьянству, къ распутству, къ нарядамъ и къ эфектному является вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя порождаютъ стремленіе къ развлеченіямъ—это дѣятельность недоразвившейся силы. Мы видѣли, что развлеченіе—это дѣятельность, которая удовлетворяетъ ребенка постоянно, а взрослаго человѣка только до тѣхъ поръ, пока силы его не разовьются, и тогда она переходитъ въ трудъ, сначала съ неудовлетворительной, а потомъ и съ удовлетворительной цѣлью, т. е. уже въ полное и нормальное проявленіе силы. Это могло, конечно, насъ вполнѣ разочаровать на счетъ прелести развлеченія и показать намъ, что оно вовсе не есть та цѣль, для которой стоитъ человѣку жить. Если мы тотъ же самый методъ изслѣдованія примѣнимъ напр. къ распутству, то мы увидимъ, что распутство, точно также какъ многоженство даетъ гораздо меньшее удовлетвореніе полной потребности, чѣмъ нормальная семейная жизнь. Всѣ помянутыя способы удовлетворенія вытекаютъ изъ того, что человѣкъ, почувствовавъ первое побужденіе, не отдаетъ себѣ полнаго отчета въ говорящей въ немъ потребности, а удовлетворяетъ ей какъ попало, первымъ практическимъ пріемомъ, не думая о послѣдствіяхъ. Ему скучно, онъ напивается пьянъ, онъ чувствуетъ потребность нравиться, производить впечатлѣніе и онъ рядится, онъ чувствуетъ животное побужденіе и удовлетворяетъ ему. Человѣкъ, представляя себѣ жизнь безъ семьи, свободныя половыя отношенія, воображаетъ себя въ кругу красавицъ, которыя попеременно возбуждаютъ и удовлетворяютъ его страсти; при этомъ составляется точно такое же ложное понятіе о страсти, какъ и способъ ея удовлетворенія. Если мы будемъ наблюдать двѣ деревни, находящіяся для ясности въ одинаковомъ, напр. уединенномъ, положеніи, изъ которыхъ въ одной данъ полный разгулъ страстямъ, а въ другой господствуетъ строгая семейная жизнь, то мы скоро убѣдимся, что въ послѣдней даже чисто животная потребность находитъ гораздо болѣе полное удовлетвореніе. При развратѣ такое удовлетвореніе неправильно, сопряжено съ лишеніями, со страданіями, какъ физическими, такъ и нравственными, порождаетъ много ненависти, плодитъ лѣнь и искуственныя потребности — однимъ словомъ, оно на-

сильственно низводитъ людей съ ступени правильнаго труда на ступень развлеченія. Когда человѣкъ произноситъ слово развратъ, то его воображенію представляется идея излишества, — человѣкъ, окруженный толпою роскошныхъ и плѣнительныхъ женщинъ, которыя заискиваютъ его ласки; когда историкъ называетъ народъ развратнымъ или войско, предающееся разгулу, то читатель представляетъ себѣ удовлетвореніе сладострастія въ крайнемъ излишествѣ — представленіе до такой степени ложное, что невольно засмѣешься, если его сравнить съ дѣйствительностію. При развратѣ и разгулѣ человѣкъ удовлетворяетъ своему сладострастію также, какъ дикарь своему голоду. Онъ ѣстъ то одно мясо, то одну рыбу, то какой нибудь корень; сегодня онъ сытъ чрезмѣрно, а завтра чрезмѣрно голоденъ. Въ развратной средѣ женщина въ пятнадцать лѣтъ уже совершенно уничтоженное, опустившееся существо. Сегодня потребность совершенно неудовлетворена, завтра удовлетворена въ такомъ излишествѣ, что приводитъ къ болѣзни. Солдатъ, вотъ человѣкъ, который удовлетворяетъ своей потребности развратомъ; всякому извѣстно, считается ли у насъ желательнымъ сдѣлаться солдатомъ или солдаткой. Фабрики, которыя плодятъ развратъ, внушаютъ крестьянамъ родъ ужаса. Одна изъ причинъ, почему фабричные, половые, прислуга получаютъ плату, часто втрое превышающую крестьянскій заработокъ, заключается въ вознагражденіи за лишенія, сопряженныя съ развратомъ. Но это только одна сторона дѣла. Сладострастіе составляетъ только часть всей потребности человѣка. Такъ какъ мы видимъ, что животныя въ половыхъ своихъ отношеніяхъ не ограничиваются удовлетвореніемъ своего сладострастія, то намъ нужно очень убѣдительныя доказательства, чтобы повѣрить, что есть люди, которые стоятъ на такой степени развитія. Временные браки, мужья, которые предлагаютъ своихъ женъ гостямъ, еще не доказываютъ этой степени. Кромѣ животной потребности, мы видимъ еще способность влюбляться. Мы видимъ, что человѣкъ даже на весьма низкой ступени развитія не увлекается голымъ удовлетвореніемъ животной потребности, а, напротивъ, презираетъ его; женщина, которая удовлетворяетъ только этой потребности, стоитъ въ его глазахъ очень низко. Для того, чтобы въ его глазахъ это удовлетвореніе получило прелесть наслажденія, необходимо, чтобы онъ влюбился. Самое это чувство есть уже порожденіе потребности въ болѣе прочной связи, и обстановка, при которой оно является, ясно показываетъ его тѣсную связь съ инстинктами міровой жизни. По тому, какъ проявляется это чувство, мы можемъ судить о будущности расы, о природной ея силѣ и о роли, которая ей предназначена въ исторіи. На самой низкой своей ступени любовь есть порожденіе случайно сильно возбужденнаго сладострастія; она очень скоро проходитъ послѣ удовлетворенія, и на женщину сохраняется взглядъ самый циническій. За тѣмъ мы видимъ любовь, которая поддерживается тщеславіемъ, т. е. уже инстинктомъ міровой жизни или естественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ, превосходствомъ женщины. На извѣстной степени развитія человѣкъ способенъ влюбляться только въ такую женщину, которая имѣетъ надъ нимъ рѣшительный нравственный перевѣсъ

или которая дѣйствуетъ на его воображеніе знатностью своего происхожденія или другимъ ореоломъ, удовлетворяющимъ его самолюбію. На востокѣ знатность въ дѣлѣ любви имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ красота. Жена даже такого звѣря, какъ аббисинскій императоръ Федоръ, долго имѣла его въ рукахъ только впослѣдствіи ореола своей знатности и утратила это вліяніе только потому, что она не могла въ себѣ одолѣть чувства презрѣнія къ нему по причинѣ его низкаго происхожденія. Такимъ образомъ создается прочная связь, которая можетъ продержаться на всю жизнь. Чѣмъ чаще встрѣчается случай, гдѣ смѣсь сладострастія и инстинктовъ міровой жизни питаетъ это чувство, тѣмъ чаще встрѣчается прочная любовь. У народовъ, гдѣ нѣтъ гаремной жизни, гдѣ женщины ходятъ открыто и показываются публично, подобныя привязанности встрѣчаются чаще, потому что женщина имѣетъ гораздо болѣе случаевъ возбуждать въ свою пользу общественное мнѣніе и тѣмъ поддерживать чувства своего мужа. Если человѣкъ на самомъ низкомъ уровнѣ своего развитія часто стремится насытить одно животное свое побужденіе, полагая, что въ этомъ заключается вся его потребность, то, развившись до слѣдующей ступени, онъ старается точно также поступать съ своимъ чувствомъ любви. Идеалъ его жизни будетъ заключаться въ томъ, чтобы постоянно влюбляться и, удовлетворивъ одной страсти, переходить потомъ къ другой; въ его понятіи наслажденіе заключается въ томъ сильномъ возбужденіи, которымъ сопровождается состояніе влюбленнаго. Мы видимъ, что такое воззрѣніе у расъ, которыя или вовсе не имѣетъ будущности, или которыхъ будущее сомнительно, можетъ сохраниться даже на высокой степени цивилизаціи. Въ романахъ народовъ западной цивилизаціи подобное воззрѣніе сильно вліяетъ на воображеніе романистовъ и поэтовъ и еще недавно оно господствовало исключительно; въ романской расѣ, которая обнаруживаетъ менѣе жизненной силы, чѣмъ германская и славянская, оно замѣчается въ несравненно большей степени; въ той же самой расѣ оно дѣйствовало съ большею силою въ классѣ общества падающемъ и безъ будущности,—такъ въ XVIII вѣкѣ французская аристократія находилась подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ этого настроенія, чѣмъ среднее сословіе. Но если человѣкъ скоро замѣчалъ, что при удовлетвореніи одному первому животному побужденію его потребности оказывались, наконецъ, гораздо менѣе удовлетворенными, чѣмъ при удовлетвореніи правильномъ и нормальномъ, то онъ могъ сдѣлать тоже самое наблюденіе и при удовлетвореніи своихъ потребностей путемъ свободной любви. Свобода любви, когда она имѣетъ цѣлью наполнить жизнь людей влюбленными ощущеніями и не идти далѣе, какъ вполнѣ доказывается наблюденіемъ, нигдѣ и никогда не могла даже удержаться или принять какую-нибудь опредѣленную форму быта; она тотчасъ же вырождается въ самый грубый и циническій развратъ, гдѣ человѣкъ нисходитъ до удовлетворенія одной животной потребности, и при томъ удовлетворенія неполнаго, ненормальнаго и мучительнаго. Причина очень понятная, восторженное состояніе влюбленнаго порождается страстнымъ желаніемъ не вообще какой-нибудь связи, а

связи съ опредѣленнымъ, особенно плѣнительнымъ субъектомъ и притомъ только подъ условіемъ препятствія или страха потери. На практикѣ оказывается, что подобное препятствіе могутъ представить только нѣсколько особенно плѣнительныхъ женщинъ, а остальныя вѣшаются мужчинамъ на шею, и даже для простаго удовлетворенія животной потребности изгоняютъ плодъ, интригуютъ и дѣйствуютъ такъ, что неспособны внушать ничего, кромѣ презрѣнія и отвращенія. Плѣнительныя женщины, въ свою очередь менѣе всего имѣютъ свободный выборъ — онѣ волею и неволею достаются болѣе сильному, который въ свою очередь не можетъ питать къ нимъ никакой привязанности или питаетъ къ нимъ родъ презрѣнія, потому что онъ достигъ своей цѣли не любовью, а устрашеніемъ. Въ окончательномъ результатѣ выходитъ, что наслажденіе любви составляетъ случайность несравненно болѣе рѣдкую, чѣмъ въ обыкновенномъ бракѣ, и господствуетъ циническое, мучительное и недостаточное удовлетвореніе одной животной потребности. Это еще не все, если у человѣка выше животной потребности стоитъ неразрывно-связанная съ нею потребность любви, то съ этой страстью въ свою очередь связана страсть къ многочисленному потомству. У расъ, имѣющихъ свою будущность, начиная съ самыхъ низкихъ степеней развитія, эта страсть является намъ господствующею надъ побужденіями сладострастія и любви. Человѣкъ, принадлежащій къ подобной расѣ, отличается именно тѣмъ, что онъ и раньше, и энергичнѣе другихъ усиливается подчинять страдострастіе и любовь страсти къ многочисленному потомству. Отсюда выходитъ цѣлый рядъ чувствъ и стремленій, которыя характеристически обрисовываются въ исторіи. Человѣкъ гордится многочисленностью своего рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего семейства. Каждый членъ рода принимаетъ участіе въ этой гордости и гордится нетолько многочисленностью своего собственнаго семейства, но и семейства каждаго изъ своихъ родичей. Основанная на этомъ чувствѣ семейная и родовая связь становится выше той, которую создаютъ сладострастіе и любовь. Китайцы превзошли числомъ всѣ племена земли и цивилизаціей всѣ племена Азіи и Африки, за тоже сильная родовая связь, наклонность жить большими семействами, гордиться многочисленностью рода и семьи живо сохранилась у нихъ при населеніи неслыханной густоты. У расъ, которыя играли великую роль въ исторіи, но разбиты превратностями судьбы, подобныя чувства могли сохраниться послѣ того, какъ онѣ втеченіи вѣковъ не имѣли болѣе ни самостоятельности, ни отечества; остатки нѣкогда столь славнаго симетическаго племени—евреи, смѣшанная раса армянъ до сихъ поръ гордятся многолюднымъ семействомъ и родомъ, какъ когда-то при Яковѣ. Еврей, какъ человѣкъ прежней, низкой цивилизаціи, смотритъ на женщину съ презрѣніемъ, а между тѣмъ семейная любовь между евреями чаще, чѣмъ у насъ; мнѣ невольно бросался въ глаза фактъ, что еврей стараго закала гораздо болѣе проводитъ времени съ своей женою, чѣмъ всѣ другія племена той же мѣстности, что у евреевъ и армянъ внѣ своего рода часто почти нѣтъ знакомства, и это вполнѣ совпадало съ поразительнымъ многолюдіемъ семействъ. Христіанство, вводя между герман-

цами римскіе обычаи, воззрѣнія расы, которая дѣлалась уже безплодною и погибала, встрѣтило большое сопротивленіе, когда оно стало разбивать родовыя связи. Германцы не могли отучиться даже смотрѣть на свое имущество, какъ на общее родовое достояніе. Завѣщаніе было неизвѣстно германцамъ, свѣтская власть безуспѣшно стремилась его ввести, и это удалось только духовенству. Мы видимъ, что о будущности расы можно даже прямо судить потому вниманію, съ которымъ она относится къ семейнымъ чувствамъ, и которое указываетъ на силу этихъ чувствъ. Даже если сравнивать двѣ великія расы, то болѣе великая роль выпадетъ на долю той, которая способна поставить семейство въ самыя благопріятныя условія, отнять у него какъ можно болѣе суровости или равнодушія къ своимъ членамъ и создать въ немъ какъ можно болѣе задушевности. Карфагеняне были несомнѣнно великій народъ, но ихъ семейныя чувства были все еще такъ мало развиты, что они способны были приносить своихъ дѣтей на жертву богамъ; римлянинъ слишкомъ любилъ своихъ дѣтей, чтобы приносить подобныя жертвы, за тоже римляне и взяли надъ ними верхъ. Римъ славился своимъ честнымъ и глубо-нравственнымъ семействомъ, но это семейство очень долго было суровое, оно основано было нетолько на власти, но на деспотической власти отца—условіе менѣе всего благопріятное для развитія. Такое же суровое, деспотическое семейство мы встрѣчаемъ и у древнихъ германцевъ; родившійся ребенокъ кладется передъ отцемъ и онъ рѣшаетъ быть ему или не быть; но замѣчательна быстрота, съ которой эти дикари переходили къ болѣе благопріятнымъ условіямъ. Очень скоро германское семейство рѣзко оттѣнилось отъ азіатскаго и даже отъ римскаго тѣмъ, что его права вовсе не поглощались вполнѣ отцомъ семейства, а каждый членъ имѣлъ свои права. Власть отца семейства не была вѣчная, какъ въ Римѣ, а она прекращалась тотчасъ, какъ скоро сынъ достигалъ совершеннолѣтія. Начало это рано проводилось очень далеко, — по весьма древнему испанскому обычному праву (знаменитый Грагасъ). даже въ двѣнадцать лѣтъ сынъ могъ освободиться отъ родительской власти, лишь-бы онъ умѣлъ защищать свое имущество и свою жизнь, стрѣлять изъ лука и владѣть щитомъ. Какъ скоро сынъ женится или обзаведется хозяйствомъ, онъ считается вполнѣ самостоятельнымъ. Тѣсно связана съ этимъ стремленіемъ давать членамъ семейства большую самостоятельность ранняя наклонность къ единоженству. Многоженство есть прямое послѣдствіе самаго низкаго развитія въ народѣ потребностей любви. Это первая ступень надъ тѣмъ состояніемъ, когда мужъ предлагаетъ гостю тѣло своей жены. Когда Магометъ увидалъ нагую жену одного изъ своихъ сподвижниковъ и плѣнился ея прелестью, тогда мужъ поспѣшилъ предложить ее пророку въ жены. Авраамъ два раза выдавалъ свою жену за сестру: разъ, чтобы предложить ее египетскому государю, а другой разъ—королю Абамелеку. Исаакъ точно также поступаетъ съ своей женой и т. д. Вотъ вторая ступень. Мужъ совершенно не способенъ угощать своей женой, онъ ее ревнуетъ и окружаетъ евнухами, но сейчасъ же готовъ уступить ее, чтобы заискать расположеніе сильнаго. Многоженство можетъ только потому дер-

жаться и не возбуждать всеобщаго негодованія, что человѣкъ изъ народа низко цѣнитъ счастье любви, цѣнитъ его не выше всякого другого имущества, и если у сильныхъ скопляется имущество въ крайнемъ излишествѣ, то ему кажется естественнымъ уступать имъ женщинъ въ тѣхъ же размѣрахъ. Въ женщинѣ, съ другой стороны, также не предполагается никакого стремленія къ прочнымъ связямъ и къ любви; предполагается, что она готова себя продать каждую минуту—отсюда варварское искусственное сращиванье дѣторождныхъ частей для сохраненія дѣвственности. Въ самомъ цивилизованномъ изъ азіатскихъ государствъ, въ Китаѣ, мы видимъ первое понятіе о любви; китаецъ начинаетъ понимать ничтожество отношенія къ женщинѣ безъ любви, поэтому ревность уменьшается. Только одинъ богдыханъ имѣетъ право на гаремъ съ евнухами, но за то же богдыханъ выбираетъ лучшихъ изъ дочерей своихъ сановниковъ для своего гарема и, по достиженіи двадцати пяти лѣтняго возраста, отсылаетъ ихъ обратно родителямъ. Остальные многоженцы, кромѣ ровной имъ по состоянію первой жены, нерѣдко набираютъ своихъ женъ изъ публичныхъ женщинъ и снисходительно смотрятъ на ихъ невѣрность. Но все-таки народъ уже менѣе всего расположенъ къ многоженству и часто говоритъ объ немъ съ ненавистью. Чтобы понять весь прогрессъ, который былъ совершенъ въ этомъ отношеніи въ Китаѣ, мы должны обратиться къ первоначальнымъ воззрѣніямъ на многоженство. Въ Китаѣ только одинъ государь можетъ имѣть гаремъ съ евнухами, а въ западной Африкѣ, въ царствѣ Ашантіевъ, государь, если онъ не хочетъ унизить себя, долженъ имѣть 3,333 жены, и всякій изъ его вельможъ тѣмъ болѣе возвышается въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ женъ, и только одно опасеніе оскорбить гордость высшаго заставляетъ подчиненнаго имѣть ихъ меньше. Поэтому они высасываютъ нетолько лучшихъ женщинъ своей страны, но и сосѣдей. Интересно слѣдить, какъ развивались воззрѣнія и семейныя чувства во время среднихъ вѣковъ. Инстинктъ народа сильно располагаетъ его къ единоженству, и на этомъ духовенство основало свое вліяніе. Извѣстно, что сначала даже высшія духовныя лица дозволяли себѣ многоженство. Раба считалась въ полномъ распоряженіи своего господина, и онъ могъ располагать ея тѣломъ во всякое время, какъ ему было угодно. Духовенство, однакоже, очень скоро замѣтило, что, исходя отъ такихъ началъ, оно никакимъ образомъ не можетъ успѣшно бороться съ могущественнымъ военнымъ сословіемъ, потому что не будетъ имѣть корней въ народѣ. Поэтому оно ударилось прямо въ противуположную сторону. Оно стало проповѣдывать аскетическое воздержаніе и смиреніе. Оно стригло свои волосы въ знакъ своего равенства съ рабами и установило въ своей средѣ безбрачіе. Интересно припомнить проявленіе этихъ стремленій въ исторіи. У египтянъ духовенство доходитъ до единоженства, у буддистовъ духовенство безбрачно, а міряне многоженцы, у христіанъ безбрачіе духовенства и единоженство. Христіанское духовенство проповѣдывало противъ связей не благословенныхъ церковью, настаивало на томъ, чтобы люди жили въ бракѣ, и провозглашало вѣчность и неразрывность этого брака. Оно породило

исключительное господство единоженства и уничтожало воззрѣніе, что господинъ имѣетъ полное право на тѣло своей рабыни. Подъ его вліяніемъ право на тѣло зависимой женщина превратилось въ право первой ночи. Прекращеніе вѣчнаго права на тѣло и превращеніе его въ право первой ночи было прогрессомъ въ томъ же родѣ, какъ прекращеніе права на жизнь съ оставленіемъ права на тѣло. Оно настаивало на законности брака между зависимыми людьми и рабами; уже въ 813 году шалонскій соборъ заявлялъ, что человѣкъ не имѣетъ права разрушать то, что соединилъ Богъ; если мужъ принадлежитъ одному господину, а жена другому, то господа все-таки не имѣютъ права разорвать ихъ связь, и они должны служить своимъ владѣльцамъ, оставаясь вмѣстѣ. Что духовенство, дѣйствуя въ этомъ направленіи, дѣйствовало совершенно въ духѣ народа, это ясно видно изъ того, что народъ шелъ по тому же самому пути далѣе духовенства и обнаруживалъ все болѣе развивающуюся въ немъ потребность прочной любви и дружбы въ семействѣ — это привело въ рабочемъ классѣ къ понятію объ общемъ имуществѣ мужа и жены. Въ особенности имущество, пріобрѣтенное во время брака, считалось общимъ. Такими обычаями въ особенности отличались зависимые люди, прикрѣпленные къ землѣ, а высшіе классы сопротивлялись ихъ введенію. Отсюда вытекъ поощряемой церковью обычай законной части жены послѣ смерти мужа; эта законная часть въ рабочемъ классѣ составляла половину имущества мужа. Энергическое стремленіе рабочихъ классовъ обезпечить себѣ постоянную любовь рано уничтожило геникеи и все похожее на гаремную жизнь. Въ Англіи во время англо-саксонскаго господства геникеи еще процвѣтали. Это было еще время права на тѣло. Но во время норманскаго завоеванія историки замѣчаютъ, что самая поразительная перемѣна въ состояніи женщины этого времени заключалась въ незначительномъ числѣ дворовыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Начиная отъ королевскаго дворца и до послѣдняго замка, женская прислуга встрѣчалась только въ дѣтской и въ спальнѣ госпожи, говорятъ историки. Зависимыхъ женщинъ было не мало, но онѣ работали внѣ дома и жили отдѣльно въ хижинахъ. Послѣдній слѣдъ гаремной жизни и конкубината мы видимъ въ Тулузѣ въ XIII столѣтіи. Рядомъ съ этимъ ни одинъ родъ рабской зависимости не возбуждалъ такъ рано и такого глубокаго негодованія, какъ право первой ночи. Всюду оно исчезало ранѣе другихъ; въ Шотландіи, гдѣ оно превратилось въ особый сборъ, его уже не было въ XI столѣтіи; утверждаютъ, что въ Англіи оно встрѣчалось только въ очень немногихъ мѣстахъ. Все это факты, на которые стоитъ обратить вниманіе. Это показываетъ намъ, до какой степени человѣкъ цѣнилъ потребность постоянной любви выше права распоряжаться своимъ трудомъ и давать ему полезное направленіе. Нельзя не сознавать вѣрности этого инстинкта, если подумать, что постоянная любовь и связанное съ нею воспитаніе дѣтей въ семействѣ составляетъ первое и самое главное средство для выполненія человѣкомъ его назначенія,—плодить жизнь на землѣ. Въ то время, какъ средневѣковый работникъ уступалъ массы произведеній своего труда высшимъ сословіямъ для безпутнаго употреб-

ленія, и точно такъ же, какъ азіатъ, полагалъ, что это именно такъ и должно быть, онъ энергически стремился установить равенство между высшими и низшими по отношенію къ постоянной любви; владѣлецъ могъ быть въ тысячу, въ десять тысячъ разъ богаче зависимаго человѣка, но онъ не могъ, подобно азіату, имѣть тысячу и десять тысячъ женъ, а точно такъ же одну жену, какъ и послѣдній крестьянинъ. Это первое чувство равенства, возникающее въ человѣкѣ. Если мы обратимся къ жизни дикарей, то мы, дѣйствительно, увидимъ, что у нихъ невниманіе къ вліянію на свой трудъ можетъ быть точно такъ же велико, какъ и невниманіе къ семейству. На западномъ берегу Африки негры племени Крусъ смотрятъ на дѣло именно такимъ образомъ. Человѣка вознаграждаютъ за его трудъ имуществомъ и женами. Каждый разъ, когда онъ окажетъ услугу обществу, ему даютъ жену. Человѣкъ, который оказалъ обществу много услугъ, и получилъ за это много женъ, говоритъ: я ихъ пріобрѣлъ честнымъ трудомъ. Тотъ, кто умеръ, оставивъ такимъ образомъ много имущества и много женъ, внушаетъ къ себѣ особое уваженіе—про него говорятъ, что онъ оставилъ послѣ себя великое имя. Въ Дагомеѣ это воззрѣніе развилось такимъ образомъ, что государь считается владѣльцемъ всего имущества и всѣхъ женъ въ государствѣ; онъ продаетъ женъ всѣмъ своимъ подданнымъ точно такъ же, какъ онъ раздаетъ имъ имущество, и такъ какъ человѣкъ возвышается въ общественномъ мнѣніи, имѣя много женъ и много имущества, то онъ наблюдаетъ, чтобы каждый имѣлъ и того, и другого именно на столько, на сколько онъ ему полезенъ, и чтобы каждый и въ томъ, и въ другомъ отношеніи стоялъ неизмѣримо ниже его. У авгановъ пени платятся женщинами: за убійство двѣнадцать женщинъ, за зубъ три, за рану одну—едва ли это не общій древнѣйшій обычай арійскаго племени. Можно привести болѣе новое, но не менѣе замѣчательное, проявленіе этого средневѣкового чувства равенства; мы говоримъ о глубокомъ негодованіи, съ которымъ отнеслось населеніе Соединенныхъ Штатовъ къ мормонамъ. Мы видимъ, что и американецъ, не смотря на весь свой демократическій духъ, считаетъ имущественное неравенство въ порядкѣ вещей. Инстинктъ, побуждающій его стремиться къ тому, чтобы сдѣлать трудъ свой полезнымъ, и неизбѣжное его послѣдствіе—уравненіе состояній и умственнаго развитія, въ немъ еще крайне слабъ. Въ сущности, въ его средѣ господствуютъ тутъ тѣ же начала и воззрѣнія, какъ и вообще въ западной цивилизаціи, и люди, безпутно проживающіе десятки и сотни тысячъ, въ немъ не возбуждаютъ никакого негодованія; онъ смотритъ на это, какъ на несомнѣнное ихъ право, мало этого, онъ до послѣдняго времени терпѣлъ въ своей средѣ такое учрежденіе, какъ рабство. Но еслибы тотъ же самый принцъ-купецъ, который проживаетъ на прихоти въ триста разъ болѣе работника, выдумалъ имѣть триста женъ, негодованіе народа было бы безгранично. Отношеніе мужчины къ женщинѣ есть первое орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ выполнять свое назначеніе—плодить жизнь на землѣ, поэтому отсюда исходитъ и первая идея равенства, на которой человѣкъ настаиваетъ. Единственное, истинно человѣческое учрежденіе,

которое существуетъ до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ, это единоженство.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Два противуположныхъ направленія въ человѣчествѣ—терпимость и насиліе надъ собою и другими. — Ни то ни другое не приводитъ къ цѣли—къ цѣли приводитъ раціональность. — Борьба этихъ началъ въ области семейной, ея печальный результатъ въ римскомъ обществѣ. — Точно такой же результатъ борьбы въ германскомъ обществѣ. — Какимъ образомъ исторія человѣчества убѣждаетъ, что семейныя чувства созданы для размноженія дѣтей и составляютъ часть инстинктовъ міровой жизни. — Рожденіе дѣтей было всегда радостнымъ происшествіемъ, но потребность сохранять и воспитывать этихъ дѣтей была слаба и постоянно усиливалась, точно также усиливалась потребность въ общественномъ вмѣшательствѣ. — Но опять-таки всякое насиліе неблагопріятно отзывается на развитіе семейнаго чувства и размноженіи дѣтей. — Для этого необходимо размноженіе любви, а любовь убивается населеніемъ и развивается только раціональными воззрѣніями и нравами общества. — Но нормальное воззрѣнія и нравы невозможны при неравенствѣ состояній. — Сравнительное значеніе человѣческихъ ощущеній для увеличенія человѣческаго счастья. — Инстинкты міровой жизни даютъ болѣе счастья, чѣмъ всѣ другія силы, раціонально-направленные инстинкты даютъ максимумъ счастья.

Если мы далѣе будемъ разсматривать дѣло, то мы тотчасъ увидимъ, что равенство, которое установляется единоженствомъ, есть только самый первый шагъ, за которымъ еще много шаговъ впереди. Куда же направляются всѣ эти шаги? Съ тѣхъ поръ, какъ мы что нибудь знаемъ о людяхъ, мы видимъ у нихъ два рѣзко противуположныхъ направленія. Одни проповѣдуютъ, что людямъ слѣдуетъ предоставить жить, какъ имъ угодно, т. е. полную терпимость, другіе—насиліе надъ собою и надъ другими. Въ Индіи эти стремленія выразились даже въ духовныхъ братствахъ. Монахи кришну провозглашали обязанностью рядиться въ прекрасныя платья, носить дорогія украшенія, питаться самой изысканной пищей и предаваться всякимъ удовольствіямъ, и рядомъ съ ними топасиви ставили цѣлью жизни мучить себя всѣми возможными муками, держать члены въ одномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока они сдѣлаются неспособными принять другое, держать вещи въ рукахъ, пока сквозь нихъ прорастутъ ногти. Въ античномъ мірѣ представителями этихъ двухъ направленій служили эпикурейцы и стоики и т. д. Но не однажды еще ни тому, ни другому направленію не удалось привести человѣчество къ цѣли. И не мудрено, само по себѣ ни то ни другое направленіе не имѣетъ ни малѣйшаго достоинства; они

развѣ только могутъ быть болѣе или менѣе годнымъ орудіемъ для той или другой цѣли. Для созданія нормальныхъ отношеній нужны не насиліе и не распущенность, а нужна раціональность; для того, чтобы какое нибудь отношеніе удовлетворяло потребности, нужно понять эту потребность и путь, которымъ она удовлетворяется. Въ Римѣ мы видимъ семейство, основанное на самомъ безмѣрномъ насиліи, безусловную власть надъ женою, убійство жены, которое не порицалось даже общественнымъ мнѣніемъ, право убивать и продавать дѣтей, троекратное возвращеніе проданныхъ дѣтей во власть отца послѣ освобожденія, право разрушать браки своихъ дѣтей, которое было уничтожено только при императорѣ Антонинѣ. Съ точки зрѣнія права насилія нельзя себѣ представить ничего болѣе варварскаго, чѣмъ римское семейство; сынъ считается вещью, форма освобожденія отъ родительской власти заключаетъ въ себѣ мысль объ отчужденіи вещи. Но рядомъ съ этимъ уже со временъ двѣнадцати таблицъ существовало противуположное направленіе — въ то время жена могла освободиться отъ власти мужа. Рядомъ съ находящеюся во власти мужа матерью семейства (mater familias) была жена свободнаго брака—матрона. Строгій бракъ порожденъ былъ прежде всего потребностью имѣть дѣтей и семейство; въ немъ ограничивались и мужъ и жена. Право мужа отвергать свою жену было ограничено немногими случаями, и разводъ такъ стѣсненъ, что только впослѣдствіи дозволено было разводиться съ женой за отравленіе, за подмѣну дѣтей и за поддѣлку ключей. Что бракъ этотъ именно былъ порожденіемъ потребности въ семействѣ, видно изъ того, что прелюбодѣяніе и насильственное изгнаніе плода были причиною развода уже ранѣе тѣхъ, о которыхъ только что упомянуто, и что знаменитый первый примѣръ развода, 519 года послѣ основ. Рима, имѣлъ своимъ основаніемъ безплодіе жены. Этой чрезмѣрной строгости былъ противупоставленъ свободный бракъ; тутъ разводы встрѣчались уже гораздо ранѣе, и, наконецъ, создалось начало — что такъ какъ бракъ этотъ установлялся по свободному согласію, то онъ по свободному согласію могъ и расторгаться. Во время Катона этотъ родъ брака принялъ уже угрожающіе размѣры; во время имперіи онъ въ Галліи господствовалъ исключительно. Брака не существовало и, какъ извѣстно, люди разводились нѣсколько разъ въ году. Мало этого, присущая природѣ человѣка потребность въ равенствѣ съ самыхъ древнихъ временъ установила въ Римѣ единоженство; конкубинатъ былъ положительно воспрещенъ во время брака, а за тѣмъ воспрещено было имѣть болѣе одной конкубины; однакоже, это подъ конецъ привело къ тому, что стали избѣгать брака, чтобы жить въ развратѣ. Императоры то поощряли, то стѣсняли конкубинатъ, то установляли причины развода, то дозволяли разводъ по взаимному согласію. Во всемъ этомъ ясно видно попеременное преобладаніе то охотниковъ до насилія, то любителей полной терпимости, но точно также ясно видно, что въ историческомъ развитіи явленія ни то, ни другое направленіе не произвело ни малѣйшей существенной перемѣны. Германскій міръ началъ съ того, что онъ приблизилъ Европу не къ древнему Риму, а къ азіатскимъ порядкамъ, и явилось многожен-

ство. Но, конечно, между многоженствомъ германцевъ и азіатовъ уже въ это время была огромная разница. Извѣстный сластолюбецъ Карлъ В. имѣлъ двухъ женъ и шесть наложницъ, поименованныхъ у Эгингарда. Между такимъ многоженствомъ и многоженствомъ азіятскимъ, даже китайскимъ, огромная разница. Въ Испаніи уже въ 589 году толедскій соборъ установилъ правило, что всякій можетъ имѣть жену или конкубину, но во всякомъ случаѣ только одну. Подобное же правило установлено трибурскимъ соборомъ гораздо позже—въ 895 г. Наконецъ, однакоже, церкви пришлось возвратиться къ древне-римскимъ порядкамъ и вовсе воспрещать разводъ. Но эта строгость опять-таки оказалась совершенно неудовлетворительною и потребность облегчать разводъ, мало по малу, стала дѣлаться насущной потребностью. Мы видимъ втеченіи тысячелѣтій неоднократные переходы отъ безусловной строгости къ неограниченной свободѣ и обратно, и ни одно изъ этихъ крайнихъ и промежуточныхъ состояній очевидно не удовлетворяетъ потребности. Это служитъ явнымъ признакомъ, что дѣло тутъ вовсе не въ томъ, и стоитъ немного подумать, чтобы это понять совершенно. Потребность, развившаяся далѣе простого животнаго влеченія и затѣмъ далѣе легкомысленной влюбчивости, превращается прямо въ инстинктъ міровой жизни. Или, лучше сказать, развившійся инстинктъ міровой жизни мѣшаетъ сладострастію оставаться въ первыхъ двухъ зачаточныхъ состояніяхъ (животности и влюбленности). Въ здоровой и сильной, но неразвитой натурѣ міровая потребность проявляется прямо, безсознательно и инстинктивно. Онъ презираетъ и часто даже глубоко ненавидитъ проявленія недоразвившейся или ослабѣвшей потребности, которыя онъ называетъ развратомъ; его возмущаютъ люди, которые тяготятся большимъ семействомъ, онъ желаетъ себѣ дѣтей и желаетъ ихъ воспитать. Онъ говоритъ, что дѣти—благословеніе небесъ. Развитой человѣкъ, въ которомъ, однакоже, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ эта сторона его натуры осталась вялою и неразвитою, вынуждаетъ у себя ея развитіе чрезъ одно постепенное развитіе сознанія, чрезъ изученіе и наблюденіе. Онъ видитъ, что даже у дикарей инстинктъ настолько силенъ, что, кажется, неизвѣстно ни одного племени, которое бы не желало плодиться; но есть дикари, у которыхъ желаніе это ограничено. Они просто установляютъ обычаемъ, что всѣ дѣти кромѣ двухъ или трехъ въ каждомъ семействѣ подвергаются избіенію. При большемъ развитіи человѣческой чувствительности подобные обычаи прекращаются, но все-таки сохраняется принесеніе дѣтей въ жертву, затѣмъ право родителей убивать своихъ дѣтей или оставлять ихъ живыми. Наконецъ, очень долго сохраняется право убивать однихъ дѣвочекъ; его размѣры уменьшаются, но все-таки встрѣчаются на сравнительно высокихъ степеняхъ культуры; даже въ такой странѣ, какъ Индія, оказалось, что въ Кативарѣ убивается ежегодно 1,000 дѣвочекъ, въ Кутшѣ 2,000, въ Гузератѣ 5000. Оно встрѣчается даже въ Китаѣ. Затѣмъ убійство ограничивается уродами и больными. Наконецъ, подобныя злодѣянія вовсе прекращаются. Дѣтоубійство считается преступленіемъ, и только крайніе реакціонеры Европы, придерживающіеся мальтузіанскихъ теорій, готовы смотрѣть на

него снисходительно; но образованный человѣкъ понимаетъ, что это именно только отъ того, что они полуразвитые люди. Нельзя дѣтей убивать, но нельзя ихъ также и зарождать, оставляя на произволъ судьбы. Тутъ виденъ тотъ же самый ходъ здраваго чувства. Сначала устанавливается воззрѣніе на отношеніе родителей къ дѣтямъ въ законномъ семействѣ: родителямъ воспрещается убивать, продавать дѣтей; прогрессъ идетъ медленно, но неизбѣжно и часто приводитъ къ интереснымъ противорѣчіямъ. Русское законодательство, напр. въ п. 3, стр. 179 Зак. гр. (Т. X, ч. I), говоритъ еще: «Личная родительская власть.... ограничивается.... п. 3, вступленіемъ дочерей въ замужество, поелику одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи». Но это уже явно одно желаніе согласовать кое-какъ устройство семейства съ общей конституціей государства. Нравы страны уже таковы, что законодательство менѣе всего способно провести это начало послѣдовательно. Существуетъ уже рядъ статей, которыя показываютъ, что власть родителей менѣе всего неограниченная, и статей этихъ прибавляется все болѣе и болѣе. Родители не только не имѣютъ право присвоить себѣ или растратить имущество своихъ дѣтей, но подвергаются за это высшей мѣрѣ наказаній (ст. 1590, Ул. о нак.); они не могутъ принуждать своихъ дѣтей къ браку, къ вступленію въ монашество (ст. 1586), они не могутъ употреблять своей власти для того, чтобы давать своимъ дѣтямъ безнравственное воспитаніе, и за это подвергаются болѣе тяжкимъ наказаніямъ, чѣмъ другіе соблазнители (ст. 1887, 1588, 993, 998). Но законодатели явно чувствуютъ, что всѣ эти мѣры еще слишкомъ недостаточны, и что ограниченіе власти родителей еще слишкомъ ничтожно, такъ что они вынуждены въ особой статьѣ (1476) назначить наказаніе родителямъ за такое жестокое обращеніе, которое доведетъ дѣтей до самоубійства. Наконецъ во французскомъ законодательствѣ уже прямо выражается начало, что родительская власть создана не ради родителей, но ради дѣтей. На родителей возлагается обязанность учить и воспитывать дѣтей и т. д. Постоянно уменьшающееся равнодушіе общества къ тому, что дѣлается съ дѣтьми внутри семейства, отъ законныхъ дѣтей переходитъ къ незаконнымъ. Во Франціи могъ еще появиться постыдный законъ, который воспрещаетъ отыскивать отца, но въ Соединенныхъ Штатахъ Америки мы видимъ прямо противоположное направленіе: тамъ все общество восторженно рукоплескало дѣвушкѣ, которая убила своего соблазнителя. Чѣмъ болѣе интеллектуально развитой человѣкъ будетъ изучать всѣ подобныя явленія жизни, тѣмъ яснѣе будетъ дѣлаться ему весь объемъ потребности, вытекающей изъ инстинкта дѣторожденія. По мѣрѣ того, какъ его взглядъ будетъ дѣлаться болѣе сознательнымъ, онъ будетъ чувствовать, что человѣкъ, который способенъ сойтись съ женщиной только для совершенія акта совокупленія и тотчасъ разойтись, имѣетъ этотъ инстинктъ не только на самой низкой, но и на самой ненормальной степени развитія. Человѣкъ, который способенъ удовлетворять своему инстинкту такимъ образомъ, будетъ ему

казаться стоящимъ на совершенно одинаковой степени съ человѣкомъ, который, подобно номаду или горцу, удовлетворяетъ другимъ своимъ потребностямъ путемъ набѣговъ и грабежей. Вынужденный къ такому удовлетворенію, онъ также будетъ несчастливъ, онъ будетъ чувствовать такое же глубокое отвращеніе, какъ если бы ему пришлось жить въ разбойничьей шайкѣ и участвовать во всѣхъ ея похожденіяхъ. Голодъ можетъ, пожалуй, заставить человѣка сдѣлаться разбойникомъ, крайне неудовлетворенное сладострастіе—кинуться на минутное удовлетвореніе, но это будетъ для него уже страдальческое, а не здоровое удовлетвореніе, это будетъ не только оскорблять, но прямо уродовать его инстинктъ міровой жизни, сплющивать ему голову. Ему будетъ ясно, что аристократъ, который заводитъ себѣ любовницу, только потому способенъ это сдѣлать, что сторона инстинкта міровой жизни, которая опредѣляетъ отношеніе къ женщинѣ и къ ребенку, въ немъ не развита. Какъ скоро являются любовники и любовницы, то семейной любви уже не существуетъ, и въ ней нѣтъ потребности. Строгій бракъ, семейство, гдѣ мужъ и отецъ имѣетъ неограниченную власть, есть первый признакъ слабости семейныхъ потребностей. Онъ воспитываетъ мужей и отцовъ, которые таскаютъ свое семейное достояніе въ кабакъ и оставляютъ своихъ дѣтей безъ всякаго образованія и призрѣнія. Онъ показываетъ самую низкую степень развитія міровыхъ инстинктовъ. Это крѣпостное право въ семействѣ. Какъ при крѣпостномъ правѣ является самое неблагопріятное условіе для развитія господъ и слугъ и для увеличенія трудолюбія, такъ и при строгомъ семействѣ—самое неблагопріятное условіе для развитія семейныхъ чувствъ. Силою деспотической власти нельзя заставить жену любить своихъ дѣтей, а безъ любви невозможно то вниманіе, которое требуется, чтобы вскормить и воспитать ребенка. Тамъ гдѣ власть, тамъ и презрѣніе; вездѣ, гдѣ власть мужа сильна, женщина презирается; сильная родительская власть—признакъ презрѣнія къ дѣтямъ, а это—опять таки самое неблагопріятное условіе для развитія семейнаго чувства. Первый признакъ въ народѣ развитого семейнаго чувства—это постоянное уменьшеніе власти между мужемъ и женою до безусловнаго ея уничтоженія, наибольшій размѣръ родительскихъ обязанностей и наименьшій размѣръ ихъ власти. Съ другой стороны безусловная свобода развода, которою пользуются какъ въ Римѣ, и человѣкъ переженивается въ жизни нѣсколько десятковъ разъ, есть также прямое указаніе на крайне слабое и зачаточное состояніе потребности, которая не идетъ далѣе одного животнаго побужденія. Но чѣмъ свободнѣе разводъ и чѣмъ рѣже случаи, въ которыхъ имъ пользуются, тѣмъ благопріятнѣе указаніе Не трудно доказать, что именно любовь въ бракѣ составляетъ стремленіе, которымъ удовлетворяется истинная потребность. Какъ скоро являлось условіе, при которомъ способность къ брачной любви не увеличивалась, а уменьшалась, общество тотчасъ же чувствовало себя не хорошо и, переходя отъ одного учрежденія къ другому, только тогда удовлетворялось, когда условіе устранялось. Это будетъ въ особенности ясно, если мы проведемъ передъ собою жизнь человѣчества въ крупныхъ и рѣзкихъ

чертахъ. Только на самой низкой степени человѣкъ равнодушенъ къ многоженству, но уже самая древняя цивилизація носитъ на себѣ печать борьбы изъ-за него. Мы ее видимъ въ Египтѣ, затѣмъ въ Индіи и въ Китаѣ. Наконецъ болѣе успѣшную въ Римѣ, въ Греціи и въ цивилизованной Европѣ. Послѣ этого мы видимъ борьбу съ конкубинатомъ, съ преимуществами незаконныхъ дѣтей людей высшихъ состояній. Но затѣмъ остался еще богатый источникъ соблазна и уничтоженія семейной любви— это громадное неравенство состояній и возвеличеніе за роскошь и богатство. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что потребность въ семейной любви будетъ играть громадную роль въ установленіи однороднаго вознагражденія по всѣмъ отраслямъ труда съ различіемъ только сообразно съ его успѣшностью. Лишь только народныя массы дойдутъ до сознанія и до чувства своего достоинства, для работника будетъ невыносима мысль, что никакая честность, никакое трудолюбіе не будутъ въ состояніи внушать его невѣстѣ или женѣ къ нему такое же уваженіе, какое ей внушаетъ человѣкъ богатый и образованный. Другое условіе, препятствующее любви, — это существованіе власти, отсутствіе обязанностей и отвѣтственности. На болѣе низкихъ степеняхъ развитія власть надъ женою имѣетъ даже не мужъ, а родъ. Въ западной Африкѣ, въ Тибетѣ, на Кавказѣ жену покупаетъ не мужъ, а его родъ; онъ торгуется не только съ отцомъ, но со всѣмъ родомъ дѣвушки; она считается принадлежностью не мужа, а рода, переходитъ отъ брата къ брату, отъ отца къ сыну или можетъ даже имѣть дѣтей отъ любовника, но остается въ родѣ, къ которому причисляются и ея дѣти. Въ Аравіи это воззрѣніе уничтожено только Магометомъ. Затѣмъ исключительная власть мужа есть уже прогрессъ. Но власть эта постоянно доказываетъ свою несовмѣстность съ любовью въ семействѣ, поэтому исторія цивилизаціи человѣчества совпадаетъ съ исторіей ограниченія этой власти. Этого мало, въ то время, когда права власти мужа постоянно уменьшаются, его обязанности постоянно возрастаютъ. Какъ скоро законодательство принимаетъ направленіе въ другую сторону, какъ скоро мужчина можетъ легко освобождаться отъ созданной семейной связи посредствомъ расторженія брака, то неизбѣжно является реакція, и связь семейная опять закрѣпляется. Свободный римскій бракъ преимущественно освобождалъ мужчинъ отъ ихъ обязанностей, и реакція была произведена не учеными, но религіей, которой плѣнялись народныя массы и преимущественно женщины. Съ развитіемъ цивилизаціи животная потребность въ человѣкѣ развивается до семейной, до любви. Любовь несовмѣстима ни съ властью, ни съ принужденіемъ; единственное, что возможно допустить, это ея развитіе посредствомъ общественнаго мнѣнія. Чѣмъ сильнѣе общественное мнѣніе будетъ порицать всякій легкомысленный взглядъ на семейныя отношенія, всякое пренебреженіе семейными обязанностями, тѣмъ благопріятнѣе будетъ условіе для развитія семейнаго чувства и наоборотъ. Эта тѣсная связь между общественнымъ мнѣніемъ и полнымъ развитіемъ потребностей любви въ человѣкѣ всего яснѣе намъ показываетъ, что самая эта потребность есть одна изъ отраслей инстинкта міровой

жизни. Но полное развитіе подобнаго общественнаго мнѣнія опять-таки совершенно невозможно до тѣхъ поръ, пока люди будутъ возвеличиваться за роскошь и богатство и будутъ считать себя въ правѣ употреблять на себя болѣе средняго уровня заработной платы; многоженецъ будетъ превращаться въ человѣка, окруженнаго любовницами; гаремная женщина превратится въ публичную женщину, которая будетъ изгонять свой плодъ и топить новорожденныхъ дѣтей. Точно такъ же, какъ рабство, превратившись въ наемъ, снимаетъ съ нанимателя всякую обязанность заботиться о наемникѣ и въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлаетъ положеніе наемника гораздо болѣе тяжелымъ, точно также содержатель гарема, превратившись въ содержателя любовницъ или въ посѣтителя публичнаго дома, дѣлается лицомъ неотвѣтственнымъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, и они почти всегда приносятся въ жертву. Высшее сословіе попрежнему высасываетъ изъ народа лучшихъ женщинъ и убиваетъ ихъ семейные инстинкты въ еще большихъ размѣрахъ, чѣмъ гаремъ. При зависимости развитія семейнаго инстинкта отъ общественнаго мнѣнія такое положеніе дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на нормальное развитіе потребности. Такъ какъ богатая любовница, не смотря на свое двусмысленное положеніе, становится гораздо выше простого рабочаго, обращается съ нимъ свысока, а онъ съ ней съ подобострастіемъ, то пропаганда благополучія любовницы и предпочтительнаго ея положенія предъ положеніемъ жены не можетъ прекратиться, въ особенности между молодыми и красивыми, т. е. самыми вліятельными женщинами; болѣе сильная сторона инстинкта міровой жизни, та, которая заставляетъ человѣка искать величія, будетъ давить и уничтожать развитіе инстинкта семейнаго. Раціональный способъ борьбы съ этимъ зломъ это очевидно борьба противъ возвеличенія за роскошь и богатства, и за однородность вознагражденій. Но такая борьба кажется народу слишкомъ трудною и не можетъ быть ведена безъ участія не существующихъ теперь нормальныхъ чувствъ въ высшемъ сословіи, а между тѣмъ потребность въ развитіи семейнаго чувства въ народѣ—немедленная, сильная и нормальная. Вотъ почему народъ старается помочь горю насиліемъ, затрудняя разводъ, поддерживая власть мужа и т. д. Помощь такихъ мѣръ можетъ быть только очень сомнительная. Всякое усиленіе власти мужа порождаетъ эксплуатацію и пренебреженіе своими обязанностями, а поэтому сушитъ и уничтожаетъ, а не развиваетъ семейныя чувства, точно также дѣйствуетъ и всякая насильственная связь, которая продолжается, когда любовь уже исчезла. Нельзя безъ нѣкоторой боли сердечной слѣдить за ходомъ исторіи человѣчества, гдѣ вы видите, какъ втеченіе многихъ тысячелѣтій человѣкъ, какъ слѣпой, ощупью отыскиваетъ самое благопріятное условіе для любви, переходя отъ крайней степени власти и неразрывности связи къ крайней степени свободы, и какъ ни одно изъ этихъ состояній не въ силахъ создать благопріятной и живительной сферы для развитія того чувства, которое оно носитъ въ своей груди, и которое прессуется такимъ же тугимъ прессомъ, какъ прессъ, сдерживающій ростъ ноги у китайской аристократки. Вы видите слишкомъ ясно, что

прессъ этотъ—имущественное неравенство состояній; вы видите, что его давленіе не кончится никогда, пока одинъ человѣкъ будетъ считать себя въ правѣ и будетъ въ состояніи содержать двухъ или трехъ женщинъ съ большею роскошью, чѣмъ содержится жена рабочаго по среднему уровню, и пока такая роскошь будетъ возвышать въ общественномъ мнѣніи и женщину, и мужчину. Ненормальность такого положенія, при тѣсной связи между всѣми свойствами инстинктовъ міровой жизни, искажаетъ всю жизнь и мѣшаетъ людямъ всѣхъ слоевъ общества развиваться и быть счастливыми. Тоже самое чувство, которое установляетъ семейство на началахъ насилія, вмѣсто того, чтобы установлять его на началахъ любви, не только мѣшаетъ развитію семейной любви, но—развитію людей вообще. На низшихъ степеняхъ цивилизаціи подобное положеніе приводитъ къ тому, что мужчина бѣднаго состоянія обращаетъ женщину въ рабочій скотъ, въ рабу, въ то время, когда мужчина изъ высшаго класса старается ее плѣнить тѣмъ, что онъ ей доставляетъ безмятежную жизнь безъ всякаго труда. Въ западной Африкѣ богатый человѣкъ и даже король употребляетъ еще своихъ женъ на полевыя работы, но самыя любимыя между ними уже живутъ безъ всякаго труда. Богатый человѣкъ смотритъ даже снисходительно на измѣну жены, и быть слишкомъ ревнивымъ считается унизительнымъ; только породившая скандалъ невѣрность наказывается жестоко. Такимъ образомъ порождается настроеніе, при которомъ женщина всегда предпочитаетъ быть одною изъ двѣнадцати женъ богатаго человѣка, чѣмъ быть единственной женой бѣднаго. Развитіе семейнаго чувства встрѣчаетъ самыя сильныя препятствія. Мужчина долженъ обращаться съ своими женами, какъ съ рабынями; онъ не только не предполагаетъ въ нихъ къ себѣ никакой любви, но предполагаетъ постоянную ненависть. Онъ не обѣдаетъ и почти не говоритъ съ своими женами; во время обѣда каждая изъ женъ вноситъ ему какое-нибудь блюдо, пробуетъ, чтобы доказать, что въ немъ нѣтъ отравы, и удаляется. Знатные негры часто склонны пріобрѣсти привязанность къ какой-либо изъ женъ или къ своимъ дѣтямъ; но всякое подобное чувство уничтожается безчисленными интригами, и всѣ его чувства неизбѣжно должны оставаться грубыми и крайне циническими. Этотъ грубый цинизмъ чувствъ изъ гаремовъ распространяется на весь народъ; всѣ отношенія въ народѣ слагаются на началахъ взаимнаго презрѣнія и взаимной подозрительности. Всякому понятно, на сколько всѣ эти люди были бы счастливѣе, еслибы каждый имѣлъ по одной женѣ и въ семействахъ у нихъ господствовало бы взаимное уваженіе и взаимная любовь. Персіянамъ для того, чтобы перейти отъ того состоянія, въ которомъ находятся негры западной Африки, къ современному ихъ положенію, нужно было много цивилизующихъ вліяній. Но мы видимъ, что условіе для развитія семейнаго чувства нисколько не сдѣлалось благопріятнѣе. Чтобы сохранить свое величіе въ глазахъ народа, шахъ и вельможа Персіи долженъ былъ создать гаремныя стѣны и евнуховъ, а чтобы сдѣлать пребываніе въ гаремѣ плѣнительнымъ, онъ долженъ былъ прельщать бездѣльемъ и изнѣженностью,

т. е. отсутствіемъ всякаго развитія способностей. Любовь дѣлается для него столь же невозможною, какъ и для дикаря, и замѣняется гаремною дисциплиною. Дисциплина эта такъ же строга, какъ у насъ въ каторжномъ отдѣленіи острога. Когда прокуроръ входитъ въ арестантскую камеру, то арестанты окружаютъ его толпою и предъявляютъ ему свои претензіи; но чѣмъ важнѣе и ненадежнѣе преступники, тѣмъ строже дисциплина; наконецъ прокуроръ входитъ, сопровождаемый нѣсколькими людьми, въ середину между нары; за нарами каждый преступникъ стоитъ у своего изголовья и оттуда можетъ говорить только послѣ вопроса прокурора, а еслибы ему вздумалось оттуда броситься, то ему пришлось бы перескочить черезъ нару, прокуроръ успѣлъ бы спастись, и его успѣли бы схватить. Въ этомъ родѣ видъ, который представляетъ гаремъ, когда туда входитъ шахъ; онъ сидитъ въ серединѣ, всѣ его жены стоятъ по стѣнамъ молча и съ опущенными глазами, только та, которой онъ прикажетъ, можетъ подходить къ нему и говорить. Нельзя сказать, чтобы это было благопріятное условіе для развитія истинныхъ чувствъ и для увеличенія наслажденій жизнью. А между тѣмъ, для шаха очень опасно допускать большую фамильярность, потому что тотчасъ начнутся такія интриги и надѣлаютъ ему столько непріятностей, что онъ не радъ будетъ своей жизни. Понятно, почему люди, лишь только они сдѣлались развитѣе, сами добровольно стали отказываться отъ многоженства. Но громадная разница между состояніями и возвышеніе людей за роскошь и богатство продолжали производить свое дѣйствіе. Вслѣдствіе такихъ чувствъ и такихъ воззрѣній женщины составляли не такой идеалъ жизни, при которомъ онѣ наиболѣе развивались, а съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе увеличивали свое счастье, а такой, котораго достиженіе дѣлалось прямымъ препятствіемъ для ихъ развитія и дѣлало ихъ постоянно все болѣе неспособными къ увеличенію своего счастья. Идеалъ этотъ составляла жизнь лѣнивая и бездѣятельная, т. е. разслабляющая и уничтожающая развитіе способностей. Конкурренція между богатыми мужчинами по отношенію къ самымъ заманчивымъ женщинамъ заставила ихъ удовлетворить этому идеалу и создать для нихъ ту пустую и бездѣятельную жизнь, которая сдѣлалась главнымъ препятствіемъ для развитія женщины высшихъ классовъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности въ отношеніи къ нравственнымъ чувствамъ и къ инстинктамъ міровой жизни. Это самымъ неблагопріятнымъ образомъ должно было отразиться на развитіи человѣчества вообще и въ особенности на развитіи идеи семейства.

Чтобы сдѣлать понятнымъ то, что мы будемъ говорить далѣе, необходимо сначала установить философскую точку зрѣнія по отношенію къ сравнительному значенію человѣческихъ ощущеній и въ особенности къ понятію о лишеніи. Если мы видимъ, что человѣкъ доставляетъ себѣ въ болѣе или менѣе разнообразныхъ размѣрахъ въ особенности дорогостоющія ощущенія, катается въ каретахъ, живетъ въ дворцахъ, путешествуетъ для удовольствія, достигаетъ красивыхъ любовницъ, большой власти и проч., то мы говоримъ, что онъ наслаждается, что его счастье увеличивается и т. д. Но если мы встрѣчаемся съ аскетомъ, который

роздалъ все свое имущество, подобно афонскому монаху, втеченіи многихъ лѣтъ не убираетъ своей кельи, не чешется и не моется, ѣстъ скудную и дрянную пищу и изнуряетъ себя до обморока ночными бдѣніями въ церкви, въ то время, когда его, особенно въ дурную погоду, мучатъ животныя, и ноги опухаютъ до безчувствія, то мы говоримъ, что онъ налагаетъ на себя лишенія. Это точно такой же неправильный образъ выражаться, какъ говорить, что человѣкъ дѣйствуетъ эгоистически, когда онъ достигаетъ власти, роскоши и т. д. единственно потому, что это возвеличиваетъ его въ общественномъ мнѣніи. Въ этомъ случаѣ въ немъ несомнѣнно дѣйствуютъ инстинкты міровой жизни, а не эгоизмъ; даже позитивисты и философы утилитарной школы дѣлали самыя грубыя ошибки, потому что они этого не понимали. Если человѣкъ дѣйствуетъ изъ эгоизма, то общественное мнѣніе будетъ имѣть тѣмъ меньше на него вліяніе, чѣмъ эгоистичнѣе будутъ его поступки; но если человѣкъ дѣйствуетъ, чтобы возвеличиться въ общественномъ мнѣніи, то правильное общественное мнѣніе, которое будетъ унижать за вредный образъ дѣйствія и возвышать за полезный, заставитъ его поступать совершенно правильно. Если человѣкъ по выбору, порожденному его душевнымъ настроеніемъ, а не внѣшними обстоятельствами, оставляетъ роскошную жизнь и, такъ называемыя, блага и прелести земныя для того, чтобы подвергать себя различнымъ аскетическимъ упражненіямъ, то мы не имѣемъ никакого права утверждать, что онъ сдѣлалъ себя болѣе несчастнымъ; напротивъ, при правильномъ логическомъ сужденіи мы прямо должны сказать, что онъ увеличилъ свое благополучіе. Если мы говоримъ, что такіе-то предметы роскоши и такія то ощущенія увеличиваютъ человѣческое счастье, то мы исходимъ при этомъ изъ своего собственнаго понятія объ этихъ ощущеніяхъ. Мы чувствуемъ, что наше собственное счастье увеличилось бы отъ подобныхъ впечатлѣній. Но мы безпрерывно видимъ, что то, что для насъ составляетъ счастье, для другого можетъ быть источникомъ тяжелыхъ страданій,—для эскимоса наслажденіе ѣсть одинъ жиръ, для лапландца сырую оленину; изнѣженная европейская дама могла бы упасть въ обморокъ, если бы ее принуждали къ подобной пищѣ. Вотъ почему проявленіе ощущающаго—для насъ единственное средство судить о значеніи ощущеній и о ихъ способности доставлять удовольствіе и счастье. Если мы видимъ, что пустынникъ въ Индіи подвергаетъ себя продолжительной діетѣ, чтобы велѣть себя заколотить въ гробъ и привѣсить на недѣлю къ потолку, и предпочитаетъ это самой роскошной и великолѣпной обстановкѣ, то мы прямо должны сказать, что роскошная обстановка и блага жизни въ извѣстныхъ случаяхъ даютъ менѣе счастья, чѣмъ висѣніе въ заколоченномъ гробу. Есть только одинъ случай, когда мы можемъ сказать про извѣстныя ощущенія, что они увеличили бы счастье людей, хотя бы люди, о которыхъ мы говоримъ, были объ этомъ другого мнѣнія. Это бываетъ тогда, когда мы видимъ, что человѣкъ не можетъ доставить себѣ извѣстнаго ощущенія по недостатку силы. Про негра, который развлекается разсказомъ о черной обезьянѣ или о маленькой обезьянкѣ Телинго, я прямо могу сказать,

что онъ былъ бы гораздо счастливѣе, если бы его въ это время занимала не глупая сказка, а широкій міровой вопросъ. Онъ потому только занимается сказкой, что его умственныя силы совершенно неразвиты; размѣръ нашихъ ощущеній зависитъ отъ размѣра нашихъ силъ, слѣдовательно всякое развитіе этихъ силъ разширитъ наши ощущенія и увеличитъ наше счастье; никто не говоритъ, что старики счастливѣе потому, что ихъ силы падаютъ и уничтожаются. Объ аскетѣ и аскетизмѣ, о человѣкѣ, который силою воли подавляетъ свои стремленія и ставитъ на ихъ мѣсто другія, мы никакъ не можемъ разсуждать такимъ образомъ. Аскетъ имѣетъ достаточно силы, чтобы вести роскошную жизнь среди блеска и развлеченій, и если онъ отказывается отъ нея, то не потому, что у него нѣтъ для этого силы, какъ у безграмотнаго негра нѣтъ силы необходимой, чтобы жить міровой жизнью ученаго философа, напротивъ, аскетъ отказывается отъ нея потому, что кромѣ силъ, существующихъ у него точно такъ же, какъ и у изнѣженнаго роскошью глупца, въ немъ существуетъ еще сила и болѣе могучая сила—это сила воли, одушевленная идеей, которую онъ признаетъ великою. Поэтому аскетъ, который добровольно ведетъ образъ жизни, отличный отъ жизни изнѣженнаго глупца, только потому, что онъ обладаетъ большимъ размѣромъ силъ,—человѣкъ безусловно болѣе счастливый. Мы заключимъ вполнѣ непослѣдовательно и ложно, если мы скажемъ, что аскетъ менѣе счастливъ; это будетъ слабоумное заключеніе съ субъективной точки зрѣнія и обличитъ человѣка, совершенно неспособнаго къ анализу. Правильное заключеніе изъ образа дѣйствія аскета будетъ совершенно другое; онъ показываетъ намъ цѣну, которую имѣютъ ощущенія роскошной жизни для человѣка. Если мы обратимся къ исторіи аскетовъ, мы увидимъ между ними людей самыхъ разнообразныхъ наклонностей, людей, которые иногда показывали большую впечатлительность къ свѣтскимъ радостямъ и которые подъ вліяніемъ сильно подѣйствовавшей на нихъ идеи перешли къ искреннему и фанатическому аскетизму. Во время Августа и Тиверія къ западу отъ Александріи жили евреи монахи, которыхъ называли тераневтами. Богатства свои они раздавали своимъ семействамъ и друзьямъ, оставляли женъ, дѣтей и родителей и удалялись въ уединеніе. Они не запасали ни пищи, ни платья и всѣ свои помыслы сосредоточивали на законѣ Моисея и пророковъ. Они ѣли только хлѣбъ, воду и коренья одинъ разъ послѣ захожденія солнца, нѣкоторые ѣли черезъ день, а нѣкоторые такъ упражнились въ постѣ, что могли не ѣсть шесть дней къ ряду. Они сходились только въ шабашъ въ синагогу. Въ то же время египтяне, отличавшіеся своей страстью къ роскоши и къ великолѣпію, точно такимъ же образомъ отказывались отъ всего этого, чтобы спать съ кускомъ дерева подъ головою, никогда не смѣяться и изучать свою языческую мудрость. Это были предшественники христіанъ монаховъ и пустынниковъ. Про этихъ знаменитыхъ египетскихъ монаховъ и пустынниковъ четвертаго вѣка говорятъ, что они въ то время считались благодѣяніемъ для страны, гдѣ всѣ чувствовали тягость нравственной испорченности и стремленія сильныхъ всякими неправдами наживаться на счетъ населенія и одинъ

на счетъ другого. Даже правительство, которое было главнымъ источникомъ зла, тяготилось имъ и ясно показывало своимъ законодательствомъ, что оно раздѣляло всеобщее мнѣніе о спасительномъ дѣйствіи аскетическаго направленія. Идеаломъ сдѣлалась уединенная монастырская жизнь, въ родѣ той, которую вели монахи и пустынники близъ Нитріи, гдѣ они жили на берегу озера съ болѣе соленой водой, чѣмъ въ морѣ, гдѣ не было ни травы, ни деревьевъ и гдѣ палящее небо никогда не покрывалось облаками, гдѣ знойный вѣтеръ безпрерывно наполнялъ воздухъ мелкимъ жгучимъ пескомъ. Въ эту безотрадную мрачную пустыню не рѣдко удалялись люди, которые, какъ Аполоній, до этого точно также увлекались жизнью, исполненной удовольствія, какъ они теперь увлекались аскетизмомъ, проводили ночи въ молитвѣ, пытались мучить себя безсонницей и всякими другими муками. Всего ярче поражаетъ насъ то, что люди увлекающіеся, съ пылкимъ воображеніемъ, съ сильной и страстной натурой, на которыхъ всякое впечатлѣніе отражалось всего сильнѣе, оказывались и наиболѣе способными къ страстному аскетизму. Мы видимъ изъ этого совершенно ясно, какъ поверхностно впечатлѣніе вещей, удовольствій, развлеченій, какъ легко инстинктъ міровой жизни, подѣйствовавъ на человѣка, можетъ побудить не только отказаться отъ нихъ, но удариться прямо въ противуположное направленіе. Въ сравненіи съ поверхностнымъ впечатлѣніемъ жизненныхъ радостей, сила инстинктовъ міровой жизни и ихъ способность давать счастье оказывается громадною; подъ ихъ вліяніемъ человѣкъ можетъ находить свое счастье въ самыхъ существенныхъ лишеніяхъ и въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ; его добровольный выборъ, сила, которая неизбѣжна для того, чтобы сдѣлать этотъ выборъ, восторженное настроеніе, при которомъ онъ дѣлается, все это служитъ неопровержимымъ указаніемъ, что человѣкъ, дѣйствуя такимъ образомъ, увеличиваетъ, а не уменьшаетъ свое счастье. Что искренній и восторженный аскетизмъ есть признакъ развившейся въ человѣкѣ силы и увеличившагося его счастья, что онъ даетъ намъ мѣрило для способности внѣшнихъ впечатлѣній дѣлать людей счастливыми, это факты, не подлежащіе сомнѣнію. Онъ проявляется и въ сознаніи своего превосходства, которое присуще строгимъ фанатикамъ аскетамъ и которое вполнѣ признается стоящимъ съ ними на одномъ уровнѣ и окружающимъ ихъ обществомъ; про египетскихъ язычниковъ фанатиковъ говорится: «они предоставили другимъ наслажденія, богатство и радости земныя и за это получили отъ общества высокое почитаніе, почесть, славу и вліяніе». Легкость, съ которою строгіе фанатики овладѣвали умами окружающихъ ихъ людей, чудеса, которыя они дѣлали, пускаясь на пропаганду и завоеванія, могутъ вполнѣ сравняться съ чудесами энтузіазма во время первой французской революціи. Но все это справедливо только до тѣхъ поръ, пока мы видимъ въ восторженныхъ аскетахъ дѣйствительно превосходную силу по сравненію съ тѣми, которые ихъ окружаютъ. Аскетизмъ, хотя восторженный, но не интеллигентный, никогда не былъ въ состояніи бороться съ людьми, одушевленными живою умственною жизнью. Аскетъ неинтеллигентный относился къ интеллектуально-развитому человѣку точно такъ же, какъ негръ, слушающій сказки, къ фи-

лософу, живущему міровою жизнью. Онъ отличался большими силами и большею способностью къ счастью, чѣмъ люди не аскеты равнаго съ нимъ умственнаго развитія, потому что, кромѣ присущихъ имъ силъ, въ немъ была еще одна живая и могучая сила инстинктовъ міровой жизни. Однакоже, изъ всего нашего предыдущаго изложенія совершенно ясно видно, что инстинкты міровой жизни не могутъ ни дѣйствовать правильно, ни даже развиваться, если они не будутъ просвѣщены разумомъ. Ихъ назначеніе—направлять развитіе человѣческое къ общему благу; съ помощью этой силы человѣкъ подавляетъ въ себѣ развитіе тѣхъ способностей, которыя дѣлали бы его стремленія несогласными съ общимъ благомъ, и развиваетъ тѣ, которыя необходимы, чтобы создать тождество между его желаніями и общимъ благомъ. Съ помощью этой силы онъ подавляетъ развитіе несогласныхъ съ общимъ благомъ силъ, не только не уменьшая, но увеличивая свое счастье, потому что онъ тутъ дѣйствуетъ добровольно по свободному выбору. Если мнѣ на масляницѣ предстоитъ выборъ между пикникомъ съ блинами и утреннимъ концертомъ или оперой, и если я выберу оперу или концертъ, потому что мнѣ болѣе хочется слушать музыку, чѣмъ ѣсть, потому что я по свободному выбору предпочитаю потребность своего слуха потребности своего желудка, то, дѣлая этотъ выборъ, я, конечно, увеличиваю, а не уменьшаю свое счастье; всякій, кто, разсуждая за меня иначе, съ субъективной точки зрѣнія, принудилъ бы меня ѣхать на пикникъ, а не въ концертъ, безъ всякаго сомнѣнія уменьшилъ, а не увеличилъ бы мое счастье. Точно также, предпочитая дѣятельность своихъ міровыхъ инстинктовъ развитію другихъ своихъ способностей, человѣкъ несомнѣнно увеличиваетъ свое счастье. Когда во второй половинѣ IV вѣка по распоряженію императора египетскіе аскеты и монахи отдавались въ солдаты, чтобы ихъ принудить отказаться отъ аскетической жизни, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что счастье ихъ отъ этого уменьшалось, а не увеличивалось, и многіе монахи соглашались лучше умереть, чѣмъ подчиниться рекрутству. Аскетизмъ доказываетъ намъ, что инстинкты міровой жизни составляютъ самый могучій источникъ счастья для человѣка, потому что какъ скоро существуютъ тѣ силы, которыя мы здѣсь называемъ инстинктами міровой жизни, то человѣкъ для ихъ удовлетворенія отказывается отъ удовлетворенія всѣхъ другихъ потребностей, даже такихъ, которыя считаются самыми могучими, напр. потребностей, которыя порождаются важнѣйшими физіологическими отправленіями,—человѣкъ, одушевленный энтузіазмомъ, можетъ заморить себя голодомъ или довести себя до смерти искусственной безсонницею. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что эти инстинкты, какъ скоро имъ не дается правильнаго направленія разумомъ, не способны порождать здравой и нормальной жизни. Самымъ осязательнымъ доказательствомъ служитъ самый аскетизмъ. Аскетизмъ не есть міровая жизнь, это есть только заблужденіе, порождаемое въ человѣкѣ инстинктами міровой жизни при слабомъ умственномъ развитіи. Человѣкъ, который, подобно Симеону Столпнику, наполняетъ свои раны червями и опять вкладываетъ туда тѣхъ, которые выпали, приноситъ этимъ міру вредъ, а не пользу, и

только воображаетъ, что онъ это дѣлаетъ ради міровой жизни, или какъ онъ выражается, изъ угожденія Богу. Поэтому мы видимъ, что инстинкты міровой жизни, просвѣтленные разумомъ, составляютъ еще большую силу въ человѣкѣ и еще болѣе обильный источникъсчастья. Какъ скоро въ человѣкѣ разовьются инстинкты міровой жизни, то для него сдѣлается страданіемъ удовлетворять тѣмъ потребностямъ, противъ которыхъ эти инстинкты вооружаются; меньшее счастье удовлетворенія этимъ потребностямъ должно уступить большему счастью—удовлетворенію инстинктамъ міровой жизни. Но если затѣмъ человѣкъ, развившись умственно, пойметъ, что аскетизмъ, которому онъ предавался, есть ложное направленіе дѣятельности инстинктовъ міровой жизни, то онъ будетъ уже прямо не въ состояніи поступать по прежнему — аскетизмъ сдѣлается для него источникомъ страданія, а не счастья. Меньшее счастье нераціональнаго удовлетворенія инстинктамъ міровой жизни должно будетъ уступить большему счастью раціональнаго. Умственная сила, направляющая и развивающая инстинкты міровой жизни, даетъ въ окончательномъ результатѣ наибольшее для него счастье. Но если эта умственная сила будетъ направлена на другую какую-нибудь дѣятельность, то ея способность увеличивать счастье тотчасъ же уменьшится; она приметъ подчиненное положеніе и станетъ на одинъ уровень со всякими другими силами, которыя требуютъ удовлетворенія, потому что онѣ развиты, и существуютъ силой желудка, вкуса, уха, мускуловъ и т. д. Удовлетвореніе требованіямъ всѣхъ этихъ силъ даетъ само по себѣ такъ мало счастья, что какъ скоро человѣкъ не стимулируется инстинктами міровой жизни, то удовлетвореніе будетъ такое скудное, что породитъ въ нихъ постоянное завяданіе. Музыка для человѣка, обладающаго хорошимъ слухомъ, считается источникомъ наслажденія; однакоже, какъ скоро какой-нибудь классъ общества считаетъ для себя не почетнымъ, а постыднымъ развивать музыкальные таланты, то они въ его средѣ не разовьются; если какой-либо аристократическій кружокъ будетъ относиться къ нимъ равнодушно, такъ что инстинкты міровой жизни въ немъ будетъ ни за, ни противъ, то результатъ все-таки будетъ не развитіе, а упадокъ; великіе артисты выходятъ изъ плебеевъ, которые надѣятся выдти этимъ путемъ изъ неизвѣстности, возвыситься и достигнуть славы. Привиллегированные классы, которые стоятъ въ глазахъ массъ на искусственной высотѣ, постоянно занимаются кое-чѣмъ и вовсе не развиваютъ своихъ силъ, потому что силы сами по себѣ недостаточно даютъ счастья своимъ удовлетвореніемъ, чтобы потребовать развитія, а инстинкты міровой жизни у такого класса не только не настаиваютъ на развитіи, но заставляютъ его или презирать силу или опасаться, что, не достигнувъ блестящаго развитія, онъ уронитъ, а не возвыситъ свое величіе. Поэтому вся дѣятельность подобныхъ классовъ ограничивается выставкою своего величія, роскошной, быстро раззоряющей ихъ жизнью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Почему любовь въ семействѣ порождается инстинктами міровой жизни.— Родительская любовь не есть порожденіе особаго инстинкта, а сложнаго вліянія физіологической потребности, привычки и общественнаго мнѣнія.— Она существенно отличается отъ семейныхъ наклонностей животнаго, которыя составляютъ результатъ его физіологическихъ отправленій.—Нѣтъ особаго чувства любви къ своимъ дѣтямъ, а существуетъ любовь къ дѣтямъ вообще.—Почему общественное мнѣніе установляетъ ее сначала въ семействѣ; какъ она за тѣмъ распространяется на болѣе обширный кругъ?—Результаты, достигнутые современной цивилизаціей, и ихъ значеніе.—Весь успѣхъ, сдѣланный человѣчествомъ, есть только воробьиный шагъ. — Въ первоначальномъ человѣчествѣ широкое дѣйствіе міровыхъ инстинктовъ, но съ безсмысленно-ложнымъ направленіемъ; цивилизація замѣчаетъ это, но вмѣсто того, чтобы его направить на истинный путь, уничтожаетъ его и дѣлаетъ его узкимъ. — Родовая жизнь.

Мы говорили объ отношеніи между человѣческими свойствами и ихъ способностью давать счастье; прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, необходимо напомнить здѣсь читателю общій законъ силъ и свойствъ человѣческихъ. Всякая сила человѣческая развивается отъ упражненія, завядаетъ и гибнетъ, если она остается бездѣятельною. Мы отнесли семейную любовь человѣка къ инстинктамъ міровой жизни, и если читатель дастъ себѣ трудъ анализировать тѣ элементы, изъ которыхъ слагается это чувство, то онъ очень скоро увидитъ, что мы имѣли полное право это сдѣлать. Въ человѣкѣ нѣтъ простаго и несложнаго чувства семейной любви, нѣтъ даже никакаго особаго свойства, изъ котораго бы оно вытекало; оно прямо слагается изъ тѣхъ особыхъ свойствъ человѣка, изъ которыхъ слагаются и инстинкты міровой жизни, но только подъ вліяніемъ особаго физіологическаго отправленія—отправленія половаго. Тотъ жестоко ошибается, кто полагаетъ, что въ природѣ человѣка вообще существуетъ инстинктивное чувство любви и привязанности именно къ своимъ дѣтямъ. Большая часть людей—весьма поверхностные наблюдатели и если они не умѣютъ наблюдать, то они еще менѣе умѣютъ анализировать сдѣланныя ими наблюденія, поэтому поражающія ихъ эфектныя явленія вполнѣ способны запорашивать имъ глаза; они не способны выдѣлить истинную причину дѣйствія и, такимъ образомъ, опредѣлить настоящій ея источникъ, объемъ и значеніе чувства, изъ котораго она вытекаетъ. Какъ скоро ненаблюдательному человѣку разсказываютъ, что слониха, въ которую негры метали дротики, постоянно старалась стать такъ, чтобы заслонить своего слоненка, и приняла на себя, по крайней мѣрѣ, тридцать дротиковъ, онъ восклицаетъ — да, материнская любовь—это глубокій и сильный инстинктъ, это самое сильное и самоотверженное чувство даже въ животномъ и т. д. Когда онъ читаетъ о

семейной жизни животныхъ, онъ оставляетъ книгу съ полнымъ убѣжденіемъ, что семейная любовь—это инстинктивное чувство, которое поселено не только въ душѣ человѣка, но даже и въ душѣ животнаго. Принявъ эти впечатлѣнія безъ всякаго анализа, онъ и не подумалъ о всеобщемъ фактѣ, что между родителями и взрослыми дѣтьми животнаго вполнѣ прекращается всякая связь — куда же дѣвался этотъ инстиктъ, который онъ считалъ такимъ сильнымъ. Животное дѣйствительно защищаетъ своихъ дѣтей, но во первыхъ степень его мужества при этой защитѣ очень различная; птица очень часто ограничится тѣмъ, что будетъ жалобно пищать, летая кругомъ своего гнѣзда въ то время, когда въ него залѣзетъ человѣкъ или сильное животное; рядомъ съ этимъ мы видимъ птицъ, которыя оставляютъ свои яйца на произволъ судьбы, самокъ, которыя съѣдаютъ своихъ дѣтенышей безъ всякой нужды, повидимому, исключительно для того, чтобы ими полакомиться. Разнообразіе этихъ фактовъ уже очень ясно показываетъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ оно кажется, если судить по примѣру слонихи, защищающей своего дѣтеныша. Прежде всего вы убѣждаетесь всеобщимъ фактомъ полнаго уничтоженія любви къ взрослымъ дѣтямъ, полнымъ прекращеніемъ ихъ связи съ родителями, что привязанность родителей къ дѣтямъ имѣетъ свой корень во временномъ физіологическомъ процессѣ; самка защищаетъ своихъ дѣтенышей съ остервенѣніемъ вслѣдствіе такого же физіологическаго требованія организма, какъ плотоядное защищаетъ захваченный имъ кусокъ мяса. Быкъ нашего стада вовсе не заботится о своихъ дѣтяхъ, корова или вовсе не защищаетъ своего теленка, или защищаетъ очень слабо; домашняя жизнь животнаго, искусственно удовлетворяя физіологическимъ процессамъ, уменьшила дѣятельность родительскихъ инстинктовъ почти до нуля. Курица снесетъ яйцо и убѣжитъ; она очень хладнокровно смотритъ, какъ у ней отбираютъ яйца, но когда въ ней разовьется извѣстный физіологическій процессъ, она будетъ стремиться вывести снесенныя ею яйца; но процессъ этотъ можно прекращать, что и дѣлается постоянно въ хозяйствахъ, тогда курица будетъ смотрѣть на свои яйца съ прежнею беззаботностью. Когда физіологическій процессъ находится въ полномъ своемъ развитіи, тогда, побуждаемая этимъ процессомъ, она будетъ заботливо выводить дѣтей, но кромѣ ея яицъ можно ей подложить другія, она выведетъ ихъ съ тѣмъ же стараніемъ—слѣдовательно, это уже будутъ не ея дѣти, а выведенныя ею дѣти, пріемыши, найденыши; но между своими дѣтьми и своими воспитанниками она не будетъ дѣлать ни малѣйшаго различія. Пѣтухъ вовсе не заботится о своихъ дѣтяхъ. Поразительныя наблюденія въ томъ же самомъ родѣ можно собрать и относительно людей. Эти наблюденія будутъ представлять собою не исключительные, а общераспространенные и всѣмъ извѣстные факты. Люди образованные и необразованные безпрерывно совокупляются, какъ животныя, нисколько не помышляя о послѣдствіяхъ, которыя отсюда проистекаютъ, съ лицами, которыхъ они видѣли одинъ разъ и только для удовлетворенія своей потребности. Мать, родивъ ребенка, не хочетъ ни кормить его, ни ухаживать

за нимъ, изъ лѣни, кокетства и по другой ничтожной причинѣ. Кормилица оставляетъ собственнаго своего ребенка и идетъ кормить другого за деньги. Выкормивъ его, она нисколько къ нему не привязана или привязывается на столько же, какъ нянька, гувернантка и т. д. Собравъ всѣ эти факты, мы вполнѣ убѣждаемся, что связь, которая создается между родителями и дѣтьми, и взаимная привязанность, которая тутъ рождается, вытекаютъ не изъ какого-нибудь особеннаго инстинкта, а есть прямое произведеніе инстинктовъ міровой жизни вообще. Кормилица не привязывается къ своему ребенку или привязывается на столько же, какъ нянька; она считаетъ его чужимъ и не заботится о его судьбѣ, а мать его воспитываетъ потому, что признаетъ его своимъ. Отецъ воспитываетъ дѣтей отъ законной жены и считаетъ ихъ своими, а дѣтей отъ любовницъ ставитъ на совершенно другую ногу и часто вовсе объ нихъ не заботится. Негры, въ которыхъ подозрительность развилась до такихъ странныхъ размѣровъ, точно такъ же подозрѣваютъ своихъ дѣтей въ намѣреніи ихъ отравить и испортить, какъ и всѣхъ другихъ людей. Тамъ, гдѣ господствуютъ родовыя понятія, гдѣ жена переходитъ отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, въ древней Индіи, теперь въ Тибетѣ, какъ во многихъ мѣстахъ Африки и т. д. всѣ члены рода питаютъ къ ребенку одинаковую привязанность, и любовь живѣе всего не въ отцѣ и не въ матери, а въ томъ, кто имѣетъ самое нѣжное и воспріимчивое къ любви сереце; нерѣдко тоже самое можно встрѣтить и въ нашихъ многолюдныхъ семействахъ. Изъ всего этого мы видимъ совершенно ясно, что общественное мнѣніе, которое порождаетъ въ людяхъ чувства путемъ инстинктовъ міровой жизни, играетъ несравненно большую роль въ порожденіи семейной любви и семейныхъ чувствъ, чѣмъ физіологическіе, половые процессы и влагаемые въ нихъ, крайне невѣрно понимаемые, родительскіе инстинкты; иначе отцы не дѣлали бы такого распространеннаго различія между своими законными и незаконными дѣтьми, люди не соглашались бы въ такихъ большихъ размѣрахъ и такъ легко сходиться только для удовлетворенія своей плотской потребности, не заботясь о томъ, что изъ этого произойдетъ, кормилица не смотрѣла бы на ребенка, котораго родила, какъ на родного, а на ребенка, котораго вскормила, какъ на чужого и т. д. У многихъ народовъ, напримѣръ у древнихъ евреевъ, гдѣ человѣкъ уважался за многочисленное семейство, женщины признавали своими дѣтьми дѣтей, рожденныхъ отъ постороннихъ женщинъ. Рахиль предлагаетъ своему мужу, Якову, свою рабыню: «Я буду имѣть дѣтей черезъ нее», говоритъ она. Когда у рабыни родится ребенокъ, Рахиль говоритъ: «Она мнѣ дала сына». Лея, другая жена Якова, родивши четырехъ дѣтей, желаетъ имѣть еще, и потому предлагаетъ Якову свою рабыню и порожденныхъ ею двухъ сыновей считаетъ своими. Но общественное мнѣніе все-таки едва ли могло бы установить и воспитать въ людяхъ семейныя чувства въ томъ видѣ, въ которомъ мы ихъ встрѣчаемъ, еслибы въ людяхъ не существовало извѣстной впечатлительности и извѣстныхъ способностей, дававшихъ къ тому возможность. Ребенокъ почти на всѣхъ людей производитъ особенное, плѣни-

тельное впечатлѣніе, которое порождаетъ въ нихъ желаніе и наклонность воспитывать дѣтей. Но это свойство вовсе не составляетъ особенности ребенка, родившагося отъ человѣка, но ребенка вообще; когда нѣтъ собственнаго ребенка, то чета беретъ пріемыша и привязывается къ нему точно такъ же, какъ къ собственному сыну. Если мы внимательно разсмотримъ всѣ явленія, которыми сопровождается любовь къ дѣтямъ, начиная отъ крайняго предпочтенія, которое даетъ аристократъ своему первородному сыну, или восточный узурпаторъ сыну отъ жены старинной царской крови, и кончая крайнимъ пренебреженіемъ, съ которымъ онъ относится къ своему ребенку отъ любовницы низкаго происхожденія,—отъ деликатнаго обращенія съ дѣтьми, которое вводится въ хорошей школѣ среди цивилизованнаго народа и до негра и португальца, католическаго священника, который продавалъ своихъ дѣтей отъ рабынь за бутылку рома, зная очень хорошо, что они задохнутся между двумя палубами невольничьяго судна, то мы легко убѣдимся, что любовь къ дѣтямъ порождается въ человѣческомъ сердцѣ не именно своими, но всѣми дѣтьми вообще и развивается отъ двухъ причинъ: отъ постояннаго упражненія и отъ вліянія общественнаго мнѣнія. Если люди обыкновенно такъ безпрекословно воспитываютъ своихъ дѣтей, то это исключительно происходитъ отъ того, что общественное мнѣніе съ самыхъ малыхъ лѣтъ пріучило ихъ къ мысли, что слѣдуетъ воспитывать своихъ дѣтей, и къ этому присовокупляется вся исторія зарожденія и воспитанія ребенка, съ колыбели создающая наиболѣе благопріятныхъ случаевъ для развитія привязанности къ этому ребенку. Общественное мнѣніе, развивая чувствительность, развиваетъ ее къ дѣтямъ вообще, а не именно къ своимъ дѣтямъ. Развитая такимъ образомъ женщина получаетъ истерику, падаетъ въ обморокъ при видѣ всякаго ребенка въ большой опасности, когда локомотивъ паровоза грозитъ его раздавить, когда онъ окруженъ огнемъ или горитъ; относительно собственнаго ребенка чрезъ привычку къ нему это впечатлѣніе только нѣсколько усиливается. Половая потребность дѣйствуетъ какъ сильный стимулъ на развитіе привычки, но только тогда, когда общественное мнѣніе поддерживаетъ строгость нравовъ. Такимъ образомъ самыя воззрѣнія общественнаго мнѣнія имѣютъ существенное вліяніе на видоизмѣненія въ чувствахъ, которыя производятся привычкою. Братъ воспитываетъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ и содержитъ ихъ такъ же, какъ отецъ, потому что онъ привыкъ смотрѣть на это, какъ на прямую свою обязанность; онъ ставитъ эту обязанность выше обязанности заботиться о своихъ незаконныхъ дѣтяхъ, но ниже воспитанія законныхъ дѣтей, и сообразно съ этимъ онъ будетъ приносить для такого воспитанія жертвы. Можетъ случиться, что онъ по свойствамъ своимъ будетъ питать наибольшую привязанность и симпатію къ какому-нибудь изъ незаконныхъ своихъ дѣтей и все-таки принесетъ для него менѣе жертвы, чѣмъ для какой-нибудь сестры или для законнаго сына, которые будутъ ему положительно антипатичны. Тутъ вліяніе общественнаго мнѣнія будетъ сильнѣе непосредственной любви. Теперь намъ будетъ ясно предпочтеніе, которое дастъ мачиха своимъ дѣтямъ,

передъ дѣтьми другой матери; то обстоятельство, что она носила и родила ребенка, должно имѣть на ея чувства гораздо менѣе вліянія, чѣмъ убѣжденіе, порожденное общественнымъ мнѣніемъ, что этого ребенка она должна считать преимущественно своимъ, и что связь между ними болѣе тѣсная. Таже самая женщина, которая въ качествѣ мачихи всего грубѣе способна проявлять предпочтеніе своему ребенку, будетъ всего склоннѣе искусственно и незамѣтно ускорять смерть этого ребенка, если онъ будетъ незаконный и сдѣлается для нея источникомъ страданій чрезъ инстинкты міровой жизни. Если общественному мнѣнію всего легче был создать любовь къ дѣтямъ въ семействѣ и сдѣлать семейство базисомъо для дѣтскаго воспитанія, то это совершенно естественно, потому что въ семействѣ всего легче можетъ развиться та привычка, которая способствуетъ развитію любви. Поэтому и любовь къ дѣтямъ вообще могла развиваться, только исходя изъ семейства. Человѣкъ, который хотѣлъ развить и воспитать своихъ дѣтей въ семействѣ, тотчасъ же замѣчалъ въ какой степени успѣхъ этого воспитанія зависитъ отъ той дѣтской среды, въ которой вращались его дѣти. Онъ старался создать для нихъ нормальную, здоровую среду и естественно переносилъ свое участіе на дѣтей, входившихъ въ эту среду и, наконецъ, на дѣтское воспитаніе вообще. Пока нѣтъ гимназіи, въ которой родители могутъ дать своимъ дѣтямъ лучшее образованіе, чѣмъ дома, до тѣхъ поръ родители мало заботятся о томъ, какъ воспитываются дѣти въ болѣе бѣдной и грубой средѣ, и заботятся мало не потому, что у нихъ нѣтъ къ этому впечатлительности, а потому, что у нихъ нѣтъ впечатлѣній, они ничего не узнаютъ объ этомъ. Но лишь только ихъ собственный сынъ, посѣщая гимназію, начинаетъ приносить домой дурныя чувства и привычки, заимствованныя у грубо-воспитанныхъ дѣтей, у родителей тотчасъ пробуждаются и вниманіе и чувствительность относительно всѣхъ посѣщающихъ гимназіи. Если эти впечатлѣнія имѣли извѣстную продолжительность и извѣстное постоянство, то они породятъ въ нихъ новую силу—участіе къ дѣтскому воспитанію; они разовьютъ въ нихъ естественную способность любви къ дѣтямъ вообще. Они будутъ интересоваться дѣтскимъ воспитаніемъ и тогда, когда ихъ дѣти будутъ взрослыми и не будутъ нуждаться въ воспитаніи. Если эта развившаяся сила будетъ находить себѣ постоянную пищу, если они будутъ принадлежать къ какимъ-нибудь воспитательнымъ обществамъ или организаціямъ, то эта сила можетъ развиваться и сохраняться въ нихъ до конца жизни, но отъ бездѣйствія она можетъ заглохнуть и уничтожиться. Какъ скоро человѣкъ однажды начинаетъ давать болѣе обширный кругъ своему чувству любви къ дѣтямъ, онъ легко начинаетъ понимать, что онъ развивается; совершенствуясь, онъ получаетъ возможность воспитывать лучше и собственныхъ своихъ дѣтей. Онъ нетолько развивается самъ, но способствуетъ развитію чувствъ во всѣхъ тѣхъ родителяхъ, которые до посылки своихъ дѣтей въ гимназію оставались при прежнихъ грубыхъ чувствахъ къ дѣтямъ и воззрѣніяхъ на воспитаніе. Такимъ образомъ гимназіи и публичныя училища, въ особенности, если они порождаютъ педагогическую литературу, которая чи-

тается родителями, дѣлаются источникомъ развитія широкихъ чувствъ къ дѣтямъ; развивая новую силу, неизбѣжно, конечно, увеличиваютъ этимъ и человѣческое счастье. Въ западной Европѣ это приводитъ къ тому, что въ среднемъ классѣ, гдѣ господствуетъ публичное воспитаніе, чувства и воззрѣнія людей гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ высшемъ аристократическомъ, гдѣ преобладаетъ воспитаніе домашнее. Между англійскими лордами существуетъ до такой степени грубое воспитаніе своихъ дѣтей, съ помощью розогъ и пр., что оно возбуждаетъ справедливое негодованіе во всѣхъ порядочныхъ людяхъ средняго класса. Въ демократическихъ государствахъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ, дѣло идетъ еще далѣе: дѣти высшихъ сословій получаютъ первоначальное свое образованіе въ народной школѣ, и въ результатѣ выходитъ еще болѣе широкое развитіе родителей; чувства родителей не остаются въ кругу, для котораго центромъ служатъ ихъ гимназіи, они обнимаютъ уже все народное воспитаніе и развитіе въ обширномъ смыслѣ. Американецъ не имѣетъ узкаго кругозора человѣка, принадлежащаго къ среднему сословію въ Европѣ, гдѣ господствуетъ такъ много чувствъ и воззрѣній, прямо убивающихъ развитіе инстинктовъ міровой жизни. Тутъ исчезаетъ уже та ограниченность чувствъ, которая заставляетъ европейца желать развитія только для своего кружка и которая въ концѣ концовъ приводитъ на столько же къ упадку развитія, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества. Европейское привилегированное высшее сословіе, будто-бы уничтожившее всѣ привилегіи, толкуетъ о вредѣ и опасности будто-бы слишкомъ быстраго распространенія просвѣщенія въ народѣ. Тутъ спорятъ даже о томъ, полезно ли распространеніе реальныхъ знаній, а о распространеніи политическихъ и соціальныхъ даже никто не споритъ, такъ всѣ единодушно увѣрены въ его несомнѣнномъ вредѣ. Солидное политическое и соціальное образованіе—это единственное условіе для обезпеченія мирнаго и здороваго развитія въ народѣ; пока подобное образованіе нельзя будетъ получать отъ обладающихъ солидными знаніями учителей нетолько въ каждой гимназіи, но въ каждой народной школѣ, до тѣхъ поръ общество не можетъ надѣяться ни на нормальную, ни на мирную жизнь. Между тѣмъ европейскій привилегированный классъ боится распространенія политическихъ и соціальныхъ знаній нетолько въ народѣ, но даже въ средѣ интеллигенціи. Мѣшая развитію правильно-образовавшихся полныхъ воззрѣній и чувствъ, которыя являются съ основательнымъ знаніемъ, они способствуютъ распространенію полузнанія. Какъ до высшихъ, такъ и до низшихъ доходятъ смутныя понятія о томъ, что существуютъ какіе-то лучшіе порядки, отъ которыхъ увеличивается счастье всѣхъ членовъ общества, но въ чемъ могутъ состоять эти порядки и какими чувствами и воззрѣніями они обусловливаются—это остается неразъясненнымъ. Поэтому каждый составляетъ себѣ идеальное понятіе объ этихъ порядкахъ, сообразное съ его собственными ложными чувствами и понятіями о величіи. Высшіе классы, воображая, что ихъ счастье увеличится, разростаясь въ томъ направленіи, въ которомъ они шли до сихъ поръ, т. е. чрезъ умноженіе ихъ власти и богатства, дѣ-

лаются еще болѣе неуступчивыми, чѣмъ были прежде, и укрѣпляются въ эксплуататорскихъ своихъ наклонностяхъ, для которыхъ стараются только открывать другіе пути. Сдавленное развитіе, превратившееся въ полуразвитіе, дѣлаетъ такимъ образомъ неизбѣжно, хотя и уродливо развивающіяся, разнородныя чувства и стремленія классовъ народа не болѣе солидарными, какъ это было бы при нормальномъ развитіи, но болѣе противоположными; анархическіе взрывы и междоусобія становятся неизбѣжными, получается въ результатѣ именно то, чего старались избѣгнуть. Какъ скоро видятъ невозможность держать народъ въ большемъ невѣжествѣ, по причинѣ грозящаго развитія у сосѣдей, стараются, чтобы народная школа не сообщала никакихъ знаній и распространяла суевѣріе, вмѣсто развитія, и школа отдается во власть духовенства; или прямо учреждаются школы, которыя дѣлятся по исповѣданіямъ на католическія, лютеранскія и т. д.; или какъ въ Англіи проповѣдуется начало свободной, будто бы, народной школы, учреждаемой на частныя деньги, учреждаются воспитательные союзы, во главѣ которыхъ стоитъ духовенство разныхъ исповѣданій, они собираютъ основной фондъ, а правительство даетъ имъ вспоможеніе. Какъ распространены въ Англіи эти школы, учреждаемыя съ цѣлью ничему не учить, можно видѣть изъ распредѣленія въ шестидесятыхъ годахъ инспекторовъ. Изъ числа 35 инспекторовъ 20 заняты инспектированіемъ школъ государственной церкви, 3 школами диссентеровъ, 2 католиковъ, 4 церковными школами Шотландіи, 1 епископальными школами и только 5 другими школами. Въ болѣе просвѣщенныхъ мѣстахъ Англіи, въ большихъ городахъ народъ до такой степени ненавидитъ эти церковныя школы, въ особенности школы государственной церкви, создаваемыя для того, чтобы въ нихъ ничему не учить, что онъ дѣтей своихъ лучше вовсе не посылаетъ въ школы, чѣмъ посылать ихъ въ эти питомники лжи и суевѣрія. Поэтому успѣхи просвѣщенія были такъ незначительны, что втеченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ число неумѣющихъ писать уменьшилось только съ 40% на 30% (все таки около трети, женщинъ ровно треть, 33.7%, а мужчинъ 24%); да и это показаніе сомнительно, потому что при повѣркѣ во флотѣ оказалось неумѣющихъ читать болѣе 40%, а неумѣющихъ писать болѣе 50%, а такъ какъ женщинъ безграмотныхъ еще болѣе, то и оказывается, что далеко большая половина англійскаго народа совершенно безграмотна — успѣхъ, если и былъ сдѣланъ, то самый незначительный. Какъ подобное положеніе отзывается на умственномъ и нравственномъ развитіи высшихъ классовъ Европы, показываетъ слѣдующій фактъ. Всякому, кто знакомъ съ современной наукой, извѣстно, какъ англійскіе ученые гордятся обширностью и основательностью своихъ знаній, любовью къ серьезному чтенію, которая будто-бы распространена въ высшихъ слояхъ англійскаго общества и обнаруживается фактами вродѣ того, что политическая экономія Милля каждый годъ получаетъ новое изданіе. Однакоже оказывается, что въ 1864 году въ Лондонѣ вышло 2122 новыя книги религіознаго и вымышленнаго содержанія и только 1265 серьезныхъ книгъ; включая брошюры и памфлеты, тамъ вышло 135 книгъ юридическаго и политическаго содержанія и 715 теологическихъ.

Такимъ образомъ высшіе классы, опасаясь просвѣщенія народныхъ массъ, мѣшаютъ интеллектуальному развитію въ своей собственной средѣ. Американецъ Соединенныхъ Штатовъ вовсе не боится народнаго образованія, тамъ народная школа не только не подчинена духовенству, но духовенство даже вовсе устраняется отъ преподованія; даже въ воскресныхъ школахъ, гдѣ сосредоточивается религіозное обученіе, оно производится свѣтскими, а не духовными лицами. Сорокъ тысячъ американскихъ библіотекъ содержатъ въ себѣ до тринадцати милльоновъ томовъ. Періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ въ три съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ Великобританіи и въ Германіи; изъ числа этихъ изданій 3,242 политическаго содержанія и только 277 теологическаго. Въ виду этихъ фактовъ, американецъ не можетъ не сознавать своего превосходства надъ европейцемъ съ его, подавляющими развитіе его собственнаго интеллекта, взглядами; не мудрено, если ему можетъ придти иногда въ голову сравненіе европейца съ браминомъ, египетскимъ жрецомъ или другимъ какимъ нибудь двигателемъ древней цивилизаціи, который сначала разливалъ свѣтъ просвѣщенія, а потомъ, все болѣе и болѣе опасаясь, чтобы гибельный плодъ наукъ не проникъ въ народъ, довелъ самаго себя до самаго жалкаго и грубаго невѣжества и дисциплинировалъ себя до безвыходной рутины. Можетъ ли быть что нибудь болѣе жалкое интеллигенціи, которая боится развитія просвѣщенія? это предвозвѣстни къ будущей гибели цивилизаціи, точно такъ-же, какъ жадность къ распространенію въ народѣ знаній — предвозвѣстникъ ея процвѣтанія.

Немудрено понять всю разницу между американскимъ и европейскимъ направленіемъ, немудрено постигнуть, почему Америка можетъ заслонить собою Европу, несмотря на большую древность научнаго развитія въ Европѣ и несмотря на то, что наука тутъ глубже укоренилась. Если Европа не перемѣнится, то Америка возьметъ надъ нею верхъ, точно такъ же, какъ Греція взяла верхъ надъ Египтомъ и западной Азіей, и по тѣмъ же причинамъ. Во всякомъ обществѣ впереди идутъ только самыя способныя и даровитыя личности, а большинство только слѣдуетъ за ними, развивая свои чувства и способности въ ту сторону, на которую они укажутъ. Чѣмъ обширнѣе будетъ кругъ, изъ котораго могутъ выходить эти передовыя личности, и чѣмъ болѣе будетъ сосредоточено старанія на всестороннемъ, не только умственномъ, но и нравственномъ ихъ развитіи, т. е. чѣмъ болѣе образованіе будетъ разлито въ народѣ, чѣмъ образованіе это будетъ солиднѣе и чѣмъ болѣе оно будетъ не только умственнымъ, какъ въ Европѣ, но и нравственнымъ [1]), тѣмъ рѣшительнѣе будетъ превосходство народа надъ другими и тѣмъ счастливѣе будетъ этотъ народъ во всѣхъ слояхъ своего общества. Общество, которое встало однажды въ этомъ отношеніи на болѣе здоровую точку, чѣмъ тѣ,

---

[1]) Подъ словомъ нравственное образованіе мы разумѣемъ нормальное развитіе инстинктовъ міровой жизни, а не распространенія лжи и суевѣрія,—вольно же было европейцамъ назвать эту болѣзнь нравственнымъ развитіемъ.

которыя его окружаютъ, будетъ всегда идти впереди даже и послѣ того, какъ его сосѣди поймутъ причину его совершенствъ и будутъ стараться подражать имъ. Для того, чтобы кто нибудь могъ взять надъ нимъ перевѣсъ, нужно, чтобы въ немъ самомъ явился источникъ порчи. Англичане, занявъ однажды передовое положеніе въ Европѣ, сохраняютъ его до сихъ поръ, несмотря на то, что европейцы давно уже поняли причины ихъ совершенства и тянутся за ними. Испанія, Италія, Россія, Турція уже болѣе столѣтія понимаютъ ложность своего прежняго направленія, по сравненію съ Англіей, Франціей и Германіей, и стараются ихъ догнать, однакоже все таки остаются въ заднихъ рядахъ. Передняя Азія и Египетъ поняли источникъ умственнаго перевѣса Греціи надъ ними, втеченіи столѣтій не только заимствовали у нихъ, но даже прямо всасывали въ себя греческіе элементы, но все таки греки остались во главѣ античной цивилизаціи до самаго ея конца, даже и тогда, когда они утратили свою государственную самостоятельность. Китайцы, ставъ однажды во главѣ цивизаціи восточной Азіи, сохранили свое мѣсто до тѣхъ поръ, пока они не столкнулись съ европейской цивилизаціей; хотя всѣ окрестные народы втеченіи столѣтій понимали ихъ превосходство, заимствовали у нихъ, но не одинъ не былъ уже въ состояніи ихъ превзойти, и большинство изъ этихъ народовъ китайцы даже прямо слили съ собою и постоянно умственно подчиняли себѣ своихъ завоевателей. Туже самую судьбу имѣлъ центръ индійской цивилизаціи, средняя и восточная часть индостанской низменности. Отъ ней заимствовали свое образованіе не только южная, западная Индія, большая часть восточно-индійскаго полуострова, безчисленные острова, прилегающіе здѣсь къ Азіи, но она распространила когда-то и свое умственное вліяніе и свою интеллигенцію далеко на сѣверѣ, за предѣлы Гималайскихъ горъ, до самаго сердца туранской низменности, она подчиняла своему интеллектуальному превосходству цѣлый рядъ завоевателей. Все это безчисленное и разнохарактерное населеніе втеченіи столѣтій чувствовало ея преимущество и подражало ей; но все таки не было въ состояніи ее превзойти. Вотъ какую большую важность имѣетъ для народа созданіе въ своей средѣ новаго источника умственнаго и нравственнаго превосходства, вродѣ того, какой нашли американцы въ своей системѣ образованія.

Послѣ этого мы будемъ въ состояніи оцѣнить значеніе того успѣха, который создала для себя Америка, посредствомъ развитія въ своей средѣ любви къ дѣтямъ. Но если мы сравнимъ не только этотъ успѣхъ, но весь успѣхъ, который сдѣланъ былъ европейскою цивилизаціею въ этой области, даже не относительно государствъ застоя, но относительно дикарей съ нормальнымъ состояніемъ чувствъ человѣка, какъ мы его можемъ понять, анализируя структуру человѣческихъ силъ и способностей, то всякій ясно увидитъ, что весь этотъ успѣхъ только первый воробьиный шагъ. Мы видимъ, что на мѣсто многоженства цивилизація поставила единоженство — начало болѣе способствующее развитію любви между мужчиною и женщиною, между родителями и дѣтьми. Опытъ показалъ, что это дѣйствительный и значительный прогрессъ. Въ высшихъ слояхъ

общества чрезъ многоженство вырабатывались самыя циническія отношенія въ семействахъ, глава семейства чаще всего видѣлъ какъ въ женахъ, такъ и въ своихъ дѣтяхъ враговъ и даже отравителей; а въ низшихъ грубыя воззрѣнія и чувства не могли смягчаться потому, что они поддерживались уроками свыше. Точно такой же прогрессъ, отъ котораго выигрывали всѣ и въ особенности высшіе слои общества, составило и уничтоженіе неравенства среди семейства. Въ аристократическомъ семействѣ у отца былъ собственно только одинъ сынъ — это старшій, наслѣдникъ маіората. Этотъ сынъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ былъ естественный врагъ остальныхъ своихъ братьевъ и сестеръ, а чрезъ это и естественный врагъ своей матери. Эти два естественные врага семейства были нетолько гонителями своихъ сестеръ, которымъ они навязывали мужей изъ тщеславія и которыхъ они упрятывали въ монастырь, если имъ неудалось составить блестящей партіи, но и вѣчными гонителями своихъ братьевъ, у которыхъ они нетолько отбирали наслѣдство, но которымъ они навязывали карьеру, нисколько не сообразуясь ни съ ихъ выгодами, ни съ ихъ наклонностями. Въ семействахъ, точно такъ же, какъ среди восточнаго многоженства, преобладали интриги, этикетъ и самыя сухія, циническія отношенія. Вліяніе точно такого же рода, хотя въ меньшей степени, производило всякое предпочтеніе въ средѣ семейства, если предпочитались, напр., братья сестрамъ и т. д. Какую глубокую ненависть могутъ къ себѣ внушать такія искаженія человѣческихъ чувствъ, мы видимъ, напр., въ эпоху великой французской революціи. Кровный аристократъ Мирабо, который втеченіи всей своей жизни ни на минуту не могъ отдѣлаться отъ аристократическихъ чувствъ и аристократической испорченности, до такой степени ненавидѣлъ эту, подрывающую естественную любовь между людьми, организацію семейства, что онъ завѣщалъ ея уничтоженіе при своей смерти. Онъ былъ тутъ уже не политическимъ дѣятелемъ, а просто человѣкомъ, который говорилъ то, что у него накипѣло на душѣ. Черезъ часъ послѣ его смерти, въ національномъ собраніи была прочтена его рѣчь о равенствѣ въ семействахъ, которую называютъ его политическимъ завѣщаніемъ. Онъ требовалъ уничтоженія этого неравенства, которое по его словамъ плодило ненависть тамъ, гдѣ природа создавало братство. У французовъ нетолько созрѣла мысль о необходимости безусловнаго равенства среди семейства, но они настаивали на томъ, чтобы это равенство никѣмъ не могло быть нарушено. Робеспьеръ въ этомъ отношеніи вполнѣ сходился съ Мирабо. Конвентъ декретомъ отъ 7-го марта 1793 г. воспрещалъ всѣ распоряженія на случай смерти, даренія и завѣщанія, которыя могли бы нарушить начало равнаго раздѣла имуществъ послѣ смерти отца. Но и этого показалось мало, законъ отъ 17 нивоза II года пошелъ еще далѣе. Увлеченіе было такъ велико, что этому закону дано было знаменитое въ исторіи французской революціи обратное дѣйствіе, съ 14-го Іюля 1789 года, т. е. со дня взятія Бастиліи. Невозможно было сильнѣе и поразительнѣе проявить глубокія чувства, порожденныя прежнимъ ненавистнымъ семейнымъ порядкомъ. Реакціонное движеніе

Code civil было очень незначительно и вполнѣ доказало до какой степени всѣ эти мѣры были популярны и на какомъ онѣ стояли твердомъ основаніи. Равенство въ семействахъ между лицами обоихъ половъ было признано вполнѣ и только для завѣщательной дѣятельности оставлено болѣе простора, да и то при нѣсколькихъ дѣтяхъ отецъ могъ располагать только четвертью своего имущества. Когда за тѣмъ, въ 1826 году, Карлъ X сдѣлалъ попытку возстановить аристократическое семейство и когда эта попытка была уничтожена, то всеобщій восторгъ былъ такъ великъ, что Парижъ былъ иллюминованъ. И такъ какъ скоро являлись порядки, которые увеличивали любовь въ средѣ семействъ, водворяя въ нихъ равенство, счастье всего общества увеличивалось; отъ него столько же увеличивалось благополучіе высшихъ, какъ и низшихъ; задушевныя отношенія стали на мѣсто цинническихъ и грубыхъ и возвысили нравственный уровень всѣхъ. Точно такой же прогрессъ явился, какъ скоро человѣкъ свою любовь къ дѣтямъ вынесъ изъ тѣсныхъ предѣловъ узкаго кружка своего семейства и сталъ переносить на болѣе широкій кругъ дѣтей. Это прямо привело къ тому, что человѣкъ сталъ выше цѣнить умственное и нравственное развитіе и образованіе и, способствуя развитію дѣтей, развивалъ все общество и самъ развивался. Какая польза дѣтямъ человѣка отъ того, что, сосредоточивая на нихъ исключительно свою любовь и подавляя просвѣщеніе въ остальныхъ, онъ искусственно дастъ имъ болѣе высокое положеніе въ общественной средѣ. Если они мало способны къ передовой умственной и нравственной дѣятельности, то способности ихъ не увеличатся отъ того, что посредствомъ подавленія народнаго просвѣщенія они поставлены будутъ во главѣ интеллигенціи. Это разовьетъ въ нихъ только уродливыя и мучительныя для нихъ самихъ чувства, они инстинктивно будутъ понимать, что они поставлены въ свое положеніе искусственно и только искусственно могутъ въ немъ удержаться. Они неизбѣжно будутъ смотрѣть враждебно и на общество и на просвѣщеніе, убьютъ въ себѣ самихъ тѣ начала умственнаго и нравственнаго развитія, которыя въ нихъ лежали, будутъ вырабатывать изъ себя негодяевъ и грубыхъ людей на муку себѣ и другимъ. Если же любовь къ дѣтямъ будетъ всеобъемлющая, если она не будетъ ограничиваться ни своими дѣтьми, ни дѣтьми своего кружка, то это прямо приведетъ къ тому, что руководителями общества будутъ наиболѣе способные люди. Сынъ отца, стоящаго въ средѣ или во главѣ этихъ руководителей, можетъ, правда, не занять мѣста своего отца и уступить его болѣе способному, но зато же онъ будетъ живой человѣкъ, развивающій всѣ свои силы при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, т. е. подъ руководствомъ людей наиболѣе способныхъ развивать ихъ; давая своимъ силамъ наибольшее развитіе, онъ будетъ пользоваться и максимумомъ счастья, къ которому онъ способенъ. Если бы его родители не имѣли симпатіи къ дѣтямъ вообще, а чрезъ это и къ народному образованію, то онъ, можетъ быть, получилъ бы по наслѣдству роль руководителя общества, но это было бы азіятское общество, онъ самъ былъ бы грубый, невѣжественный варваръ и жилъ бы самой узкой и жалкой жизнію.

И такъ, чѣмъ шире дѣлаются симпатіи человѣка къ дѣтямъ, тѣмъ болѣе онъ самъ развивается, и тѣмъ болѣе развивается все общество. Но велика ли ширина этого чувства въ современномъ обществѣ? Какъ скоро учреждаются школы, гдѣ всѣ или почти всѣ дѣти обучаются скудной грамотѣ, какъ скоро при этомъ скудномъ обученіи ихъ избавляютъ отъ зловредныхъ, убійственныхъ для умственнаго и нравственнаго развитія вліяній, какъ скоро учреждаются пріюты для дѣтей, оставшихся безъ всякой поддержки, какъ скоро матери, а иногда и отцы большихъ семействъ ,которые не въ состояніи ихъ содержать, получаютъ нѣкоторое вспомоществованіе, то общество считаетъ это уже большимъ подвигомъ съ своей стороны. Въ исторіи мы видимъ слѣдующій фактъ. Иногда у народовъ на низкихъ ступеняхъ развитія инстинкты міровой жизни проявляются сравнительно очень сильно, но они проявляются совершенно безсмысленно. Въ Индіи и другихъ древнихъ теократическихъ цивилизаціяхъ инстинкты міровой жизни проявлялись въ благочестивыхъ пожертвованіяхъ въ пользу духовенства. Но это было, конечно, совершенно ложное и безсмысленное направленіе, и прогрессъ античной цивилизаціи заключался именно въ томъ, что она поняла всю эту безсмысленность. Однакоже, эта цивилизація не стала давать этимъ инстинктамъ правильное, вмѣсто ложнаго, направленіе, она прямо убивала ихъ, прекращала ихъ развитіе. Убивъ широкіе міровые инстинкты, она только нѣсколько развила чувство состраданія, породила мягкость нравовъ. Изъ этого вышло только то, что, испытавъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій всю горечь новыхъ идей, человѣчеству пришлось возвратиться къ старому своему положенію. Христіанство вновь вызвало широкую дѣятельность міровыхъ инстинктовъ, но породило средніе вѣка, гдѣ они приняли прежнее нелѣпое направленіе, убило античную цивилизацію и возвратило къ прежнему варварству. Ошибка въ направленіи цивилизаціи привела къ тому, что человѣчество безплодно потеряло три тысячи лѣтъ изъ своей жизни. Нѣчто подобное мы видимъ и въ области отношеній между взрослымъ поколѣніемъ и дѣтьми. У дикаго человѣка мы безпрерывно встрѣчаемся съ родовымъ бытомъ. У негровъ, гдѣ скотъ употребляется вмѣсто денегъ, роды стараются пріобрѣсти какъ можно болѣе скота; этотъ скотъ они опять-таки употребляютъ на то, чтобы вымѣнивать на него женщинъ; чѣмъ больше въ родѣ женщинъ, и чѣмъ больше они имѣютъ отъ этихъ женщинъ дѣтей, тѣмъ больше они гордятся этимъ. Они мало обращаютъ вниманія на то, будутъ ли эти дѣти законныя или незаконныя. Точно такія же явленія мы видимъ въ азіатской родовой жизни, тамъ даже вдовы прямо поощряются имѣть незаконныхъ дѣтей, лишь бы эти дѣти принадлежали роду; азіатская ревность уменьшается по мѣрѣ того, какъ бытъ азіята приближается къ кочевой палаткѣ бедуина. Подобное состояніе сохраняется у народовъ и на значительной степени развитія, пока у него существуетъ привычка жить большими семействами; въ подобныхъ русскихъ семействахъ, доходящихъ до пятидесяти и шестидесяти человѣкъ, всѣ дѣти отъ различныхъ отцовъ и матерей живутъ въ одинаковомъ помѣщеніи, питаются за общимъ столомъ такой же пищей; мало

этого, когда членъ семейства отправляется на заработки и присылаетъ оттуда деньги, то эти деньги идутъ на общія нужды семейства, и его жена и дѣти не получаютъ предпочтенія; даже когда онъ возвращается на время домой и приноситъ съ собою подарки, то онъ одинаково съ своей женой и дѣтьми долженъ одарить всѣхъ женщинъ и дѣтей семейства. Конечно, это явленіе уже очень мелко, сравнительно съ родовою жизнью, напримѣръ, бедуиновъ. Мы удивляемся громаднымъ, простиравшимся до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, пенямъ, которыя взимались съ бедуиновъ, чтобы отъучать ихъ отъ грабежа; но это прямо зависѣло отъ размѣровъ, которые принимала у нихъ общая жизнь и общность интересовъ: нетолько грабитель, но весь родъ его долженъ былъ нести наказаніе, а для цѣлаго рода незначительная пеня была совершенно нечувствительна. Нормальность этого стремленія совершенно понятна. Производительныя силы человѣка одинаковы, будетъ ли онъ имѣть много или мало дѣтей, или вовсе не будетъ ихъ имѣть; на рынкѣ цѣна на трудъ установляется однообразно, не обращая вниманія на присутствіе или отсутствіе и на размѣры семейства, слѣдовательно, совершенно нормально, чтобы всѣ люди, одинаково зарабатывающіе, приносили одинаковыя жертвы, чтобы воспитать и развить молодое поколѣніе. Это имѣетъ еще несравненно болѣе серьезную сторону. Всякій человѣкъ, у котораго чувство любви къ дѣтямъ не развивается, потому что онъ не имѣетъ семейства или имѣетъ очень незначительное, убиваетъ развитіе этого чувства въ другихъ, точно такъ же, какъ номады-грабители, которые безнаказанно обезпечиваютъ себя грабежемъ и величаются этимъ, убиваютъ чувство честности и стремленіе къ трудолюбію въ земледѣльческомъ населеніи. Когда послѣ упорнаго недѣльнаго труда фабричные работники, семейные и безсемейные, сходятся повеселиться, безсемейные роскошничаютъ и увлекаютъ за собою семейныхъ, которые забываютъ о воспитаніи своихъ дѣтей, чтобы за ними тянуться; распутная женщина щегольствомъ своимъ увлекаетъ мать семейства. Оказывается, что въ городахъ, гдѣ рабочіе получаютъ несравненно больше содержаніе, они содержатъ своихъ дѣтей гораздо хуже, чѣмъ скудно вознаграждаемые сельскіе работники, и смертность между этими дѣтьми гораздо сильнѣе. Общество разрушило узкость родового быта, гдѣ человѣкъ сосредоточивался на своемъ родѣ и смотрѣлъ на все остальное человѣчество, какъ на враговъ, но не дало инстинктамъ, которые тутъ воспитывались, того, въ чемъ они нуждались,—болѣе широкаго развитія любви къ дѣтямъ, а убило ихъ, поставивъ на мѣсто рода узкое семейство и еще болѣе узкую холостую индивидуальность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы общество даже не пошло далѣе родового быта, а только сохранило его въ городахъ, то чувство любви къ дѣтямъ получило-бы тутъ замѣчательно широкое развитіе. Отъ постояннаго столкновенія между рабочими общественные инстинкты міровой жизни въ нихъ сильно возбуждаются, но теперь, при ложномъ ихъ направленіи, они развиваютъ въ нихъ только пустое тщеславіе; еслибы направленіе было нормальное, то они съ тою же живостью развивали бы правильныя чувства, и дѣтямъ въ городахъ

жилось бы гораздо лучше, чѣмъ въ селеніяхъ. Доказательства привести не трудно: стоитъ взять сторону развитія любви къ дѣтямъ, которая и при настоящемъ настроеніи общества находится въ зависимости отъ большей или меньшей живости сношеній между людьми — это именно народное образованіе. Въ Швейцаріи, напримѣръ, въ кантонахъ, гдѣ преобладаетъ городская жизнь, образованіе дѣтей получаетъ несравненно большее развитіе, чѣмъ тамъ, гдѣ преобладаетъ сельская. Въ кантонахъ Женева и Базель-штадтъ 123,559 жит., а городского населенія 107,097. Эти два кантона употребляютъ на народное образованіе (1864 г.) 617,798 фр. Пять кантоновъ, Ури, два Аппенцель, Цугъ и Швицъ имѣютъ 139,819 жителей, а городского населенія всего 32,070 человѣкъ; они употребляютъ на народное образованіе 50,943 фр., т. е. при большемъ населеніи въ двѣнадцать разъ менѣе. По этому примѣру можно судить, какъ бы развилось въ городахъ чувство любви къ дѣтямъ, еслибы развитіе это съ самаго начала получило нормальное направленіе. Но вѣдь мало ли, что было бы! Когда рѣчь идетъ о живомъ вопросѣ, о томъ, какъ поступить въ данную минуту, верхъ нелѣпости говорить о томъ, какъ было бы дѣло, еслибы въ обществѣ было другое настроеніе. Мы должны его брать такимъ, какимъ оно есть. Какимъ образомъ мы можемъ ожидать, чтобы работникъ поступилъ нормально подъ давленіемъ нужды, къ которому, въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, примѣшивается тщеславіе, когда люди высшаго общества, подъ вліяніемъ одного тщеславія, даютъ сыну самый пагубный примѣръ; вотъ почему крайне интересно уяснить себѣ, почему родовой бытъ, разрушаясь, привелъ не къ развитію, а къ подавленію нормальныхъ инстинктовъ любви.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Въ родовомъ бытѣ всѣ одинаково участвуютъ въ воспитаніи дѣтей; какъ разрушается родовая связь; начало уединенія—воспитаніе молодаго поколѣнія переходитъ отъ рода къ семейству, отъ семейства къ одной матери; возрастающая гуманность не можетъ парализировать вредныхъ послѣдствій уединенія; какъ распредѣляются тягости воспитанія: всѣ они сосредоточиваются на одной шестой части взрослаго населенія, которая въ двѣнадцать разъ болѣе обременена, чѣмъ все остальное. — Почему удовлетворительное воспитаніе дѣтей возможно только при общей жизни. — Почему общая жизнь будетъ возможна только тогда, когда въ ней будутъ участвовать и высшіе слои общества. — Чувства и воззрѣнія кланной жизни; почему тутъ невозможно было нормальное развитіе, образованіе сословій. — Переходъ отъ сословной къ семейной узкости. — Почему высшая каста въ европейскомъ обществѣ строже отдѣлена отъ народа, чѣмъ она была отдѣлена въ индійскомъ, и почему европейцы этого не замѣчаютъ. — Почему чрезъ это въ народѣ невозможенъ нормальный взглядъ на воспитаніе молодаго поколѣнія.

Если мы станемъ вникать въ тѣ причины, по которымъ люди и даже племена, отличавшіяся наибольшими природными способностями, переходили отъ родоваго быта, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, къ менѣе нормальнымъ отношеніямъ къ подрастающему поколѣнію, то мы наконецъ убѣдимся, что самая главная причина заключалась именно въ томъ, что люди, которыхъ обстановка постоянно измѣнялась, по мѣрѣ того какъ они увеличились въ числѣ и развивались въ промышленномъ отношеніи, никогда не были способны понять, что самое главное условіе для постояннаго увеличенія ихъ счастья заключается въ нормальномъ и гармоническомъ развитіи ихъ душевныхъ силъ, т. е. ихъ чувствъ и ихъ пониманія. Это развитіе должно стоять на той же самой высотѣ, на какой стоитъ и ихъ внѣшняя обстановка. Какъ скоро гаучо живетъ отдѣльнымъ хуторомъ въ безпредѣльной степи, то ему будетъ казаться совершенно нормальнымъ, если онъ будетъ любить только однихъ своихъ собственныхъ дѣтей; онъ въ полгода разъ увидитъ чужаго ребенка. Если обитатель Сахары чувствуетъ привязанность только къ молодому поколѣнію своего рода, то и въ этомъ нельзя видѣть еще ничего ненормальнаго: въ его степномъ уединеніи ему, конечно, невозможно было развить какія бы то ни было чувства къ другимъ дѣтямъ, которыхъ онъ почти никогда не видитъ и на которыхъ онъ не можетъ оказывать никакого вліянія. Но какъ скоро человѣкъ переходитъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, населеніе дѣлается болѣе густымъ, то для нормальной жизни необходимо, чтобы его чувства къ подрастающему поколѣнію расширялись въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ которомъ его общительная жизнь дѣлается болѣе сложною; иначе, при усложняющихся условіяхъ жизни, онъ непремѣнно порветъ ту нить, ко-

торая нормальнымъ образомъ связываетъ его съ будущими поколѣніями. Въ прежнее время онъ родился и умиралъ въ своемъ родѣ. Теперь уже совсѣмъ не то: съ развитіемъ общественной жизни явилось раздѣленіе труда, человѣку безпрерывно приходилось оставлять свое мѣсто жительства и переходить на другое, гдѣ онъ находитъ свободную или подневольную работу. При этомъ онъ или, какъ египтянинъ, таскаетъ свое семейство за собою, и родовой его бытъ отъ этого естественно разрушался, или онъ поступаетъ болѣе гуманно, какъ русскій, какъ китаецъ: онъ покидаетъ свое семейство въ родѣ и уходитъ для заработка одинъ. Однакожъ, всякому понятно, что начало, связывающее его съ родомъ, должно было естественно страдать отъ такой разлуки; въ такомъ видѣ родовой бытъ не только не даетъ ему болѣе полнаго и нормальнаго удовлетворенія потребностей, но сжимаетъ и давитъ его. Когда онъ жилъ среди рода, родъ помогалъ ему воспитать свое семейство и давалъ ему его, когда онъ его не имѣлъ; теперь же это семейство было большую часть времени для него однимъ воспоминаніемъ, и рядомъ съ этимъ являлись естественно новыя, дѣйствительныя привязанности, нерѣдко даже и половыя. Родовая связь принимала уродливую форму, этого одного было бы достаточно для разрушенія прежняго быта. Загляните въ исторію всѣхъ обществъ, гдѣ населеніе начинало дѣлаться болѣе густымъ,—всѣхъ азіатскихъ до одного, европейскихъ въ античномъ мірѣ и во время среднихъ вѣковъ, сѣверо—африканскихъ,—вездѣ вы увидите такое значительное передвиженіе населенія, что рѣдкій родъ долженъ былъ оставаться безъ уходящихъ изъ него членовъ. Въ Китаѣ напр., въ 606 г. по Р. Х. перепись показала 8,907,536 семействъ. Въ то же время употреблялось для однихъ построекъ публичныхъ зданій, дворцовъ и проч. два милльона людей, для другихъ общественныхъ работъ, каналовъ, насыпей и проч.—милльонъ; войска, по случаю большихъ походовъ, милльонъ; все это составляло нѣсколько менѣе третьей части всего взрослаго мужскаго населенія. Конечно, это было необыкновенное время—для обработки полей осталось слишкомъ мало рукъ и страна раззорилась; но и въ обыкновенное время передвиженіе это было вполнѣ достаточно, чтобы подорвать родовой бытъ. Въ европейской Россіи напр., въ настоящее время войска съ семействами считается 4.048,619 человѣкъ; относительно населенія только на 25% менѣе, чѣмъ въ указанное нами бѣдственное для Китая время. Семействъ, отъ которыхъ работники отлучаются на фабрики и заводы, насчитываютъ до трехъ милльоновъ. Прибавьте къ этому рабочихъ на водныхъ путяхъ и земляныхъ работахъ, на рыбныхъ и другихъ промыслахъ, ремесленниковъ (напр. плотниковъ) въ городахъ, прислугу, извощиковъ и т. д. и вы получите такую цифру, которая навѣрное не будетъ уступать китайской. Въ сѣверной Америкѣ, въ то время, когда населеніе тамъ было не гуще, чѣмъ въ Сибири, когда тамъ не знали ни денегъ, ни желѣза, ни домашнихъ животныхъ, хожденіе на заработки имѣло уже значительные размѣры. Ясно, что измѣнившееся положеніе требовало новой формы жизни, приспособленной къ дальнѣйшему развитію тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыя развивались въ родо-

вомъ быту. Но подобной формы не являлось. Мало того, возникали новыя причины, которыя способствовали болѣе быстрому разложенію родовъ. Наблюдая разлагающійся родовой бытъ у русскихъ, татаръ, мордвы и т. д., я поражался однимъ явленіемъ, которое имѣло очень мало исключеній. Между мужчинами господствовало замѣчательное равенство: лишь только членъ семейства подросталъ и дѣлался работникомъ, онъ получалъ такой же голосъ, какъ и другіе; ни отецъ, ни дѣдъ не пользовались авторитетомъ, и если являлся какой нибудь авторитетъ, то это былъ авторитетъ свободно признаваемый, естественный; между женщинами, напротивъ, никогда не было равенства: младшая въ семействѣ была всеобщая раба и прислуга, старшая—лѣнивый эксплуататоръ, которая мучила всѣхъ мелко-эгоистическими притязаніями. Нѣкоторое время продолжала сильно дѣйствовать старая привычка. Работникъ оставлялъ свое естественное семейство въ родѣ и жилъ въ новомъ мѣстѣ изъ году въ годъ, не думая переводить его за собою. Онъ, конечно, не могъ не чувствовать ненормальности своего положенія, но суевѣрная привычка препятствовала ему произвести перемѣну въ своемъ состояніи. То же было и съ женщинами: жить вмѣстѣ имъ было невыносимо, но онѣ смотрѣли на это, какъ на естественную свою судьбу. Наконецъ, развитіе эманципировало ихъ; женщины первыя брали инціативу и родовой бытъ разлагался. Разложеніе это часто весьма ускорялось искусственными мѣрами, напр., въ Россіи, рекрутской повинностью. Болѣе нормальное начало рода низводилось къ совершенно несправедливому началу особняка-семейства. Всякій, при единообразіи установившихся на рынкѣ цѣнъ, могъ зарабатывать одинаково; а долженъ былъ участвовать въ воспитаніи молодаго поколѣнія весьма различно: одинъ воспитывалъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, а другой ни одного. Одна несправедливость приводила къ другой. При дальнѣйшемъ развитіи промышленнаго движенія, самое семейство начинало разлагаться и воспитаніе дѣтей взваливалось на однихъ женщинъ. Въ Вѣнѣ уже впродолженіи десятковъ лѣтъ оказывается болѣе половины дѣтей внѣбрачныхъ: въ 1851 г. ихъ было 52%, въ 1866 г. 12,395 законныхъ и 13,176 незаконныхъ. Въ округѣ Кернтенъ насчитывалось въ 1864 г. 45½% незаконныхъ дѣтей, въ округахъ нижней Австріи, Зальцбургѣ, Штейермаркѣ около трети дѣтей было незаконныхъ, въ Парижѣ 26% и т. д. Такое противоестественное явленіе, какъ слѣдствіе преобладающей индивидуальности, находитъ себѣ нѣкоторый противовѣсъ въ томъ вліяніи, которое производитъ на людей литература, періодическая печать и самоуправленіе. Они располагаютъ людей всѣхъ классовъ жертвовать деньгами для народнаго просвѣщенія и для обезпеченія бѣдныхъ. Мы дѣйствительно видимъ, что именно въ промышленныхъ центрахъ развитіе просвѣщенія и благотворительности гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Но намъ все-таки будетъ не трудно убѣдиться въ полной несостоятельности этого порядка вещей для человѣческаго развитія. Слишкомъ развившаяся индивидуальность въ ущербъ общественному строю уничтожаетъ всѣ тѣ благопріятныя послѣдствія, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ воз-

растающей гуманности и болѣе высокой цивилизаціи. Вмѣсто того, чтобы закрѣплять за человѣчествомъ навсегда благо болѣе высокаго нравственнаго развитія, она дѣлаетъ всякую цивилизацію непрочною. Не трудно убѣдиться изъ статистики, до какой степени при индивидуальномъ направленіи парализируется дѣятельность быстро развивающихся чувствъ гуманности въ центрахъ просвѣщенія. Большая готовность къ благотворительности, къ распространенію просвѣщенія оказывается самымъ неудовлетворительнымъ суррогатомъ для уничтоженія послѣдствій узкости чувствъ, появляющихся черезъ разъединеніе. Въ центрахъ просвѣщенія и промышленной дѣятельности чувства гуманности, конечно, гораздо болѣе развиты, чѣмъ въ грубомъ быту отдаленныхъ селеній; однакожъ статистика показываетъ общераспространенный фактъ, что, въ томъ же народѣ и при тѣхъ же обстоятельствахъ, въ этихъ центрахъ смертность гораздо значительнѣе, чѣмъ въ сельскихъ округахъ. Во Франціи въ 1864 г. въ промышленныхъ центрахъ умиралъ 37-й, а въ сельскихъ округахъ 48-й. Въ Англіи изслѣдованія показали, что въ четырехъ промышленныхъ центрахъ смертность была болѣе вдвое значительнѣе, чѣмъ въ сельскихъ округахъ. Въ графствѣ Валлисѣ изъ тысячи умирало 18, а въ Ливерпулѣ 48, т. е. почти втрое. Подобный фактъ, при внимательномъ его анализѣ, нельзя приписать городской жизни, болѣе чистому воздуху въ селеніяхъ и т. д.; его нельзя даже приписать условіямъ фабричной работы. Мы видимъ, что въ Россіи низкая смертность точно также характеризуетъ центры промышленности и просвѣщенія, но она одинаково встрѣчается и тамъ, гдѣ промышленная дѣятельность скучена въ городахъ и тамъ, гдѣ нѣтъ слишкомъ большаго наплыва. Въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, гдѣ приходится менѣе двухъ тысячъ человѣкъ на квадратную милю, мы все-таки видимъ поразительную смертность, одного изъ двадцати-двухъ. Фабричная работа, которая даетъ болѣе поводовъ къ эксплуатаціи, конечно, имѣетъ неблагопріятное вліяніе; но это вліяніе совершенно незначительно по сравненію съ общимъ вліяніемъ болѣе живой умственной и промышленной жизнзи. Въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, гдѣ промышленность преимущественно, такъ сказать, ремесленная, по среднему выводу за пять лѣтъ, съ 1857—1861 г., также умиралъ двадцать второй. Подобные факты, совпадая съ увеличеніемъ числа незаконныхъ рожденій, прямо показываютъ, какъ дѣйствуетъ живая умственная и промышленная жизнь на ложно-организованное и воспитанное въ ложныхъ чувствахъ общество. Фальшивое тщеславіе сильно развиваетъ стремленіе къ индивидуализаціи, а развивающійся чрезъ умственное движеніе родъ гуманности вовсе неспособенъ представить ей достаточнаго противовѣса. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что для человѣка, занятаго матерьяльнымъ трудомъ въ странѣ съ кипучей, промышленной дѣятельностью, совершенно недостаточно тѣхъ мимолетныхъ впечатлѣній, долетающихъ до него отблесковъ умственной жизни, чтобы развить въ немъ ту нравственную силу, которая необходима, чтобы тягости воспитанія молодаго поколѣнія распредѣлились правильно и равномѣрно между всѣмъ насе-

леніемъ и не падали исключительно на немногихъ лицъ, обремененныхъ большими семействами. Въ Англіи, по исчисленію ценза 1851 г., въ 14 округахъ (subdistricts) изъ числа 109,085 взрослыхъ лицъ 42,504, т. е. почти двѣ пятыхъ вовсе не воспитывали дѣтей, изъ остальныхъ три пятыхъ, 31,892, воспитывали одного или двухъ дѣтей. Такимъ образомъ 74,396 челов. (болѣе двухъ третей населенія) воспитывали 23,322 дѣтей, т. е. 0,3 человѣка на каждаго; между тѣмъ, какъ остальные 34,689 воспитывали 58,823, т. е. 1,7 ребенка на человѣка или почти по три съ половиною человѣка на семейство, и были почти въ шесть разъ болѣе отягощены воспитаніемъ молодаго поколѣнія. При такомъ порядкѣ, гдѣ менѣе трети взрослаго населенія несетъ всѣ тягости, а болѣе двухъ третей нетолько не участвуетъ въ этомъ, но существенно мѣшаютъ успѣху дѣла своей конкурренціей въ работѣ и своими грубыми чувствами, можетъ ли дѣло воспитанія дѣтей идти успѣшно? Неужели хотя одинъ здравый человѣкъ въ состояніи утверждать, что можетъ дѣло идти и такъ. Не надо забывать, что это не есть какое-нибудь крайнее положеніе, выборъ мѣстности сдѣланъ совершенно случайно. Крайности даютъ совсѣмъ иные результаты — 38 человѣкъ изъ второй группы воспитывали 195 дѣтей, т. е. столько же, сколько въ первой группѣ воспитывали 649 человѣкъ — каждый изъ второй группы былъ въ семнадцать разъ болѣе обремененъ. Одно поколѣніе бѣднаго населенія за другимъ будетъ воспитываться въ тѣхъ же самыхъ мелкихъ и грубыхъ чувствахъ и сдавливающая конкурренція громаднаго большинства необремененныхъ дѣтьми такъ сильно будетъ тяготѣть надъ многосемейными, что послѣдніе всегда должны будутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы кое-какъ вскормить дѣтей, а воспитаніе и образованіе будетъ всегда казаться имъ дѣломъ недостижимымъ; оно останется на попеченіи государства, которое будетъ считать великимъ подвигомъ, если сдѣлаетъ ихъ грамотными. Тысячу лѣтъ тому назадъ, у арабовъ въ Испаніи дѣти были грамотны, и теперь цивилизація хвалится тѣмъ же самымъ и не можетъ похвалиться ничѣмъ болѣе. Результатъ, добытый нами, уже самъ по себѣ очень печаленъ, но не надо забывать, что это еще далеко не все. Мы не говорили еще о томъ, что въ большомъ семействѣ мать не можетъ столько заработывать, какъ безсемейная женщина; уже очень хорошо, если она прокоркормитъ сама себя. Если принять это обстоятельство въ соображеніе, то въ четырнадцати округахъ, о которыхъ мы говорили, 17,344 человѣка будутъ содержать по 3.4 ребенка каждый, слѣдовательно менѣе шестой части населенія несетъ на себѣ всѣ тягости дѣтскаго воспитанія и въ одинадцать разъ болѣе обременена, чѣмъ слишкомъ четыре пятыхъ, которыя не воспитываютъ дѣтей и давятъ остальныхъ своею конкурренціею на рынкѣ труда. Смѣшно думать, чтобы такое положеніе могло измѣниться отъ вліянія одной литературы и чтобы помянутые 42,504 человѣка, не воспитывающіе ни дѣтей, ни братьевъ, только благодаря краснорѣчивымъ проповѣдямъ прессы, которая почти недостигаетъ ихъ низменныхъ слоевъ, уступали двѣ трети своихъ заработковъ семнадцати тысячамъ многосемейныхъ, чтобы уравновѣсить тягости воспитанія. Неодолимымъ

препятствіемъ для такой комбинаціи будетъ уже одно то обстоятельство, что помянутые семнадцать тысячъ, которыхъ доходы чрезъ это почти утроятся, могутъ пропить излишекъ вмѣсто того, чтобы употребить его на воспитаніе дѣтей. Для того, чтобы человѣкъ сдѣлался способнымъ употреблять извѣстную часть своего заработка на воспитаніе дѣтей, необходимо, чтобы онъ привязался къ нимъ точно такъ же, какъ онъ привязывается къ своему семейству—эти дѣти должны быть его семействомъ, его домашнимъ очагомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Удовлетворительная подать для воспитанія дѣтей или удовлетворительное общество взаимнаго обезпеченія, уравновѣшивающее издержки на подрастающее поколѣніе — учрежденія немыслимыя; воспитательный домъ точно также не можетъ достигнуть цѣли, какъ и раздача денегъ многосемейнымъ родителямъ. Единственная комбинація, которая возможна и согласна съ человѣческой природой,—это общая жизнь; точно такая же, но только болѣе усовершенствованная общая жизнь, чѣмъ та, которая встрѣчается въ родовомъ быту. Жизнь эта должна быть приспособлена къ новымъ условіямъ труда. Люди должны собираться удовлетворительными для достиженія великой цѣли группами. Вынужденные условіями труда измѣнить мѣсто жительства, они должны переходить изъ группы въ группу, а не въ полное безсемейное или семейное уединеніе. Подобное уединеніе болѣе ненормальное условіе для правильнаго отношенія къ молодому поколѣнію, чѣмъ родъ, котораго члены разсыпаны по лицу земли чрезъ хожденіе на заработки. Только при такомъ условіи жизни группами, заработная плата можетъ естественно возрастать такимъ образомъ, чтобы работники на свой счетъ были въ состояніи давать дѣтямъ вполнѣ удовлетворительное воспитаніе, то воспитаніе, о которомъ мы говорили выше, т. е. дѣлать ихъ вполнѣ образованными людьми. Только тогда заработная плата будетъ давать работникамъ тѣмъ болѣе средствъ хорошо воспитывать дѣтей, чѣмъ болѣе массы будутъ убѣждаться въ пользѣ обученія. Зародышъ убѣжденія въ пользу науки не будетъ у многосемейныхъ подавляться и уничтожаться бездушной конкурренціей почти втрое многочисленнѣйшей массы бездѣтныхъ. Чѣмъ глубже вы будете обдумывать этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе вы будете убѣждаться, что природа человѣческая не представляетъ никакого другаго пути для установленія нормальныхъ отношеній. Люди всегда чувствовали, какъ ошибочны и противуестественны воззрѣнія тѣхъ, которые предлагали учрежденія и обычаи, ослаблявшіе связи между родителями и дѣтьми,—многоженство, общее воспитаніе дѣтей, независимое отъ родителей, легкій взглядъ на брачныя отношенія; ихъ здоровые инстинкты всегда возмущались противъ такихъ направленій, разрушающихъ нормальное отношеніе къ подрастающему поколѣнію; они понимали, что прогрессъ заключается въ развитіи и усиленіи, а не въ ослабленіи родительскихъ чувствъ къ дѣтямъ. Но они никогда не обращали вниманія на то, какую роль играетъ въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе, воспитывающее въ людяхъ убѣжденіе, что извѣстные дѣти (братья, законные дѣти и т. д.) — это свои, съ которыми дѣлиться своимъ состояніемъ—это неподлежащая никакому сомнѣнію обя-

занность. Они никогда не думали о томъ, что если общественное мнѣніе можетъ заставить отца дѣлиться съ своимъ законнымъ и нелюбимымъ сыномъ своимъ достояніемъ, а незаконнаго дѣлать крѣпостнымъ или рабомъ, то оно точно также можетъ заставить совершенно посторонняго человѣка смотрѣть на совершенно постороннаго ему ребенка, какъ на своего и дѣлиться съ нимъ своимъ достояніемъ. Родовой бытъ представляетъ въ этомъ отношеніи вполнѣ убѣдительные примѣры. Дочери женщины, которая взята изъ чужаго рода, происшедшія отъ члена рода, не участвуютъ въ родовомъ имуществѣ и имѣютъ въ родѣ унизительное положеніе, а незаконные сыновья, которые прижиты послѣ смерти члена рода съ человѣкомъ совершенно постороннимъ, и у которыхъ, слѣдовательно, и отецъ и мать не принадлежатъ къ роду, воспитываются родомъ совершенно на равной ногѣ съ другими дѣтьми рода; родъ считаетъ себя обязаннымъ дѣлиться съ ними точно такъ же, какъ у насъ отецъ съ законными дѣтьми, и они имѣютъ такія же права на родовое имущество, какъ законныя дѣти [1]). Ясно, слѣдовательно, что общественое мнѣніе имѣетъ достаточную силу, чтобы заставлять совершенно посторонняго человѣка дѣлиться съ совершенно постороннимъ ребенкомъ своимъ достояніемъ, какъ съ своимъ сыномъ, и отношенія между воспитателями и питомцами показываютъ, что если привычка сожительства будетъ поддерживать общественное мнѣніе, то у постороннихъ другъ другу людей и дѣтей будутъ развиваться точно такія же чувства и точно такія же отношенія, какъ между отцомъ и его ребенкомъ. Общество никогда не думало о томъ, что распространять такимъ образомъ любовь къ дѣтямъ отъ родителей на постороннихъ людей—это именно и составляетъ самое существенное требованіе прогресса, потому что отсутствіе любви къ дѣтямъ въ значительной части населенія и происходящая отъ этого неравномѣрность въ жертвахъ, приносимыхъ различными членами общества для воспитанія молодаго поколѣнія, служитъ самымъ существеннымъ препятствіемъ для развитія любви въ самихъ родителяхъ. Все это понятно, но и послѣ этого всякій чувствуетъ, что существуетъ какое-то весьма сильное препятствіе для осуществленія этого стремленія, такое сильное, что оно самому стремленію придаетъ видъ безусловной непрактичности и мечтательности. Человѣкъ умственно-слабый, который не въ состояніи понять, что это единственный путь, и что для людей не остается ничего болѣе, какъ стремиться къ нему, такъ какъ для нихъ нѣтъ другого исхода, до такой степени долженъ поразиться его, повидимому, безвыходной непрактичностью, что онъ будетъ неспособенъ даже дать себѣ трудъ объ немъ подумать. Человѣкъ умственно-сильный, хотя и почувствуетъ всю важность предмета, но онъ увидитъ передъ собою такое неодолимое препятствіе, что онъ рѣшительно станетъ въ тупикъ и не будетъ знать, съ какой стороны взяться за дѣло. Съ какой же, въ самомъ дѣлѣ, стороны взяться за дѣло, откуда берется то препятствіе,

---

([1]) Напр. у Осетинъ за Кавказомъ.

которое не даетъ никакой возможности внушить людямъ охоту соединяться въ такія же группы, какими представляются первобытные роды, но въ группы, приспособленныя къ современной жизни и къ современнымъ условіямъ труда? Первобытная жизнь представляетъ намъ нетолько союзы равноправныхъ родственниковъ, мы тутъ видимъ и тѣ органически связанныя единицы, изъ которыхъ при осѣдлой жизни выработывалось феодальное право—бояринъ съ чадью, съ дѣтьми боярскими и подвластными, новгородскій старшина съ деревней. Это было уже злоупотребленіе слова, когда они назывались родомъ (бояринъ съ родомъ). Это явленіе уже отличное отъ рода, но прямо выработавшееся изъ рода, а потому къ нему прививаются всѣ родовыя понятія. Точно такъ же, какъ какой-нибудь родъ негровъ въ Африкѣ считаетъ своей общей принадлежностью все родовое имущество; точно такъ же, какъ древніе русскіе памятники передаютъ имущество умершаго не какимъ-нибудь наслѣдникамъ, а роду; точно такъ же, какъ негры тщеславятся не личнымъ своимъ богатствомъ, а богатствомъ рода, количествомъ женщинъ и скота, которые къ нему принадлежатъ; точно также первобытная аристократія съ своими подвластными гордится многочисленностью подвластныхъ людей и обиліемъ имущества въ новомъ, такъ называемомъ, родѣ. Являются воззрѣнія, имѣющія цѣлью удовлетворить подобной гордости членовъ, понятіе о вѣрности съ одной стороны, а съ другой понятіе о нераздробимости составившейся единицы (маіоратъ) и о томъ, что хотя члены замѣнившаго родъ клана имѣютъ только подчиненное право распоряжаться имуществомъ, но что имущество это не должно выходить изъ клана. Подобныя воззрѣнія такъ сильно укореняются, что ихъ остатки сохранились до сихъ поръ на всемъ пространствѣ восточнаго материка и въ Китаѣ, и на Кавказѣ, и въ западной Европѣ. Глава клана считалъ униженіемъ для себя и своего рода выпускать имущество изъ рода какимъ бы то ни было образомъ, уплачивая дань или государственную подать, посредствомъ мѣны, покупки, торговли и т. д. Конечно, при такихъ воззрѣніяхъ никакая промышленность не была возможна, и сношенія между людьми должны были ихъ разрушить; но мы видимъ, что главы аристократическихъ родовъ придерживаются ихъ гораздо упорнѣе, чѣмъ масса населенія. Отсюда вытекало понятіе, что для аристократа стыдно торговать, презрѣніе, съ которымъ смотрѣли на торговцевъ, торговлю и т. д. Но если аристократъ не могъ ничего покупать или вымѣнивать, то онъ, конечно, не могъ пользоваться и утонченной роскошью, которая добывается преимущественно мѣною. Отсюда вытекло понятіе, что глава клана, который величается своей роскошью, это выродокъ, онъ по своимъ чувствамъ и своимъ воззрѣніямъ на жизнь ближе подходитъ къ низкимъ торгашамъ, чѣмъ къ кровнымъ аристократамъ. Кровный глава клана долженъ употреблять находящіяся въ его распоряженіи имущественныя средства для возвеличенія клана. Онъ долженъ стараться, чтобы его кланъ содержалъ въ себѣ какъ можно болѣе людей и людей, пользующихся благосостояніемъ, которые могли бы имѣть хорошее вооруженіе. Понятіе, что глава клана долженъ быть образцомъ простоты, удерживается такъ

упорно, что проявляется, напр., въ Аттиллѣ, который считалъ своей обязанностью жить скромнѣе своихъ генераловъ, и во множествѣ другихъ историческихъ личностей. Это настроеніе сдѣлало то, что послѣ духовенства наиболѣе презрѣнія къ земнымъ благамъ встрѣчается у первобытнаго дворянства, и даже до самаго послѣдняго времени дворянство оказывалось болѣе способнымъ пренебрегать матерьяльными интересами ради того, что оно считало возвышенными цѣлями, чѣмъ буржуазія и имущественный классъ. Вотъ почему въ первобытныхъ обществахъ у богатыхъ людей наклонность жертвовать своимъ имуществомъ для міровыхъ цѣлей встрѣчается въ такихъ размѣрахъ, какихъ она никакъ не можетъ принимать впослѣдствіи. Знаменитый испанскій герой Виріатъ, который во второмъ вѣкѣ до рождества христова надѣлалъ римлянамъ столько хлопотъ, употреблялъ на общественную пользу все свое имущество, носилъ точно такое же платье, какъ простой солдатъ, бралъ изъ добычи неболѣе, чѣмъ доставалось всякому другому, и считалъ роскошь до такой степени не согласимой съ своимъ высокимъ званіемъ, что когда, по случаю его свадьбы, онъ приглашенъ былъ на пиръ княземъ римской Испаніи, Астольпа, то онъ не позволилъ себѣ прикоснуться ни къ золотымъ сосудамъ, ни къ дорогимъ яствамъ. Въ первобытныхъ кланахъ отъ этого встрѣчается весьма малая разница между главою и членами клана. У бетшуановъ богатый человѣкъ ставитъ свое жилище въ центрѣ, кругомъ его селятся его дѣти и бѣдные люди. Съ поселившимися съ нимъ бѣдными людьми онъ обращается точно такъ же, какъ съ дѣтьми. Равенство между ними такъ велико, что глава этого клана иногда принимаетъ названіе живущихъ съ нимъ и наоборотъ называетъ ихъ ма (мать) и ра (отецъ). Подобныя же отношенія встрѣчаются въ кланахъ и на значительно болѣе высокихъ степеняхъ развитія: въ концѣ XIV вѣка въ Ирландіи начальники клановъ ѣли и пили изъ одной чашки съ своими подвластными, и потомки королей ѣздили на лошадяхъ безъ сѣдла. Англійская аристократія ввела къ нимъ небывалое разномысліе—начальники клановъ признавали имущество и землю своими, а народъ по прежнему считалъ все достояніемъ клана. Подобная близость въ особенности встрѣчалась у населенія, которое имѣло великое будущее и порождало свободныя государства. Богатый римлянинъ самыхъ древнихъ временъ раздавалъ свои земли безвозмездно съ единственною цѣлью привязывать къ себѣ людей, и только уже впослѣдствіи это породило обязательство помогать въ чрезвычайныхъ случаяхъ, выкупать изъ плѣна, въ случаяхъ свадьбы и т. д. Точно также поступали древніе германцы, такъ произошли бенефиціи, и это отразилось на повинностяхъ гораздо позднѣйшихъ временъ. Огромныя пожертвованія землею и сокровищами, которыя дѣлались въ первобытныя времена богатыми людьми въ пользу духовенства, такъ что духовенство нерѣдко могло соединять въ своихъ рукахъ три четверти народнаго имущества, были прямымъ послѣдствіемъ подобныхъ чувствъ и настроеній. Если семейство, стоявшее во главѣ клана, предпочитало величіе клана собственному своему благополучію, и маіоратъ до сихъ поръ встрѣчается въ Китаѣ точно такъ же, какъ и въ западной Европѣ, то за

то же глава клана понималъ это величіе самымъ нелѣпымъ образомъ. Кланъ былъ тѣмъ сильнѣе, импонировалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ немъ людей; поэтому переманиванье людей, предоставленіе имъ различныхъ льготъ и преимуществъ принимало самые обширные размѣры. Но если даже государи, чтобы имѣть какъ можно болѣе народу, жили въ землянкахъ, покрытыхъ соломою, то притягивались далеко не одни полезные и трудолюбивые люди, а дворы клановъ наполнялись безчисленными тунеядцами, плохо вооруженными воинами, монахами, предсказателями и т. д. Эта жизнь порождала безпрерывныя ссоры и взаимные набѣги, къ которымъ переманиванье людей подавало наиболѣе поводовъ. Нетрудно понять, каково должно было бы быть въ этомъ случаѣ нормальное и здоровое развитіе. Кланы должны были бы все болѣе убѣждаться во вредѣ отъ безплодныхъ и неработающихъ рукъ, въ пользѣ, которую приносили чувства, заставлявшія сильнаго и интеллигентнаго посвящать свое значеніе и свою интеллигенцію для увеличенія благосостоянія клана; онъ долженъ былъ бы возвеличиваться въ общественномъ мнѣніи тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ посвящалъ свое имущество и свои способности тѣмъ, которые въ этомъ нуждались, чѣмъ болѣе онъ оплодотворялъ этимъ трудъ и способствовалъ лучшему воспитанію и развитію молодаго поколѣнія. Но для того, чтобы дѣло приняло такое направленіе, необходимо было, чтобы члены клановъ понимали то, чего они при своей дикости никакъ понять не могли. Они не могли понимать, что они будутъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе они разовьютъ свою способность къ плодоносному труду, и что правильное развитіе инстинктовъ міровой жизни создаетъ одновременно и максимумъ счастья для каждаго отдѣльнаго человѣка и солидарность интересовъ между людьми. Способности человѣка таковы, что онъ достигаетъ подобнаго пониманія только послѣ тысячелѣтій нездравой и ненормальной жизни и когда онъ имѣетъ за собою весь печальный опытъ этихъ тысячелѣтій. Большинство тщеславилось сначала воинственностью клана, а потомъ великолѣпіемъ и блескомъ, которымъ окружали себя его предводители. До сихъ поръ кочевые арабы, перекочевая, идутъ точно въ торжественной процессіи и весьма тщеславятся великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое представляютъ разукрашенные ихъ предводители. Стремленіе возвеличиваться роскошью радикально измѣнило нравственное настроеніе клана. Воевавшіе другъ съ другомъ начальники стали догадываться, что свободные переходы населенія служатъ самымъ существеннымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ имъ эксплуатировать народный трудъ, чтобы возвеличиваться роскошью, и когда идея вѣрности не помогала, начальники соединялись между собою и создавали идею закрѣпленія. Это измѣненіе прямо разрушало существо клановой жизни. Въ то время, когда прежде начальникъ клана вмѣстѣ съ своими добровольно связанными съ нимъ подвластными составлялъ единицу, одушевленную общимъ духомъ и общимъ интересомъ и противупоставлявшую себя всякой другой соціальной и политической единицѣ, теперь начальники и богатые люди стали составлять единицу, партію, которая противупоставлялась массамъ—рабамъ, пролетаріату, бѣднымъ

людямъ. Поэтому намъ часто такъ трудно вѣрно понять характеръ древней политической борьбы внутри обществъ; мы все отыскиваемъ въ ней нашу борьбу высшихъ съ низшими, бѣдныхъ съ богатыми, между тѣмъ какъ тамъ даже долго послѣ того, какъ сущность кланныхъ чувствъ совершенно измѣнилась, все еще боролись родъ съ родомъ, одинъ конецъ города съ другимъ, пока наконецъ разница родовъ и концовъ рѣшительно замѣнилась разницею сословій. Даже привилегіи и привилегированное состояніе очень долгое время продолжало имѣть родовой и кланный характеръ и уже на глазахъ исторіи получало характеръ сословный. Общественное мнѣніе, которое возвеличивало людей за роскошь и богатство, дѣйствовало съ такою разрушительною силою, что всего радикальнѣе было разрушено именно то, что могло служить сѣменемъ для развитія нормальнаго отношенія между высшими слоями общества и народными массами. Обычай, воспрещавшій начальникамъ клановъ отчуждать достояніе клана, торговать своими произведеніями, всего сильнѣе обуздывавшій аристократическую роскошь и стремленіе налегать ярмомъ на низшихъ, уничтожился всего ранѣе и всего радикальнѣе. Въ цѣломъ его составѣ мы его встрѣчаемъ теперь очень рѣдко, и въ исторіи онъ замѣтенъ только въ видѣ уже нелѣпой и безцѣльной идеи презрѣнія къ торговлѣ. Если мы сопоставимъ этотъ ходъ развитія, который разорвалъ всякую солидарность между высшими и низшими классами общества, съ тѣмъ, который въ народныхъ массахъ разорвалъ солидарность въ воспитаніи дѣтей, намъ очень нетрудно будетъ замѣтить, что источникъ у того и другаго явленія одинъ и тотъ же — это недостатокъ той сознательности, которая необходима, чтобы у человѣка силы и способности развивались гармонически, въ нормальныхъ пропорціяхъ. Мало этого, мы легко увидимъ, что недостатокъ сознательности и нормальнаго развитія въ высшихъ слояхъ общества сдѣлался источникомъ ненормальнаго развитія массъ. Чѣмъ далѣе шло общество въ своемъ развитіи, тѣмъ глубже въ высшихъ его слояхъ укоренялись убѣжденія и чувства, которыя отдѣляли ихъ отъ народа. Самая древняя форма цивилизаціи, которая намъ извѣстна, создала касты. Если мы сравнимъ нравы обществъ, гдѣ господствовали касты, съ первоначальнымъ родовымъ бытомъ, то разница будетъ уже громадная. Сложившись въ касты, высшее общество сдѣлало уже громадное усиліе, чтобы отъ родоваго начала перейти къ сословному, чтобы разорвать интересы высшихъ съ интересами массъ и создать прямо противуположное имъ цѣлое. Крайняя эксцентричность проповѣди браминовъ, ужасныя наказанія, которыми они грозятъ за нарушеніе кастообразнаго устройства въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, ясно показываютъ намъ, какими трудностями сопровождалось выполненіе ихъ задачи. Не смотря на все это, не смотря на эксцентричность, съ которою брамины проповѣдывали, что каждый браминъ есть богъ, каста браминовъ стояла несравненно ближе къ народу, чѣмъ современное высшее сословіе. Стоитъ только вспомнить, что большинство браминовъ были бѣдны, а значительная часть изъ нихъ были просто нищіе. Въ особенности послѣдніе и по интеллектуальному своему развитію, и

по своей имущественной безпомощности стояли не на равнѣ, а ниже средняго уровня самыхъ низшихъ кастъ. Между тѣмъ въ глазахъ этого брамина человѣкъ точно такъ же возвеличивался за роскошь и богатство, какъ и въ глазахъ современнаго джентльмена, и не смотря на всю напускную свою важность, онъ не могъ не чувствовать разницы между собою и богатымъ человѣкомъ низшей касты. Результатъ этого порядка приводилъ къ тому, что складъ подобнаго общества, хотя только отчасти, хотя и весьма нелѣпымъ образомъ, но все таки представлялъ нѣкоторый противувѣсъ воззрѣнію на богатство, какъ на исключительный источникъ величія. Высшее общество утратило теперь кастовый и сословный характеръ, но оно уединилось до семьи, въ то же время пропасть между нимъ и массою населенія сдѣлалась несравненно значительнѣе. Семейное уединеніе, въ которомъ живутъ высшіе классы, дѣлаетъ изъ нихъ точно такую же касту, но только сильнѣе выдѣляющуюся. Всякій образованный и богатый человѣкъ воспитываетъ своихъ дѣтей такимъ образомъ, чтобы они и по занятіямъ своимъ, и по заработкамъ, и во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отдѣлялись отъ народа. Право каждаго на всѣ занятія и на всякое общественное положеніе стоитъ только въ законѣ, на дѣлѣ же массы народа, неполучающія никакого образованія, могутъ воспользоваться имъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ Индіи, по всей вѣроятности, никогда не было такого времени, гдѣ бы люди низшихъ кастъ могли такъ рѣдко достигать высокаго положенія, какъ люди изъ народныхъ массъ въ европейской цивилизаціи; по крайней мѣрѣ на столько, на сколько объ Индіи имѣются историческія и полуисторическія свѣденія, мы видимъ, что люди низшихъ кастъ постоянно занимали высокія мѣста или пользовались первостепеннымъ значеніемъ. Не говоря уже о европейцахъ материка, американцы Соединенныхъ Штатовъ сами говорятъ и даже гордятся тѣмъ, что въ Азіи для раба высшее государственное положеніе министра или начальника провинціи гораздо доступнѣе, чѣмъ для американскаго ремесленника весьма второстепенная должность въ мѣстномъ управленіи. Причина весьма ясная— соединенная сила образованія и имущества гораздо болѣе уединяетъ высшіе классы, чѣмъ всякія возможныя кастовыя предписанія. Если мы будемъ сравнивать кастовыя общества древнѣйшаго міра съ античнымъ и современнымъ, то мы увидимъ, что античное общество занимаетъ по отношенію къ уединенію высшихъ классовъ именно середину между древнѣйшей и новѣйшей цивилизаціей. Въ Вавилонѣ ежегодно втеченіе пяти дней, рабы распоряжались и приказывали, а господа слушались. Если принять въ соображеніе разницу между положеніемъ раба въ Марокко, гдѣ онъ имѣетъ свой судъ и обязанъ только выполнять опредѣленныя повинности, и рабомъ Греціи, Рима и Соединенныхъ Штатовъ, Если за тѣмъ отъ раба въ Марокко перейти къ рабу у негровъ, который часто богаче своего господина, то очень легко себѣ представить, что въ Вавилонѣ рабы занимали среднее положеніе между рабами негровъ и рабами въ Марокко, а если къ этому присовокупить извѣстную страсть вавилонянъ дѣлать изъ своего города мѣсто, заманчивое для иностранцевъ, для которыхъ во

всѣхъ вавилонскихъ городахъ устраивали гостинницы и за которыми ухаживали всячески, то будетъ весьма понятно, что подобный обычай учредился по отношенію къ рабамъ, между которыми было много иностранцевъ и которые могли сообщать пріѣзжимъ самое лестное мнѣніе о странѣ. Но именно это обстоятельство и указываетъ на близость, которая существовала между различными частями общества. Въ античномъ обществѣ подобное явленіе было уже немыслимо. Высшее общество у грековъ и римлянъ по соединенію въ немъ образованія и богатства гораздо болѣе выдѣлялось и возвышалось надъ массой, чѣмъ древнѣйшее. Чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить въ Египтѣ, послѣ Александра Великаго, положеніе греческой и мѣстной интеллигенціи (т. е. жрецовъ) по отношенію къ народу. Греческая несоразмѣрно болѣе возвышалась надъ народомъ, и это происходило не отъ національнаго различія, а именно отъ соединенія въ ней утонченнаго воспитанія съ богатствомъ, потому что національное различіе не помѣшало христіанскому духовенству стать снова ближе къ народу. Но если сравнить античное высшее общество съ современнымъ, то мы все-таки увидимъ, что уединеніе сдѣлалось гораздо болѣе значительнымъ. Въ низшемъ слоѣ общества между рабами были люди, которые получали очень хорошее образованіе, между тѣмъ какъ въ высшемъ привилегированномъ классѣ, который исключительно управлялъ государствомъ, были люди и безъ всякаго образованія и безъ всякаго состоянія. Политическая борьба, которая происходила среди античныхъ обществъ, показываетъ намъ очень ясно, что во всѣхъ классахъ общества были и богатые и бѣдные, и образованные и необразованные, — борьба эта даже прямо обусловливалась этимъ обстоятельствомъ. Въ историческомъ ходѣ развитія человѣчества элементы богатства и интеллектуальнаго развитія все болѣе и болѣе выдѣлялись изъ разнородныхъ общественныхъ группъ, въ которыхъ они были разсѣяны, и сосредоточивались въ одной группѣ, которая первенствовала и царила въ обществѣ безраздѣльно. Это было естественнымъ послѣдствіемъ разрушенія родовыхъ понятій, кастовыхъ и сословныхъ предразсудковъ, но при этомъ сохранился величайшій изъ предразсудковъ, величайшая изъ узкостей — это узкость семейная. Зловредный предразсудокъ, побуждающій человѣка не распредѣлять свои матерьяльныя средства для того, чтобы сдѣлать ихъ полезными для возможно большаго числа молодаго поколѣнія и въ возможно большихъ размѣрахъ, а сосредоточивать ихъ исключительно на своихъ законныхъ дѣтяхъ, создалъ именно ту наслѣдственную касту, касту изъ кастъ, выжимку изъ кастъ, какимъ представляется образованная часть общества въ нашей цивилизаціи. Высшее общество, которое такъ неизмѣримо возвысилось надъ народомъ, сосредоточивъ въ себѣ наслѣдственно два величайшихъ преимущества — богатство и образованіе, должно было съ небывалымъ доселѣ могуществомъ развивать въ народѣ стремленіе къ индивидуализаціи. Повидимому, для него всѣ преграды были разрушены и всѣ пути открыты, онъ могъ сказать, какъ парижскій извозчикъ, котораго одинъ иностранецъ въ 1848 г. спросилъ, кого они теперь выбе-

рутъ президентомъ: «Я не знаю, можетъ быть меня». Однакоже эти преграды были разрушены только повидимому, въ дѣйствительности же онѣ существовали сильнѣе прежняго. Когда Яковъ, который выдавалъ своихъ дочерей за царей, долженъ былъ служить четырнадцать лѣтъ у Лавана, чтобы получить для себя въ замужество двухъ женъ, тогда высшіе къ низшимъ стояли безъ всякаго сомнѣнія гораздо ближе, чѣмъ теперь. Разрослось не равенство, а одно только желаніе сравняться, и если человѣкъ не имѣетъ возможности возвыситься надъ своими ближними образованіемъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, старается возвыситься въ имущественномъ отношеніи, растрачивая на себя больше денегъ. Это конечно создаетъ въ немъ самое невыгодное настроеніе для замѣны родоваго быта другими обычаями, приспособленными къ новымъ условіямъ жизни. Если человѣкъ изъ высшаго, образованнаго класса считаетъ уже слишкомъ большимъ пожертвованіемъ то, что воспитываетъ свое собственное семейство, если онъ старается какъ можно дольше не имѣть семейства, чтобы какъ можно болѣе возвышаться надъ человѣчествомъ роскошью, то какимъ образомъ можно ожидать, чтобы работникъ поступалъ иначе; если образованный и богатый холостякъ не понимаетъ, что, сосредоточиваясь въ своемъ узкомъ взглядѣ на жизнь, онъ лишаетъ себя лучшаго счастья этой жизни—поддерживать и воспитывать молодое поколѣніе, и дѣлаетъ возмутительную безнравственность, то какимъ же образомъ возможно, чтобы англійскій работникъ, который остается холостякомъ и давитъ своею конкурренціею многосемейнаго, понималъ всю узкость и несправедливость своего поступка, какимъ образомъ ему можетъ придти въ голову, что онъ былъ бы гораздо счастливѣе, еслибы онъ жилъ нормальною жизнью и участвовалъ наравнѣ со всѣми въ воспитаніи молодаго поколѣнія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Узкость современныхъ высшихъ классовъ.—Почему общая жизнь неизбѣжна.—Какіе результаты можетъ дать воздержаніе.—Каково то тягостное положеніе многосемейныхъ, которое не можетъ быть устранено никакимъ воздержаніемъ.—Какъ велика должна быть издержка на народное образованіе и какъ велика вѣроятность до нея достигнуть.—Каковъ будетъ вѣроятный путь прогресса. — Завѣщанія. — Прогрессъ начнется съ измѣненій въ наслѣдственномъ правѣ.

Когда читаешь космогонію какого-нибудь финикійскаго Санхоніатона и сравниваешь ее съ современными воззрѣніями естествоиспытателей, то живо чувствуешь, до какой степени втеченіе тысячелѣтій люди развились умственно; но чѣмъ живѣе это чувствуешь, тѣмъ болѣе удивляешься,

какимъ образомъ они могли оставаться въ такой нравственной неподвижности, что даже ихъ инстинктивныя стремленія на самой низкой ступени развитія могли проявлять болѣе здравости, чѣмъ ихъ современныя идеи и чувства. Образованный холостякъ современнаго европейскаго общества—это крайній предѣлъ нравственной узкости, до которой можетъ дойти человѣкъ; люди часто бывали грубѣе, но они никогда не бывали болѣе узкими. Вы видите дѣвушку или женщину, которая принадлежитъ къ высшему европейскому обществу; вы открываете, что она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что образованный человѣкъ прежде всего предназначенъ жить міровою жизнью; условія міровой жизни ее даже вовсе не интересуютъ, всякій разговоръ объ этомъ для нея невыразимо скученъ, все что ее занимаетъ, все что возбуждаетъ ея нервы и ея вниманіе — это жалкая смѣсь неразгаданныхъ и непонятыхъ инстинктовъ, съ столь же мало разгаданнымъ стремленіемъ угодить узкому и жалкому мнѣнію своего кружка, стремленіемъ, вытекающимъ все-таки прямо изъ ея инстинктовъ міровой жизни. Ей хочется производить эффектъ своими нарядами, своей обстановкой, блистать и возвеличиваться роскошью, ей хочется казаться благородной и одаренной возвышенными чувствами, ей хочется говорить и жить такъ, чтобы съ перваго взгляда, съ перваго слова въ ней предполагали женщину возможно-болѣе высокаго полета. Когда вы видите всю эту жалкую смѣсь проявленій, изъ которыхъ девяносто девять сотыхъ состоятъ изъ мерзкихъ поползновеній, поползновеній порожденныхъ самыми возвышенными и самыми лучшими изъ человѣческихъ инстинктовъ, вами овладѣваетъ какое то омерзѣніе, вы постоянно повторяете себѣ, какъ непростительно оставлять образованную женщину, которая имѣетъ такое огромное вліяніе на жизнь общества, въ такомъ зачаточномъ неразвитомъ состояніи, при которомъ она совершенно не способна понимать условія міровой жизни, тѣмъ менѣе сочувствовать имъ. Но когда вы видите сорокалѣтняго холостяка, который постоянно читаетъ газеты, интересуется политическою жизнью всего цивилизованнаго міра, у котораго нѣтъ никакого препятствія, чтобы правильно развивать свои инстинкты міровой жизни, и когда вы убѣждаетесь, что онъ въ этомъ отношеніи точно такъ же мало развитъ, какъ женщина и даже еще менѣе, тогда вы просто удивляетесь. Нетрудно понять, что нравственное развитіе должно явиться послѣ умственнаго, потому что умственное должно лежать у него въ основаніи; человѣкъ долженъ сначала понять условія міровой жизни, смотрѣть на нее съ всемірно-исторической точки зрѣнія, а потомъ еще приняться за развитіе и правильное направленіе своихъ міровыхъ инстинктовъ; но совершенно непостижимо, какимъ образомъ человѣкъ втеченіе тысячелѣтій не могъ дать себѣ въ этомъ отношеніи почти никакого развитія. Человѣчество представляется вамъ какимъ-то кораблемъ, который въ открытомъ морѣ, безъ парусовъ, безъ руля и компаса мечется туда и сюда по волѣ вѣтровъ, и гдѣ экипажъ и пассажиры никакъ не въ состояніи догадаться, что для того, чтобы достигнуть своей цѣли, имъ нужно управлять его ходомъ. Мы видимъ, что холостякъ нетолько жалѣетъ жалкихъ

рублей для народнаго воспитанія, но не хочетъ даже имѣть собственнаго семейства; мудрено ли, если семейный человѣкъ высшаго сословія поступаетъ съ возрастающимъ поколѣніемъ съ самой возмутительной несправедливостью. На содержаніе своей жены и своихъ дѣтей, человѣкъ этотъ обыкновенно способенъ употреблять большую часть своего достоянія; между тѣмъ статистики до сихъ поръ превозносятъ Массачузетъ за то, что онъ въ 1845 г. употребилъ около 6 р. на семейство для народнаго образованія. И дѣйствительно, сравнительно есть за что превозносить. Пруссія прославилась на материкѣ Европы своимъ народнымъ образованіемъ: изъ поступившихъ въ военную службу, тамъ оказалось только 5% безграмотныхъ, между тѣмъ какъ во Франціи такихъ оказалось 27%, а между тѣмъ Пруссія для народнаго образованія употребляла (въ 1861 г.) только 1 р. 75 к. съ семейства. Швейцарія расходовала на воспитаніе (1864 г.) въ шести самыхъ прогрессивныхъ кантонахъ [1]) 3 р. 50 к. съ семейства. Человѣкъ, который въ Америкѣ или въ Швейцаріи проживаетъ двѣ или три тысячи рублей и употребляетъ на содержаніе своего семейства до тысячи пяти сотъ рублей и болѣе, истратитъ на народное образованіе въ самыхъ прогрессивныхъ кантонахъ до пятнадцати, а въ Массачузетѣ около тридцати рублей; въ Пруссіи, подобный же человѣкъ истратитъ рублей пять или шесть; о другихъ государствахъ и говорить нечего. Въ Англіи аристократія такъ тщеславилась своей готовностью жертвовать на народное образованіе, что на этомъ основаніи вовсе отвергала всякое вмѣшательство государства. Послѣ произведеннаго изслѣдованія о состояніи народныхъ школъ оказалось, что землевладѣльцы, которые имѣли 15,000 р. сер. ежегоднаго дохода и болѣе, ничего не жертвовали на народное образованіе. Одинъ членъ парламента, который имѣлъ около 7,500 р. дохода, увѣрялъ, что онъ не въ состояніи давать никакихъ постоянныхъ пожертвованій для школы. Человѣкъ, который выражалъ большое сочувствіе бѣднымъ и имѣлъ 12,000 р. дохода, считалъ для себя весьма отяготительнымъ пожертвовать 20 р. на школу. Человѣкъ, который получалъ съ своихъ земель въ приходѣ 25,000 р. сер., жертвовалъ на школу въ этомъ же приходѣ 30 р. Землевладѣльцы прихода, получавшіе отъ своихъ земель 75,000 р. сер., сложились на поддержаніе школы, и складчина дала огромную сумму въ 108 р. сер. Существуютъ поразительные факты, которые характеризуютъ жалкую узкость чувствъ европейцевъ по отношенію къ дѣтямъ. Въ Пруссіи, которая такъ гордится своимъ образованіемъ, всякаго рода учебныхъ заведеній насчитывается 26,000. Когда англійскіе фабриканты замѣтили превосходство французскихъ узоровъ, они такъ испугались за уменьшеніе своихъ барышей на рынкѣ всемірнаго соперничества, что стали учреждать рисовальныя школы и къ 1866 г. учредили однѣхъ рисовальныхъ школъ 18,176. Ясно, что стимуломъ тутъ служила не широкая идея народнаго развитія, а узкая точка зрѣнія увеличенія

([1]) Цюрихъ, Женева, Шафгаузенъ, Базель—гор., Базель—сел., Золотурнъ—населеніе 546,171 р., въ томъ числѣ католиковъ 134,954, протестантовъ 408,475, издержка народнаго образованія 1.870,000.

своихъ доходовъ, и этотъ узкій стимулъ могъ дать, сравнительно, гораздо болѣе блистательные результаты, чѣмъ общее стремленіе къ народному образованію въ той изъ европейскихъ странъ, гдѣ оно проявилось всего сильнѣе.

Откуда же такая несправедливость, откуда такое, несогласное съ здоровыми человѣческими чувствами, пристрастіе къ своему собственному семейству. Пристрастіе, которое должно убивать въ образованномъ человѣкѣ всякое нравственное чувство и свободное развитіе силъ, пристрастіе, которое такъ же здраво, какъ та любовь изнѣженныхъ купчихъ, которыя дѣлали изъ своихъ дѣтей грубыхъ, неразвитыхъ олуховъ и безалаберныхъ кутилъ, которыя подготовляли имъ путь не къ развитію и счастію, а къ долговому отдѣленію и къ преждевременной смерти отъ пьянства. Вѣдь этотъ родъ пристрастія есть порожденіе общественнаго мнѣнія и созданныхъ имъ отношеній, а не какихъ-нибудь природныхъ инстинктовъ, что ясно видно изъ отношеній человѣка къ дѣтямъ своей жены и къ дѣтямъ любовницы. Еслибы природныя чувства, а не общественное мнѣніе было тутъ главнымъ двигателемъ, то человѣкъ воспитывалъ бы и тѣхъ и другихъ дѣтей своихъ одинаково. Но если общественное мнѣніе имѣетъ на человѣка въ этомъ отношеніи такое большое вліяніе, то какой же позоръ для него, что оно употребляетъ свое вліяніе такъ безсмысленно! Конечно, очень удивительно, что образованное общество не въ состояніи понимать даже такихъ простыхъ вещей, но очень неудивительно, что между работниками не идетъ на ладъ дѣло общей жизни, если образованная часть общества даетъ имъ такой жалкій примѣръ. Въ окончательномъ результатѣ подрастающее поколѣніе служитъ жертвой всѣхъ этихъ уродливостей. Какъ ярко все это обрисуется передъ вашими глазами, когда вы подумаете о томъ, что форма жизни, о которой мы только что говорили, форма, гдѣ подобно тому, какъ у краснокожихъ индѣйцевъ сѣверной Америки, люди будутъ жить въ общинныхъ домахъ или фаланстерахъ, богатые вмѣстѣ съ бѣдными, давать всѣмъ дѣтямъ одинаковое воспитаніе и т. д., представляется современному европейцу какой-то неосуществимой и пожалуй даже нелѣпой мечтой. Еще нелѣпѣе ему покажется мысль, что богатые будутъ устраиваться такимъ образомъ добровольно, исключительно руководствуясь желаніемъ увеличить свое счастье. Между тѣмъ вамъ стоитъ только оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе инстинктовъ міровой жизни, вамъ стоитъ убѣдиться, что дальнѣйшее развитіе человѣчества будетъ заключаться преимущественно въ развитіи и правильномъ направленіи этихъ инстинктовъ, вамъ стоитъ представить себѣ, какъ будетъ дѣйствовать человѣкъ, когда онъ пойметъ размѣры счастья, которые способны ему давать различныя его силы и способности, и когда онъ послѣ этого начнетъ ихъ развивать гармонически, и вы проникнетесь полнымъ убѣжденіемъ, что такая форма жизни нетолько неизбѣжно должна осуществиться, но что она будетъ еще переходная, а вовсе не окончательная форма. Даже тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ инстинктахъ міровой жизни, объ нхъ значеніи, объ размѣрахъ ихъ способности увеличивать человѣ-

ческое счастье, и тотъ, руководствуясь просто ходячими политическими и политико-экономическими свѣденіями, безъ труда пойметъ, что взваливать на одного содержаніе многочисленнаго семейства въ то время, когда другой, не имѣя семейства и имѣя одинаковыя съ нимъ силы, своею конкурренціею мѣшаетъ ему пріобрѣсти нужныя для содержанія семейства средства — это значитъ создавать несправедливое и ненормальное состояніе общества. Вредъ такого положенія мыслящій человѣкъ неможетъ не видѣть даже и тогда, когда онъ будетъ врагомъ быстраго увеличенія населенія и будетъ придерживаться мальтузіанскихъ теорій. Какъ бы далеко онъ ни простиралъ свою теорію воздержанія, во всякомъ случаѣ, максимумъ его желанія можетъ состоять въ томъ, чтобы бѣднѣйшая часть населенія, напр. десятая или двадцатая, оставалась вовсе безбрачною, а остальная женилась въ зрѣлыхъ лѣтахъ и воздерживалась отъ рожденія большаго числа дѣтей. Конечно, никто неможетъ желать, чтобы земля сдѣлалась пустынею; поэтому все, къ чему можетъ стремиться мальтузіанецъ относительно, напр., Англіи — это то, чтобы въ ней населеніе не увеличивалось. Это даже слишкомъ много; это значитъ идти далѣе мальтузіанцевъ: мальтузіанцы не хотятъ, чтобы населеніе не увеличивалось; они хотятъ только, чтобы оно не увеличивалось быстрѣе, чѣмъ производительность земли; но пусть населеніе не увеличивается. Это совершится тогда, когда десятая часть бѣднѣйшаго населенія останется внѣ брачной жизни, а остальная состоятельная часть населенія будетъ производить на 20% менѣе дѣтей (1). Конечно, такое уменьшеніе дѣторожденія произойдетъ отчасти отъ воздержаній въ бракѣ, а отчасти отъ воздержаній отъ брака. Предположимъ, что не будутъ жениться и выходить замужъ ранѣе 25 лѣтъ. Теперь обратимся мы къ прежнему нашему примѣру и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Мы тамъ взяли населеніе въ 109,085 человѣкъ и нашли, что между ними воспитывающіе и невоспитывающіе дѣтей распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 42,504 вовсе не воспитываютъ дѣтей, 31,892 воспитываютъ неболѣе двухъ дѣтей, между тѣмъ какъ 34,689 воспитываютъ трехъ и болѣе дѣтей. Такъ какъ у насъ теперь 10% вовсе воздерживающихся по бѣдности отъ брака, то общее число конкуррентовъ на рынкѣ увеличится на 10%; слѣдовательно, всего будетъ ихъ 119,993 чел. (2). Въ Англіи изъ числа всѣхъ семейныхъ 19% моложе 25 лѣтъ (3), слѣдовательно, число семейныхъ и воспитывающихъ дѣтей уменьшится на 19% и вмѣсто 66,581 ихъ будетъ 53,930, а не воспитывающихъ дѣтей 55,155. Затѣмъ число дѣтей уменьшится на 21%. Чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ

(1) Разсчетъ сдѣланъ такъ: съ 1841 по 1851 г. родилось 5.488,736 чел., перевѣсъ рожденій надъ смертными случаями 1 719,335 чел. и, слѣдовательно, если 10% воздержится отъ брака, то число дѣтей уменьшится на 10%; нужно его уменьшить еще на 21%, чтобы населеніе не возрастало.

(2) Можно сдѣлать, конечно, иначе — изъ 109 085 вычесть 10% для бѣдныхъ безбрачныхъ и остальное распредѣлить между безсемейными, малосемейными и многосемейными въ прежней пропорціи; конечно, придется и общее число дѣтей уменьшить на 10%; окончательный результатъ будетъ приблизительно тотъ же.

(3) По цензу 1851 года всѣхъ семейныхъ 6.990,018, а моложе 25 лѣтъ 1.315,949.

преувеличеніи, мы все это число отнесемъ на счетъ воздержанія многосемейныхъ. Послѣ этого мы получимъ слѣдующій результатъ. Дѣтей воспитывалось, какъ мы видѣли, всего 82,145 въ слѣдующей относительной пропорціи: малосемейными 23,322, многосемейными 58,823. Малосемейные и безсемейные конкурренты воспитывали 0,3 ребенка, многосемейные 1, а такъ какъ при большомъ семействѣ ихъ жены не могли работать, то 3,4. Теперь окажется всѣхъ дѣтей 64,896. Безсемейныхъ и малосемейныхъ конкуррентовъ будетъ 91,894 — они будутъ воспитывать 23,322 ребенка, т. е. каждый 0,25 дѣтей; многосемейныхъ будетъ 28,099, они будутъ воспитывать 41,574 ребенка, каждый 1,48, такъ какъ при большомъ семействѣ ихъ жены не могутъ работать, то 2,96. И такъ можно ли сказать, что они по отношенію къ конкурренціи стали въ болѣе выгодное положеніе? Не смотря на то, что у нихъ теперь число дѣтей уменьшилось на 30%, ихъ тягости относительно безсемейныхъ и малосемейныхъ нисколько не облегчились; по прежнему послѣдніе почти въ шесть разъ менѣе употребляютъ на воспитаніе дѣтей; а если принять въ соображеніе, что многосемейныя жены не могутъ работать, то почти въ двѣнадцать разъ. Теперь примите въ соображеніе еще одно обстоятельство: выкинули на рынокъ 10% бѣдняковъ, которые не обзаводятся семействомъ и думаютъ только о томъ, какъ-бы кое-какъ прожить. Какъ сильно они должны давить внизъ заработную плату, какимъ гнетомъ должны они лечь на многосемейныхъ. Какъ-бы ни было велико вредное вліяніе настоящаго положенія на воспитаніе дѣтей, но оно все-таки неизмѣримо лучше того, гдѣ явятся эти голодные и безнадежные конкурренты.

Въ общемъ результатѣ мы придемъ къ тому логическому выводу, что мальтузіанцы и умѣренные либералы англійской школы должны признать или всѣ свои воззрѣнія ложными, или должны согласиться, что воздержаніемъ никакъ нельзя помочь горю и что для этого единственной раціональной формой можетъ служить общая жизнь, гдѣ тягости воспитанія молодаго поколѣнія распредѣляются одинаково между всѣмъ взрослымъ населеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для какой цѣли требуютъ они воздержанія? Они его требуютъ для того, чтобы дѣти не погибали; они его требуютъ для того, чтобы родители могли воспитывать дѣтей, вполнѣ сохраняя и развивая ихъ силы, чтобы они могли давать имъ такое воспитаніе, при которомъ они дѣлались бы наиболѣе годными людьми съ жизни. Рядомъ съ этимъ они стремятся, чтобы родители достигали всего этого сами, собственными усиліями; они возстаютъ противъ подати для бѣдныхъ и всякаго общественнаго вспомоществованія многосемейнымъ родителямъ, противъ воспитанія и образованія на общественный счетъ. Какая же это вопіющая несправедливость — требовать, чтобы человѣкъ воспитывалъ трехъ или четырехъ дѣтей исключительно собственными средствами, воспитывалъ ихъ вполнѣ здоровыми и давалъ максимумъ развитія ихъ силамъ, чтобы онъ исключительно на свой счетъ давалъ имъ образованіе, которое бы вполнѣ обезпечило ихъ будущность, и въ тоже самое время давать этому человѣку на рынкѣ трехъ

конкуррентовъ, равныхъ ему по силѣ, по способностямъ и которые, по отношенію къ воспитанію дѣтей, въ двѣнадцать разъ болѣе облегчены, чѣмъ онъ—многосемейный отецъ. Какая жестокость дѣлать всѣ эти требованія въ то время, когда сами проповѣдники этого ученія утверждаютъ, что эти конкурренты собьютъ цѣны на трудъ до минимума ихъ собственныхъ необходимыхъ потребностей. Какая нелѣпость ожидать, что при такомъ положеніи воспитаніе дѣтей можетъ имѣть какой бы то ни было успѣхъ, что рано или поздно само собою, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны наступитъ время, когда родители будутъ воспитывать своихъ дѣтей безъ общественнаго вспомоществованія и когда общественныя школы сдѣлаются излишними. Воздержаніе, которое въ этомъ случаѣ приводитъ къ такому печальному результату, въ другомъ оказывается положительнымъ варварствомъ. По наблюденіямъ во Франціи оказалось, что умираетъ вдвое болѣе замужнихъ женщинъ моложе двадцати лѣтъ, чѣмъ дѣвушекъ того же возраста, и что въ томъ же возрастѣ между женатыми и холостыми мужчинами замѣчено подобное же явленіе. Это, конечно, убѣждаетъ насъ, что не нужно вступать въ бракъ прежде, чѣмъ организмъ окончательно развился. Но рядомъ съ этимъ собрано множество данныхъ, которыя убѣждаютъ, что въ возрастѣ отъ двадцати до восьмидесяти лѣтъ смертность между холостыми гораздо значительнѣе, чѣмъ между женатыми, напримѣръ, отъ двадцати до тридцати лѣтъ изъ 1,000 холостыхъ умирало 11,3 въ годъ, а изъ женатыхъ 6,5. Подобное же явленіе показала статистика Шотландіи за 1863 и 1864 г.: тамъ изъ тысячи холостыхъ отъ двадцати до тридцати лѣтъ умирало 14,97, а изъ женатыхъ 7,24. Смертность между вдовами и вдовцами также значительнѣе. Изъ всего этого выходитъ, что проповѣдывать вполнѣ развившимся людямъ воздержаніе — это значитъ морить людей. При настоящемъ разрозненномъ состояніи общества, когда не будетъ общественнаго вспомоществованія, когда не будетъ общественной школы, большинство дѣтей будетъ расти, какъ дикіе звѣри въ лѣсу, какъ они и теперь растутъ вездѣ, гдѣ общественное вспомоществованіе и общественная школа недостаточны. Тамъ, гдѣ школа не пользуется общественнымъ вспомоществованіемъ, народное воспитаніе неизбѣжно должно находиться въ томъ положеніи, въ какомъ оно описывалось англійскими правительственными изслѣдованіями въ былыя времена въ Ирландіи. Оказалось, что самыя лучшія ирландскія школы равнялись самымъ скернымъ школамъ Англіи, да и тѣ были доступны только для болѣе достаточныхъ. Въ громадномъ большинствѣ школы были временныя; странствующіе учителя были пьяницы и развратные негодяи; книги, которыя тамъ употреблялись, были въ родѣ слѣдующихъ: «Ирландскіе мошенники и разбойники», «Исторія разбойника капитана Фрини», «Исторія Редмонда Онлонъ, знаменитаго бандита», «Садъ любви», «Впечатлѣнія любви», «Экономія красоты», «Школа наслажденій», «Пріятное искусство наживать деньги» и т. д. Ничтожное вознагражденіе, опредѣляемое школьнымъ учителямъ, доходило до баснословнаго минимума. Даже въ тѣхъ школахъ, которыя поддерживались католическимъ духовенствомъ изъ соперничества съ англійскимъ

правительствомъ и съ цѣлью вліять на народъ, самой удовлетворительной платой для школьнаго учителя признавалось сорокъ шиллинговъ въ годъ, т. е. четырнадцать рублей, такая жалкая сумма, которой нельзя было прожить посредственному фабричному или заводскому ремесленнику въ мѣсяцъ. Изъ отчета петербургскаго земства на 1870 годъ видно, что у насъ народныя школы, приблизительно, въ такомъ же положеніи. Теперь, когда англійское правительство издерживаетъ на школы около 2 милліоновъ рублей серебромъ, въ Ирландіи 6,520 школъ и 913,198 учащихся (1867 г.); но и теперь учителя получаютъ такое незначительное вознагражденіе, что, окончивъ курсъ въ учительской семинаріи, они выѣзжаютъ изъ Ирландіи или находятъ болѣе выгодное занятіе. Большинство учениковъ учительскихъ семинарій не поступаетъ въ школы, и мѣста занимаются только безпомощными невѣждами. Гдѣ народное образованіе обращало на себя болѣе вниманія, тамъ обнаруживается другое, еще болѣе поразительное явленіе. Дѣтямъ предлагаютъ воспитаніе безвозмездно, а они не могутъ этимъ воспользоваться. Болѣе четверти столѣтія тому назадъ, въ Англіи было обнаружено, что многосемейные родители по большей части рѣшительно не въ состояніи содержать своихъ дѣтей; они до такой степени нуждаются въ ихъ помощи и въ ихъ поддержкѣ, что никакъ не могутъ обойтись безъ ихъ рукъ и работы и потому не могутъ посылать ихъ въ школу, хотя бы имъ предлагалось образованіе даромъ. Дѣти употреблялись въ работу дома отъ трехъ и четырехъ лѣтъ; начиная съ пяти лѣтъ, они отправлялись на фабрики и въ ремесленныя заведенія; съ семи лѣтъ вообще начиналась правильная работа дѣтей. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ эти факты были обнаружены, прошло уже болѣе четверти столѣтія, но въ шестидесятыхъ годахъ оказалось, что восьмилѣтнихъ дѣвочекъ употребляли въ работу съ трехъ часовъ утра до восьми вечера, а въ 1870 г. въ ткацкихъ изъ лошадинаго волоса найдены были дѣти четырехъ лѣтъ, которые работали отъ 12 до 15 часовъ въ день въ зараженномъ и нездоровомъ воздухѣ. Таково положеніе въ Англіи, каково оно должно быть на материкѣ Европы, гдѣ работникъ бѣднѣе и гдѣ объ обличеніи подобныхъ злоупотребленій никто не заботится. Самыя крайнія злоупотребленія могли быть прекращаемы только самыми строгими запрещеніями; но какъ бы далеко ни пошелъ тутъ надзоръ, онъ все-таки можетъ ограничиться только публичными заведеніями; въ нихъ занята только четвертая часть дѣтей, и чѣмъ съ большею рѣзкостью будутъ въ этой сферѣ стѣснять родителей, тѣмъ болѣе дѣтямъ придется переносить дома. Общество несомнѣнно обязано прекратить зло, которое совершается у него на глазахъ; но оно должно помнить, что оно его не прекращаетъ, а только стушевываетъ съ глазъ—тамъ, за кулисами... о Боже!... Въ Германіи для того, чтобы родителей заставлять посылать своихъ дѣтей въ школы, мало было денежныхъ пеней, нужно было прибѣгать къ тюремному заключенію. Какъ тяжко положеніе многосемейныхъ родителей, задавленныхъ конкурренціею, видно изъ того, что родители, которые желаютъ, иногда пламенно желаютъ дать своимъ дѣтямъ какое-нибудь образованіе, подавляемые нуждою, должны ихъ такъ часто

отрывать отъ занятій, что ихъ дѣти, посѣщая школу, ничему не могутъ выучиться. Менѣе нѣжные родители, для избѣжанія штрафа или наказанія, прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ и хитростямъ, отсылая своихъ дѣтей изъ селъ въ города и промышленные центры для заработка,—или подчиняясь принудительной мѣрѣ, смотрѣли на школьное образованіе, какъ на неизбѣжную формальность. Въ 1863 г. во Франціи оказалось, что изъ 657,401 учениковъ, кончившихъ курсъ въ общественныхъ школахъ, только 395,393 научились читать, писать и считать; 262,008 учениковъ почти ничему не научились, 40% изъ всѣхъ учившихся остались безграмотными. Въ Англіи безграмотными оставались подобные ученики послѣ семи и восьми лѣтъ посѣщенія школы. Родители, которые отдаютъ своихъ дѣтей не въ публичное, а въ частное заведеніе, конечно, выказываютъ наибольшую заботливость объ ихъ воспитаніи; мало этого, такимъ образомъ дѣйствуютъ только тѣ изъ родителей, которые пользуются наибольшимъ благосостояніемъ. Однакожъ, въ 1866 году оказалось, что во Франціи изъ числа 958,928 учениковъ, воспитывавшихся въ частныхъ заведеніяхъ, 243,158 были такъ бѣдны, что ихъ родители не могли за нихъ платить. Въ разрядѣ пользующихся большимъ благосостояніемъ, болѣе четверти родителей не могли, слѣдовательно, давать своимъ дѣтямъ никакого воспитанія въ публичныхъ школахъ; число родителей, неспособныхъ давать своимъ дѣтямъ никакого воспитанія, составляло 45% — все это офиціальныя свѣдѣнія наполеоновскаго правительства. Чтобы дѣти могли получать въ школѣ какое-нибудь образованіе, кромѣ безвозмезднаго обученія, нужно было учредить еще школьныя благотворительныя кассы. Родители не въ состояніи были кормить своихъ дѣтей; дѣти должны были, по крайней мѣрѣ, въ значительныхъ размѣрахъ кормить сами себя, а для этого работать. Чтобы у нихъ оставалось свободное время для школы, ихъ нужно было въ извѣстныхъ предѣлахъ кормить. Затѣмъ оказывалось, что дѣти не могли являться въ школу, потому что не имѣли одежды,—ихъ нужно было сначала одѣть; о книгахъ и другихъ школьныхъ потребностяхъ и говорить нечего; они, конечно, ничего подобнаго не могли для себя пріобрѣсти. Мы тутъ совершенно ясно видимъ, какое варварство ограничиваться одними принудительными предписаніями о посылкѣ дѣтей въ школу. Общество обязано входить въ положеніе родителей и помогать имъ.

Сообразивъ все это, самый отъявленный поклонникъ Мальтуса долженъ будетъ согласиться, что дѣти и молодое поколѣніе будутъ въ нормальныхъ условіяхъ для своего развитія только съ распространеніемъ общей жизни въ народѣ. Ничѣмъ теорія воздержанія не опровергается съ большею ясностью, какъ именно этими фактами. Какъ скоро въ народѣ будетъ общая жизнь, то исчезнетъ тотъ стимулъ къ воздержанію, на который мальтузіанцы возлагаютъ всѣ свои надежды, т. е. стремленіе обзавестись сначала порядочнымъ хозяйствомъ, а потомъ жениться,—общее хозяйство будетъ устроено прежде, чѣмъ человѣкъ достигнетъ совершенныхъ лѣтъ. Поддерживать тотъ порядокъ, который существуетъ теперь въ мальтузіанскихъ видахъ, ради цѣлей воздержанія, это значитъ

постоянно приносить дѣтей въ жертву мальтузіанскимъ теоріямъ объ охраненіи благосостоянія дѣтей, отрѣзать себѣ голову для того, чтобы она не болѣла. Ясно, что для спасенія человѣчества отъ упадка нужно придумать что нибудь лучшее, чѣмъ мальтузіанское ученіе. Но какъ скоро мы однажды согласимся, что интересы дѣтей и молодаго поколѣнія могутъ быть обезпечены только тогда, когда совершенно посторонніе люди, всѣ работники рода, всѣ работники общаго дома будутъ участвовать въ ихъ воспитаніи, наравнѣ съ ихъ родителями, то мы очень скоро будемъ вынуждены согласиться и съ тѣмъ, что богатые должны точно такимъ же образомъ участвовать въ воспитаніи бѣдныхъ. Если холостой работникъ жертвуетъ двумя третями своего заработка для воспитанія не своихъ, а чужихъ дѣтей, изъ пятнадцати рублей въ мѣсяцъ десятью, какъ это теперь случается въ нашихъ родовыхъ семействахъ, то покажется весьма несправедливымъ, если богатый человѣкъ на воспитаніе чужихъ дѣтей изъ тридцати тысячъ годоваго дохода пожертвуетъ менѣе двадцати. Покажется даже справедливымъ, чтобы онъ пожертвовалъ болѣе. Въ родовыхъ семействахъ случается, что одинъ членъ, который заработываетъ въ четыре или въ пять разъ болѣе каждаго изъ остальныхъ, даетъ на содержаніе семейства болѣе, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ; тутъ случается совершенно обратное тому, что мы видѣли на примѣрѣ изъ Англіи—относительно своего заработка, онъ жертвуетъ на чужихъ дѣтей въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ каждый изъ остальныхъ на своихъ и чужихъ вмѣстѣ. Въ какомъ же размѣрѣ должны быть жертвы богатаго? Совершенно ясно, что родовой бытъ разрушается и современные порядки установляются именно потому, что богатые удаляются въ свое семейное уединеніе и неизмѣримо возвышаются надъ народомъ. Ясно, что до тѣхъ поръ, пока богатые будутъ поступать такимъ образомъ, страсть проживать какъ можно болѣе на себя будетъ въ народѣ такъ сильна, что она непремѣнно будетъ его толкать на путь индивидуализаціи и будетъ заставлять его стремиться не къ общей жизни, а къ тому, чтобы сваливать воспитаніе дѣтей на однѣхъ женщинъ, какъ это дѣлается въ промышленныхъ центрахъ. Какъ скоро вы однажды поняли это явленіе, вникните въ условія, при которыхъ оно можетъ осуществиться. Возможно въ настоящую минуту, независимо отъ общей жизни, посредствомъ подати или какого нибудь сбора заставить всѣхъ гражданъ государства одинаково участвовать въ воспитаніи и затѣмъ дѣтей этихъ воспитывать одинаково. Механическая сторона дѣла не представляетъ препятствій. Нѣтъ надобности, чтобы всѣмъ народнымъ воспитаніемъ распоряжалась центральная власть,—ей бы съ этимъ не совладать; но еслибы дѣло было децентрализировано, еслибы окончательное распредѣленіе подати принадлежало маленькимъ общинамъ (кварталамъ, деревнямъ) тысячи въ двѣ жителей и неболѣе, еслибы другіе центры — города, кантоны, области, государство занимались только уравненіемъ дохода между общинами, заводили бы лишь высшія школы, а первоначальное воспитаніе предоставляли мелкимъ общинамъ, то при развитомъ самоуправленіи сносное, хотя и не математически точное, осуществленіе спра-

ведливости не встрѣтило бы механическихъ препятствій. Это дало бы для развитія и счастія общества несравненно болѣе благопріятное условіе, чѣмъ существуетъ теперь. Однакоже, ни одинъ государственный человѣкъ, даже въ Соединенныхъ Штатахъ Америки или въ Швейцаріи, не взялся бы за осуществленіе подобной задачи и не взялся бы просто потому, что препятствіе тутъ не механическое, а психологическое—осуществленію плана противудѣйствуетъ неодолимая политическая сила. Все населеніе цивилизованнаго міра въ настоящее время еще такъ мало развито, такъ мало способно жить міровою жизнью, что подобный планъ можетъ теперь встрѣтить сочувствіе только въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ, въ бѣдныхъ работникахъ, наиболѣе обремененныхъ семействомъ; даже между работниками значительное большинство не согласится отдавать треть своихъ заработковъ на воспитаніе дѣтей, а высшіе классы встрѣтили бы подобную подать жгучею ненавистью. Для того, чтобы подобная политическая идея могла возникнуть и прочно утвердиться въ законодательствѣ, идеи и чувства общества должны, конечно, радикально измѣниться. Наши свѣдѣнія о томъ, какъ идеи ростутъ и утверждаются въ обществѣ, дозволяютъ намъ начертить и приблизительную картину этого роста. Убѣжденіе въ нормальности всеобщаго и соотвѣтствующаго съ матерьяльными средствами каждаго участія въ воспитаніи молодаго поколѣнія инстинктивно въ обществѣ, но оно можетъ сохраняться въ немъ въ видѣ самаго неопредѣленнаго убѣжденія. Тогда оно будетъ имѣть только то дѣйствіе, которое оно имѣетъ теперь въ самыхъ лучшихъ изъ европейскихъ обществъ,—оно будетъ ихъ располагать къ развитію народнаго просвѣщенія. Какъ ничтожны результаты этого стремленія, мы уже показывали выше: человѣкъ, который проживаетъ тысячи, едва способенъ дать нѣсколько десятковъ рублей на народное воспитаніе, онъ на войну жертвуетъ въ семь и восемь разъ болѣе, чѣмъ на народное образованіе, на своихъ дѣтей въ пятьдесятъ разъ болѣе, чѣмъ на чужихъ и часто не способенъ жертвовать даже на своихъ, и остается безъ семейства. Какъ скоро убѣжденіе сдѣлается въ обществѣ болѣе глубокимъ и серьознымъ, явится болѣе широкое пониманіе. Когда-то общество не могло перейти отъ дикости къ цивилизаціи, втеченіе многихъ тысячъ лѣтъ, потому что всякій сочувствовалъ только своему племени; общество, разбитое на безчисленное множество мелкихъ племенъ, не было способно возвыситься до сочувствія государству. Чтобы общество могло жить государственною жизнью, необходимо было разбить эти волостныя симпатіи. Только по мѣрѣ того, какъ удавалось заставлять людей сочувствовать государственной, а не уединенной племенной и родовой жизни, условія для прогресса и развитія дѣлались болѣе благопріятными. Точно также теперь нормальное развитіе подрастающаго поколѣнія встрѣчаетъ неодолимое препятствіе въ семейномъ уединеніи и въ прямо вытекающихъ отсюда чувствахъ и воззрѣніяхъ. Человѣкъ матерьяльную свою обстановку, не ту матерьяльную обстановку, которая обезпечиваетъ ему необходимыя потребности, а ту, которая втираетъ въ него искусственныя, ставитъ выше всѣхъ своихъ интересовъ. Такое жалкое неразвитіе,

такая узкость взгляда дѣлается неодолимымъ препятствіемъ для общей жизни между людьми и заставляетъ ихъ стремиться къ уединенію. Между людьми, почти совершенно равныхъ состояній, какая нибудь общая кухня дѣлается источникомъ безконечныхъ грошовыхъ ссоръ. Для того, чтобы люди согласились на общую жизнь, необходимо, чтобы матерьяльныя выгоды отъ этого были слишкомъ велики; даже при самыхъ очевидныхъ матерьяльныхъ выгодахъ у громаднаго большинства людей мелочная жадность, этотъ плодъ самаго жалкаго неразвитія, порождаетъ, при столкновеніи въ общей жизни, такую несносную массу непріятностей, что люди отказываются отъ выгодъ и стремятся къ уединенію. Общая жизнь, не смотря на безусловную выгодность даже въ матерьяльномъ отношеніи, составляетъ самое рѣдкое исключеніе. Даже и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ сходиться между собою только матерьяльно равные съ матерьяльно равными. Матерьяльное неравенство, неравенство богатства дѣлается существеннымъ препятствіемъ даже для простаго знакомства. Интересъ простаго знакомства и дружбы долженъ быть непомѣрно великъ для того, чтобы соединить между собою людей, слишкомъ неравнаго состоянія или слишкомъ неравнаго образованія. Пока такіе взгляды и чувства будутъ существовать, до тѣхъ поръ нормальное отношеніе къ молодому поколѣнію немыслимо и невозможно. Возможно ли разбить тутъ ложное воззрѣніе такъ, чтобы люди разомъ убѣдились и перемѣнили свое направленіе? Очевидно нѣтъ; способность жить міровою жизнью въ нихъ чрезвычайно различна: существуютъ натуры, которыя прямо могутъ убѣдиться и начать осуществленіе своихъ убѣжденій, и на другомъ концѣ существуютъ такія, которыя совершенно неспособны развиваться и будутъ относиться къ развитію враждебно. Наиболѣе способныя натуры прямо могутъ начать осуществленіе развившагося въ нихъ чувства, или онѣ могутъ стремиться осуществить его посредствомъ общества. Если они изберутъ послѣдній путь, то имъ, конечно, придется ограничиться агитаціею—но дѣло и лучше словъ, и не мѣшаетъ словамъ. Слова во всякомъ случаѣ менѣе развиваютъ, чѣмъ дѣло; и всякій человѣкъ, въ которомъ развилось какое-нибудь прогрессивное чувство, очень хорошо это знаетъ. Словами человѣкъ будетъ ограничиваться только тогда, какъ общество такъ легкомысленно и грубо, что оно насиліемъ будетъ уничтожать его прогрессивное начинаніе. Со стороны общества это нетолько грубый, но и легкомысленный образъ дѣйствія, потому что какъ скоро въ человѣкѣ развилась какая нибудь сила, то она будетъ искать осуществленія ея стремленій, и если онъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать свободно, то онъ будетъ стараться дѣйствовать посредствомъ общественной силы, и въ обществѣ будетъ плодиться много взаимной ненависти, безъ которой оно очень легко могло бы обойтись. Примѣръ, подаваемый наиболѣе совершенными натурами, будетъ самая дѣйствительная пропаганда справедливости; онъ, конечно, отразится и на мысляхъ и чувствахъ, распространяемыхъ литературою, и на менѣе совершенныхъ натурахъ. Общественныя чувства и дѣйствія получатъ толчокъ въ этомъ направленіи точно такъ же, какъ и личныя,—общество въ цѣломъ своемъ

составѣ сосредоточитъ несравненно болѣе вниманія на народномъ образованіи. Не измѣняя коренныхъ своихъ чувствъ, общество на этомъ поприщѣ съ участіемъ общественной власти можетъ сдѣлать только очень незначительные успѣхи. Представимъ себѣ, что европейское общество до такой степени стерло съ себя ненормальныя чувства дикой уединенности, что Европа объединилась и что ей осталось только защищать свою цивилизацію отъ дикарей, что вслѣдствіе этого военныя и другія издержки сократились на три четверти, и весь остатокъ былъ бы употребленъ на народное просвѣщеніе. Всякій понимаетъ, что это былъ бы уже огромный прогрессъ. Въ европейскихъ бюджетахъ оставалось бы экономіи 1250 милліоновъ р. сер. въ годъ. Между тѣмъ для того, чтобы все европейское населеніе обучать въ общественныхъ школахъ такъ, какъ у насъ обучаются теперь въ гимназіяхъ, необходимо четыре милліарда, а чтобы обучать его такъ, какъ у насъ обучается образованный классъ, болѣе семи милліардовъ (1). Въ первомъ случаѣ общественные расходы Европы, не смотря на военныя сокращенія, должны были бы возрасти до пяти милліардовъ рублей серебромъ, т. е. возрасти вдвое, а для того, чтобы все населеніе сдѣлать вполнѣ образованнымъ, они должны были бы почти учетвериться. Втеченіе ста лѣтъ европейскій бюджетъ съ шестисотъ съ половиною милліоновъ возросъ почти до трехъ милліардовъ, но относительно населенія онъ увеличился только почти въ два съ половиною раза. Такое увеличеніе совершилось не подъ вліяніемъ какой-нибудь идеи, которая распространялась прессой и укоренялась въ сердцахъ; стимуломъ тутъ служили безпрерывныя завоевательныя попытки и страхъ государствъ утратить свою самостоятельность. Велика ли послѣ этого можетъ быть надежда, что, подъ вліяніемъ идеи о пользѣ и справедливости распространенія знаній, европейцы примутъ на себя издержки въ четыре или въ семь милліардовъ, а между тѣмъ созданіе подобнаго бюджета для народнаго образованія наименѣе затруднительная часть дѣла. Подъ вліяніемъ конкурренціи большинство родителей не будетъ въ состояніи содержать своихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока они окончатъ свое воспитаніе,—придется употребить еще милліарда два на ихъ поддержаніе. Теперь пусть читатель сообразитъ, какъ велико должно быть въ политической жизни значеніе народныхъ массъ для того, чтобы при современномъ настроеніи общества вынудить такое возвышеніе общественныхъ сборовъ. Въ Швейцаріи изъ общественнаго сбора въ девять милліоновъ, народное образованіе поглощаетъ милліонъ съ четвертью; для достиженія нашей цѣли, эта издержка должна быть увеличена еще на 80 м., т. е. общественный расходъ долженъ удесятериться. Если даже принять въ соображеніе, что при такомъ развитіи образованія тотъ же

(1) Разсчетъ сдѣланъ такъ. Въ Россіи обученіе гимназиста или гимназистки стоитъ 80 рублей, студента 375. Въ Европѣ лицъ отъ 10 до 21 года, способныхъ обучаться въ гимназіяхъ и университетахъ, болѣе 60 мил. Если ихъ распредѣлить такъ, какъ въ Россіи распредѣляются гимназисты и студенты, то въ гимназіяхъ окажется болѣе пятидесяти милліоновъ, а въ университетахъ менѣе десяти (у насъ гимназистовъ по стат. вр. 1866 г. 28,790, а студентовъ 5077); для обученія гимназистовъ нужно было бы слѣдовательно болѣе 4000 мил., а для обученія студентовъ менѣе 3750 мил.

самый результатъ можетъ быть достигнутъ съ несравненно меньшими издержками, что издержки эти будутъ сокращены на двѣ трети, то все-таки окажется, что народу придется употреблять 27 м. на одинъ предметъ, т. е. втрое болѣе, чѣмъ употребляется на всѣ общественные расходы. Нетрудно понять, какъ значеніе народныхъ массъ должно усилиться для достиженія такого результата безъ измѣненія современныхъ воззрѣній. Но еслибы оно даже такъ усилилось, то возможно ли ожидать, чтобы при сохраненіи современныхъ воззрѣній народъ пожелалъ употребить свою силу именно такимъ образомъ. Значеніе будетъ имѣть большинство, а это большинство, какъ мы видѣли, состоитъ изъ безсемейныхъ и малосемейныхъ. Въ настоящее время Швейцарія изъ общественныхъ денегъ употребляетъ на общественныя работы, на поощреніе земледѣлія и промышленности и поддержаніе религіи почти въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ на народное образованіе (1). По мѣрѣ того, какъ народъ будетъ пріобрѣтать значеніе, издержки эти будутъ также расти, а такъ какъ онѣ на своей сторонѣ будутъ имѣть несомнѣнное большинство, то онѣ, можетъ быть, будутъ расти даже быстрѣе, и во всякомъ случаѣ онѣ будутъ стѣснять ростъ издержекъ на народное образованіе. Отодвигая такимъ образомъ образованіе молодаго поколѣнія на второй планъ, народъ будетъ гораздо болѣе вредить общему своему развитію и своему счастію, чѣмъ поощрять его, давая предпочтеніе потребностямъ минуты. Отъ устраненія дикаго обыкновенія не давать права политическаго голоса женщинамъ, конечно, можно ожидать весьма благопріятный переворотъ въ этомъ отношеніи, но пусть читатель припомнитъ, что мы главное зерно современныхъ издержекъ—издержки военныя и пр. вовсе оставили въ сторонѣ; совершенно достаточно, если мы вліяніе женщинъ оставимъ въ видѣ противовѣса свирѣпымъ наклонностямъ мужчинъ. Съ 1858 по 1864 г. общественные расходы Швейцаріи увеличились на 50%, а расходъ по народному образованію менѣе, чѣмъ на 10% (2). Если таково положеніе въ Швейцаріи, которая употребляетъ на народное образованіе относительно населенія вчетверо болѣе, чѣмъ Пруссія, то чего же можно ожидать отъ другихъ. Послѣ этого я полагаю вполнѣ ясно, какъ необходимо разбить тѣ воззрѣнія и чувства, которыя служатъ здѣсь неодолимой препятствующей причиной. Разбить ихъ одной словесной пропагандой безусловно невозможно; наглядный примѣръ гораздо убѣдительнѣе отвлеченнаго мышленія. Способность жить міровою жизнью есть источникъ наибольшаго счастья, какъ мы уже показали въ концѣ восьмой главы, это совершенство, оно развивается, какъ и всѣ силы, отъ упражненія. Человѣкъ, который не проявляетъ своихъ совершенствъ, показываетъ, что это въ немъ недоразвившіеся зачатки, а общество, которое не дозволяетъ имъ проявляться и свободно развиваться, показываетъ, что оно само неспособно къ раз-

(1) На народное образованіе милліонъ съ четвертью, а на упомянутые предметы почти три милліона.

(2) По Кольбу въ 1858 г. расходы союза и кантоновъ составляли 24 мил. фр. (въ 1860 г. 26 мил. фр.) расходы на народное образованіе 4.500,000 фр., въ 1864 г. всѣ расходы 36.171,644 фр., на народное образованіе 4.938,947 фр.

витію. По человѣкъ можетъ дѣйствовать иначе, онъ можетъ не прибѣгать къ общей жизни, а отдавать весь свой доходъ, кромѣ необходимаго для его существованія, на поддержаніе школъ и безпомощныхъ дѣтей. Не трудно доказать, что онъ этимъ вовсе не достигнетъ цѣли. Цѣль—развивать въ людяхъ склонность одинаково участвовать въ воспитаніи молодаго поколѣнія, не давать своимъ дѣтямъ нелѣпаго предпочтенія передъ другими и тѣмъ одинаково увеличивать счастье, какъ всѣхъ вмѣстѣ, такъ и каждаго отдѣльно. Послѣ Дарвина нѣтъ никакой надобности объяснять, какимъ образомъ извѣстная способность для своего осуществленія требуетъ сначала большаго напряженія сознанія и воли, затѣмъ, чѣмъ постояннѣе ей представляется случай для своего проявленія и чѣмъ удобнѣе этотъ случай, тѣмъ болѣе облегчается это проявленіе, наконецъ оно дѣлается, какъ говорятъ естественники, инстинктивнымъ, оно уже не будетъ требовать никакого усилія воли и сознанія, и наконецъ даже наслѣдственнымъ. При общей жизни съ вполнѣ однороднымъ удовлетвореніемъ потребностей, способность приносить одинаковыя жертвы для своихъ и чужихъ дѣтей, не смотря на различіе заработковъ, развивается съ малыхъ лѣтъ, и родовой бытъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что она можетъ сдѣлаться инстинктивною. Замѣнить ее болѣе благопріятнымъ условіемъ невозможно, можно только подобныя условія присовокуплять къ ней и совершенствовать ее. Создать политическую силу, при которой въ обществѣ могли бы осуществиться идеи о нормальномъ отношеніи къ молодому поколѣнію, точно также невозможно безъ многочисленныхъ подобныхъ индивидуальныхъ примѣровъ. Въ людяхъ нужно сначала осазательными доказательствами противнаго убить убѣжденіе, что вещи и употребленіе вещей для удовлетворенія искусственныхъ потребностей служатъ для человѣка главнымъ источникомъ счастья и самымъ сильнымъ стимуломъ для дѣятельности; нужно имъ показать, что это убѣжденіе есть въ нихъ просто послѣдствіе недостаточнаго развитія. Лишь только люди будутъ убѣждаться въ величіи и пользѣ идеи, въ благодѣтельномъ вліяніи уравненія состояній, ихъ понятіе о справедливости начнетъ измѣняться и начнетъ проявляться стремленіе участвовать въ великомъ дѣлѣ. Большая готовность платить разовьетъ бюджетъ народнаго образованія и вспомоществованіе многосемейнымъ бѣднымъ. Мы видимъ, какъ въ народахъ проявлялся инстинктъ міровой жизни въ религіозномъ энтузіазмѣ — люди жертвовали для церкви при жизни, вступали въ монашескіе ордена, но всего обильнѣе жертвовали въ завѣщаніяхъ. Ходъ этотъ совершенно естественный: человѣкъ, въ которомъ сила еще недостаточно развита, если не чувствуетъ себя въ состояніи жертвовать при жизни, осуществляетъ свое убѣжденіе хотя въ минуту смерти. Извѣстно, что такимъ образомъ въ рукахъ духовенства могло сосредоточиваться значительное большинство земель и имуществъ страны. Въ Римѣ мы видимъ такую же наклонность давать своему имуществу въ завѣщаніяхъ міровое назначеніе и притомъ нетолько для религіозныхъ, но и для общественныхъ цѣлей. Когда въ Римѣ стало развиваться безвѣріе и узко эгоистическое направленіе, тогда этими завѣщательными

распоряженіями стали сильно тяготиться. Наслѣдники получали такое множество порученій, что нужны были особые законы, которые бы ограничивали завѣщателей. Въ концѣ республики и въ началѣ монархіи та нѣжность, которая обращалась прежде къ общественному дѣлу, стала сосредоточиваться на первостепенныхъ политическихъ дѣятеляхъ людьми, которые сочувствовали ихъ образу мыслей, и они получали по завѣщаніямъ массы наслѣдствъ и легатовъ. Августъ въ одно послѣднее время своего царствованія получилъ чрезъ завѣщательныя наслѣдства до семидесяти милліоновъ рублей. Однакоже такое перенесеніе благочестивыхъ чувствъ съ общества на личности произвело самое неблагопріятное впечатлѣніе. Тиверій прямо долженъ былъ отказаться отъ этого источника дохода, а его наслѣдники за неимѣніемъ подобнаго ключа должны были прибѣгать къ конфискаціямъ. Одушевленіе могло продолжаться только до тѣхъ поръ, пока эти завѣщанія удовлетворяли инстинктамъ міровой жизни, хотя обманчивымъ и ложнымъ путемъ. Это явленіе прямо показываетъ намъ, что преобразованіе отношенія къ молодому поколѣнію начнется именно съ преобразованій въ наслѣдственномъ правѣ. Тутъ для прогресса со стороны личностей требуется наименьшій размѣръ нравственнаго совершенства. Если наслѣдственное право съ того времени, когда люди были еще дикарями и жили родовою жизнью, не сдѣлало ни одного шага впередъ, не смотря на то, что оно послѣ уничтоженія роднаго быта представляетъ уже безсмысленную аномалію, то это объясняется только полнымъ застоемъ, въ которомъ находились втеченіе тысячелѣтій нравственныя понятія. Если дѣти продолжали наслѣдовать послѣ отца, то это объясняется все большимъ семейнымъ уединеніемъ и неправильнымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое возвеличивало людей за роскошь и богатство. Дѣти, которые съ малыхъ лѣтъ были окружены извѣстной роскошью и за это, прямо во вредъ обществу, возвеличивались общественнымъ мнѣніемъ, должны были почувствовать себя весьма несчастными, если они по смерти отца не могли жить по прежнему. Чтобы наслѣдство дѣтей измѣнилось, не встрѣтивъ въ обществѣ неодолимаго сопротивленія, необходимо было съ одной стороны, чтобы общественное мнѣніе усовершенствовалось, а съ другой, чтобы родители перестали окружать своихъ дѣтей искусственными потребностями. Такой переворотъ могъ совершиться только послѣ разрушенія нравственнаго застоя и прогресса въ нравственныхъ понятіяхъ. Но на чемъ основано наслѣдованіе другихъ родственниковъ? Когда существовалъ родовой бытъ, тогда оно имѣло основаніе въ родовыхъ понятіяхъ и въ общей родовой жизни, но родовой бытъ часто уничтожался уже на очень низкой степени развитія, и тогда для этого порядка наслѣдованія не было уже никакого основанія. Если, не смотря на это, онъ продолжалъ существовать, то источникомъ для него служила съ одной стороны потребность передавать имущество въ частное владѣніе. Государства и общины считались плохими торговцами и промышленниками, въ частныхъ рукахъ эксплуатація шла гораздо дѣятельнѣе. Это была причина настолько же основательная, какъ и та, по которой имущество доставалось отъ родителей дѣтямъ. Но если было основаніе

передавать имущество въ частныя руки, то не было никакого основанія передавать его родственникамъ. Причина заключалась тутъ въ самомъ зловредномъ изъ чувствъ, господствующихъ въ нашемъ обществѣ, въ презрѣніи, которое богатая и интеллигентная часть общества питала къ своимъ согражданамъ. Эти нелѣпыя чувства постоянно питались увѣреніями въ мнимой противуположности интересовъ различныхъ классовъ, соціальной и политической безтактностью. Въ нашемъ обществѣ при томъ соціально-экономическомъ положеніи, въ которомъ оно находится, естественные наслѣдники бездѣтнаго ремесленника, фабриканта и землевладѣльца — это не его двоюродные братья, а его работники и земледѣльцы, естественные наслѣдники купца—это его прикащики. Даже при жизни положеніе всякаго бездѣтнаго землевладѣльца и капиталиста будетъ гораздо счастливѣе, когда его прикащики и работники, сношенія съ которыми наполняетъ его жизнь, будутъ смотрѣть на себя, какъ на его наслѣдниковъ. Они сдѣлаются охранителями его интересовъ, въ то время какъ теперь его двоюродные племянники только сторожатъ его смерть. Естественные наслѣдники бездѣтныхъ людей, которыхъ имущество состоитъ изъ предметовъ, не требующихъ особенныхъ способностей для ихъ эксплуатаціи, напр. изъ государственныхъ бумагъ, акцій, домовъ и пр., это многосемейная часть общины. Механическая часть такого права наслѣдованія менѣе всего способна представлять неодолимыя затрудненія. Равномѣрность тутъ конечно невозможна, необходимо будетъ зарапѣе опредѣлить цѣнность наслѣдственной единицы, болѣе и менѣе которой никто изъ подобныхъ наслѣдниковъ не можетъ получить, и за тѣмъ установить порядокъ очереди или жеребья. Если возможно было распредѣлить неравномѣрную по своему существу рекрутскую повинность, то почему невозможно распредѣлить столь же неравномѣрное наслѣдство. Наслѣдство всегда служило однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій, посредствомъ котораго имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, сосредоточивалось сильными въ своихъ рукахъ. Когда нельзя было отбирать просто силою и общими распоряженіями, когда нельзя было провозглашать все слабое населеніе рабами, тогда прибѣгали къ законамъ о наслѣдствѣ, чтобы обирать имущество. Послѣ члена рода наслѣдовалъ родъ, «Пусть родъ его возметъ», говорится въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Когда родъ разростался въ кланъ, тогда начальникъ клана пріобрѣталъ все имущество и сосредоточивалъ его въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ хотѣлъ, или распредѣлялъ его по произволу. Яковъ распредѣлилъ все имущество своего клана, съ принадлежащими къ нему людьми, между своими сыновьями, Авраамъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ въ своемъ кланѣ и его имуществѣ сына слуги своего, Елизара Даже у грековъ дочери передавались по наслѣдству вмѣстѣ съ имуществомъ. У римлянъ богатые и сильные дѣлались наслѣдниками слабыхъ, и такимъ образомъ быстро сосредоточивались имущества. Во всѣхъ древнихъ законахъ о наслѣдствѣ до такой степени отражается преобладаніе кланныхъ властолюбивыхъ цѣлей, что за ними даже семейная связь исчезаетъ и превращается въ ничтожество, наслѣдникъ пріобрѣтаетъ не имущество, а власть, кланъ; по

наслѣдству переходятъ не вещи и вещныя права, а familia, т. е. область господства воли въ кланѣ, люди и вещи ей подчиненные; familia (римская идея семейства) тутъ не наслѣдникъ, а предметъ наслѣдства. Централизующая сила наслѣдства старается захватить и то, что выходитъ вонъ изъ клана, и установляетъ наслѣдство патрона послѣ свободнаго человѣка. Наслѣдующіе дѣти должны составлять меньшинство, наслѣдующіе родо – и клановачальники—большинство случаевъ. Тамъ, гдѣ нельзя достать наслѣдства ни кланной связью, ни патронатомъ, завѣщаніе должно служить для этой цѣли, и родители вынуждены назначать сильныхъ своими наслѣдниками, чтобы хотя отчасти оградить своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Втеченіе среднихъ вѣковъ по мѣрѣ того, какъ рабство дѣлалось все болѣе ненавистнымъ учрежденіемъ, высшія сословія сосредоточивались на наслѣдствѣ. Утрачивая власть надъ личностью и надъ ея имуществомъ при ея жизни, аристократы старались завладѣть этимъ имуществомъ послѣ смерти. Исторія среднихъ вѣковъ наполнена жалобами на законныя и противузаконныя притязанія высшихъ сословій на наслѣдство, оставшееся послѣ лицъ, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ. Тамъ, гдѣ высшіе не могли опираться на законъ, они завладѣвали наслѣдствомъ простыхъ людей, пользуясь фактическою своею силою, и затѣмъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ объявляли это обычнымъ правомъ. Тяжбамъ, мѣстнымъ возстаніямъ, порождаемымъ этими захватами, не было конца, они служили главнымъ стимуломъ для такихъ явленій, какъ, напр., крестьянская война. Тамъ, гдѣ высшіе не могли завладѣвать всѣмъ наслѣдствомъ, они брали съ него сборы на основаніи бывшаго своего права на наслѣдство. Порядокъ наслѣдованія, который сосредоточиваетъ имущество въ рукахъ немногихъ, уже самъ по себѣ вреденъ, но это направленіе дополнялось еще болѣе жалкимъ: имущество сосредоточивалось нетолько прямо въ рукахъ немногихъ частныхъ лицъ, но еще у различныхъ привилегированныхъ корпорацій и обществъ монополистовъ съ исключительною цѣлью, чтобы дать возможность распорядителямъ этихъ обществъ незаконно наживаться. Такимъ путемъ имущество нетолько къ крайнему вреду для общества сосредоточивалось въ немногихъ рукахъ, но въ еще большихъ размѣрахъ погибало безплодно для кого бы то ни было. Подобными законами о наслѣдствѣ отличалась уже римская имперія: тамъ нетолько наслѣдство сосредоточивалось, но наслѣдовалъ фискъ куріи, различныя привилегированныя коллегіи корабельщиковъ, ремесленниковъ, когорты, легіоны, конница и наконецъ церковь. Наслѣдственное право, для того чтобы оно было дѣйствительно полезно, не должно сосредоточивать имущество въ немногихъ рукахъ, на основаніи какихъ нибудь нелѣпыхъ, неизгладившихся еще послѣ исчезновенія родоваго быта родовыхъ предразсудковъ, или изъ пристрастія къ привилегированнымъ лицамъ и корпораціямъ, оно должно быть раціональное, оно должно распредѣлять имущество между наиболѣе нуждающимся, потому что только тогда оно получитъ самое экономическое и раціональное употребленіе. Совершенно естественно, что съ возрастаніемъ значенія народной массы движеніе, которое вело къ сосредоточенію имущества, должно сдѣлаться

обратнымъ. Наслѣдство—это мощная централизующая и децентрализующая сила, оно можетъ сдѣлаться ею при настоящемъ направленіи цивилизаціи. Нетрудно понять, что одного дальнѣйшаго уничтоженія сословныхъ предразсудковъ въ томъ направленіи, которое принято Европою къ концѣ XVIII вѣка, достаточно, чтобы уничтожить наслѣдство всякихъ родственниковъ и другихъ лицъ и пр., кромѣ родныхъ дѣтей, и перенести его на дѣтей многосемейныхъ въ народной массѣ; примѣръ ограниченій, которымъ подвергались младшіе дѣти въ аристократическихъ семействахъ, которымъ подвергались дочери всѣхъ сословій, хотя бы, напр., въ Россіи, показываетъ продолжительность времени, втеченіе котораго подобные ограничивающіе наслѣдство дѣтей законы дѣйствовали вполнѣ и безпрепятственно, показываетъ въ какихъ значительныхъ размѣрахъ наслѣдство дѣтей можетъ быть съ успѣхомъ ограничено безъ всякаго измѣненія въ самомъ существѣ цивилизаціи. Если общественное мнѣніе, отдавая предпочтеніе мужчинѣ передъ женщиною, могло дать такую твердость закону о четырнадцатой части дочери, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно съ такою же легкостью можетъ установить четырнадцатую часть сына, для этого давленіе общественнаго мнѣнія вовсе не должно быть сильнѣе. Чтобы это понять, чтобы не преувеличивать препятствіе, которое въ этомъ случаѣ способно будетъ представить пристрастіе къ собственнымъ дѣтямъ, стоитъ вспомнить, что общественное мнѣніе втеченіе столькихъ столѣтій и до сихъ поръ заставляетъ многочисленное католическое духовенство признавать всѣхъ дѣтей своихъ незаконными. Если пристрастіе къ своимъ дѣтямъ такъ слабо, что оно не могло помѣшать такому вліятельному, иногда самому вліятельному классу въ обществѣ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія вовсе отрекаться отъ своихъ дѣтей, то можетъ ли оно помѣшать при томъ же условіи, напр., ограниченію наслѣдства четырнадцатою частью. Очень нетрудно понять, что развитіе законодательства о наслѣдствѣ въ этомъ направленіи составляетъ неизбѣжную судьбу нашего времени и что общественное мнѣніе будетъ все болѣе способствовать ему. Но вся суть дѣла въ томъ, что если общее настроеніе и чувства останутся такими, какими они теперь, или будутъ продолжать идти въ направленіи постоянно разростающагося обожанія богатства, то развитіе это будетъ трудно, будетъ связано съ тяжкой борьбой и можетъ расплодить такъ много ненависти, что наконецъ погубитъ цивилизацію. Во всякомъ случаѣ оно будетъ совершенно ненормальное и пройдетъ сквозь рядъ уродливостей. Чтобы этого не было, чтобы нравственная узкость не могла запрудить развитія и сдѣлать его болѣзненнымъ, для этого необходимо, чтобы наиболѣе совершенныя натуры вполнѣ проявляли свое совершенство на дѣлѣ и осязательно показывали, въ какомъ направленіи человѣкъ можетъ найти для себя наибольшее счастье. Осязательно убѣждая людей въ солидарности ихъ интересовъ, совершенныя натуры должны убивать въ общественномъ мнѣніи тѣ ложные идеалы, которые, порождая злѣйшее реакціонерство, постоянно мѣшаютъ людямъ нормально и мирно развиваться. Какъ необходимо для совершенныхъ натуръ служить нормой и давать закалъ обще-

ственному мнѣнію, оказывается уже послѣ перваго шага, который сдѣланъ обществомъ въ новомъ направленіи.

Мы видимъ въ настоящее время въ передовыхъ обществахъ все въ большихъ размѣрахъ введеніе подати съ наслѣдствъ, и это считается крайне прогрессивнымъ направленіемъ. Но какъ же тѣ, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ, не подумаютъ, что усиливая этимъ путемъ государство, они гораздо болѣе развиваютъ заносчивую политику, чѣмъ цивилизацію. Подать съ наслѣдствъ безъ сомнѣнія весьма полезное и прогрессивное учрежденіе, но она должна быть употреблена исключительно на развитіе народнаго образованія и на вспомоществованіе многосемейнымъ. Въ этомъ видѣ она будетъ гораздо правильнѣе удовлетворять инстинктамъ міровой жизни, и симпатія къ ней будетъ развиваться гораздо сильнѣе. Вообще съ какой стороны мы бы не стали разсматривать права наслѣдованія, мы увидимъ, что правильный и нормальный взглядъ тутъ можетъ установиться гораздо легче и быстрѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ отношеній къ молодому поколѣнію; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первые и наиболѣе значительные успѣхи будутъ дѣлаться именно здѣсь; но если ложные *идеалы и чувства* не будутъ искоренены, то изъ этого все-таки ничего не выйдетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какимъ образомъ человѣкъ вредитъ себѣ узкостью. — Этруски, сабиняне и римляне. — Какимъ образомъ онъ будетъ вредить себѣ узкостью и при болѣе совершенныхъ формахъ жизни; когда онъ избѣгнетъ этого.

Въ древней Италіи жили другъ возлѣ друга этруски, сабиняне и римляне. У этрусковъ стремленіе возвеличивать человѣка за роскошь, блескъ и богатство проявлялось всего сильнѣе, поэтому тамъ организовалось могущественное высшее сословіе, стоявшее надъ рабски униженной массой населенія. Это высшее сословіе было интеллигентное, и сравнительно никакъ нельзя сказать, чтобы оно было грубое и безчеловѣчное. Этруски оставили по себѣ многочисленные памятники роскоши и развитаго, утонченнаго вкуса, но ихъ памятники выгодно отличаются отъ египетскихъ своей цѣлесообразностью и полезностью. Не смотря на это, они все таки лежали тяжелымъ ярмомъ на народѣ. Народъ менѣе всего видѣлъ въ своей организаціи для себя источникъ благополучія. Это очень хорошо понимали сабиняне и сабеллы, но они не могли напасть на мысль, что для избѣжанія этого зла нужно перестать возвеличивать человѣка за роскошь и богатство, а нужно его поощрять къ нормальной полезной жизни, нужно воспитывать общество такимъ образомъ, чтобы по возможности каждый членъ, а каждый вліятельный членъ не-

премѣнно чувствовалъ солидарность между своимъ собственнымъ счастьемъ и общимъ благомъ. Они полагали возможнымъ избѣгнуть зла, удержавъ прежніе идеалы и воззрѣнія, но только посредствомъ организаціи своей, поставляя каждаго члена въ такое положеніе, чтобы онъ не могъ слишкомъ возвыситься надъ другими. Это однакоже привело ихъ къ тому, что они раздробились на самыя мелкія общины. Они дѣйствительно достигли своей цѣли—народъ пользовался свободой и былъ страстно преданъ ей. Они не оставили послѣ себя никакихъ роскошныхъ сооруженій, никакихъ произведеній искусства, никакихъ вазъ и драгоцѣнностей, зарытыхъ въ могилахъ. Что они не могли сохранить въ своей средѣ нормальныя отношенія иначе, какъ раздробляясь на мельчайшія общества, видно изъ того, что тамъ, гдѣ они являлись завоевателями, у нихъ тотчасъ появлялась и роскошь и наклонность давить. Опасеніе подпасть подъ гнетъ заставляло колоніи и метрополіи постоянно отдѣляться другъ отъ друга. Но чрезъ это онѣ были крайне слабы, легко могли сдѣлаться добычею сильнаго врага и сверхъ того не могли развиваться и цивилизоваться. Римляне хотѣли одинаково избѣгнуть и слабой стороны этрусковъ, и слабой стороны сабинянъ. Они напали на образъ дѣйствія болѣе раціональный, они признавали роскошь вредною, но все таки человѣкъ у нихъ возвеличивался за нее, и вмѣстѣ съ тѣмъ они въ такой же степени уменьшили свое уваженіе къ развитію и цивилизаціи, и кромѣ того человѣкъ тѣмъ болѣе увеличивался у нихъ за расширеніе предѣловъ своей власти. Римскій богатый человѣкъ жилъ просто, раздавалъ свои земли даромъ, нигдѣ гонимый человѣкъ не находилъ для себя такъ легко обезпеченіе и пріютъ, какъ въ Римѣ; населеніе и могущество общества возрастало быстро. Оказалось, что такія чувства и такое міровоззрѣніе тотчасъ же дали возможность проломить брешь въ условіяхъ ихъ общественной жизни и остановить ея ростъ. Цари, чтобы возвыситься надъ аристократіей, не только завладѣвали лично для себя значительными землями и ставили живущее на нихъ населеніе въ болѣе благопріятное условіе, чѣмъ другіе аристократы, но они создавали совершенно самостоятельный классъ мелкихъ собственниковъ, изъ которыхъ старались организовать общину, представлявшую противовѣсъ аристократіи. Такъ какъ роскошь признавалась только вредною въ политическомъ отношеніи, человѣкъ такъ же, какъ у этрусковъ, возвышался за нее, то аристократы ревниво наблюдали, чтобы ихъ зависимые люди не поднялись надъ ними своею роскошью. Самостоятельные мелкіе собственники, созданные чрезъ вліяніе царей, были въ этомъ отношеніи въ другомъ положеніи и прямо стали пользоваться имъ, чтобы возвеличиваться надъ зависимыми людьми аристократіи. Но чрезъ это явилось двоякое направленіе въ обществѣ: одно аристократическое, которое проповѣдывало о вредѣ роскоши, но носило въ своемъ сердцѣ неизгладимое противорѣчіе, потому что аристократъ всетаки возвышался выставкой своего богатства и въ видѣ униженія требовалъ большую простоту отъ своего подвластнаго,—другое демократическое, гдѣ бѣдность вовсе не признавалась добродѣтелью, и человѣкъ прямо возвышался за роскошь; послѣдовательное раза

витіе этой симпатіи приводило къ еще большому противорѣчію. На этомъ основаніи, цари прямо возвышались за роскошь и дѣйствовали точно такъ же, какъ этруское высшее сословіе, они дѣлали величественныя сооруженія и т. д. Аристократія чувствовала, какъ опасно для нея это направленіе и какъ легко оно можетъ сорвать ее съ пьедестала. Вотъ почему она старалась ослаблять всѣми средствами тѣ демократическіе элементы, на которые опирались цари. Орудіемъ для этого имъ служили законы о займѣ. Пользуясь нуждою народною, а, можетъ быть, отчасти и эпикурейскимъ его направленіемъ, они наполняли свои тюрьмы независимыми людьми, присужденными имъ за долги, и обращали ихъ въ людей зависимыхъ, которыхъ заставляли слѣдовать своему направленію. Этимъ они ослабляли силу враждебнаго имъ направленія, опиравшагося на плебеевъ. Но цари, конечно, прямо противодѣйствовали этому, увеличивали число самостоятельныхъ плебеевъ и прямо воспрещали закабаленіе ихъ за долги. Это довело до крайней ненависти и до отчаянной схватки между этими двумя могучими силами. Внутренняя рознь порождала слабость и должна была заставить римскую аристократію усомниться въ достоинствахъ своего направленія. Такъ какъ величіе общины было первою и господствующею между ними идеею, то это привело къ компромиссу. Царь сохранилъ свое этруское направленіе, далъ аристократіи свободу закабалять населеніе, и общими силами налегая на народъ, обѣ власти старались возвеличиться побѣдами и внѣшнимъ могуществомъ. Въ окончательномъ результатѣ, слѣдовательно, восторжествовало этруское направленіе, но чрезъ это аристократія разомъ утратила свое нравственное значеніе, свое вліяніе на умы, и царь могъ ею помыкать, какъ своими рабами. Однакоже прежняя строгая жизнь развила и въ аристократіи, и въ народѣ слишкомъ много энергіи для того, чтобы безъ сопротивленія подчиниться этрускимъ нравамъ, и высшіе и низшіе соединились въ общемъ усиліи и сбросили съ себя ярмо. Этруское вліяніе отступилось не вдругъ и не безъ борьбы, однакоже они его всетаки выбросили изъ себя. Совокупное усиліе, которое пришлось сдѣлать и высшимъ и низшимъ, оживило общину небывалой здравостью. Законы, дозволяющіе кабалить за долги, были отмѣнены, народъ былъ надѣленъ землею, явился консулъ плебей, плебеи принимались въ сенатъ, ихъ политическія права и въ особенности права по суду были расширены, косвенные и прямые налоги уменьшены и т. д. Но это была революція, произведенная народомъ, она нетолько не соотвѣтствовала убѣжденіямъ аристократовъ, но навела на нихъ страхъ. Однакоже нравственное впечатлѣніе этого переворота было таково, что прежній взглядъ о вредѣ стремленія къ роскоши снова получилъ рѣшительный перевѣсъ, эфектныя постройки и дорогія сооруженія прекратились. Считать роскошь вредною или понимать, что наибольшее счастье для каждаго заключается въ солидарности интересовъ всего населенія—это большая разница. Не смотря на то, что патриціи были убѣждены во вредѣ роскоши, они считали свои интересы и интересы народа прямо противуположными,—въ то время, когда народъ видѣлъ свое счастье въ самостоятельности, они всячески старались его за-

кабалить и подчинить себѣ и въ этомъ видѣли самый обильный источникъ величія и счастья. Что же вышло изъ всего этого? Сабиняне утратили свою самостоятельность, этруски тоже, римляне росли изъ вѣка въ вѣкъ, но приготовили ли они себѣ нормальныя условія для своего развитія и счастья? Мы тутъ видимъ очень наглядно, что какъ скоро члены общества такъ плохо воспитываются, что они не понимаютъ солидарности своихъ интересовъ, но всетаки одушевлены такимъ духомъ самостоятельности, что низшіе удерживаютъ высшихъ силою отъ эксплуатаціи, то общество можетъ представлять изъ себя увлекательную картину свободы, но нормальное развитіе въ немъ невозможно; оно должно погибнуть или отъ того, что оно будетъ постоянно расталкиваться, или отъ того, что взаимная ненависть въ немъ разростется до самыхъ уродливыхъ размѣровъ. Если члены общества не понимаютъ солидарности своихъ интересовъ, но массы населенія податливо жертвуютъ своей самостоятельностью и своей трудовой силой въ пользу высшихъ, то общество можетъ представлять нѣкоторое время цвѣтущій видъ, блистать роскошью, развитіемъ промышленности и вкуса, но оно всетаки обречено на погибель, потому что самое развитіе вкуса и ненормально высокое значеніе, которое будетъ придаваться искусственнымъ потребностямъ, породитъ въ обществѣ до того противорѣчивыя стремленія, что непримиримыя чувства и взаимная ненависть должны будутъ наконецъ остановить развитіе. Если общество подобно римскому: если съ одной стороны высшій классъ боится попасть въ ошибки своихъ сосѣдей и отличается нѣкоторымъ самообладаніемъ, что видно нетолько изъ образа жизни патриціевъ, но и изъ такихъ явленій, какъ внезапное охлажденіе патриціевъ къ Аппію Клавдію, когда начались народныя волненія, и если въ тоже время массы отличаются нѣкоторой податливостью, то ненависть въ обществѣ будетъ разростаться не такъ сильно, оно можетъ оказаться наиболѣе крѣпко сцементированнымъ и брать верхъ надъ своими сосѣдями; но одна потребность въ податливости со стороны массъ показываетъ уже, что въ немъ не ростетъ сознаніе солидарности своихъ интересовъ, и развитіе его будетъ неизбѣжно ненормальнымъ. Въ своей воздержности римскій патрицій не видѣлъ источникъ наибольшаго для себя счастья, онъ видѣлъ въ ней орудіе своего властолюбія, и это до того исказило его развитіе, что оно было вовсе неспособно привести его къ максимуму счастья. Еслибы римскій патрицій стремился къ умѣренности, какъ къ источнику наибольшаго счастья, то неизбѣжно долженъ былъ бы понимать, что она такимъ источникомъ можетъ сдѣлаться тогда, когда онъ будетъ все болѣе и болѣе дѣлаться способнымъ жить не своею личною, а міровою жизнью, удовлетворять своимъ инстинктамъ міровой жизни, а не обманывать ихъ. Эта же способность будетъ у него возростать только тогда, когда онъ будетъ развиваться умственно и нравственно. При такомъ положеніи его направленіе сдѣлалось бы для него дѣйствительно источникомъ и наибольшаго развитія, и наибольшаго счастья. Но онъ этого не понималъ, его воззрѣнія на жизнь не измѣнились, ему по прежнему казалось, что человѣкъ неизбѣжно долженъ возвеличиваться

роскошью, богатствомъ и властью; но ему казалось, что, устремляясь разомъ къ достиженію этихъ цѣлей, общество слишкомъ ослабляетъ себя и теряетъ все, а потому гораздо благоразумнѣе ему отказаться отъ роскоши и стремиться къ одной власти. Но именно потому, что онъ смотрѣлъ такимъ образомъ, онъ чувствовалъ потребность искусственно подавлять стремленіе къ роскоши. Онъ замѣчалъ, что никто такъ не воспѣваетъ людей за роскошь, какъ интеллигенція, что какъ скоро человѣкъ подпадаетъ вліянію этой интеллигенціи, начинаетъ учиться и развиваться, то стремленіе къ роскоши въ немъ быстро разростается, но онъ не былъ въ состояніи понять, что это недостатокъ интеллигенціи, что это происходитъ отъ того, что она развивается только умственно, а не нравственно. И вотъ вмѣсто того, чтобы стремиться къ этому развитію всѣми силами, онъ сталъ бояться этого развитія. Хотя затѣмъ онъ завоевалъ полміра, но этимъ онъ менѣе всего обезпечилъ себѣ путь къ счастью. Онъ нетолько не развивался, но утратилъ даже способность самостоятельно развиваться. Въ сущности онъ пришелъ къ тому же типу соціальныхъ отношеній, который господствовалъ у этрусковъ, но неспособенъ былъ даже достигнуть до того, до чего они достигли, т. е. создать цивилизацію съ типически своеобразнымъ характеромъ, цивилизація его напускная, и онъ не былъ способенъ вести ее далѣе. Онъ былъ затопленъ массою награбленныхъ сокровищъ, а между тѣмъ эти сокровища только развивали его грубость и увеличивали его нравственное паденіе. Если мы сравнимъ, какъ поступили патриціи первыхъ временъ республики, когда взволновался народъ при видѣ закабаленнаго страдальца, и какъ держало себя высшее сословіе, когда при Неронѣ вели на казнь четыреста рабовъ, женщинъ и дѣтей за то только, что они находились подъ одной крышей съ извергомъ, префектомъ города, который безъ всякаго ихъ участія былъ убитъ рабомъ, и когда это возмутительное зрѣлище взволновало римское насесеніе, тогда мы поймемъ, какъ былъ жалокъ и грубъ римлянинъ этихъ временъ—вкусъ въ немъ развился на счетъ всѣхъ другихъ способностей, да и то только самый грубый вкусъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ эти явленія, тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться, что и человѣкъ, и народъ могутъ нормально развиваться только тогда, когда они будутъ проникнуты идеею о солидарности человѣческихъ интересовъ и будутъ понимать, что они могутъ развивать собственное свое счастье, только дѣйствуя на общую пользу. Какъ скоро люди, убѣждаясь въ благодѣтельности равномѣрнаго распредѣленія богатствъ, перейдутъ за предѣлъ, гдѣ ихъ дѣятельность для осуществленія этого убѣжденія вовсе или почти не касалась ихъ личнаго положенія, стремленіе къ узкости неизбѣжно должно будетъ постоянно проявляться. Пока это убѣжденіе остается въ человѣкѣ одной теоретической идеей, запавшей въ его душу, пока онъ будетъ его осуществлять только въ завѣщаніяхъ, посредствомъ подати съ наслѣдствъ и т. д., онъ можетъ дѣйствовать довольно энергически и при слабомъ развитіи. Но какъ скоро онъ выступитъ за эту черту и покусится на дѣйствительную общую жизнь, то для него будетъ чрезвычайно легко впадать въ такія же заблужденія, въ какія впадалъ римлянинъ. Общая

жизнь между высшими и низшими легче осуществима, чѣмъ общая жизнь между равными на томъ же самомъ основаніи, почему аристократическому клану и аристократическому государству легче составиться, чѣмъ демократическому. Люди богатые и бѣдные, изъ которыхъ одни нуждаются въ помощи, а другіе въ почетѣ, гораздо легче соединятся, чѣмъ равные; при этомъ съ сравнительной легкостью возможно будетъ достигнуть и того, что человѣкъ не будетъ давать предпочтенія своимъ дѣтямъ передъ другими; если онъ будетъ пожинать за это лавры отъ всѣхъ дѣтей и обитателей своего клана и отъ общественнаго мнѣнія, то онъ легко устранитъ маленькую оппозицію, даже еслибы эта оппозиція шла отъ его жены и отъ его дѣтей. Но въ недостаточно развившемся обществѣ человѣкъ легко можетъ сдѣлать для себя изъ этого узкое стремленіе къ ложному величію. Онъ будетъ стремиться не развивать людей, а ставить ихъ отъ себя въ зависимость. Верхушки этого общества еще болѣе возвысятся надъ массами, чѣмъ онѣ возвышаются теперь, не смотря на то, что у нихъ не будетъ господствовать никакой наслѣдственности, потому что онѣ не будутъ давать дѣтямъ своимъ никакого преимущества передъ другими. Къ преимуществамъ богатства, интеллектуальной силы и интеллектуальнаго развитія присоединится еще нравственное развитіе, высокое самообладаніе, честность и годность, а массы будутъ видѣть въ нихъ несравненно болѣе величія и совершенства, чѣмъ въ современныхъ высшихъ классахъ, они будутъ смотрѣть на нихъ несравненно болѣе снизу вверхъ, чѣмъ теперь. Подобное общество точно такъ же можетъ взять верхъ надъ современными государствами, какъ Римъ надъ своими сосѣдями, и поглотить ихъ въ себѣ. Не подлежитъ, однакоже, никакому сомнѣнію, что и это общество также не даетъ нормальныхъ условій для развитія своего и человѣческаго счастья. Пока сильные будутъ стремиться подчинять себѣ какимъ бы то ни было путемъ слабыхъ, до тѣхъ поръ они будутъ стараться ослаблять и водить по ложнымъ путямъ, а не развивать этихъ слабыхъ. Въ обществѣ будетъ идти совершенно законная борьба изъ-за самостоятельности, мало этого, слабые будутъ увлекаться чувствами сильныхъ и ставить себѣ ложные идеалы, а потому сами не будутъ развиваться. А сильные, въ свою очередь, не будутъ развиваться отъ того, что они никакъ не будутъ въ состояніи видѣть свое счастье въ искренней дѣятельности, направленной къ общему благу, они всегда будутъ хитрить, подобно римскимъ патриціямъ, а чрезъ это будутъ грубѣть и дѣлаться односторонними, вмѣсто того, чтобы развиваться. Нормальное условіе для развитія общества явится только тогда, когда, послѣ ряда печальныхъ опытовъ, значительное большинство сильныхъ и, по крайней мѣрѣ, большинство массъ будутъ вполнѣ понимать, что искренняя дѣятельность на общую пользу и для общаго развитія, солидарность человѣческихъ интересовъ—это самое благопріятное условіе для личнаго счастья каждаго.

Мы только начали, мы разсмотрѣли только отношеніе къ молодому поколѣнію, но пусть же читатель сравнитъ нормальный взглядъ на дѣло съ тѣмъ, который господствуетъ въ западно-европейской цивилизаціи, и пусть онъ рѣшитъ—можно ли ее назвать, хотя бы даже въ этомъ отношеніи, сознательною? Не ясно ли, какъ день, что она тутъ вполнѣ сбита съ толку? Мы видимъ тутъ очень ясно, что европейская цивилизація, не смотря на значительное свое умственное развитіе, даже и не принималась за дѣло развитія нравственнаго. Мы ее находимъ тутъ въ той же сферѣ инстинктивныхъ, неразгаданныхъ и неоплодотворенныхъ раціональнымъ развитіемъ побужденій, въ которой вращаются даже и дикари; къ прогрессу не сдѣлано и перваго шага. Всѣ улучшенія, которыя мы видимъ кругомъ насъ, это плодъ умственнаго развитія и того безсознательнаго смягченія нравовъ, съ которымъ мы встрѣчаемся во всѣхъ цивилизаціяхъ, начиная отъ самыхъ древнихъ, въ тѣхъ азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ цивилизаціяхъ, на которыя европейцы смотрятъ свысока и съ такой заносчивостью, безъ малѣйшаго на то права, потому что они не сдѣлали ничего лучшаго. Если припомнить, какъ всѣ предшествующія цивилизаціи, не смотря на умственное свое развитіе, погибали именно и исключительно чрезъ отсутствіе раціональнаго развитія нравственныхъ силъ, то заслуга современной европейской цивилизаціи, по сравненію съ предшествующими, будетъ равняться, если не нулю, то величинѣ очень близкой къ ничтожеству—она точно такъ же, какъ и ея предшественницы, не учитъ людей жить, создающею солидарность между ними, міровою жизнью; она не развиваетъ въ нихъ той силы, которая для каждаго человѣка можетъ сдѣлаться источникомъ наибольшаго счастья; между тѣмъ до тѣхъ поръ, пока люди этому не научатся, они не будутъ исполнять своего назначенія и будутъ только уменьшать и собственное свое, и чужое счастье. Могутъ ли считаться цивилизованными и нравственно развитыми тѣ, которые видятъ, что девять десятыхъ земной суши нуждаются въ заселеніи, и которые все-таки утверждаютъ, что людямъ для того, чтобы жить, нужно бороться между собою за существованіе, а не помогать другъ другу? Пусть ихъ самолюбіе возстаетъ противъ этого сколько имъ угодно, а я всетаки имъ скажу, что ихъ цивилизація не сознательная, — варварская!